

Учреждение образования
«Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина»

**УГОЛОВНАЯ ЮСТИЦИЯ:
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО, ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА**

Сборник научных статей

Брест
БрГУ имени А. С. Пушкина
2019

ББК 67.9
У 26

*Рекомендовано редакционно-издательским советом Учреждения образования
«Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина»*

Редакционная коллегия:

Е. А. Коротич (отв. ред.), **Г. И. Займист**, **В. В. Марчук**,
Д. В. Шаблинская, **И. С. Яцуга**, **Л. В. Павлова**

Рецензенты:

кандидат юридических наук, доцент **В. В. Лосев**
кандидат юридических наук, доцент **Р. Н. Ключко**

У 26 **Уголовная юстиция: законодательство, теория и практика :**
сб. науч. ст. / Брест. гос. ун-т им. А. С. Пушкина ; редкол.:
Е. А. Коротич (отв. ред.) [и др.]. – Брест : БрГУ, 2019. – 291 с.
ISBN 978-985-555-942-0.

В сборник включены научные статьи, отражающие актуальные проблемы уголовного права и криминологии, уголовного процесса и прокурорского надзора, криминалистики и оперативно-розыскной деятельности.

Издание адресуется студентам, магистрантам, аспирантам, научно-педагогическим работникам, а также практикующим юристам.

УДК 341
ББК 67.9

ISBN 978-985-555-942-0

© УО «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина», 2019

Слово к читателю

Уголовная юстиция является одним из базовых институтов в сфере реализации уголовной политики общества. Данный институт обеспечивает реагирование на отклоняющееся, прежде всего преступное, поведение, восстановление справедливости и нормализацию общественных отношений; через него реализуются цели уголовного правосудия. Эта миссия уголовной юстиции предопределяет необходимость постоянного поиска новых идеологических и смысловых ориентиров, путей совершенствования и реформирования законодательной и правоприменительной практики уголовной юстиции; необходимость реализации в обществе гуманистических целей и задач уголовного закона и уголовного правосудия. Именно в этом направлении развивается уголовная политика в Республике Беларусь.

Достижение целей правосудия и результативное противодействие преступности в обществе зависят от комплекса принимаемых общественно-политических, социальных и экономических мер, в том числе от правильного применения уголовного и уголовно-процессуального законов, а также законодательства о профилактике преступности. Задачи оптимизации деятельности органов уголовной юстиции закреплены Концепцией национальной безопасности Республики Беларусь (утв. Указом Президента Республики Беларусь от 09.11.2010 № 575 в ред. от 24 января 2014 г. № 49) и Концепцией совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения (утв. Указом Президента Республики Беларусь от 23.12.2010 № 672) и др.

В связи с вышесказанным особое значение имеет разработка научных проблем и теоретическое обоснование практических вопросов уголовной юстиции. Одной из форм реализации указанной задачи является издание научных работ научного юридического сообщества, практических работников органов уголовной юстиции, а также преподавателей, аспирантов, магистрантов юридических специальностей, исследующих актуальные вопросы уголовного правосудия Республики Беларусь¹. Такие издания служат объединению интеллектуального потенциала научных и практических работников в обсуждении и решении актуальных проблем уголовной юстиции, формирования и применения законодательства в сфере борьбы с преступностью в современных социально-политических и экономических реалиях Республики Беларусь и зарубежных стран.

В данный сборник вошли статьи: ученых – Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь, Белорусского государственного университета, Белорусского культурного центра духовного Возрождения Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина, Института экономики Национальной академии наук Беларуси, Военной академии Республики Беларусь, Института национальной безопасности Республики Беларусь, Международного университета «МИТСО», Могилевского государственного университета имени А. А. Кулешова, Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь, Научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики

¹ См., например: Уголовная юстиция в свете интеграции правовых систем и интернационализации криминальных угроз : сб. науч. тр., приуроч. к 90-летию д-ра юрид. наук проф. И. И. Мартинович / Белорус. гос. ун-т, Юрид. фак., Каф. уголов. процесса и прокур. надзора ; редкол.: А. А. Данилевич (отв. ред.), О. В. Петрова, В. И. Самарин. – Минск : Изд. центр БГУ, 2017. – 191 с.; Проблемы правоприменительной деятельности органов уголовной юстиции: теоретический и практический аспекты : монография / В. В. Лосев [и др.] ; под науч. ред. В. В. Лосева ; Брест. гос. ун-т им. А. С. Пушкина. – Брест : БрГУ, 2015. – 166 с.

Беларусь; *практических работников* – Брестской таможни, прокуратуры Брестской области; а также *ученых стран ближнего зарубежья* – Львовского государственного университета внутренних дел, Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, Института права Башкирского государственного университета, Ярославского государственного университета имени П. Г. Демидова.

Содержание сборника охватывает широкий круг актуальных проблем уголовной юстиции и отражает разнообразие взглядов авторов на исследуемые ими вопросы. Однако, на наш взгляд, их объединяет стремление обосновать направления оптимизации, повышения эффективности действующего законодательства в сфере противодействия и борьбы с преступностью. Последнее во многом зависит от того, насколько четко, с соблюдением требований юридической техники конструируются уголовно-правовые институты, формулируются основания уголовной ответственности, обрисовываются признаки преступления, определяются виды и размеры наказаний и т. д.

В этой связи особое значение приобретают теоретико-методические, практические и дидактические проблемы юридической техники в процессе конструирования уголовного законодательства в целом и отдельно взятой уголовно-правовой нормы в частности. В данном случае проблема юридической техники – важнейшая проблема не только теоретического правоведения, но и каждой отраслевой юридической науки, в том числе и науки уголовного права, уголовного процесса, уголовно-исполнительного права и др.

Юридическая техника, понимаемая как совокупность средств, правил и приемов подготовки и упорядочения не только правовых актов, но и практики их применения в целях обеспечения их совершенства и повышения эффективности, – это то, что объединяет и отличает авторов научных статей данного сборника в таких областях права, как правотворческая, интерпретационная, правоприменительная, следственная, судебная и др. На наш взгляд, именно достаточно высокий уровень культуры юридической техники свойственен научным публикациям данного сборника.

Г. И. Займист, Е. А. Коротич

РАЗДЕЛ 1
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНОГО
И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

УДК 343

Е. С. БОРОДУЛЬКИНА

Минск, Национальный центр законодательства и правовых исследований
Республики Беларусь

ИНСТИТУТ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ НАКАЗАНИЯ
В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ОТДЕЛЬНЫХ СТРАН СНГ

Выявление специфики того или иного правового института неизбежно предполагает анализ законодательства зарубежных государств. Исследование особенностей правового регулирования освобождения от наказания в уголовном законодательстве стран СНГ позволит расширить представление о данном институте и в дальнейшем применить изученный опыт при совершенствовании отечественного уголовного закона. При этом если в рамках сравнительно-правового анализа традиционно в литературе рассматривается опыт Российской Федерации, то автором предлагается исследовать специфику освобождения от наказания в иных государствах Содружества (Республике Армения, Республике Молдова, Республике Кыргызстан и пр.), что даст возможность более глубоко и всесторонне оценить складывающиеся тенденции развития института в странах ближнего зарубежья и в этом контексте оценить перспективы и направления развития Уголовного кодекса (далее – УК) Республики Беларусь.

Приоритетная защита прав человека в сфере уголовной политики неизбежно влечет за собой переоценку существующих уголовно-правовых институтов. Стоит отметить, что правоведы различных стран – участниц СНГ едины во мнении о том, что роль освобождения от наказания весьма весома в процессе качественного перехода к гуманизации уголовного законодательства.

Так, Т. Ш. Шарипов (представитель юридической науки Республики Таджикистан) отмечает, что «со временем институт освобождения от наказания начинает занимать все более подходящее ему место и значение... он является, безусловно, одним из действенных рычагов формирования у осужденных установки на одобряемое обществом посткриминальное поведение. Регламентация многих положений Уголовного кодекса, включая институты освобождения от наказания и от его отбывания, подверглась серьезным концептуальным изменениям... на результатах учета и систематизации данных прежних законодательных и иных нормативных актов, а равно практики их применения, но и на положениях международно-правовых документов в области охраны прав и свобод человека» [1].

Данное утверждение свидетельствует о важной тенденции, связанной с учетом международно-правовых стандартов при регламентации и корректировке положений об освобождении от наказания, и демонстрирует переход от наказания как самого жесткого инструмента защиты прав и законных интересов граждан в направлении активного развития иных мер уголовно-правового воздействия.

А. Б. Бекмагабетов (Республика Казахстан) и В. П. Ревин указывают, что «освобождение от наказания вносит свой вклад в борьбу с преступностью, используя для этого меры, заменяющие уголовное наказание. Расчет в этом случае делается на эффективность воспитательных, организационных, юридических (но не уголовно-правовых)

средств воздействия, а семейное, бытовое, трудовое окружение могут оказать положительное воздействие на освобождаемого; добросовестность, искренность осужденного, доказавшего свое исправление» [2, с. 350]. При этом авторы делают акцент не только на социальном, но и на правовом значении института, рассматривая освобождение от наказания как практическое проявление таких уголовно-правовых принципов, как гуманизм и экономия уголовной репрессии [2, с. 350].

С учетом сказанного полагаем, что освобождение от наказания призвано способствовать разумной гуманизации уголовной политики, связанной с рациональным и экономным использованием карательных средств при условии их достаточности для решения задач уголовно-правового регулирования.

Рассмотрим далее общие и специфические признаки, которые присущи как институту освобождения от наказания в целом, так и некоторым его видам, а также те новации, которые предусмотрены в уголовных кодексах различных стран – участниц СНГ.

Характерной особенностью уголовных кодексов стран СНГ является то, что институт освобождения от уголовного наказания, как правило, обособляется в отдельных структурных единицах Уголовного кодекса. Например, отдельные главы посвящены освобождению от наказания в УК Азербайджанской Республики (гл. 12), Республики Армения (гл. 12), Кыргызской Республики (гл. 12), Республики Таджикистан (гл. 12), Туркменистана (гл. 11), Республики Узбекистан (гл. 13) [3]. В одном разделе размещены «освобождение от уголовной ответственности» и «освобождение от уголовного наказания» в УК Республики Казахстан (р. 5), при этом разделения на отдельные главы нет.

Полагаем, преобладание регламентации освобождения от наказания в отдельной главе уголовного закона различных стран свидетельствует о признании законодателями самостоятельного характера данного института, а также в целом способствует систематизации и структуризации положений УК.

Как правило, уголовные законы не дают легального определения понятия «освобождение от наказания». Выделяется в этом отношении лишь УК Республики Молдова [3], содержащий в ч. 1 ст. 89 указание на то, что «под освобождением от уголовного наказания понимается освобождение лица, совершившего преступление, от реального, частичного или полного, отбывания уголовного наказания, назначенного решением судебной инстанции».

Можно обратить внимание, что данное определение позволяет установить сразу несколько отличительных признаков, присущих данному институту. В частности, В. Бужор и В. Гуцуляк отмечают, что предлагаемая дефиниция дает возможность определить общее уголовно-правовое содержание данного института в целом; может быть установлена родовая юридическая конструкция освобождения от наказания, которая охватит все предусмотренные УК его разновидности [4, с. 245–246].

Данная конструкция включает следующие признаки:

– обвинительным приговором судебной инстанции лицо обоснованно признается виновным в совершении одного либо нескольких преступлений, соответственно, после вступления приговора в законную силу реализуется обязательный элемент уголовной ответственности в виде официального государственного осуждения лица, в качестве совершившего преступление;

– судом назначается конкретная мера наказания;

– обвинительным приговором суда в благоприятном для лица направлении решается вопрос об отбывании назначенного ему наказания; такое решение, в частности, может предусматривать, что лицо не должно отбывать назначенное ему наказание

вообще, может не отбывать его при определенных условиях, не будет отбывать определенную часть назначенного наказания или должно отбывать более мягкое наказание;

– принятое в отношении лица благоприятное решение полностью или частично исполняется, при этом частичное (неполное) его исполнение обусловлено, как правило, последующим ненадлежащим поведением самого лица (невыполнением возложенных на него обязанностей, совершением нового преступления и т. п.).

В ч. 1 ст. 89 УК Республики Молдова определены конкретные формы «выражения» освобождения от наказания, а именно «освобождение от наказания», «освобождение от дальнейшего отбывания наказания», «замена наказания более мягким», «смягчение назначенного наказания». Освобождение от дальнейшего отбывания наказания охватывает те виды, в которых какую-то часть наказания лицо уже отбывало. Замена наказания «включает в себя те проявления института освобождения от наказания и его отбывания, которые предусматривают, что назначенное лицу основное наказание специальным отдельным решением заменяется более мягким видом основного наказания» [4, с. 247].

В отличие от иных уголовных законов, в УК Республики Молдова (ч. 2 ст. 89) перечислены все виды освобождения от наказания, которые могут применяться к лицу, а именно условное осуждение; условно-досрочное освобождение от наказания; замена неотбытой части наказания более мягким наказанием; освобождение от наказания несовершеннолетних; освобождение от наказания в связи с изменением обстановки; освобождение от отбывания наказания тяжелобольных; отсрочка отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим детей в возрасте до 8 лет. Соответствующая систематизация уголовно-правовых норм может оказывать исключительно положительный эффект на их применение, поскольку «разброс» оснований по различным главам Общей части уголовного закона крайне неудобен для правоприменителя.

При этом амнистия, помилование и примирение (ст. 107–109 УК Республики Молдова) включены в гл. XI «Основания, устраняющие уголовную ответственность или последствия осуждения». Отметим, что в юридической литературе наиболее часто встречается взгляд на амнистию и помилование как на один из видов внесудебного освобождения от ответственности и (или) от наказания. Несмотря на то что, например, амнистия, в соответствии с общим названием главы, «устраняет уголовную ответственность или последствия осуждения», в ч. 1 ст. 107 все же указывается, что данный институт также устраняет наказание либо сокращает примененное наказание или заменяет его более мягким наказанием. То есть, по сути, речь идет в том числе и об освобождении от наказания. Для сравнения заметим, что в УК Республики Узбекистан содержится ст. 76, прямо закрепляющая такое основание освобождения от наказания, как «освобождение от наказания на основании акта амнистии или помилования» [3].

Отличительной особенностью является то, что в некоторых УК как один из видов освобождения от наказания упоминается «условное осуждение» (ст. 90 УК Республики Молдова), а в иных – «условное неприменение наказания» (ст. 70 Республики Армения). В литературе на этот счет справедливо отмечается, что второй термин более точен. Первый же следует признать некорректным: осуждение при применении анализируемой меры реально; условность относится к реализации наказания [5, с. 285].

Новацией УК Кыргызской Республики является ст. 83 «Освобождение от наказания с применением пробационного надзора». Данной статьей предусмотрено, что при назначении наказания в виде лишения свободы на срок не более пяти лет, учитывая тяжесть преступления, личность виновного, его согласие на применение пробационного надзора, а также другие обстоятельства дела, суд приходит к выводу о возможности

исправления осужденного без отбывания наказания, может принять решение об освобождении его от отбывания наказания с применением пробационного надзора (пробации). Важным видится то, что пробационный контроль, согласно данному положению, является «принудительно-поощрительной мерой уголовно-правового воздействия». Кроме того, суд также может учитывать и мнение потерпевшего при решении вопроса об установлении пробации виновному лицу.

Устанавливаемый срок пробационного надзора – от года до трех лет. Также очерчен круг лиц, к которым пробация не применяется. К ним отнесены лица, осужденные за тяжкие и особо тяжкие преступления; иностранные граждане и лица без гражданства, временно проживающие на территории страны; лица, совершившие посягательство на половую неприкосновенность несовершеннолетнего. Применение пробационного надзора допускается и в отношении несовершеннолетнего.

В научной литературе введение пробации оценивается сугубо положительно. Преимуществами данного института являются «возможность проводить более тактичную, дифференцированную уголовную политику в отношении преступников различных категорий. У осужденных появляется реальный шанс избежать моральных, психологических, физических и иных негативных последствий изоляции от общества, сохранить навыки социального взаимодействия и развивать их под воздействием социальной среды и активной помощи квалифицированного персонала [6, с. 116]. Положительным аспектом видится реальное исправление осужденных при значительных экономических преимуществах, связанных с разгрузкой пенитенциарных учреждений и возможности направления усилий государства на решение социальных задач.

Очевидно, что освобождение от наказания с применением пробационного надзора требует более детального и глубокого изучения как перспективная мера уголовно-правового воздействия (нуждается в выявлении уголовно-правовой сущности данного института, соотношении его с условным осуждением, отсрочкой исполнения приговора и т. д.), а также определения возможности внедрения данного института в национальное законодательство.

На наш взгляд, следует обратить внимание, что в последние годы в ряде стран СНГ пленумами Верховных Судов в целях правильного и единообразного применения норм, «синхронизации» судебной практики производились разъяснения по вопросам применения законодательства, связанного с освобождением от уголовного наказания. Так, было принято постановление Пленума Верховного Суда Республики Узбекистан 27.12.2016 № 28 «О судебной практике по досрочному освобождению от отбывания наказания и замене наказания более мягким» [7], в Республике Казахстан – нормативное постановление Верховного Суда 02.10.2015 № 6 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания и сокращения срока назначенного наказания» [8].

Учитывая значимую роль постановлений Пленума Верховного Суда в создании предпосылок для упорядочивания правоприменительной практики, выявления и систематизации проблем, возникающих при рассмотрении судами материалов об освобождении от наказания, обеспечения единого понимания судами положений уголовного законодательства при решении соответствующих вопросов, полагаем важным рассмотреть вопрос о необходимости принятия соответствующего постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь.

Таким образом, с учетом проведенного анализа можно заключить, что уголовное законодательство стран – участниц СНГ имеет много общих черт в части регламентации института освобождения от наказания, а также отдельных его видов. Это

обусловлено общностью законодательной традиции, реализованной во время пребывания данных государств сначала в составе СССР, а затем в рамках модельного УК стран – участниц СНГ, закрепившего единые стандарты в сфере правового регулирования.

Для большинства уголовных законов характерна схожесть видов освобождения от наказания, размещение их в структуре УК. По нашему мнению, отдельная регламентация освобождения от уголовного наказания и освобождения от уголовной ответственности, и в частности выделение норм об освобождении от наказания в отдельную главу УК Республики Беларусь, определило бы самостоятельную юридическую природу данного института. Такое законодательное решение может способствовать стройности и логичности уголовного закона, систематизации и структуризации норм УК, а также более эффективной практике применения его отдельных положений. Кроме того, при совершенствовании положений отечественного уголовного закона следует рассмотреть возможность закрепления дефиниции «освобождения от уголовного наказания» в тексте УК.

Стоит подчеркнуть, что в связи с активными социально-политическими и экономическими процессами в различных странах – участницах СНГ, в ряде УК были введены прогрессивные, ранее не известные институты, учитывающие приоритетные направления развития общества и современные тенденции проводимой уголовно-правовой политики. Таким институтом, в частности, является «освобождение от наказания с применением пробационного надзора», дальнейшее углубленное изучение которого обладает несомненной актуальностью для выявления направлений совершенствования положений об освобождении от наказания отечественного УК.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шарипов, Т. Ш. Условное освобождение от отбывания наказания: проблемы теории, законодательства и практики (по материалам Республики Таджикистан) [Электронный ресурс] / Т. Ш. Шарипов // Библиотека диссертаций. – Режим доступа: <http://www.dslib.net/kriminal-pravo/uslovnnoe-osvobozhdenie-ot-otbyvaniya-nakazaniya-problemy-teorii-zakonodatelstva-i.html>. – Дата доступа: 22.09.2018.
2. Бекмагамбетов, А. Б. Уголовное право Республики Казахстан. Общая часть : учебник / А. Б. Бекмагамбетов ; под ред. В. П. Ревина. – Изд. 2-е. – Алматы : Жеті Жарғы, 2015. – 504 с.
3. Центр документов Бюро ОБСЕ по демократическим институтам и правам человека [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.legislationline.org/documents/section/criminal-codes>. – Дата доступа: 27.09.2018.
4. Комментарий к Уголовному кодексу Республики Молдова (Общая часть) / под ред. В. Г. Бужор, В. И. Гуцуляк, И. А. Спыну. – Кишинев, 2010. – 1134 с.
5. Грачева, Ю. В. Освобождение от уголовного наказания / Ю. В. Грачева // Уголовное право Армении и России. Общая и Особенная части : учебник / под ред. С. С. Авестисян, А. И. Чучаева. – М. : КОНТРАКТ, 2014. – Гл. 17. – С. 284–298.
6. Сманалиева, А. К. Перспективы введения института пробации в Кыргызской Республике / А. К. Сманалиева, Ш. А. Алмазова // Вестн. Кыргыз.-Рос. Славян. ун-та. – 2017. – № 2. – С. 113–116.
7. О судебной практике по досрочному освобождению от отбывания наказания и замене наказания более мягким [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Узбекистан, 27 дек. 2016 г., № 28. – Режим доступа: https://nrm.uz/contentf?doc=507715_&products=1_vse_zakonodatelstvo_uzbekistana. – Дата доступа: 24.10.2018.

8. О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания и сокращения срока назначенного наказания [Электронный ресурс] : норматив. постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Казахстан, 2 окт. 2015 г., № 6. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=32204620. – Дата доступа: 26.10.2018.

УДК 342

Г. А. ВАСИЛЕВИЧ

Минск, Белорусский государственный университет

КОРРУПЦИОННОЕ ПРАВОНАРУШЕНИЕ КАК ОСНОВАНИЕ ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Противодействие коррупции, борьба с ней предполагают применение широкого комплекса мер организационного, воспитательного и юридического характера. Среди них одно из мест занимает юридическая ответственность. Значительный акцент, когда касаются вопроса о борьбе с коррупцией, уделяется мерам уголовной ответственности. Однако, на наш взгляд, привлечение к уголовной ответственности является крайней мерой. Желательно, как только возникают сомнения в «благонадежности» должностного лица, особенно занимающего коррупциогенные должности, т. е. те должности, выполнение обязанностей по которым связано с распоряжением материальными ценностями, заключением контрактов (договоров) на осуществление государственных закупок, аренды помещений и т. п., использовать упреждающие совершение преступлений меры. Их широкий спектр содержит институт дисциплинарной ответственности.

К сожалению, на практике иногда происходит так, что правоохранительные органы, в поле зрения которых попал соответствующий работник по какому-то малозначительному эпизоду, еще «не тянущему» на преступление, продолжают «отслеживать» его деятельность, пока не наберется столько и таких фактов, которые позволят поставить вопрос о его уголовной ответственности. Полагаем, что такой подход понятен с точки зрения ведомственных интересов, но не вполне рационален, так как потеря порой больше, чем позитивных результатов: нередко государство в таких условиях теряет специалиста, например врача, который за незаконную выдачу больничного листка получает несколько лет лишения свободы. Государство затратило на его обучение бюджетные средства, порой осужденному нет своевременной замены, происходит дисквалификация и др. Когда идет речь о чиновниках, занимающих государственные должности, то при совершении ими коррупционных и иных преступлений наносится удар по имиджу власти.

Приводя такие примеры, автор выступает за то, чтобы действовать решительно и разумно с учетом всего комплекса последствий: если есть возможность пресечь правонарушение еще на стадии дисциплинарного проступка, то целесообразнее это сделать. Неотвратимость ответственности должна быть обеспечена. Также важна своевременность выявления негативных фактов. Например, в этой связи полагаем необходимым предусмотреть в законе о государственной службе право направлять отдельных должностных лиц на проверку на полиграфе с целью выявления незаконной деятельности (что должно быть указано в трудовом контракте) и по итогам проверки принимать решение о пребывании в должности. Прием на некоторые должности также мог бы быть осуществлен после прохождения проверки на полиграфе [1, с. 185]. Отказ от

включения в трудовой контракт данного требования может быть основанием для отказа в приеме на работу, как и отказ от прохождения проверки на полиграфе – основанием для расторжения контракта. Однако увольнение за виновные деяния допустимо лишь при условии доказательств вины иными средствами. Автором обращалось внимание на порядок и условия увольнения, в частности, в связи утратой доверия, высказывались предложения о совершенствовании законодательства в этой сфере.

Дисциплинарному проступку, как и любому правонарушению, присущи субъективные признаки и объективные признаки, т. е. он отличается своим составом. Элементами его состава являются *субъект, субъективная сторона, объект, объективная сторона проступка*.

Субъектом трудового правонарушения является работник. Однако когда речь идет о коррупционном правонарушении, то имеем дело со специальным субъектом, который указан в законе.

В ст. 1 Закона «О борьбе с коррупцией» раскрыто понятие «коррупция», определены деяния, которые рассматриваются как коррупционные, а также субъекты совершения таких деяний: 1) государственные должностные лица; 2) приравненные к ним лица; 3) иностранные должностные лица.

Особый интерес представляет такая категория работников, которая наделяется правом совершения юридически значимых действий. Они в обычной ситуации при выполнении своих обязанностей могут и не относиться к должностным лицам, но в иных ситуациях в силу наделения соответствующими полномочиями приобретают статус должностного лица на период осуществления тех или иных действий. На это было обращено внимание в заключении Конституционного Суда Республики Беларусь от 12.11.2001 № 3-129/2001 «О соответствии Конституции положения пункта 3 части четвертой статьи 4 Уголовного кодекса Республики Беларусь и основанной на нем практики применения понятия должностного лица по признаку совершения юридически значимых действий».

Таким образом, лица, выполняющие юридически значимые действия, могут быть признаны должностными лицами и привлекаться к дисциплинарной ответственности за нарушение антикоррупционного законодательства. Такой вывод важен, так как одна из проблем, с которой достаточно часто сталкиваются правоохранительные органы, это работа комиссий, создаваемых для проведения процедуры государственных закупок. Такие комиссии создаются в организациях по приказу руководителя. С 24 января 2016 г. за нарушение законодательства о государственных закупках установлена административная ответственность по ч. 4 ст. 11.16 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях за непредусмотренное законодательством ограничение должностным лицом или индивидуальным предпринимателем, *членом комиссии*, созданной для проведения процедуры государственной закупки, доступа поставщиков (подрядчиков, исполнителей) к участию в процедуре государственной закупки, в том числе посредством несоблюдения правил размещения информации о государственных закупках. Член такой комиссии совершает (участвует в принятии) юридически значимые действия, даже если такой работник в силу своей трудовой функции обычно не выполняет организационно-распорядительные или административно-хозяйственные обязанности [2].

Полагаем, что нарушение антикоррупционного законодательства членом указанной комиссии является основанием для привлечения к дисциплинарной ответственности, включая увольнение по предусмотренному в Трудовом кодексе основанию.

Субъективная сторона коррупционного дисциплинарного проступка заключается в психическом отношении правонарушителя к совершенному деянию и наступившим последствиям. Полагаем, что такие проступки могут быть совершены умышленно или по неосторожности.

Объектом коррупционного дисциплинарного проступка являются общественные отношения, урегулированные антикоррупционным законодательством в контексте с исполнением трудовых обязанностей.

Объективную сторону коррупционного дисциплинарного проступка составляет внешнее проявление деяния правонарушителя, что влечет определенные последствия и находится в причинной связи с наступившим результатом. В данном случае идет речь о противоправном поведении – совершении запрещенного действия или неисполнения предусмотренного нормой права действия.

В ст. 53 Трудового кодекса для работников установлены обязанности. Помимо общих обязанностей работника, предусмотренных в ст. 53 Трудового кодекса, Закон «О борьбе с коррупцией» предусматривает иные специфические обязанности, сводящиеся в основном к соблюдению запретов на те или иные действия.

Обратим внимание на то, что в некоторых зарубежных странах обязанностью работника является принятие мер по предупреждению и пресечению коррупционных деяний. Полагаем, что бездействие при очевидности коррупционного правонарушения как раз и создает условия для их совершения. Кроме того, анализ ст. 25 Закона «О борьбе с коррупцией» показывает, что ряд действий, которые оцениваются в ней как *создание условий* для коррупции, на самом деле являются коррупцией, если руководствоваться определением этого понятия, содержащимся в ст. 1 Закона.

Только для руководителей предусмотрена ответственность за непринятие мер по борьбе с коррупцией. Это явно сужает возможности предупреждения коррупционных правонарушений.

Согласно белорусскому Закону (ст. 39), *физическим лицам, способствующим выявлению коррупции, предусмотрены гарантии их безопасности*, а также выплата вознаграждения и других выплат, которые не указываются в декларации о доходах и имуществе.

К работникам, совершившим дисциплинарный проступок, независимо от применения мер дисциплинарного взыскания могут применяться: лишение премий, изменение времени предоставления трудового отпуска и другие меры. Виды и порядок применения этих мер определяются правилами внутреннего трудового распорядка, коллективным договором, соглашением, иными локальными нормативными правовыми актами.

Общее правило, предусмотренное в ст. 200 Трудового кодекса, является приемлемым. Дисциплинарное взыскание применяется не позднее одного месяца со дня обнаружения дисциплинарного проступка, не считая времени болезни работника и (или) пребывания его в отпуске. Дисциплинарное взыскание не может быть применено позднее шести месяцев, а по результатам ревизии, проверки, проведенной компетентными государственными органами или организациями, – позднее двух лет со дня совершения дисциплинарного проступка. В указанные сроки не включается время производства по уголовному делу.

Однако для определенных дисциплинарных проступков, которые обычно имеют латентный характер, вполне разумно было бы установить исключения. В этой части импонирует подход российского законодателя. Во-первых, непринятие работником мер по предотвращению или урегулированию конфликта интересов, непредставление или

представление неполных или недостоверных сведений о своих доходах и т. п. могут явиться основанием для утраты доверия к работнику со стороны работодателя (ст. 81 Трудового кодекса Российской Федерации). Во-вторых, дисциплинарное взыскание за несоблюдение ограничений и запретов, неисполнение обязанностей, установленных законодательством Российской Федерации о противодействии коррупции, не может быть применено позднее трех лет со дня совершения проступка. В указанные сроки не включается время производства по уголовному делу (ст. 193 Трудового кодекса Российской Федерации).

Отметим, что за коррупционное деяние лицо может быть привлечено к дисциплинарной ответственности, а также к уголовной, гражданско-правовой. Возможно, что, исходя из характера правонарушения, уполномоченный орган (субъект власти) ограничится только привлечением к дисциплинарной ответственности, если не будет оснований для применения мер, предусмотренных иными видами юридической ответственности. В литературе проведено различие между видами юридической ответственности. Подчеркнуто, что исключается применение за одно и то же деяние административной и уголовной ответственности, недопустимо повторное привлечение к ответственности за то же деяние (принцип *non bis in idem*) [3, с. 70–72, 81–91].

Автор выступает за то, чтобы действовать разумно, с учетом всего комплекса последствий: если есть возможность пресечь правонарушение еще на стадии дисциплинарного проступка, то целесообразнее это сделать. Неотвратимость ответственности должна быть обеспечена, но важна своевременность выявления негативных фактов. Не следует «накапливать» нарушения работника для того, чтобы в итоге наказать его в уголовном порядке. Лучше привлечь должностное лицо своевременно к дисциплинарной ответственности, даже применив к нему увольнение, чем допускать совершение им деяний, за которые он понесет ответственность в виде лишения свободы. В таком случае страдает не только данное лицо, но и общество и государство несет издержки. Не является панацеей, но может быть определенным подспорьем для противодействия коррупции закрепление в законе о государственной службе права нанимателя направлять отдельных должностных лиц для проверки на полиграфе с целью выявления незаконной деятельности (что должно быть указано в трудовом контракте) и по итогам проверки принимать решение о пребывании в должности.

Прием на некоторые должности также мог бы быть осуществлен после прохождения проверки на полиграфе [1, с. 185]. Отказ от включения в трудовой контракт данного требования может быть основанием для отказа в приеме на работу, как и отказ от прохождения проверки на полиграфе – основанием для расторжения контракта. Однако увольнение за виновные деяния допустимо лишь при условии доказательств вины иными средствами. Автором уже обращалось внимание на порядок и условия увольнения, в частности, в связи утратой доверия, высказывались предложения о совершенствовании законодательства в этой сфере.

С учетом вышеотмеченного рассматриваем дисциплинарную ответственность, являющуюся разновидностью юридической ответственности, своего рода средством превенции совершения более тяжких по своим последствиям правонарушений. Дисциплинарная ответственность устанавливается за противоправное, виновное неисполнение или ненадлежащее исполнение работником своих трудовых обязанностей, которое является дисциплинарным проступком. За совершение дисциплинарного проступка наниматель вправе наложить дисциплинарное взыскание и (или) применить меры дисциплинарного воздействия.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Василевич, Г. А. Актуальные направления противодействия коррупции в Республике Беларусь на современном этапе / Г. А. Василевич. – Минск : Беларус. навука, 2018. – 202 с.

2. Об административной ответственности в сфере государственных закупок [Электронный ресурс] : письмо М-ва торговли Респ. Беларусь, 15 дек. 2015 г., № 14-07/1488К / ООО «Юрспектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

3. Василевич, С. Г. Актуальные проблемы административно-деликтного права на современном этапе / С. Г. Василевич. – Минск : БГУ, 2017. – 279 с.

УДК 342

Д. Г. ВАСИЛЕВИЧ

Минск, Международный университет «МИТСО»

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПНОСТИ В СФЕРЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

Здравоохранение, к сожалению, остается одной из криминогенных сфер. Массовые задержания и возбуждение уголовных дел против медицинских работников подтверждают, что ситуация здесь неблагоприятная. Прежде всего, огромный экономический и моральный вред причиняют обществу закупки за счет государственных средств по завышенным ценам. Речь идет как об оборудовании, так и о закупках лекарств. Судя по выявленным в результате обысков, проведенных в домах (квартирах) медицинских работников, огромным суммам, государству причиняется большой ущерб, на граждан как налогоплательщиков и пользователей медицинскими услугами также ложатся дополнительные издержки в виде более высокой цены на лекарства, на пользование услугами.

Совершение коррупционных правонарушений, иных корыстных имущественных преступлений влечет, на наш взгляд, также существенное нарушение прав и свобод граждан. В любом современном государстве общепризнанным правом считается право на медицинскую помощь. Оно присуще не только государству социальному, но является неотъемлемой характеристикой государства правового и демократического. Вместе с тем порядок и условия ее оказания, ее платный или бесплатный характер, иные вопросы, связанные с получением медицинской помощи, определяются национальным законодательством.

Конечно, уровень возможностей конкретного государства по оказанию медицинской помощи (медицинских услуг) зависит от ряда факторов, в том числе от его материального благосостояния, количества средств, затрачиваемых на медицину. Требование Конституции об обеспечении доступности для всех граждан медицинского обслуживания реализовано на уровне закона как предоставление бесплатной медицинской помощи на основании государственных минимальных социальных стандартов в области здравоохранения в государственных учреждениях здравоохранения; предоставление медицинской помощи в государственных организациях здравоохранения, негосударственных организациях здравоохранения и у индивидуальных предпринимателей, осуществляющих в установленном законодательством Республики Беларусь порядке медицинскую деятельность, за счет собственных средств, средств юридических лиц и иных источников, не запрещенных законодательством Республики Беларусь;

доступность лекарственных средств; осуществление мер по санитарно-эпидемиологическому благополучию населения (ст. 4).

Вторым и достаточно распространенным правонарушением, обычно квалифицируемым как преступление, является незаконная выдача листков по временной нетрудоспособности. Правоохранительные органы уже давно отработали «технология» выявления таких преступлений, однако незаконная практика выдачи больничных листков за вознаграждение (взятку) все еще сохраняется, хотя, можно полагать, ее масштабы значительно меньше. Подчеркнем, что «рядовой» врач в ситуации, когда он выдает больничный листок, совершает юридически значимые действия и тем самым обретает статус должностного лица. Именно так интерпретировал положения ст. 4 Уголовного кодекса Республики Беларусь Конституционный Суд в своем заключении от 12.11.2001 № 3-129/2001 «О соответствии Конституции положения пункта 3 части четвертой статьи 4 Уголовного кодекса Республики Беларусь и основанной на нем практики применения понятия должностного лица по признаку совершения юридически значимых действий».

Третий аспект, на который хотелось бы обратить внимание в профилактических целях, касается трансплантации органов. Беларусь здесь добилась впечатляющих успехов. Случаев привлечения к уголовной ответственности в последние годы нет.

Согласно ст. 10² Закона Республики Беларусь «О трансплантации органов и тканей человека», в целях осуществления контроля за использованием органов и (или) тканей человека, а также оперативного оказания медицинской помощи лицам, нуждающимся в трансплантации, предусмотрено создание Единого регистра трансплантации. Порядок создания и ведения Единого регистра трансплантации определяется Советом Министров Республики Беларусь. Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 27 декабря 2012 г. № 1216 «О порядке создания и ведения единого регистра трансплантации» определено, что Единый регистр трансплантации создается Министерством здравоохранения. Постановлением поручено Министерству здравоохранения утвердить порядок создания и ведения Единого регистра трансплантации.

Постановлением Министерства здравоохранения 18 марта 2013 г. утверждена Инструкция о порядке создания и ведения Единого регистра трансплантации. Согласно Инструкции, Единый регистр создается Министерством здравоохранения Республики Беларусь на базе Республиканского центра трансплантации органов и тканей при учреждении здравоохранения «9-я городская клиническая больница» г. Минска. Согласно Инструкции о порядке создания и ведения Единого регистра трансплантации, утвержденной постановлением Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 18.03.2013 № 19 (ред. от 10.04.2015), включению в Единый регистр подлежат сведения о лицах, которые заявили о несогласии на забор органов для трансплантации после смерти, а также о лицах, которым проведена трансплантация органа (органов) и (или) тканей. Полагаем, что следует предусмотреть в этом Регистре сведения о лицах, у которых изъяли органы, как у живых доноров, так и у умерших лиц. К нему должен быть круглосуточный доступ врачей, наделенных правом проводить трансплантацию, включая и праздничные дни.

Полагаем, что укрепление законности в сфере здравоохранения будет способствовать надлежащей охране прав и законных интересов граждан и государства.

УДК 343.224

М. З. ВОВК

Львов, Львовский государственный университет внутренних дел

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ВОЗРАСТА, С КОТОРОГО МОЖЕТ НАСТУПАТЬ УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

В ст. 18 Уголовного кодекса (далее – УК) Украины содержатся определения понятий субъекта преступления и специального субъекта преступления. Часть 1 ст. 18 УК Украины устанавливает, что «субъектом преступления является физическое вменяемое лицо, совершившее преступление в возрасте, с которого в соответствии с настоящим Кодексом может наступать уголовная ответственность». Итак, одним из обязательных признаков, характеризующих субъект преступления как элемент состава преступления, является достижение лицом определенного возраста. Нормативное положение ч. 1 ст. 18 Общей части УК Украины является общим для всех составов преступлений, предусмотренных Особенной частью УК Украины, а поэтому возраст как признак общего субъекта преступления отдельно в диспозициях статей Особенной части УК Украины не изложен вообще – ни бланкетным способом, ни каким-либо другим. Часть 1 ст. 18 УК Украины в части возраста общего субъекта преступления является отсылочной, т. е. предполагает обращение к другим нормам уголовного закона [1, с. 244]. Часть 2 ст. 18 УК Украины содержит указание на возраст как признак специального субъекта преступления.

В ст. 22 УК Украины содержится указание на минимальный возраст субъекта преступления. Так, согласно этой статье, уголовной ответственности могут подлежать лица, которым до совершения преступления исполнилось 16 лет (ч. 1 ст. 22 УК Украины). Лица, совершившие преступление в возрасте от 14 до 16 лет, могут подлежать уголовной ответственности только за совершение отдельных преступлений, исчерпывающий перечень которых предусмотрен уголовным законом (ч. 2 ст. 22 УК Украины).

Таким образом, с технико-юридической точки зрения минимальный возраст субъекта преступления регламентирован в УК Украины двояко: как общая норма относительно всех видов составов преступлений и наряду с общей как дополнительная специальная норма по отдельным видам составов преступлений. 16-летний возраст, с достижением которого лицо может подлежать уголовной ответственности за совершение составов преступлений общим и специальным субъектом, в теории уголовного права принято называть общим минимальным возрастом субъекта преступления, а 14-летний возраст, с достижением которого лицо может подлежать уголовной ответственности за совершение отдельных составов преступлений, – пониженным минимальным возрастом субъекта преступления [2, с. 71].

В уголовно-правовой литературе существует два подхода к вопросу установления минимального возраста субъекта преступления. Сторонники первого подхода предлагают к установлению минимального возраста субъекта преступления подходить дифференцированно, т. е. установить возраст субъекта преступления за совершение всех составов преступлений (общий) и возраст субъекта преступления за совершение лишь отдельных составов преступлений (пониженный). Высказанные в литературе предложения сторонников первого подхода к решению этого вопроса можно объединить в следующие группы.

Представители первой группы, в частности А. В. Васильевский [3, с. 160], Т. А. Гончар [4, с. 101–103], С. Ф. Денисов [5, с. 123–129], Н. М. Мирошниченко [6, с. 84],

О. Д. Ситковская [7, с. 114], в отношении минимального возраста субъекта преступления поддерживают и считают вполне обоснованным подход законодателя.

Н. М. Мирошниченко в поддержку позиции законодателя по установлению минимального возраста субъекта преступления приводит следующие аргументы. Во-первых, на дифференцированный подход определения возраста субъекта преступления указывают международные документы. Во-вторых, выделение в уголовном законодательстве нескольких возрастных групп – историческая традиция. Еще с древних времен возраст субъекта преступления дифференцировался в зависимости от понимания, а со временем – в зависимости от определенных видов составов преступлений. В-третьих, при дифференцированном подходе к определению минимального возраста субъекта преступления можно учесть возможность несовершеннолетних по-разному воспринимать и оценивать различные правовые запреты в разном возрастном периоде [6, с. 84].

По нашему мнению, вполне можно согласиться с первым аргументом. Ведь установление минимального возраста субъекта преступления в УК Украины является одним из требований, предусмотренных ч. 3 ст. 40 Конвенции ООН о правах ребенка 1989 г., которую ратифицировала Верховная Рада Украины. В п. 4.1 Минимальных стандартных правил ООН, касающихся применения правосудия в отношении несовершеннолетних («Пекинские правила»), содержатся разъяснения по установлению минимального возраста субъекта преступления. Однако соответствующие международные нормативно-правовые акты не содержат указания на обязательность применения дифференцированного подхода при установлении минимального возраста субъекта преступления.

Со следующим аргументом о том, что «выделение в уголовном законодательстве нескольких возрастных групп есть исторической традицией», мы полностью согласны. Да, действительно, с середины XVIII в. к середине XIX в. при установлении возраста, по достижении которого лицо может подлежать уголовной ответственности, законодатель использовал дифференцированный подход в зависимости от принципа «понимание», а с середины XIX в. по настоящее время – дифференцированный подход в зависимости от определенных видов составов преступлений.

Однако дифференцированный подход к установлению минимального возраста субъекта преступления в зависимости от определенных видов составов преступлений содержит определенные недостатки, касающиеся перечня составов преступлений, ответственность за которые наступает с 14 лет (ч. 2 ст. 22 УК Украины). В частности, как в УК Украины 2001 г., так и в других исторических нормативно-правовых актах (УК УССР 1922 г., УК УССР 1927 г. и УК Украины 1960 г.) не было указано, какими основаниями руководствовался законодатель при выделении составов преступлений, уголовная ответственность за которые наступает с 14 лет. В доктрине уголовного права уже длительное время обращается внимание на то, что нужно пересмотреть этот перечень составов преступлений. Одни ученые предлагают дополнить приведенный в ч. 2 ст. 22 УК Украины перечень и другими составами преступлений [8, с. 12; 9, с. 11; 10, с. 9], по мнению других – некоторые составы преступлений следует исключить из этого перечня [11, с. 15–16; 12, с. 84–89; 13, с. 549].

Следует отметить, что общепризнанным сегодня в теории уголовного права является то, что при формировании перечня составов преступлений, ответственность за которые наступает с 14 лет, законодатель, очевидно, руководствовался следующими основаниями: 1) уровень умственного развития личности, который свидетельствует о возможности уже в 14 лет осознать фактические признаки и общественную опасность составов преступлений, указанных в ч. 2 ст. 22 УК Украины; 2) значительная распро-

страненность этих составов преступлений среди подростков; 3) значительная общественная опасность (тяжесть) большинства из этих преступлений [2, с. 71]. Все эти основания должны учитываться в совокупности. Однако не все составы преступлений, перечисленных в ч. 2 ст. 22 УК Украины, соответствуют всем этим основаниям. Так, некоторые составы преступлений, которые закреплены в ч. 2 ст. 22 УК Украины, не являются распространенными среди несовершеннолетних в возрасте от 14 до 16 лет. Согласно данным Государственной судебной администрации Украины, с 2005 по 2014 г. ни один человек в возрасте от 14 до 18 лет не осужден за преступления против основ национальной безопасности, за преступления в сфере служебной деятельности и за преступления против мира, безопасности человечества и международного правопорядка [14, с. 213; 15, с. 211]. Кроме этого, следует отметить, что преступления против основ национальной безопасности редко совершаются, поэтому и не могут быть распространены среди несовершеннолетних. В связи с этим возникает вопрос: должна ли влиять распространенность этих составов преступлений на их включение в ч. 2 ст. 22 УК Украины или нет?

Еще одним из оснований, при наличии которого следует выделять составы преступлений, за совершение которых уголовная ответственность может наступать с достижением 14 лет, является степень общественной опасности, т. е. тяжесть преступления. Как известно, наш законодатель именно этот критерий взял за основу при классификации преступлений в ст. 12 УК Украины. Анализ преступлений, предусмотренных в ч. 2 ст. 22 УК Украины, показывает, что почти половина из них относится к особо тяжким, остальные – к тяжелым и преступлениям средней тяжести и лишь одно (хулиганство, предусмотренное ч. 1 ст. 296 УК Украины) – к преступлениям небольшой тяжести. Таким образом, непонятным является то, за преступления с какой степенью общественной опасности должны подлежать уголовной ответственности лица в возрасте от 14 до 16 лет. Представляется, что лица в возрасте от 14 до 16 лет должны подлежать уголовной ответственности за преступления с повышенной степенью общественной опасности. Ведь преступления небольшой и средней тяжести не имеют той степени общественной опасности, чтобы свидетельствовать о необходимости привлечения лица с 14 лет к уголовной ответственности как единственно возможному способу борьбы с подобным явлением. Поэтому сомнительным представляется установление уголовной ответственности с 14 лет за преступления небольшой и средней тяжести. Кроме этого, если принимать во внимание только это основание, то любое преступление соответствующей степени общественной опасности можно включить в ч. 2 ст. 22 УК Украины.

Представляется, что законодатель сам запутался, используя свой систематизированный подход относительно выделения составов преступлений, за совершение которых уголовная ответственность может наступать по достижении 14 лет. Ведь в 2015 г. УК Украины дополнен следующими статьями: ст. 345-1 «Угроза или насилие в отношении журналиста», ст. 347-1 «Умышленное уничтожение или повреждение имущества журналиста», ст. 348-1 «Посягательство на жизнь журналиста», ст. 349-1 «Захват журналиста как заложника». Однако в ч. 2 ст. 22 УК Украины никаких изменений не внесено, что в очередной раз свидетельствует об отсутствии системного подхода со стороны законодателя. В связи с этим складывается абсурдная ситуация: за умышленное убийство (ст. 115–117 УК Украины), посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля, работника правоохранительного органа, члена общественного формирования по охране общественного порядка и государственной границы или военнослужащего, судьи, народного заседателя или присяжного в связи с их деятельностью, связанной с осуществлением правосудия, защитника или представителя лица

в связи с деятельностью, связанной с предоставлением правовой помощи, представителя иностранного государства (ст. 112, 348, 379, 400, 443 УК Украины) лицо подлежит уголовной ответственности с достижением 14 лет, а за посягательство на жизнь журналиста (ст. 348-1 УК Украины) – с 16 лет.

Итак, с учетом вышеизложенного подход украинского законодателя по установлению дифференцированного минимального возраста субъекта преступления в зависимости от определенных видов составов преступлений видится сомнительным.

По мнению сторонников второй группы, нужно снизить минимальный возраст субъекта преступления как совершение всех составов преступлений (общий), так и за совершение лишь отдельных составов преступлений (пониженный). Так, В. Н. Бурдин считает, что целесообразно установить уголовную ответственность с 11-летнего возраста за умышленное убийство, умышленное тяжкое телесное повреждение, изнасилование, насильственное удовлетворение половой страсти неестественным способом, кражу, грабеж, разбой, заведомо ложное сообщение об угрозе безопасности граждан, уничтожения или повреждения объектов собственности, а с 14-летнего возраста – за все преступления, за исключением тех, которые могут быть совершены только по достижении 18-летнего возраста. Целесообразность понижения возраста, с которого может наступать уголовная ответственность, В. Н. Бурдин обосновывает психологическими особенностями лиц такого возраста, криминогенными факторами, некоторыми положениями законодательства и судебной статистики [16, с. 36–46].

Следует отметить, что в отечественной науке уголовного права не возникало сомнений в том, что лица в детском возрасте до 10 (11) лет находятся вне сферы уголовно-правового воздействия и ни при каких условиях не могут признаваться субъектами преступления. Вопрос о возможности быть субъектами преступления лицами в подростковом возрасте, особенно в младшем подростковом возрасте от 10 (11) до 14 (15) лет, является дискуссионным. Согласно с В. Н. Бурдиным, что лица в возрасте от 10 (11) до 14 (15) лет обладают такими свойствами, позволяющими им отвечать за свои противоправные действия и подлежать уголовной ответственности. Однако все эти свойства формируются в зависимости от индивидуального развития у лица примерно в период с 10 (11) до 14 (15) лет. Так, как известно, содержательные характеристики достигнутого уровня личностного развития несовершеннолетних имеют усредненный характер, поскольку в жизни есть широкая вариативность уровней психического развития и их выравнивание происходит ближе к верхней возрастной границе периода, поэтому установление минимального возраста субъекта преступления должно совпадать с верхним возрастным пределом. Кроме этого, наука не может установить четкого возраста, чтобы избежать объективного отношения, необходимо учитывать верхние пределы этого возрастного периода, а именно 14 (15) лет [6, с. 81].

Среди представителей второго подхода можно выделить отдельную группу ученых, которые предлагают дифференцированно подходить еще и к пониженному возрасту субъекта преступления. Поэтому они приходят к выводу о целесообразности нормативного закрепления еще одной «возрастной границы», с которой должна наступать уголовная ответственность. В частности, А. А. Байбарин считает, что лица в возрасте от 11 до 14 лет должны быть привлечены к уголовной ответственности за убийство, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, кражу, грабеж, разбой [17, с. 81–82].

В. Ф. Мороз отмечает, что подростки в возрасте от 11 до 14 лет могут быть привлечены к уголовной ответственности в случае совершения ими особо тяжких агрессивных преступлений (умышленного убийства, умышленного тяжкого телесного повреждения, изнасилования, умышленного совершения действий, которые могут

вызвать аварию поезда). Однако, по мнению этого ученого, способность осознавать общественную опасность своих действий и руководить ими необходимо устанавливать в каждом конкретном случае путем назначения специальной экспертизы с участием психиатров и психологов. Таким образом, по отношению к ним должна действовать презумпция невменяемости, которая может быть опровергнута [18, с. 59].

С 12 лет предлагают установить уголовную ответственность Н. Г. Андриухин [19, с. 140–144], Л. В. Боровых [20, с. 13–14].

По мнению В. Г. Павлова, целесообразно установить уголовную ответственность с 13-летнего возраста по ч. 2 ст. 105 УК Российской Федерации: за убийство с корыстных побуждений или по найму, а также сопряженное с разбоем, вымогательством или бандитизмом [21, с. 95].

Таким образом, ученые – сторонники этой группы выражают различные позиции относительно: 1) возраста лица, с достижением которого оно может быть субъектом составов преступлений за совершение всех составов преступлений и совершение только отдельных составов преступлений; 2) круга составов преступлений, за совершение которых лицо может подлежать уголовной ответственности с достижением пониженного минимального возраста субъекта преступления.

Однако представляется, что чрезмерная дифференциация минимального возраста субъекта преступления порождает другую проблему. Возникает ситуация, когда для лиц, разница в возрасте между которыми месяц или даже несколько недель или дней, совершивших аналогичные общественно опасные деяния, предусмотренные Особой частью УК Украины, могут наступать различные уголовно-правовые последствия. Одно из них будет подлежать уголовной ответственности, поскольку достигло соответствующего возраста, а другое – нет. Возникает вопрос: существенно ли отличается в психическом развитии одно лицо от другого? Наверное, нет. Изменится ли достаточно существенно за несколько дней, когда оно достигнет 16 лет, его сознание? Опять же нет. Ведь возрастная периодизация психического развития, положенная многими учеными в основу установления минимального возраста субъекта преступления, носит условный характер, так как психическая жизнь конкретного индивида, подчиняясь общим законам, все-таки разворачивается своеобразно. Поэтому в современной возрастной психологии все более распространено мнение о сложности, а то и невозможности определения точных границ периодов психического развития человека [22, с. 56]. Почему же тогда лицо, имеющее достаточный уровень сознания, не подлежит уголовной ответственности? Потому что оно не достигло определенного возраста, который установил законодатель? Кроме этого, если сегодня невозможно четко установить границы возрастных периодов, то для чего же их определять в УК Украины?

Недостатком дифференцированного подхода к установлению минимального возраста субъекта преступления является и то, что он не решает вопрос «возрастной незрелости». В уголовно-правовой литературе уже давно дискутируется вопрос, будет ли подлежать уголовной ответственности в случае совершения общественно опасного деяния лицо, достигшее возраста, с которого может наступать уголовная ответственность, однако не достигшее соответствующего психического развития. Однако возникает аналогичный вопрос: почему лицо, не достигшее соответствующего психического развития, должно подлежать уголовной ответственности? Только потому, что оно достигло соответствующего возраста, с достижением которого может наступать уголовная ответственность в случае совершения преступления?

Учитывая вышеизложенное, можно назвать следующие аргументы против использования дифференцированного подхода к установлению минимального возраста

субъекта преступления. Во-первых, международные нормативно-правовые акты не предусматривают обязательность использования дифференцированного подхода к установлению минимального возраста субъекта преступления. Во-вторых, дифференцированный подход к установлению минимального возраста субъекта преступления в зависимости от определенных видов составов преступлений порождает проблему по формированию перечня составов преступлений, уголовная ответственность за которые может наступать с пониженного минимального возраста субъекта преступления. В-третьих, возрастная периодизация психического развития является условной и не определяет четких границ возрастных периодов. Поэтому и не стоит класть ее в основу дифференцированного подхода. В-четвертых, дифференцированный подход не решает вопрос «возрастной незрелости».

По нашему мнению, следует поддержать подход об установлении единого минимального возраста субъекта преступления. Ведь единый подход позволит учитывать индивидуальное развитие личности, а не групповое, а также решить вопрос о «возрастной незрелости».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Яремко, Г. З. Бланкетні диспозиції, що належать до ознак суб'єкта злочину / Г. З. Яремко // Збірник наукових праць Львівського державного інституту новітніх технологій та управління імені В'ячеслава Чорновола. Сер. «Юрид. науки». – 2010. – Вип. 4. – С. 243–254.

2. Кримінальний кодекс України. Науково-практичний коментар : у 2 т. / за заг. ред. В. Я. Тація [та ін.]. – 5-е вид., доп. – Т. 1 : Загальна частина / Ю. В. Баулін [та ін.]. – Харків : Право, 2013. – 376 с.

3. Васильевский, А. В. Дифференциация уголовной ответственности и наказания в Общей части уголовного права : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / А. В. Васильевский. – Ярославль, 2000. – 219 л.

4. Гончар, Т. О. Неповнолітній як суб'єкт відповідальності за кримінальним правом України : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Т. О. Гончар. – Одеса, 2004. – 211 л.

5. Денисов, С. Ф. Соціально-правові визначення віку кримінальної відповідальності / С. Ф. Денисов // Право та державне управління. – 2012. – № 3. – С. 123–129.

6. Мирошниченко, Н. М. Вікова осудність неповнолітніх у кримінально-правовій доктрині України : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Н. М. Мирошниченко. – Одеса, 2013. – 220 л.

7. Ситковская, О. Д. Уголовный кодекс Российской Федерации: психологический комментарий / О. Д. Ситковская. – М. : Волтерс Клувер, 2009. – 192 с.

8. Ємельяненко, В. В. Кримінальна відповідальність за незаконне заволодіння транспортним засобом : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / В. В. Ємельяненко. – Харків, 2009. – 20 с.

9. Кириченко, О. В. Кримінально-правові та кримінологічні аспекти протидії завідомо неправдивим повідомленням про загрозу громадській безпеці : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / О. В. Кириченко. – Харків, 2005. – 20 с.

10. Козак, В. А. Кримінальна відповідальність за торгівлю людьми (аналіз складу злочину) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / В. А. Козак. – Харків, 2003. – 20 с.

11. Байлов, А. В. Кримінальна відповідальність за посягання на життя та здоров'я особи, вчинені в стані сильного душевного хвилювання : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / А. В. Байлов. – Харків, 2004. – 19 с.

12. Бантышев, А. Некоторые проблемные вопросы совершенствования действующего Уголовного кодекса Украины / А. Бантышев // Юрид. радник. – 2005. – № 5 (7). – С. 84–89.

13. Новітська, І. В. Деякі питання визначення суб'єкта та суб'єктивної сторони злочину за ст. 117 КК України / І. В. Новітська // Актуальні проблеми держави і права. – 2012. – Вип. 64. – С. 545–551.

14. Україна у цифрах 2013 : стат. зб. / за ред. О. Г. Осауленка. – Київ : Консультант, 2014. – 239 с.

15. Україна у цифрах 2014 [Електронний ресурс] : стат. зб. / за ред. І. М. Жук. – Київ, 2015. – 239 с. – Режим доступу: <http://www.ukrstat.gov.ua>.

16. Бурдін, В. М. Особливості кримінальної відповідальності неповнолітніх в Україні : монографія / В. М. Бурдін. – Київ : Атіка, 2004. – 240 с.

17. Байбарин, А. А. Уголовно-правовая дифференциация возраста : монография / А. А. Байбарин. – М. : Высш. школа, 2009. – 252 с.

18. Мороз, В. Ф. Делінквентність дітей до чотирнадцятирічного віку (кримінологічні проблеми) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / В. Ф. Мороз. – Харків, 1999. – 197 л.

19. Андрюхин, Н. Г. Дифференциация уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Н. Г. Андрюхин. – М., 2002. – 216 л.

20. Боровых, Л. В. Проблемы возраста в механизме уголовно-правового регулирования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Л. В. Боровых. – Екатеринбург, 1993. – 19 с.

21. Павлов, В. Г. Субъект преступления / В. Г. Павлов. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2001. – 318 с.

22. Вікова психологія : навч. посіб. / О. П. Сергєєнкова [та ін.]. – Київ : Центр учб. літ., 2012. – 376 с.

УДК 343.79

Г. А. ГУНДЕРИЧ

Симферополь, Крымский юридический институт (филиал) Университета
прокуратуры Российской Федерации

ПРОБЛЕМЫ, СВЯЗАННЫЕ С КОНЦЕПЦИЕЙ КОМПЬЮТЕРНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Борьба с компьютерной преступностью невозможна без правильной квалификации соответствующих деяний, единства толкования понятийного аппарата составов преступлений, а также без выявления и разрешения проблемных аспектов указанных норм. Основными элементами понятийного аппарата применительно к гл. 28 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [1] являются понятия компьютерной информации и информационно-телекоммуникационной сети, закрепленные в законе об информации, информационных технологиях и о защите информации.

В соответствии с п. 1 ст. 2 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2018 № 149-ФЗ [2], информация – это сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления. Данное

понятие информации является общим по отношению к частному понятию компьютерной информации, содержащемуся в примечании 1 к ст. 272 УК РФ: «Под компьютерной информацией понимаются сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи» [1]. Как видно, они во многом совпадают. В российской правовой науке термин «компьютерная информация» является наиболее устоявшимся и проработанным. В зависимости от специфики отрасли права, исследующей данное понятие, ее задач, а также с учетом эволюции компьютерной техники определение менялось, предлагались альтернативные названия и толкования. В работах, посвященных борьбе с компьютерной преступностью, встречается такой термин, как «машинная информация». Он морально устарел, особенно с учетом того, что законодатель отказался от термина «ЭВМ», начав использовать вместо него понятия «компьютер» и «компьютерные». Удачным является понятие, данное В. Б. Веховым: «Машинная информация, циркулирующая в вычислительной среде, зафиксированная на физическом носителе в форме, доступной восприятию ЭВМ, или передающаяся по каналам электросвязи посредством электромагнитных сигналов из одной ЭВМ в другую, из ЭВМ на периферийное устройство либо на управляющий датчик оборудования» [3, с. 34].

Во-первых, это определение во многом схоже с понятием компьютерной информации. В. Б. Вехов уже отошел от указанного понятия и использует в своих работах термин «преступления в сфере компьютерной информации».

Во-вторых, в специальной литературе иногда используется также термин «электронная информация».

В-третьих, под этим термином понимают также информацию, которая находится в сфере информационных технологий, компьютерных сетей и отдельных компьютеров, компьютерных устройств. Примечание 1 к ст. 272 УК РФ [1], трактующее компьютерную информацию как «сведения в форме электрических сигналов», во многом совпадает с таким определением. Слово «электронный» происходит от слова «электрический» и охватывает многие сферы человеческой деятельности и явления. Так, по справедливому утверждению С. П. Кушниренко, электронной информацией можно назвать те импульсы, которые передаются по нервной системе человека. Они имеют электрическую природу и несут определенную информационную нагрузку, однако вряд ли станут предметом исследования криминалистической науки в ближайшее время. Употребляя понятие «электронная информация», необходимо каждый раз оговаривать его смысл, так как оно может быть неправильно понято аудиторией [5, с. 2–5]. Это замечание можно применить и к понятию компьютерной информации. Таким образом, можно выделить несколько узловых элементов понятия компьютерной информации, присутствующих практически в каждом авторском и нормативном определении: доступность для непосредственной обработки компьютерами (ЭВМ) и компьютерными устройствами; хранение на носителях, доступ к которым (включающий возможности по воспроизведению, копированию, в некоторых случаях и удалению находящейся на носителе информации) возможен напрямую с компьютера (ЭВМ) или компьютерного устройства; возможность функционирования только в компьютерной среде (доступ и возможное исполнение ее или непосредственно отдельным компьютером (ЭВМ), или компьютерным устройством; доступ и исполнение в рамках взаимодействия двух и более компьютеров или компьютерных устройств в локальной сети или при соединении типа «точка-точка»; или же доступ и иное взаимодействие с ней, осуществляемое компьютерами или компьютерными устройствами в глобальной сети Интернет с помощью различных протоколов удаленного доступа). Действующее нормативное определение компьютерной информа-

ции представляется не вполне удачным, так как в нем не учитывается, что она может передаваться не только с помощью электрических сигналов. Кроме того, основной критерий отграничения ее от иных видов информации заключается в другом. Компьютерная информация – информация прежде всего цифровая, т. е. относящаяся к типу сигналов и форматов данных в электронике, использующих дискретные состояния (в отличие от аналогового сигнала, использующего непрерывные изменения сигнала). Цифровые сигналы существуют как последовательности чисел во времени. Обычно используется два числа – 0 и 1 (так называемые биты). Слово «цифровой» также обозначает способ сохранения данных в цифровом (двоичном) формате. С развитием компьютерной техники и компьютерных устройств, к которым мы относим как компьютерную периферию (маршрутизаторы, модемы, принтеры и пр.), так и собственно компьютерные устройства (планшеты, смартфоны, навигаторы и др.), устоявшееся понятие «компьютерная информация», употребляющееся в уголовно-правовом контексте, все чаще вводит правоприменителя в заблуждение. При лексическом толковании соответствующих норм оно предполагает прежде всего наличие персонального настольного компьютера как средства совершения преступления. Вместе с тем маршрутизаторы, принтеры, смартфоны, навигаторы и пр. часто не воспринимаются как «компьютер», что осложняет квалификацию преступлений. Употребляемый в научной литературе термин «электронная информация», который практически использован законодателем в Уголовном кодексе для раскрытия понятия «компьютерная информация», представляется слишком общим, а передача через электрические сигналы как критерий выделения данного вида информации – технически неоднозначным. С учетом изложенного в законодательстве и правовой литературе целесообразно использовать понятие «цифровая информация». Можно согласиться с мнением С. П. Кушниренко, что понятия «цифровая информация» и «компьютерная информация» соотносятся как общее и частное [5], но в отличие от него не видим необходимости в сохранении термина «компьютерная информация», так как большой объем информации, обрабатываемой компьютером, могут читать, изменять, исполнять и стирать другие устройства, строго говоря, не являющиеся настольными компьютерами. Оптимальным выходом из сложившейся ситуации будет замена термина «компьютерная информация» на термин «цифровая информация» как в законах об информации, информационных технологиях и о защите информации, о связи, так и в соответствующих статьях УК РФ. Удачным представляется определение, предложенное С. П. Кушниренко: «Под цифровой информацией мы понимаем любую информацию, представленную в виде последовательности цифр, доступную для ввода, обработки, хранения, передачи с помощью технических устройств» [5]. Правда, термин «технические устройства» кажется слишком общим в данном контексте. Лучше использовать термин «электронные (цифровые) устройства». Таким образом, необходимо сузить круг возможных устройств, подпадающих под это определение, и одновременно достаточно расширить его для включения компьютерных устройств и периферии. Что касается информационно-телекоммуникационной сети, то закон об информации, информационных технологиях и о защите информации определяет ее как «технологическую систему, предназначенную для передачи по линиям связи информации, доступ к которой осуществляется с использованием средств вычислительной техники». При этом в законе о связи понятие «информационно-телекоммуникационная сеть» используется лишь в контексте сети Интернет (подп. 2, 8, 4 ст. 2; п. 3 ст. 24; п. 2 ст. 401; пп. 2, 6 ст. 44; п. 5 ст. 46 и др. УК РФ) [2]. Представляется, что сеть Интернет в законе о связи употребляется как отдельный вид информационно-телекоммуникационной сети, а не как ее синоним. Помимо указанного, в законе

применяются также термины «федеральная связь», «единая сеть электросвязи Российской Федерации», «сеть связи общего пользования», «выделенные сети связи», «технологические сети связи», «сети связи специального назначения». Федеральная связь определяется в ст. 11 УК РФ как совокупность всех организаций и государственных органов, осуществляющих и обеспечивающих электросвязь и почтовую связь на территории Российской Федерации [6]. Единая сеть электросвязи Российской Федерации, согласно ст. 12 УК РФ, состоит из совокупности «расположенных на территории Российской Федерации сетей электросвязи следующих категорий: сеть связи общего пользования; выделенные сети связи; технологические сети связи, присоединенные к сети связи общего пользования; сети связи специального назначения и другие сети связи для передачи информации при помощи электромагнитных систем». Статья 13 УК РФ определяет сеть связи общего пользования как «комплекс взаимодействующих сетей электросвязи, в том числе сети связи для трансляции телеканалов и (или) радиоканалов», включая сети электросвязи, определяемые географически в пределах обслуживаемой территории и ресурса нумерации и не определяемые географически в пределах территории Российской Федерации и ресурса нумерации, а также сети связи, определяемые по технологии реализации оказания услуг связи. Понятие выделенных сетей связи содержится в ст. 14 УК РФ – это сети электросвязи, предназначенные для возмездного оказания услуг электросвязи ограниченному кругу пользователей или группам таких пользователей [6]. Данные сети: а) могут взаимодействовать между собой; б) не имеют присоединения к сети связи общего пользования, а также к сетям связи общего пользования иностранных государств; в) могут быть построены на технологиях и средствах связи, установленных собственниками или иными владельцами этих сетей. Технологические сети связи, согласно ст. 15 УК РФ, предназначены для обеспечения производственной деятельности организаций, управления технологическими процессами в производстве. Технологии их построения и используемые средства связи устанавливаются собственниками или иными владельцами сетей. Наконец, понятие сети связи специального назначения содержится в ст. 16 УК РФ. Это сети, предназначенные для нужд органов государственной власти, нужд обороны страны, безопасности государства и обеспечения правопорядка. Они не могут использоваться для возмездного оказания услуг связи, услуг присоединения и услуг по пропуску трафика, если иное не предусмотрено законодательством Российской Федерации. На наш взгляд, каждая из этих сетей является информационно-телекоммуникационной, так как обеспечивает обмен информацией между субъектами посредством телекоммуникаций. Еще одним понятием, относящимся ко всем нормам гл. 28 УК РФ, является определение крупного ущерба. Согласно примечанию 2 к ст. 272 УК РФ, крупным ущербом в статьях гл. 28 признается ущерб, сумма которого превышает один миллион рублей. Такая же сумма признается крупным ущербом в гл. 27 УК РФ «Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта», а равно в отдельных статьях: 207 (Заведомо ложное сообщение об акте терроризма), 217¹ (Нарушение требований обеспечения безопасности и антитеррористической защищенности объектов топливно-энергетического комплекса). Учитывая, что потерпевшими от преступлений, предусмотренных ст. 272, 273 УК РФ, нередко являются частные лица, сумма крупного ущерба представляется завышенной. В рамках систематизации квалифицирующих признаков законодателю, возможно, стоило бы ориентироваться на ст. 158 УК РФ [1].

По мнению большинства ученых, понятие «тяжкие последствия», если не раскрывается в конкретном составе преступления, является оценочным и может включать, например, смерть человека, причинение тяжкого вреда здоровью, оставление без жилья

или средств к существованию; длительную приостановку или дезорганизацию работы предприятия, учреждения или организации; длительное отключение потребителей от источников жизнеобеспечения – электроэнергии, газа, тепла, водоснабжения, существенное ухудшение качества окружающей среды или состояния ее объектов, устранение которого требует длительного времени и больших финансовых и материальных затрат, и др. Данные обстоятельства подлежат установлению и оценке судом в каждом конкретном случае. Учитывая специфику компьютерных преступлений и их последствий, целесообразно внести в ст. 272 УК РФ примечание 3, раскрывающее понятие «тяжкие последствия», разделив их в свою очередь на последствия по отношению к личным неимущественным отношениям, имущественным отношениям, а равно последствия по отношению к собственно цифровой информации и соответствующей информационно-телекоммуникационной инфраструктуре.

В качестве одной из основных проблем концепции киберпреступлений в российском уголовном законодательстве можно выделить сложности квалификации нарушений авторских и смежных прав, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. В УК РФ содержится несколько статей, используемых правоприменителем для квалификации деяний, посягающих на указанные общественные отношения. Это прежде всего ч. 2 ст. 146 УК РФ. По оценкам исследователей, большинство нарушений авторских и смежных прав (на книги, фильмы, компьютерные игры, иную аудиовизуальную продукцию) совершается с помощью сети Интернет. Поэтому не вызывает удивления, что правоприменитель часто применяет для квалификации преступлений также ст. 272 УК РФ (Неправомерный доступ к компьютерной информации) и ст. 273 УК РФ (Создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ). По мнению С. А. Середы и Н. Н. Федотова [7], практика дополнительной квалификации по ст. 272 и 273 деяний, предусмотренных чч. 2, 3 ст. 146 УК РФ, началась с 2001 г. и связана с инициативой крупного российского правообладателя при технической поддержке им же учрежденной некоммерческой организации (до января 2012 г. размер ущерба, являющегося обязательным признаком состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 146 УК РФ, составлял не менее 50 тыс. руб.; в настоящее время законодатель увеличил его до 100 тыс. руб., и в таком случае под данный состав подпадает лишь нарушение авторских и смежных прав на самые дорогие продукты программного обеспечения (например, ПО AutoCAD – актуальная версия от 110 тыс. руб. и более; цена на большинство популярных продуктов ПО не достигает необходимой для квалификации планки). Возможность же квалификации нарушений авторских прав по ст. 272 и ст. 273 УК РФ обусловлена формулировкой норм. Непосредственный объект этих составов – компьютерная информация, – по мнению многих правоприменителей, похож на такой объект авторского права, как компьютерная программа. Имущественные авторские права на компьютерную программу обозначаются терминами «воспроизведение», «распространение» и «переработка», которые по своему значению похожи на термины «копирование» и «модификация», используемые в ст. 272 и 273 УК РФ. Неправомерное воспроизведение объекта авторских прав и преодоление технических средств защиты авторских прав многие практики считают похожими на неправомерный доступ к информации, который подпадает под действие ст. 272 УК РФ. Написание же специализированных программ для преодоления технических средств защиты авторских прав похоже на создание вредоносных программ, подпадающее под действие ст. 273 УК РФ. Представляется, что, помимо нечеткости формулировок указанных норм и частных интересов правообладателей, проблемы квалификации нарушений авторских и смежных прав обусловлены исторической

трансформацией объекта и объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 146 УК РФ. Согласно постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26.04.2007 № 14 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака» [8], объектом преступления, предусмотренного ст. 146 УК РФ, в рамках авторских прав являются общественные отношения, связанные с созданием и использованием произведений науки, литературы и искусства, а в рамках смежных (с авторскими) прав – отношения, связанные с созданием и использованием фонограмм, исполнением, организацией передач эфирного вещания и др. В настоящее время ввиду распространения в России широкополосного доступа в Интернет все больше преступлений совершаются с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (ресурсов потокового аудио и видео, различных P2P-программ и др.).

Таким образом, формулировки ст. 146, 272, 273 не вполне удачны и отстают от современного научно-технического прогресса. На практике часто возникают проблемы квалификации и разграничения состава преступления, предусмотренного ст. 146, и состава преступления, предусмотренного ст. 272 УК РФ. Между тем, исходя из трактовки постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26.04.2007 № 14, а также общих принципов и смысла уголовного права, названные составы четко различаются по объектам.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Об информации, информационных технологиях и о защите информации [Электронный ресурс] : Федер. закон, 27 июля 2018 г., № 149-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2018.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 13 июля 1996 г., № 63-ФЗ : в ред. от 03.10.2018 г. : с изм. и доп., вступившими в силу с 21.10.2018 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2018.

3. Вехов, В. Б. Особенности расследования преступлений, совершаемых с использованием средств электронно-вычислительной техники : учеб.-метод. пособие / В. Б. Вехов. – 2-е изд., доп. и испр. – М. : ЦИ и НМОКП МВД России, 2000.

4. Вехов, В. Б. Особенности проведения доследственной проверки по делам о преступлениях в сфере компьютерной информации / В. Б. Вехов // Эксперт-криминалист. – 2013. – № 4.

5. Кушниренко, С. П. Цифровая информация как самостоятельный объект криминалистического исследования [Электронный ресурс] / С. П. Кушниренко // Вестн. криминалистики. – 2006. – № 2. – Режим доступа: <http://www.law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1311821>.

6. О связи [Электронный ресурс] : Федер. закон, 7 июля 2003 г., № 126-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2018.

7. Серeda, С. А. Расширительное толкование терминов «вредоносная программа» и «неправомерный доступ» [Электронный ресурс] / С. А. Серeda, Н. Н. Федотов // Закон. – 2007. – № 7. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/5376747/>.

8. О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации, 26 апр. 2007 г., № 14 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2018.

УДК 343

Е. В. ДЕНИСЮК, А. И. ЗАБЕЙВОРОТА

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ НЕЗАКОННОЙ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Возложение на уголовный закон охранительной функции делает неизбежным наличие в нем большого числа норм с бланкетной диспозицией, в которых формулируется уголовно-правовой запрет на то или иное поведение путем закрепления признаков состава преступления не только в Уголовном кодексе, но и в нормативных правовых актах иных отраслей законодательства [8, с. 23].

Немудрено, что выявление признаков составов преступлений, предусмотренных бланкетными диспозициями, становится сложной задачей, решение которой не всегда может быть однозначным, что достаточно часто демонстрируют наука и правоприменительная практика, по-разному отвечая на одни и те же вопросы, возникающие, в частности, при применении ст. 233 Уголовного кодекса (далее – УК) Республики Беларусь (незаконная предпринимательская деятельность).

Уголовно-правовая оценка совершенного общественно опасного деяния (квалификация преступления) является довольно сложным процессом, поскольку каждый состав преступления имеет ряд общих, совпадающих с другими составами преступлений признаков [6]. По этой причине «для того чтобы правильно квалифицировать преступление, необходимо очень четко представлять себе разграничительные линии между ним и смежными преступлениями». Безусловно, прав В. Н. Кудрявцев, указывающий, что «по сути дела, весь процесс квалификации состоит в последовательном отграничении каждого признака совершенного деяния от признаков других смежных преступлений» [5, с. 120].

Специфика квалификации незаконного предпринимательства заключается не только в необходимости отождествления деяния и нормы уголовного закона, но и в разграничении правомерной предпринимательской деятельности и использования лицом своего гражданского права исключительно во вред государству и другим лицам. В ряде случаев деяния, посягающие на общественные отношения по поводу осуществления предпринимательской деятельности, образуют совокупность с другими преступлениями [4, с. 54].

Одним из дискуссионных остается вопрос соотношения незаконного предпринимательства (ст. 233 УК Республики Беларусь) и уклонения от уплаты сумм налогов, сборов с физических лиц или организаций (ст. 243 УК Республики Беларусь). Мнения ученых и практиков по данному вопросу разделились. Одни авторы полагают, что неплата налогов с доходов, полученных в результате осуществления незаконной предпринимательской деятельности, не должна квалифицироваться по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 233 и 243 УК Республики Беларусь. Другие считают, что действия виновного, занимающегося предпринимательской деятельностью без регистрации или без специального разрешения и уклоняющегося от уплаты налога с доходов, полученных в результате такой деятельности, надлежит квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных соответствующими частями ст. 233, 243 УК Республики Беларусь [7].

Постановлением Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 28.06.2001 № 6 «О судебной практике по делам о незаконной предпринимательской деятельности»

(п. 12) определено, что действия лица, осуществляющего незаконную предпринимательскую деятельность, не требуют дополнительной квалификации по ст. 243 УК Республики Беларусь (уклонение от уплаты налогов).

В качестве обоснования разграничения данных составов преступления Б. В. Волженкин указывает, что незаконная предпринимательская деятельность – такое же преступление, как незаконный оборот наркотиков, оружия, получение взятки и т. п., следовательно, доходы от незаконного предпринимательства получены преступным путем. Признавая необходимость платить налоги на доходы, полученные от незаконной предпринимательской деятельности, нужно быть последовательным и признать, что следует платить налоги во всех случаях преступного обогащения. Привлечение в этом случае к уголовной ответственности за причинение такого последствия еще и по ст. 243 УК Республики Беларусь нарушит всем хорошо известный принцип справедливости, в соответствии с которым никто не может нести уголовной ответственности дважды за одно и то же преступление [2, с. 56].

И. И. Кучеров утверждает, что источник получения доходов при уплате налогов должен носить исключительно законный характер (т. е. с соблюдением условий регистрации и лицензирования), а поэтому составом уклонения от уплаты сумм налогов, сборов не охватываются действия, направленные на сокрытие доходов, полученных от незаконной предпринимательской деятельности. Объекты налогообложения, которые обуславливают обязанность налогоплательщика заплатить налог, представляют собой юридические факты, выражающиеся только в правомерных действиях. По этой причине доход от незаконной предпринимательской деятельности нельзя рассматривать в качестве объекта налогообложения. Соответственно, у лица, его получившего, отсутствует обязанность по уплате с него налогов [2, с. 57].

Определенную сложность представляет проблема разграничения незаконной предпринимательской деятельности и мошенничества (ст. 209 УК Республики Беларусь), совершенного в сфере предпринимательства. Такое мошенничество совершается под видом легального предпринимательства или с использованием организаций, действующих на законных основаниях. В процессе смешения признаков данных норм при совершении преступления проявляются общие между ними признаки: во-первых, присутствие в деянии обмана; во-вторых, получение незаконного дохода либо причинение материального ущерба; в-третьих, окружение деяния разного рода договорными отношениями. Именно сложность и запутанность гражданско-правовых норм вводит в заблуждение правоохранительные органы при квалификации преступлений, что приводит к уклонению преступников от уголовного наказания.

Общим между незаконным предпринимательством и мошенничеством является то, что их можно отнести к имущественным преступлениям. Предпринимательскую деятельность нельзя рассматривать в отрыве от имущественных отношений. Мошенничество также рассматривается как вид предпринимательства, где «личностные качества предпринимателя направлены на обман и самооправдание обмана» [1, с. 63]. Разграничение незаконного предпринимательства и мошенничества следует в первую очередь проводить по объекту преступления. Объектом мошенничества являются отношения собственности, в то время как незаконное предпринимательство посягает на установленный законом порядок осуществления предпринимательской деятельности и в целом порядок экономической деятельности, хотя в обоих случаях могут иметь место договорные отношения. Мошенничество от незаконного предпринимательства следует отличать по объективной стороне деяния. Объективная сторона незаконного предпринимательства хотя и подразумевает обман государства, граждан, но заключается

в совершении законных сделок, договоров, в основе которых лежит занятие либо запрещенными видами предпринимательской деятельности, либо общественно полезными видами предпринимательской деятельности, но без регистрации либо без специального разрешения (лицензии), когда такое специальное разрешение (лицензия) обязательно. В связи с внесением изменений в ст. 233 УК Республики Беларусь Законом Республики Беларусь от 05.01.2015 уголовно наказуемой прямо названа предпринимательская деятельность, которая в соответствии с законодательными актами является запрещенной. Единого акта, содержащего запрещенные виды деятельности, не существует. Поэтому в каждом конкретном случае необходимо уточнять, относится ли избранный вид деятельности к запрещенным или нет. Есть ряд актов, закрепляющих отдельные виды деятельности только за государством, а для некоторых видов деятельности необходимо создание только специальных структур (страховая деятельность, деятельность банков). В связи с этим запрещенная деятельность может быть и непротивоправной, если в ее основе лежит занятие общественно полезными видами предпринимательской деятельности [1, с. 67]. Мошенничество по объективной стороне представляет собой завладение чужим имуществом или приобретение права на него путем обмана или злоупотребления доверием. В основе такого способа хищения лежит фиктивная сделка. Фиктивная сделка в предпринимательской деятельности – противоправные действия граждан, совершенные с целью причинения ущерба участнику сделки или третьим лицам посредством введения их в заблуждение относительно действительных обстоятельств и намерений либо путем заведомого неисполнения обязательств по сделке [3, с. 17]. По субъективной стороне целью незаконного предпринимательства является получение дохода как результата своей деятельности, целью мошенничества – завладение чужим имуществом.

Далее незаконную предпринимательскую деятельность следует отличать от лжепредпринимательства. В соответствии со ст. 234 УК Республики Беларусь лжепредпринимательство представляет собой государственную регистрацию в качестве индивидуального предпринимателя или создание юридического лица без намерения осуществлять предпринимательскую деятельность.

Отличие двух смежных составов проводится по объективной стороне. Лжепредпринимательство определяется ст. 234 УК Республики Беларусь как деятельность, направленная на государственную регистрацию в качестве индивидуального предпринимателя либо создание или приобретение юридического лица (доли в уставном фонде юридического лица) на имя подставного лица (лиц) либо без намерения осуществлять предпринимательскую или уставную деятельность [2, с. 57].

Следует учитывать, что при лжепредпринимательстве преступники официально, согласно законодательству Республики Беларусь, создают, регистрируют коммерческую организацию, им выдается лицензия, открываются банковские счета, но на этом внешне законная деятельность прекращается. По сути, создается фиктивная коммерческая структура, которая прикрывает другие виды деятельности: укрытие от налогов, получение займов и т. д.

Хотя диспозиция статьи содержит указание на отсутствие у виновных намерения вести предпринимательскую деятельность, это не означает, что такая деятельность при лжепредпринимательстве должна вообще отсутствовать. Наоборот, очень часто виновные, чтобы достичь противоправных целей, заключают коммерческие сделки и даже выполняют часть взятых обязательств. Однако такие сделки являются лишь прикрытием действительных намерений лиц, учредивших такую организацию. Что же касается состава преступления, предусмотренного ст. 233 УК Республики Беларусь,

то суть его заключается в занятии предпринимательской деятельностью без регистрации и без разрешения (лицензии) на право занятия такой деятельностью, деятельностью, которая является запрещенной [7, с. 54].

Анализ рассмотренного вопроса позволяет сделать вывод, что при квалификации преступлений следует проводить четкую границу между составами преступлений, особенно если эти составы смежные. С этой целью необходимо выделение принципов и правил квалификации преступлений, которые включают следующие положения: содеянное должно быть прямо предусмотрено статьей Особенной части УК Республики Беларусь; при квалификации преступления учитываются нормы Особенной и Общей частей уголовного закона; квалификация преступлений должна быть основана на точно установленных фактических данных, доказанных по правилам, предусмотренным Уголовно-процессуальным кодексом Республики Беларусь.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аистова, Л. С. Незаконное предпринимательство и смежные составы : учеб. пособие / Л. С. Аистова. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб. : С.-Пб. юрид. ин-т Генерал. прокуратуры, 2005. – 124 с.
2. Глушкова, Е. М. Разграничение незаконного предпринимательства со смежными составами преступлений / Е. М. Глушкова // Мир соврем. науки. – 2016. – № 4 (38). – С. 53–58.
3. Котин, В. Н. Фиктивные сделки в предпринимательской деятельности / В. Н. Котин // Законность. – 2010. – № 10. – С. 15–20.
4. Котов, Е. Н. Уголовное право. Особенная часть : учеб.-метод. пособие / Е. Н. Котов. – Минск : ТетраСистемс, 2014. – 453 с.
5. Кудрявцев, В. Н. Общая теория квалификации преступлений / В. Н. Кудрявцев. – М. : Инфа, 2001. – 126 с.
6. Лукашов, А. Н. Безлицензионная деятельность: административное правонарушение или преступление? / А. Н. Лукашов // Юрид. мир. – 2009. – № 5, 6. – С. 34–49.
7. Лукашов, А. И. Понятие предпринимательской деятельности и проблемы ответственности за нарушения порядка ее осуществления / А. И. Лукашов // Право Беларуси. – 2002. – № 2. – С. 45.
8. Хилюта, В. В. Квалификация незаконной предпринимательской деятельности в совокупности с преступлениями против собственности / В. В. Хилюта // Юрид. мир. – 2009. – № 12. – С. 21–26.

УДК 343.57

А. Н. ДРОЗД

Минск, Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь

МОМЕНТ НАЧАЛА И ОКОНЧАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ ПРЕКУРСОРОВ ИЛИ АНАЛОГОВ: ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ

Одним из наиболее эффективных средств противодействия незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или их аналогов является уголовный закон. Однако его применение в противодействии таким преступлениям может быть затруднено ввиду возникающих в правоприменительной практике

трудностей при уголовно-правовой квалификации преступлений. Определенные сложности в отдельных случаях возникают, в частности, в правильном определении моментов начала и окончания преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов.

Во-первых, обратимся к моменту начала преступлений. В юридической практике в обвинительных заключениях и приговорах при изложении обстоятельств приобретения наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов имеют место указания на то, что «виновный в неустановленном месте, в неустановленное время, у неустановленного лица, при неустановленных обстоятельствах приобрел наркотическое средство» [1]. Как представляется, такая формулировка является недопустимой, так как не дает возможности судить о времени совершения преступления и, следовательно, сроках давности привлечения к уголовной ответственности. Кроме того, данный вопрос достаточно остро стоит в отношении аналогов наркотических средств и психотропных веществ, а также наркотических средств и психотропных веществ, вновь включаемых в Республиканский перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих государственному контролю в Республике Беларусь. При привлечении лица к уголовной ответственности за незаконное приобретение наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов необходимо точное установление времени совершения преступления в период после включения вышеуказанных веществ в соответствующие списки, а также период, соответствующий срокам давности. В противном случае может иметь место необоснованное привлечение лица к уголовной ответственности. Отметим также, что данный вопрос актуален и для зарубежных стран. Так, российские ученые В. П. Ведищев и Д. Ю. Гладышев отмечают, что невозможность установить время совершения преступления должна повлечь исключение из приговора осуждения за незаконное приобретение наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов [2, с. 155].

Аналогично Н. Ф. Мурашов указывает, что при недоказанности обстоятельств незаконного приобретения наркотических средств нет оснований для осуждения за факт незаконного приобретения, а начинать перечисление виновных действий в таком случае следует с незаконного хранения [3, с. 34].

Во-вторых, определенные проблемы в правоприменительной практике могут возникать и при определении момента окончания преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов, совершенных при различных обстоятельствах. Имеются несколько ситуаций, вызывающих трудности в квалификации: вопросы, связанные с совершением продолжаемого преступления, с совершением преступления в рамках проверочной закупки, а также сбыт путем указания на место тайника («закладки»).

1. На сегодняшний день большинство случаев сбыта наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов осуществляется бесконтактным способом – путем сообщения покупателям координат тайника с запрещенными веществами.

Так, по приговору от 12 апреля 2016 г. К. была осуждена за незаконные с целью сбыта приобретение, хранение и незаконный сбыт особо опасного психотропного вещества. В августе 2015 г. К. незаконно приобрела и хранила при себе психотропное вещество – альфа-PVP массой 0,01 грамма с целью дальнейшего сбыта. В этих целях К. сделала «закладку» на территории средней школы № 1 г. Солигорска возле одного из корпусов. Затем о местонахождении тайника сообщила по телефону покупателю.

К. осуждена к 11 годам лишения свободы по ч. 3 ст. 328 Уголовного кодекса Республики Беларусь [4].

При этом действия сбывающего лица квалифицируются как оконченное преступление с момента выполнения объективной стороны преступления – принятия денежных средств и сообщения о месте тайника независимо от реального получения сбываемых наркотических средств приобретателем.

Как представляется, понимание сбыта как перехода наркотических средств приобретателю, в том числе без непосредственного участия лица, сбывающего наркотические средства, психотропные вещества, их прекурсоры или аналоги посредством сообщения сведений о закладке, вполне обоснованно. Это объясняется тем, что преступление с формальным составом, каковым является преступление, предусмотренное ст. 328 Уголовного кодекса (далее – УК) Республики Беларусь, считается оконченным с момента совершения общественно опасного деяния независимо от последствий. В данном случае это выражено в получении сбытчиком оплаты и выбытии предмета преступления из его собственности.

Н. Ф. Мурашов, к примеру, с такой позицией не соглашается. Он отмечает, что правоприменители должны квалифицировать действия с закладкой наркотических средств или психотропных веществ и с сообщением об этом получателю как покушение на сбыт. Он отмечает также, что действия получателя в таком случае можно квалифицировать как приготовление к незаконному приобретению (если он еще не пошел к месту закладки) или как покушение (если не нашел место закладки, не обнаружил в обусловленном месте наркотик, что-то помешало изъять закладку, закладка обнаружена и изъята посторонним лицом, получатель добровольно отказался и т. п.) [5, с. 15].

В то же время большинство ученых поддерживают разделяемую нами точку зрения о квалификации сообщения о месте нахождения тайника как оконченного состава преступления, связанного со сбытом [6]. Так, Н. А. Бабий объясняет это содержательным аспектом сбыта, при котором основной чертой перехода наркотических средств и психотропных веществ является не само физическое перемещение, а переход фактического контроля над ними от сбытчика к приобретателю [7, с. 697].

По нашему мнению, данная точка зрения относительно момента окончания преступления является справедливой даже несмотря на то, что в случае сбыта путем сообщения о месте закладки между моментом достижения договоренности и фактическим приобретением предмета преступления имеется временной интервал. Теоретически можно смоделировать ситуацию, когда уже после сообщения о месте закладки виновное лицо решило отказаться от сбыта, вернуло деньги лицу, их перечислившему, и изъяло наркотическое средство из тайника до появления приобретателя. Считаем, что и в описанной ситуации будет иметь место не добровольный отказ сбытчика от совершения преступления, который на стадии оконченного преступления невозможен, а позитивное постпреступное поведение. Также укажем, что неполучение приобретателем наркотических средств по причинам, не зависящим от сбытчика (уничтожение наркотического средства животным, изъятие правоохранительными органами, разрушение в результате погодных условий и т. п.), также находится за рамками квалификации оконченных действий лица, осуществившего сбыт, однако в то же время позволяет квалифицировать как покушение действия приобретателя.

Так, 6 октября 2017 г. судом г. Жодино рассмотрено уголовное дело в отношении Я. и Ф., которые обратились к О. за помощью в приобретении психотропного вещества. О. с помощью мобильного телефона через приложение связался с поставщиком, получил от него прайс-лист со стоимостью и заказал психотропное вещество,

после чего передал информацию о месте нахождения тайника. Ф. и Я. на такси поехали по указанному адресу, однако закладку не нашли. По пути следования обратно были задержаны сотрудниками ОВД. Действия Ф. и Я. квалифицированы судом по ч. 1 ст. 14 и ч. 1 ст. 328 УК Республики Беларусь как покушение на незаконные без цели сбыта приобретение и хранение психотропных веществ. Действия О. квалифицированы по ч. 3 ст. 328 УК Республики Беларусь как незаконный сбыт особо опасных психотропных веществ [8].

2. В юридической науке также имеются определенные разночтения относительно вопроса о моменте окончания сбыта наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов при проведении проверочной закупки. Обозначая проблемное поле, Н. Ф. Мурашов пишет: «Что касается признания... перехода в ситуации проверочной закупки наркотиков от сбытчика в распоряжение правоохранительного органа оконченным преступлением, следует признать, что ученые, поддерживающие новую трактовку оконченности сбыта наркотиков, игнорируют наличие в содеянном сбытчиком фактической ошибки относительно адресата сбыта, которая, бесспорно, влияет на квалификацию». Также Н. Ф. Мурашов обращает внимание на то, что в таком случае сбытчик действовал с уверенностью, что его наркотик употребит незаконный потребитель, но ошибся в факте оконченности данного преступления, в связи с чем его действия надлежит квалифицировать как покушение на совершение преступления [5, с. 16].

С данной позицией в пользу квалификации описанного преступления как покушения в связи с изъятием наркотического средства или психотропного вещества из незаконного оборота мы не согласны. Как уже отмечалось выше, мы считаем, и это отмечается в специальной литературе [9, с. 4], что употребление или иное распоряжение наркотического средства приобретателем находится вне рамок квалификации действий лица, осуществляющего сбыт. По нашему мнению, сами действия лица по сбыту, а не последующее применение наркотических средств причиняют вред охраняемым уголовным законом отношениям, а именно законному, безопасному для здоровья населения обороту наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов.

Кроме того, отметим, что при правильно проведенной проверочной закупке в момент передачи наркотического средства приобретателю лицо, осуществляющее сбыт, не знает, что сбываемые наркотические средства принимает не реальный потребитель, а лицо, участвующее в проверочной закупке, в связи с чем его умысел можно считать полностью реализованным.

3. Не менее дискуссионными с точки зрения квалификации являются вопросы, возникающие при совершении продолжаемых преступлений.

В частности, определенные проблемы могут возникать при квалификации частично реализованного умысла лица на сбыт наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов в крупном размере.

В правоохранительной деятельности имеют место факты задержания лица за сбыт наркотических средств, когда в ходе последующего разбирательства также выявляется хранение виновным наркотических средств в крупном размере в целях сбыта. В специальных исследованиях встречаются мнения, что действия такого лица следует квалифицировать следующим образом: часть действий по сбыту – как оконченный состав, а в отношении оставшейся части наркотиков, которую виновный не успел реализовать, – как покушение на сбыт в соответствующем размере. Однако в результате такой квалификации может создаваться впечатление, что лицо привлекается за два самостоятельных преступления: сбыт и покушение на сбыт. Между тем при таких

обстоятельствах содеянное является единым продолжаемым преступлением, а не совокупностью преступлений [2, с. 87]. Квалификация действий виновного при частичной реализации им умысла на незаконный сбыт наркотика как оконченный состав и как покушение на сбыт в крупном размере ставит лицо в худшее положение по сравнению с обвиняемым, полностью реализовавшим умысел на незаконный сбыт наркотика, ведь по совокупности преступлений ему может быть назначено наказание, превышающее максимальную меру ответственности, предусмотренную за незаконный сбыт наркотиков в соответствующем размере [9, с. 7].

Проанализировав проблему, считаем, что в данном случае все содеянное должно квалифицироваться не как покушение на преступление в замысленном, дифференцирующем ответственность размере, а как оконченное преступление с вменением соответствующего признака крупного размера. Соглашаясь с П. С. Яни, отметим, что признание в действиях лица оконченного сбыта наркотиков в том размере, который охватывался умыслом виновного, соответствует высокой общественной опасности данных преступлений [10, с. 7]. В данной ситуации может быть применена юридическая фикция: признание преступления оконченным уже с момента сбыта части наркотиков. Аналогичные положения, к слову, реализуются и в уголовно-правовом противодействии взяточничеству, когда взятка признается полученной уже с момента принятия ее части.

Так, приговором Минского городского суда З., 1988 г. р., был признан виновным в том, что с целью обогащения и получения материальной выгоды при неустановленных обстоятельствах приобрел особо опасное психотропное вещество амфетамин массой не менее 1,39 грамма. 01.11.2011 З. около 19.20 часть сбыв Г., а в 19.35 он же, являясь лицом, ранее совершившим преступление, предусмотренное ст. 328 УК Республики Беларусь, сбыв около 0,89 грамма амфетамина С. Он же, будучи лицом, ранее совершившим преступление, предусмотренное ст. 328 УК Республики Беларусь, 27.01.2012 приобрел особо опасное психотропное вещество амфетамин в крупном размере – не менее 11,5 грамма, которые хранил и перевозил до момента задержания. Действия З. были квалифицированы как незаконные с целью сбыта приобретение, хранение, перевозка особо опасного психотропного вещества в крупном размере и сбыт, совершенные лицом, ранее совершившим преступление, предусмотренное ст. 328 УК Республики Беларусь, по ч. 3 ст. 328 УК Республики Беларусь [11].

Нам представляется, что такая квалификация (как оконченного преступления – незаконного в целях сбыта приобретения, хранения и сбыта наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов в крупном размере) является правильной. Однако нельзя не уточнить, что когда в действиях виновного есть совокупность совершенных фактов сбыта, то квалификация каждого самостоятельного преступления осуществляется с учетом размера сбывавшихся в каждом случае наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов. При этом при независимых друг от друга фактах сбыта размеры сбываемых наркотических средств не объединяются [12, с. 39].

Так, Ф. при неустановленных обстоятельствах незаконно с целью сбыта приобрел наркотическое вещество – гашиш массой более 58,8 грамма, которое хранил по месту жительства, разделив на объемы по 0,6 грамма, после чего незаконно сбыв Г. часть наркотического средства 15.06.2010 и 23.06.2010. Первоначально суд усмотрел в действиях Ф. продолжаемое преступление, совершенное в два приема, и квалифицировал по ч. 2 ст. 328, приговорив к 6 годам лишения свободы. Однако в последующем данные действия были признаны многоэпизодным преступлением. 28.02.2014 судебная

коллегия по уголовным делам Верховного суда Республики Беларусь по кассационному протесту переквалифицировала действия Ф. на ч. 2 ст. 328 и ч. 3 ст. 328 (по признаку совершения лицом, ранее совершившим преступление, предусмотренное ст. 328 УК Республики Беларусь), назначив по совокупности преступлений наказание в виде лишения свободы на срок 7 лет [13].

Таким образом, проведя анализ отдельных ситуаций, приходим к выводу, что случаи отсутствия указания в приговорах на время, дату или период совершения преступления, связанного с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов, являются недопустимыми и не должны иметь место в судебной-следственной практике. В соответствии с действующим законодательством и положениями уголовно-правовой науки сбыт, осуществляемый в ходе проверочной закупки, а также посредством сообщений о тайнике, следует считать оконченным преступлением. При квалификации сбыта, осуществляемого в несколько этапов, ключевым фактором является субъективное отношение лица к своим преступным действиям как к продолжаемому преступлению или неоднократно возникающему умыслу на сбыт.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архив суда Первомайского района г. Минска. – УД № 1-126/13; Архив суда Центрального района г. Минска. – УД № 592/15; Архив суда Октябрьского района г. Минска. – УД № 1-148/15.
2. Ведищев, В. П. Незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов (вопросы квалификации, расследования, ОРМ, экспертизы) : монография / В. П. Ведищев, Д. Ю. Гладышев. – М. : Юрлитинформ, 2016. – 208 с.
3. Мурашов, Н. Ф. Актуальные вопросы противодействия незаконному обороту наркотиков / Н. Ф. Мурашов // Наркоконтроль. – 2016. – № 4. – С. 31–38.
4. Роковой «кристалл». В Солигорске вынесен приговор женщине, сделавшей «закладку» психотропа на территории школы [Электронный ресурс] // Esoligorsk.by. – 2000–2018. – Режим доступа: <https://esoligorsk.by/novosti/v-soligorske/50098-rokovo-kristall-v-soligorske-vynesen-prigovor-zhenshchine-sdelavshej-zakladku-psikhotropa-na-territorii-shkoly>. – Дата доступа: 01.11.2018.
5. Мурашов, Н. Ф. О проблемных положениях новой редакции постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 г. № 14 / Н. Ф. Мурашов // Наркоконтроль. – 2016. – № 1. – С. 11–21.
6. Классен, А. Н. Трансформация позиции Верховного Суда РФ по вопросу квалификации сбыта наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов [Электронный ресурс] / А. Н. Классен, М. С. Кириенко // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2018.
7. Бабий, Н. А. Учение о стадиях преступления и неоконченных преступлениях : монография / Н. А. Бабий. – М. : Юрлитинформ, 2017. – 752 с.
8. Помощь в приобретении наркотических средств или сбыт? [Электронный ресурс] // Zhodinonews.by. – Режим доступа: <https://zhodinonews.by/2017/11/28/pomoshh-v-priobrenenii-narkoticheskikh-sredstv-ili-sby-t>. – Дата доступа: 01.11.2018.
9. Курченко, В. Н. Проблемы квалификации сбыта наркотиков: судебное толкование / В. Н. Курченко // Наркоконтроль. – 2015. – № 1. – С. 3–9.
10. Яни, П. С. Новое постановление Пленума Верховного Суда РФ о взяточничестве / П. С. Яни // Законность. – 2013. – № 11. – С. 21–26.
11. Архив Минского городского суда. – УД № 2-55/13.

12. Мурашов, Н. Ф. О некоторых положениях статьи В. Н. Курченко «Проблемы квалификации сбыта наркотиков: судебное толкование». Доктринальное толкование / Н. Ф. Мурашов // Наркоконтроль. – 2015. – № 2. – С. 35–41.

13. Архив Минского городского суда. – УД № 2-45/13.

УДК 343.625.3

А. А. ДУТКО

Львов, Львовский государственный университет внутренних дел

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА УКЛОНЕНИЕ ОТ УПЛАТЫ АЛИМЕНТОВ НА СОДЕРЖАНИЕ ДЕТЕЙ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ УКРАИНЫ И ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАН

Законы Украины, равно как и других европейских стран, обязывают родителей содержать своих несовершеннолетних детей и нетрудоспособных совершеннолетних детей, нуждающихся в материальной помощи. Такая обязанность закреплена в ст. 51 Конституции Украины, а также в Семейном кодексе Украины.

8 августа 2018 г. вступил в действие Закон Украины «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины относительно создания экономических предпосылок для усиления защиты права ребенка на надлежащее содержание» [1]. Закон устанавливает, что минимальный рекомендуемый размер алиментов на одного ребенка составляет размер прожиточного минимума для ребенка соответствующего возраста и может быть назначен судом в случае достаточности заработка (дохода) плательщика алиментов.

Размер алиментов, определенный судом или договоренностью между родителями в твердой денежной сумме, ежегодно подлежит индексации в соответствии с законом, если плательщик и получатель алиментов не договорились об ином. При этом ужесточилась ответственность за неуплату алиментов на содержание детей.

Законы, регулирующие отношения родителей с ребенком, сводят эту ответственность к трем сферам – гражданской, административной и уголовной.

Следует отметить, что по законодательству Украины алименты, полученные на ребенка, являются собственностью ребенка. Тот из родителей или других законных представителей ребенка, на имя которого выплачиваются алименты, распоряжается ими исключительно по целевому назначению в интересах ребенка. Несовершеннолетний ребенок имеет право принимать участие в распоряжении алиментами, полученными на его содержание. Несовершеннолетний ребенок имеет право на самостоятельное получение алиментов и распоряжение ими в соответствии с Гражданским кодексом Украины [2].

По решению суда средства на содержание ребенка (алименты) присуждаются в части от дохода его матери, отца или твердой денежной сумме по выбору родителя или других законных представителей ребенка, вместе с которыми проживает ребенок. Способ взыскания алиментов, определенный решением суда, изменяется по решению суда по иску получателя алиментов. При определении размера алиментов суд учитывает состояние здоровья и материальное положение ребенка; состояние здоровья и материальное положение плательщика алиментов; наличие у плательщика алиментов других детей, нетрудоспособных мужа, жены, родителей, дочери, сына; наличие движимого и недвижимого имущества, денежных средств; доказательства взыскателем алимен-

тов расходов плательщика алиментов, в том числе на приобретение недвижимого или движимого имущества, сумма которых превышает десятикратный размер прожиточного минимума для трудоспособного лица, если плательщиком алиментов не доказан источник происхождения средств; другие обстоятельства, имеющие существенное значение. Размер алиментов должен быть необходимым и достаточным для обеспечения гармоничного развития ребенка.

Задолженность по алиментам, присужденным в части от заработка (дохода), определяется исходя из фактического заработка (дохода), который плательщик алиментов получал за время, в течение которого осуществлялось их взыскание, независимо от того, получен такой заработок (доход) в Украине или за рубежом. Задолженность по алиментам плательщика алиментов, который не работал на время возникновения задолженности, или является физическим лицом – предпринимателем и находится на упрощенной системе налогообложения, или является гражданином Украины, который получает заработок (доход) в государстве, с которым Украина не имеет договора о правовой помощи, определяется исходя из средней заработной платы работника для данной местности. В случае установления источника и размера заработка (дохода) плательщика алиментов, который он получил за рубежом, по заявлению получателя алиментов государственный исполнитель, частный исполнитель осуществляет перерасчет задолженности. Размер задолженности по алиментам исчисляется государственным исполнителем, частным исполнителем, а в случае возникновения спора – судом.

В случае возникновения задолженности по вине лица, обязанного уплачивать алименты по решению суда или по договоренности между родителями, получатель алиментов имеет право на взыскание неустойки (пени) в размере 1 % суммы неуплаченных алиментов за каждый день просрочки со дня просрочки уплаты алиментов ко дню их полного погашения или до дня принятия судом решения о взыскании пени, но не более 100 % задолженности. Размер неустойки может быть уменьшен судом с учетом материального и семейного положения плательщика алиментов.

Также закон вводит дополнительные штрафы за задолженность по алиментам более одного года. Эти штрафы будут направлены непосредственно детям и являются своеобразной компенсацией за несвоевременное получение ими средств.

Если же у плательщика алиментов возникает задолженность в совокупном размере больше, чем сумма соответствующих платежей за один год, то на такое лицо будет налагаться штраф в размере 20 % от суммы задолженности. Если же задолженная сумма будет превышать в совокупном размере сумму соответствующих платежей за два года, то в таком случае штраф будет увеличиваться и составит уже 30 %. В случае задолженности на сумму платежей за три года штраф возрастет до 50 % от суммы долга [3].

07.12.2017 парламент принял Закон Украины «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины относительно усиления защиты права ребенка на надлежащее содержание путем совершенствования порядка принудительного взыскания задолженности по уплате алиментов» [4]. Указанным законом введены дополнительные механизмы и гарантии защиты прав ребенка и других лиц на получение алиментов. Новеллой среди принятых положений является внесение изменений в Кодекс Украины об административных правонарушениях (далее – КоАП Украины), которыми установлена административная ответственность за неуплату алиментов, а также введен новый вид административного взыскания – общественно полезные работы.

Так, ст. 183-1 КоАП Украины предусмотрена ответственность за неуплату алиментов на содержание ребенка, одного из супругов, родителей или других членов семьи, что привело к возникновению задолженности, совокупный размер которой

превышает сумму соответствующих платежей за шесть месяцев со дня предъявления исполнительного документа к принудительному исполнению [5].

При этом, исходя из диспозиции статьи, не имеет значения, по каким причинам лицо не платит алименты и были ли они уважительными, а достаточно лишь факта неуплаты, который привел к возникновению задолженности в общей сумме платежей более шести месяцев. Однако наличие у плательщика алиментов объективных или непреодолимых причин неуплаты алиментов (например, тяжелая продолжительная болезнь, чрезвычайная ситуация или военные действия и т. п.) должно быть учтено судом при рассмотрении дела с целью решения вопроса о размере взыскания или наличии оснований для освобождения лица от ответственности по крайней необходимости (ст. 18 КоАП Украины).

Также наказание предусматривается, если не уплачиваются алименты в течение трех месяцев на содержание ребенка с инвалидностью и ребенка, который болеет тяжелыми перинатальными поражениями нервной системы, врожденными пороками развития, редкими орфанными заболеваниями, онкологическими или онкогематологическими заболеваниями, детским церебральным параличом, тяжелыми психическими расстройствами, сахарным диабетом I типа (инсулинозависимый), острыми или хроническими заболеваниями почек IV степени, или на содержание ребенка, получившего тяжелые травмы, требующие трансплантации органа, паллиативной помощи.

Повторное правонарушение в течение года наказывается 240–360 часами общественных работ. За уклонение от отбывания этого административного взыскания нарушителю грозит административный арест сроком до 10 суток.

Уголовная ответственность предусмотрена ст. 164 Уголовного кодекса (далее – УК) Украины – уклонение от уплаты алиментов на содержание детей [6]. Общественная опасность данного преступления состоит в том, что оно грубо нарушает обязанности, которые возлагаются на родителей Конституцией Украины и семейным законодательством, и посягает на нормальное развитие и здоровье детей. Непосредственным объектом данного преступления являются общественные отношения, обеспечивающие защиту имущественных интересов несовершеннолетних или нетрудоспособных детей, нуждающихся в помощи.

Уклонение от уплаты алиментов на содержание детей (ст. 164 УК Украины) может иметь место лишь при наличии решения суда, согласно которому мать или отец или иное предусмотренное законом лицо обязано платить алименты.

Под уклонением от уплаты алиментов понимаются действия или бездействие виновного лица, направленные на неисполнение решения суда о взыскании с него в пользу ребенка (детей) определенной суммы алиментов. Они могут выражаться как в прямом отказе от уплаты установленных судом алиментов, так и в других действиях (бездействии), которые фактически делают невозможным выполнение указанной обязанности (сокрытие заработка (дохода), подлежащего учету при отчислении алиментов, изменение места работы или места жительства с непредоставлением соответствующего заявления о необходимости взимания алиментов и т. п.).

Уклонение от содержания несовершеннолетних, а также совершеннолетних, но нетрудоспособных детей, находящихся на иждивении родителей, может заключаться в необеспечении таких детей питанием, одеждой, другими вещами (прежде всего первой необходимости), непредоставлении необходимых средств для их лечения, отдыха и т. п.

Уклонение от уплаты алиментов и уклонение от содержания несовершеннолетних или нетрудоспособных детей образуют этот состав преступления только в случае, если оно является злостным. Это понятие относится к оценочным категориям и должно

быть определено в каждом конкретном случае. Признание судом уклонения злостным должно быть надлежащим образом мотивировано в приговоре. О злостном характере уклонения могут свидетельствовать продолжительное, систематичное и настойчивое уклонение, продолжение уклонения после предупреждения о необходимости исполнения своего долга и возможности уголовной ответственности, неоднократные обращения потерпевшего или других лиц к виновному лицу по этому поводу и т. п.

При этом под злостным уклонением от уплаты алиментов на детей следует понимать любые действия должника, направленные на неисполнение решения суда, которые привели к возникновению задолженности по уплате таких средств в размере, совокупно составляющем сумму выплат за три месяца соответствующих платежей.

Не может признаваться злостным уклонение от уплаты алиментов, которое хотя и продолжалось значительный промежуток времени, имело систематический характер, но было вынужденным со стороны лица, на которое такая обязанность возложена законом или решением суда, в частности неуплата алиментов лицом из-за невозможности найти работу, из-за болезни, невыделение из семейного бюджета средств, необходимых для приобретения одежды несовершеннолетнему ребенку или для лечения нетрудоспособного ребенка, в связи с их отсутствием и т. п.

Преступление признается оконченным с момента, когда указанное в этой статье уклонение приобрело злостный характер.

Санкция статьи предусматривает общественные работы на срок от 80 до 120 часов, или арест на срок до трех месяцев, или ограничение свободы на срок до двух лет.

Следует отметить, что в прошлом году по ст. 164 УК Украины было вынесено 755 судебных приговоров по всей стране и фактически осуждено 512 лиц к уголовной ответственности. Только за четыре месяца текущего года (2018) национальная полиция возбудила уже 2 987 уголовных производств по статье «Злостное уклонение от уплаты алиментов» [7].

Уголовная ответственность за уклонение от уплаты алиментов предусмотрена и уголовными кодексами других стран. Так, согласно ст. 176 УК Грузии злостное уклонение от уплаты назначенных судебным решением алиментов наказывается штрафом или общественно полезным трудом на срок от 120 до 240 часов либо исправительными работами на срок до одного года [8].

В ст. 174 УК Республики Беларусь указывается, что уклонение родителей более трех месяцев в течение года от уплаты по судебному постановлению средств на содержание несовершеннолетних или совершеннолетних, но нетрудоспособных и нуждающихся в материальной помощи детей наказывается общественными работами, или исправительными работами на срок до двух лет, или арестом, или ограничением свободы на срок до трех лет, или лишением свободы на срок до одного года [9].

В ст. 139 УК Республики Казахстан определено, что неисполнение обязанностей более трех месяцев родителем по уплате средств по решению суда на содержание несовершеннолетних детей наказывается привлечением к общественным работам на срок до 600 часов, либо ограничением свободы на срок до двух лет, либо лишением свободы на тот же срок [10].

Статья 121 УК Эстонии предусматривает ответственность за злостное уклонение родителя от уплаты алиментов, присужденных судом на содержание ребенка, – наказание штрафом или арестом [11].

Статья 209 УК Республики Польша указывает на то, что тот, «кто упорно уклоняется от выполнения лежащей на нем в силу закона или судебного решения обязанности опеки путем непредоставления средств на содержание самого близкого лица или

иною лица и тем самым делает невозможным удовлетворение их основных жизненных потребностей, подлежит штрафу, наказанию ограничением свободы либо лишением свободы на срок до двух лет [12].

Проанализировав вышеупомянутые нормативные акты, приходим к выводу, что в УК Грузии, Эстонии, Украины и Польши объективная сторона данного преступления выражается именно в злостном уклонении от уплаты алиментов. Временные рамки уклонения от уплаты алиментов (более трех месяцев) указаны не во всех кодексах, а только в УК Украины, Беларуси и Казахстана. Наказание за это преступление предусмотрено в виде штрафа, общественных работ, исправительных работ, ареста, ограничения свободы и вплоть до лишения свободы, наиболее строго в Казахстане и Польше – в этих странах предусмотрено наказание в виде лишения свободы до двух лет.

Таким образом, законодательство европейских стран об ответственности, в том числе уголовной, за неуплату алиментов направлено на обеспечение надлежащего выполнения решений о взыскании алиментов, что позволит уменьшить задолженность по уплате алиментов, а также обеспечит надлежащее содержание лиц, получающих алименты.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Про внесення змін до деяких законодавчих актів України щодо створення економічних передумов для посилення захисту права дитини на належне утримання [Електронний ресурс] : Закон України, 3 лип. 2018 р., № 2475-VIII. – Режим доступу: <http://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2475-19>.

2. Сімейний кодекс України [Електронний ресурс] : 10 січ. 2002 р., № 2947-III. – Режим доступу: <http://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2947-14>.

3. Набув чинності закон про відповідальність за несплату аліментів [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://ukrainepravo.com/news/ukraine/nabrav-chynnosti-zakon-pro-posylennya-vidpovidalnosti-za-nesplatu-alimentiv/>.

4. Про внесення змін до деяких законодавчих актів України щодо посилення захисту права дитини на належне утримання шляхом вдосконалення порядку примусового стягнення заборгованості зі сплати аліментів [Електронний ресурс] : Закон України, 7 груд. 2017 р., № 2234-VIII. – Режим доступу: <http://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2234-19>.

5. Кодекс України про адміністративні правопорушення [Електронний ресурс] : 7 груд. 1984 р., № 8073-X. – Режим доступу: <http://zakon.rada.gov.ua/laws/show/80731-10>.

6. Кримінальний кодекс України [Електронний ресурс] : 5 квіт. 2001 р., № 2341-III. – Режим доступу: <http://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2341-14>.

7. В Україні поліція порушила майже три тисячі справ за ухилення від сплати аліментів [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <https://tsn.ua/svit/v-ukrayini-policiya-porushila-mayzhe-tri-tisyachi-sprav-za-uhilennya-vid-splati-alimentiv-1150320.html>.

8. Уголовный кодекс Грузии [Электронный ресурс] : 22 июля 1999 г., № 2287-вс. – Режим доступа: <https://matsne.gov.ge/ka/document/download/16426/143/ru/pdf>.

9. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-3. – Режим доступа: <http://xn-ctbcgfviccvibf9bq8k.xn--90ais/>.

10. Уголовный кодекс Республики Казахстан [Электронный ресурс] : 3 июля 2014 г., № 226-V. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252.

11. Уголовный кодекс Эстонии [Электронный ресурс]: 6 июня 2001 г. – Режим доступа: <http://www.crime.vl.ru/index.php?p=1332&more=1&c=1&tb=1&pb=1#more1332>.

12. Уголовный кодекс Республики Польша [Электронный ресурс] : 1 янв. 1997 г. – Режим доступа: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1246817&subID=100110056,100110058,100110088,100110279#text>.

УДК 343

И. А. ЗАРАНКА

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина

**УБИЙСТВО МАТЕРЬЮ НОВОРОЖДЕННОГО РЕБЕНКА
ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ:
УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ**

Каждый человек имеет право на жизнь. Государство защищает жизнь человека от любых противоправных посягательств. Среди всех преступлений против личности наибольшей опасностью обладает убийство. Оно посягает на жизнь человека – благо, которое принадлежит человеку от рождения и дается ему только один раз. В Уголовном кодексе (далее – УК) Республики Беларусь есть существенные изменения и нововведения по сравнению с ранее действовавшим уголовным законодательством, в том числе по таким категориям преступлений, как убийства, в частности убийство матерью новорождённого ребёнка.

По ст. 140 УК Республики Беларусь наказуемо убийство матерью своего ребенка во время родов или непосредственно после них, совершенное в условиях психотравмирующей ситуации, вызванной родами [1]. Ранее такое убийство расценивалось как «простое» убийство, т. е. без смягчающих обстоятельств, и квалифицировалось по ст. 101 УК Республики Беларусь 1960 г. В действующем УК Республики Беларусь такое убийство отнесено к убийству при смягчающих обстоятельствах. Причина этого в том, что беременность (особенно нежелательная) и физиологические роды оказывают неблагоприятное воздействие на психику женщины: она переживает сильнейшее физическое и психическое потрясение. Поэтому такое патологическое состояние роженицы при совершении убийства своего новорожденного ребенка не исключает виновности, но дает основание рассматривать его как убийство, совершенное при смягчающих обстоятельствах. Такое состояние женщины не исключает ее ответственности, но свидетельствует о меньшей опасности ее личности.

Потерпевшим в данном случае является новорожденный ребенок.

Начало уголовно-правовой охраны жизни совпадает с моментом родов при беременности свыше 22 недель. При таком сроке беременности плод уже способен к внеутробной жизни. Уничтожение плода при сроке беременности до 22 недель или умерщвление ребенка в утробе матери при беременности свыше 22 недель до начала родов можно рассматривать при определенных условиях как незаконное производство аборта (ст. 156 УК Республики Беларусь). В научной литературе момент начала родов понимается по-разному. Так, некоторые авторы возникновения этого процесса связывают со временем прорезывания головки ребенка [2, с. 38]. По мнению других, это явление совпадает «с началом родовых схваток, хотя бы ни одна часть тела рождающегося не находилась вне утробы матери». Второй подход более убедителен и логичен. Начало родовых схваток, считает Н. И. Загородников, «свидетельствует о том, что плод достаточно созрел и приобрел все необходимые качества для внеутробной жизни, о чем и свидетельствуют объективные данные (начало родов). Хотя в такой момент ребенок может быть еще и невидимым, однако состояние матери, выделение околоплодных веществ и другие признаки с несомненностью говорят о том, что человек уже начинает свою самостоятельную жизнь» [3, с. 35–36]. Такое убийство совершается как активными действиями (например, нанесение смертельной раны в голову рождающемуся ребенку, удушение его после отделения от тела матери), так и бездействием (отказ матери

кормить ребенка). Обязательным признаком объективной стороны является время совершения преступления – во время родов или непосредственно после них. В первой ситуации происходит убийство ребенка в период времени с начала родовых схваток (при беременности свыше 22 недель) и до момента его рождения. Во второй – после полного отделения ребенка от тела матери, начала самостоятельной жизни новорожденного. При этом общественно опасное последствие должно находиться в причинной связи с деянием матери. Умерщвление ребенка квалифицируется по ст. 140 УК Республики Беларусь, если такое деяние произошло непосредственно после родов, т. е. прямо следовало после его рождения. Если убийство прямо не следовало после окончания родов и имеет место разрыв во времени, все содеянное при соответствующих условиях квалифицируется по ст. 139 УК Республики Беларусь.

Есть разные точки зрения по поводу того, что значит «непосредственно после родов». Так, некоторые авторы под этим отрезком времени понимают сутки с момента рождения ребенка. Другие считают, что установление какого-то заранее определенного срока является неприемлемым, и предлагают определять этот срок в каждом конкретном случае. По мнению третьих, промежуток времени «непосредственно после родов» – это отрезок времени после рождения ребенка и до отделения плаценты (детского места). Логичным является суждение И. О. Грунтова о том, что период «непосредственно после родов» не может быть значительно отдален от времени родов; он должен быть конкретным для всех ситуаций, иначе это может породить различия в квалификации и ответственности виновных лиц; он не должен относиться к предшествующему родовому периоду. По его мнению, под термином «сразу после родов» следует понимать промежуток времени, совпадающий с ранним послеродовым периодом, – от двух до четырех часов после изгнания последа. Такое понимание этого явления, во-первых, учитывает сложившееся положение в медицинской практике (2–4 часа после родов в медицине называют ранним послеродовым периодом), во-вторых, не противоречит ст. 140 УК Республики Беларусь, поскольку такой отрезок времени не является длительным и непосредственно без какого-либо разрыва следует за родами [2, с. 4].

Согласно ст. 140 УК Республики Беларусь убийство матерью своего ребенка происходит не просто во время родов или непосредственно после них, а в условиях психотравмирующей ситуации, вызванной родами. В подобном случае закон говорит о необычной обстановке совершения преступления. Обязательным для квалификации по данной статье является установление наличия психотравмирующей ситуации, т. е. фактов негативного воздействия на психику роженицы. Психотравмирующая ситуация – продолжительная ситуация, характеризующаяся комплексным воздействием психотравмирующих факторов. К примеру, психотравмирующей ситуацией могут быть признаны отказ отца ребенка признать его своим, его же отказ от оказания помощи, отказ зарегистрировать брачные отношения, травля женщины родственниками перед появлением ребенка вне брака и т. п.

В Общей части ст. 31 УК Республики Беларусь понятие «психотравмирующая ситуация» используется при характеристике повода возникновения особого психического состояния виновного – сильного душевного волнения (аффекта), когда лицо не могло в полной мере сознавать значение своих действий или руководить ими. Представляется, что и применительно к ст. 140 УК Республики Беларусь необходимо рассматривать «психотравмирующую ситуацию, вызванную родами» как причину возникновения особого психического состояния роженицы, когда она не могла в полной мере сознавать значение своих действий или руководить ими. Только при одновременном наличии этих всех обязательных признаков состава содеянное может быть квалифици-

ровано как убийство при смягчающих обстоятельствах. Поэтому убийство матерью новорожденного ребенка во время родов или непосредственно после них, но при отсутствии психотравмирующей ситуации не может быть квалифицировано по ст. 140 УК Республики Беларусь, в этом случае содеянное квалифицируется по ст. 139 УК Республики Беларусь как убийство без этого смягчающего обстоятельства.

Убийство матерью двух и более новорожденных близнецов при всех обязательных признаках рассматриваемого состава убийства также квалифицируется по ст. 140 УК Республики Беларусь, а не по п. 1 ч. 2 ст. 139 УК Республики Беларусь как убийство двух и более лиц.

Субъективная сторона преступления характеризуется умышленной виной, при этом умысел может быть как прямой, так и косвенный. Момент возникновения умысла не влияет на квалификацию содеянного. Здесь важно, чтобы его реализация произошла во время родов или непосредственно после них, а не раньше или позже этого. В том случае когда в преступном поведении роженицы можно заподозрить болезненность, ограничивающую самоконтроль и самооценку, следует назначать судебно-психиатрическую экспертизу, порядок назначения и проведения которой предусмотрен гл. 26 Уголовно-процессуального кодекса (далее – УПК) Республики Беларусь, чтобы установить, в какой степени болезнь определяла поведение роженицы. Основная задача этой экспертизы – дать обоснованный и четкий ответ на вопрос: находилась роженица во время совершения преступления в болезненном состоянии психики или нет? Если состояние будет определено как болезненное, то необходимо определить его характер и его особенности: является оно хроническим, временным, каким-либо иным или же слабоумием. Кроме того, необходимо установить, в какой степени болезнь определяла поведение роженицы.

Применительно к ст. 140 УК Республики Беларусь речь идет о болезненном нарушении психики, которое не полностью ограничивает способность роженицы сознавать и руководить своими действиями. Иными словами, нарушение психической деятельности проявляется в искажении работы головного мозга, позволяющем частично понимать свои поступки и руководить ими. Помимо этого, могут наблюдаться искажения волевого контроля за своими поступками (усиление или ослабление). Временные расстройства эмоционально-волевой деятельности головного мозга в результате психологических травм и воздействия истощающих факторов определяются как нарушения адаптации, реактивные состояния, психические расстройства, страхи и навязчивость (фобии, obsессии). Слабоумие, такие его варианты, как имбецильность (форма врожденного недоразвития), выраженная дебильность, фактически исключает способность рожениц сознавать и руководить своими поступками. Действия, совершенные при ограничении способности сознавать и контролировать свои поступки в результате болезненного состояния головного мозга, должны оцениваться как совершенные в состоянии уменьшенной вменяемости. Некоторые авторы считают, что хронические заболевания психики сглаживаются и компенсируются при беременности, родах и в начале послеродового периода. К таким хроническим болезненным состояниям психики относятся шизофренический процесс (хроническое бредовое расстройство), эпилептические расстройства (компульсивные, пароксизмальные), необратимые воздействия на головной мозг в прошлом (травмы, кровоизлияния, инфекции, инородные тела, поражение простейшими организмами) и т. п. Кратковременное нарушение психики, исключаящее способность роженицы сознавать и руководить своими поступками, встречается редко. Болезненные нарушения психики, определяемые как «иные болезненные состояния», не встречаются у рожениц вовсе, однако довольно часто имеют место в послеродовом периоде. Называются они послеродовым психозом.

Субъект преступления – специальный: только мать новорожденного ребенка, достигшая 16-летнего возраста. Статья 140 УК Республики Беларусь предусматривает ответственность за убийство при смягчающих обстоятельствах, относящихся к определенному состоянию виновной, вызванному родами. В этой связи иные лица, принимающие участие в убийстве ребенка, не могут нести ответственность по этой статье УК Республики Беларусь. Другие лица – соисполнители такого убийства – несут ответственность по ст. 139 УК Республики Беларусь как за убийство без смягчающего обстоятельства.

В соответствии со ст. 50 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье (далее – КоБС Республики Беларусь) взаимные права и обязанности между матерью и ребенком возникают с момента рождения ребенка независимо от того, рожден ребенок в браке или вне брака. Соответственно матерью является женщина, которая родила ребенка. Женщина, родившая ребенка, признается матерью и в том случае, если ребенок зачат из яйцеклетки, изъятной из организма другой женщины, за исключением рождения ребенка суррогатной матерью. Вопрос о возможности привлечения к уголовной ответственности по ст. 140 УК Республики Беларусь суррогатной матери является дискуссионным в уголовно-правовой доктрине. Согласно ст. 52 КоБС Республики Беларусь, матерью ребенка, рожденного суррогатной матерью, признается женщина, заключившая с суррогатной матерью договор суррогатного материнства [4]. Поэтому, по мнению некоторых ученых, квалификация действий суррогатной матери по ст. 140 УК Республики Беларусь вряд ли возможна. С этим нельзя согласиться, так как ответственность по ст. 140 УК Республики Беларусь связана именно с фактом физиологических родов (убийство должно быть совершено во время родов или непосредственно после них в условиях психотравмирующей ситуации, вызванной родами). Отсюда в случае суррогатного материнства субъектом убийства, запрещенного ст. 140 УК Республики Беларусь, будет суррогатная мать, родившая ребенка, генетическая же мать в случае убийства новорожденного ребенка должна отвечать по ст. 139 УК Республики Беларусь.

По той же причине не является субъектом преступления, предусмотренного ст. 140 УК Республики Беларусь, женщина, усыновившая ребенка, хотя с точки зрения закона она по своему правовому положению приравнивается к биологической матери ребенка (ст. 134 КоБС Республики Беларусь).

Для того чтобы избежать сомнений при квалификации, законодатель должен четко определить в диспозиции ст. 140 УК Республики Беларусь круг субъектов преступления, в частности указав в нем суррогатную мать, как это сделано, например, в УК Украины.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.07.2017 г. № 53-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

2. Грунтов, И. О. Умышленное убийство при смягчающих обстоятельствах, характеризующих особое психическое состояние виновного / И. О. Грунтов // Право Беларуси. – 2002. – № 4. – С. 54–57.

3. Загородников, Н. И. Преступления против жизни по советскому уголовному праву / Н. И. Загородников. – М. : Юрлитиздат, 1961. – 568 с.

4. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 278-З : принят Палатой представителей 3 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2018 г. № 135-З // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

УДК 343.25

В. А. КАРАБАЕВА

Минск, Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь

КВАЛИФИЦИРУЮЩИЕ ПРИЗНАКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ИНТЕРЕСОВ СЛУЖБЫ: ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ТЕХНИКИ

Конструирование статьи Особенной части уголовного закона является одной из наиболее сложных задач, стоящих перед законодателем. Многогранность общественных отношений требует не только точного построения основного состава преступления, но и правильного выбора присущих ему квалифицирующих признаков. От правильного решения указанной задачи зависит качество уголовного закона, а также его точное применение.

Анализ изменений и дополнений, вносимых в Уголовный кодекс (далее – УК) Республики Беларусь, свидетельствует о тенденции к усложнению конструкции статей Особенной части УК Республики Беларусь. Современная уголовно-правовая теория довольно активно использует квалифицирующие признаки в статьях Особенной части Уголовного кодекса и в то же время не разрабатывает конкретные требования к их закреплению в уголовном законе. В научной литературе отмечается, что дифференциация уголовной ответственности носит не всегда последовательный характер, наблюдается рассогласованность в построении квалифицированных составов, а также в законодательной технике при закреплении конструкций и использовании терминологии при их регламентации [1, с. 172]. Указанные недостатки затронули многие главы Особенной части УК Республики Беларусь, в том числе гл. 35 «Преступления против интересов службы» УК Республики Беларусь.

В отечественной литературе общие вопросы, касающиеся конструирования статей Особенной части Уголовного кодекса при помощи квалифицирующих признаков, рассматривались в трудах Н. А. Бабия, А. В. Баркова, Г. А. Василевича, В. В. Лосева, В. В. Марчука, Д. А. Плетеневой, Е. А. Реутской, А. Л. Савенка, В. М. Хомича и др.

В зарубежной литературе данную проблему изучали такие ученые, как И. Н. Бокова, А. П. Войтович, А. В. Иванчин, С. В. Изосимов, Т. В. Кленова, А. А. Князьков, Л. Л. Кругликов, Н. А. Лопашенко, К. К. Панько, М. А. Тулиглович и др. Однако до настоящего времени учеными не разработаны конкретные требования к конструированию статьи Особенной части уголовного закона при помощи квалифицирующих признаков, а также не определены критерии их отбора для закрепления в уголовном законе в качестве квалифицирующих.

О правовой основе квалифицирующих признаков в отечественном законодательстве говорить довольно сложно. Часть квалифицирующих признаков раскрывается законодателем в ст. 4 «Разъяснение отдельных терминов Уголовного кодекса» УК Республики Беларусь; некоторым посвящены отдельные статьи: совершение преступления группой, организованной группой и преступной организацией (ст. 17–19 УК Республики

Беларусь). Однако сущность большинства квалифицирующих признаков мы узнаем из постановлений Пленума Верховного Суда Республики Беларусь (далее – ППВС), а при их отсутствии – из толкового словаря. По мнению Л. Л. Кругликова, природа квалифицирующих признаков «должна иметь какую-то базу в Общей части УК», но отыскивать и определять ее место следует, отталкиваясь от главной, определяющей черты – той, которая характеризует их как признаки состава преступления. Отдельные моменты, касающиеся применения квалифицирующих признаков, должны быть изложены в разделе о преступлении, а также могут раскрываться в иных разделах и главах Общей части [2, с. 123].

По своей природе квалифицирующие признаки двойственны. С одной стороны, они входят в совокупность признаков состава определенного преступления и поэтому должны обладать определенным набором черт, характеризующих их как признаки состава. С другой стороны, данные признаки не входят в совокупность основных признаков общественно опасного деяния, которые определены уголовным законом. Квалифицирующие признаки применяются для конструирования более опасной разновидности деяний, в связи с чем законодателем устанавливаются новые пределы наказуемости и санкции. По мнению Л. Л. Кругликова, основным критерием для выделения признака в качестве квалифицирующего является резко повышенная степень общественной опасности деяния по сравнению с основным составом [2, с. 125]. Аналогичного мнения придерживаются А. В. Иванчин [3, с. 278] и Т. А. Костарева [4, с. 7]. Полагаем, что применительно для УК Республики Беларусь данное утверждение нуждается в некотором уточнении.

Анализ квалифицирующих признаков и санкций статей Особенной части УК Республики Беларусь показывает, что действительно наличие квалифицирующего признака предопределяет усиление санкции. Однако это касается только верхнего предела наказания в виде лишения свободы. Так, злоупотребление властью или служебными полномочиями, совершенное должностным лицом, занимающим ответственное положение (ч. 3 ст. 424 УК Республики Беларусь), наказывается лишением свободы на срок от 3 до 10 лет, в то время как в ч. 2 ст. 424 УК Республики Беларусь предусмотрено наказание в виде лишения свободы от 2 до 6 лет. Из этого следует, что лицо, признанное виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 424 УК Республики Беларусь, может быть подвергнуто наказанию в виде лишения свободы на срок три

года, как и лицо, совершившее преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 424 УК Республики Беларусь. Подобная ситуация характерна для большинства статей Особенной части УК Республики Беларусь, для конструирования которых законодатель избрал способ «перекрывания» [5, с. 243] санкций основного состава санкциями квалифицированного состава.

Проблема закрепления квалифицирующих признаков в статье Особенной части Уголовного кодекса неразрывно связана с законодательной техникой уголовно-правовых санкций. В научной литературе неоднократно указывалось на отсутствие фундаментального обоснования существующих границ санкций в виде лишения свободы [6, с. 165]. Способ «перекрывания», на наш взгляд, не позволяет логически выстроить систему квалифицирующих признаков. Наиболее целесообразно закреплять квалифицирующий признак в статье Особенной части Уголовного кодекса только в том случае, когда степень общественной опасности повышается на одну категорию преступлений (от преступления, не представляющего большой общественной опасности, к менее

тяжкому; от менее тяжкого к тяжкому и т. д.). Одновременно в зависимости от данного критерия должно происходить формирование санкции статьи.

Отметим, что некоторые статьи Особенной части УК Республики Беларусь законодателю удалось сформировать согласно вышеуказанному требованию. Например, в ч. 1 ст. 427 УК Республики Беларусь «Служебный подлог» закреплены признаки преступления, не представляющего большой общественной опасности, а в ч. 2 ст. 427 УК Республики Беларусь – менее тяжкого. Подобный подход законодателя представляется логичным. В то же время выделение в ст. 431 УК Республики Беларусь «Дача взятки» ч. 2 и ч. 3 вызывает некоторые вопросы. Дача взятки повторно либо в крупном размере (ч. 2 ст. 431 УК Республики Беларусь) является тяжким преступлением. Дача взятки лицом, ранее судимым за преступления, предусмотренные ст. 430, 431 и 432 УК Республики Беларусь (ч. 3 ст. 431 УК Республики Беларусь), также признается тяжким преступлением. Учитывая, что характер и степень общественной опасности названных деяний соответствуют одной категории преступлений, целесообразно, на наш взгляд, располагать их в одной части статьи.

Глава 35 «Преступления против интересов службы» УК Республики Беларусь представляет интерес с точки зрения законодательной техники, так как в ней расположено достаточное количество «нетипичных» квалифицирующих признаков, не используемых в иных главах Особенной части УК Республики Беларусь. Например, такой признак, как совершение преступления «лицом, ранее судимым за преступления, предусмотренные статьями 430, 431, 432 настоящего Кодекса», законодатель использовал в трех статьях (ч. 3 ст. 430, ч. 3 ст. 431, ч. 2 ст. 432 УК Республики Беларусь). Также «нетипичным» является квалифицирующий признак «при получении взятки в крупном (особо крупном) размере», который используется в ч. 2 и ч. 3 ст. 432 УК Республики Беларусь. Законодательное закрепление подобных признаков обусловлено «распространенностью» как одним из необходимых правил для выделения квалифицирующего признака для конкретного преступления [1, с. 173; 7, с. 128].

В ч. 3 ст. 426 УК Республики Беларусь, а также в ч. 3 ст. 430 УК Республики Беларусь используется квалифицирующий признак «лицом, занимающим ответственное положение», который не используется законодателем в иных главах Особенной части УК Республики Беларусь. Значение данного признака не раскрывается в УК Республики Беларусь, как и в постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 26 июня 2003 г. № 6 «О судебной практике по делам о взяточничестве» (далее – ППВС № 6). Учитывая тот факт, что субъектом преступлений, предусмотренных ст. 426 и 430 УК, может быть только должностное лицо, а также принимая во внимание конструкцию ч. 3 ст. 426 УК Республики Беларусь («действия, предусмотренные ч. 1 или 2 настоящей статьи...») и ч. 3 ст. 430 УК Республики Беларусь («действия, предусмотренные частями первой или второй...»), можно заключить, что под «лицом» подразумевается именно «должностное лицо». Здесь уместно заметить также, что различие в формулировках конструкций квалифицированных составов (обозначения частей статьи цифрами или словами) обусловлено приведением законодательной техники УК Республики Беларусь в соответствие с Законом Республики Беларусь от 10 января 2000 г. № 361-З «О нормативных правовых актах Республики Беларусь», а также с Правилами подготовки проектов нормативных правовых актов, утвержденными Указом Президента Республики Беларусь от 11 августа 2003 г. № 359 «О мерах по совершенствованию нормотворческой деятельности». Данный процесс занимает уже достаточно длительное время (более 15 лет), подобные изменения вносились уже неоднократно, но до сих пор единообразие в УК Республики Беларусь отсутствует.

Отдельного внимания заслуживают квалифицирующие признаки, которые используются законодателем в преступлениях, предусмотренных ст. 430–432 УК Республики Беларусь, именуемых в литературе «взяточничество» [8, с. 7]. В ППВС № 6 указано, что квалифицирующими признаками, характеризующими повышенную общественную опасность взяточничества, являются вымогательство, совершение преступления группой лиц по предварительному сговору, в крупном либо в особо крупном размере и др. [9]. В то же время такой квалифицирующий признак, как «особо крупный размер», предусмотрен законодателем в ч. 3 ст. 430 УК Республики Беларусь «Получение взятки», а в ст. 431 УК Республики Беларусь «Дача взятки» не предусмотрен. Кроме того, ч. 3 ст. 432 УК Республики Беларусь «Посредничество во взяточничестве» предусматривает квалифицирующий признак «при получении взятки в особо крупном размере». Представляется неясным, по какой причине законодатель не усматривает в действиях лица, дающего взятку в особо крупном размере, резко повышенную степень общественной опасности по сравнению с дачей взятки в крупном размере. Полагаем, что для преступления, предусмотренного ст. 431 УК Республики Беларусь «Дача взятки», также целесообразно закрепить квалифицирующий признак «в особо крупном размере».

За совершение преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 424 УК Республики Беларусь, при наличии квалифицирующего признака «при осуществлении функций по разгосударствлению или приватизации государственного имущества» законодатель устанавливает уголовную ответственность в виде лишения свободы на срок от 3 до 10 лет. В то же время в ст. 428 УК Республики Беларусь одним из альтернативных последствий преступного деяния является незаконное отчуждение или уничтожение государственного имущества, повлекшее причинение ущерба в особо крупном размере, «в том числе при его разгосударствлении или приватизации». Очевидно, что незаконное отчуждение или уничтожение государственного имущества может произойти в процессе осуществления различных процедур должностными лицами. Поэтому такое указание, на наш взгляд, является излишним, так как оно не вносит ясности в содержание объективной стороны преступления.

Достаточно часто для конструирования квалифицированных составов используются словосочетания «то же действие», «те же действия», «действия, предусмотренные ч. 1 и ч. 2 настоящей статьи» и т. д. Законодатель употребляет их в статьях Особенной части УК Республики Беларусь вне зависимости от того, какой состав расположен в ч. 1 – формальный или материальный. Учитывая, что материальный состав предполагает обязательное наличие общественно опасных последствий, построение квалифицированных составов с использованием вышеуказанных сочетаний может повлечь определенные противоречия. Например, в ч. 3 ст. 426 УК Республики Беларусь, как справедливо отмечает В. В. Лосев, под «действиями, предусмотренными частями 1 или 2 настоящей статьи», надо понимать полное понятие превышения власти или служебных полномочий, сформулированное в ч. 1 ст. 426 УК Республики Беларусь, которое включает в качестве обязательных признаков альтернативные вредные последствия. Особо квалифицирующий признак, расположенный в ч. 3 ст. 426 УК Республики Беларусь, характеризующий специального субъекта – «должностное лицо, занимающее ответственное положение», будет иметь место только при наступлении вредных последствий, указанных в ч. 1 статьи [10, с. 82]. На наш взгляд, для устранения подобных неточностей при построении квалифицированных составов целесообразно использовать сочетание «то же деяние».

Таким образом, анализ квалифицирующих признаков, используемых законодателем в гл. 35 УК Республики Беларусь «Преступления против интересов службы», позволил выявить некоторые проблемы законодательной техники, которые в большинстве случаев обусловлены отсутствием конкретных требований к их закреплению в уголовном законе.

В целях повышения качества уголовного закона необходимо внести следующие изменения в УК Республики Беларусь:

1. В ч. 3 ст. 426 УК Республики Беларусь, а также в ч. 3 ст. 430 УК Республики Беларусь квалифицирующий признак «лицом, занимающим ответственное положение» заменить на «должностным лицом, занимающим ответственное положение».

2. В ч. 3 ст. 431 УК Республики Беларусь «Дача взятки» закрепить квалифицирующий признак «в особо крупном размере».

3. Из диспозиции ст. 428 УК Республики Беларусь «Служебная халатность» исключить сочетание «в том числе при его разгосударствлении или приватизации».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рогова, Е. В. Правила построения квалифицирующих и привилегирующих признаков состава преступления / Е. В. Рогова // Пробелы в рос. законодательстве. – 2013. – № 5. – С. 172–178.

2. Кругликов, Л. Л. О понятии преступлений с квалифицированными составами / Л. Л. Кругликов // Юрид. наука. – 2014. – № 2. – С. 120–126.

3. Иванчин, А. В. Концептуальные основы конструирования состава преступления : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / А. В. Иванчин. – Ярославль, 2014. – 462 л.

4. Костарева, Т. А. Квалифицирующие обстоятельства в уголовном праве (понятие, законодательная регламентация, влияние на дифференциацию ответственности) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Т. А. Костарева ; Казан. гос. ун-т. – М., 1992. – 20 с.

5. Плетенева, Д. А. О реализации принципа индивидуализации ответственности при построении санкций квалифицирующих составов / Д. А. Плетенева // Державо і права: проблеми становлення і стратегія розвитку : зб. матеріалів Міжнар. наук.-практ. конф., 15–16 трав. 2010 р. / Сум. філія Харків. нац. ун-ту внутрішніх справ. – Суми : ФОРМ Ляпошенко Л. Г., 2010. – С. 241–244.

6. Савенок, А. Л. Теория эффективности уголовного закона / А. Л. Савенок ; УО «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Академия МВД, 2017. – 258 с.

7. Адоевская, О. А. О совершенствовании квалифицирующих признаков кражи в уголовном законодательстве России / О. А. Адоевская // Вестн. СамГУ. – 2006. – № 5/2 (45). – С. 127–132.

8. Клим, А. М. К вопросу о понятии «взятничество» / А. М. Клим // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы : сб. науч. тр. / Науч.-исслед. ин-т проблем криминологии, криминалистики и судеб. экспертизы М-ва юстиции Респ. Беларусь ; редкол.: А. В. Дулов (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 2005. – Вып. 2 (19). – С. 7–13.

9. О судебной практике по делам о взяточничестве [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь, 26 июня 2003 г., № 6 : в ред. постановления Пленума Верхов. Суда от 25.09.2003 г. № 3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «Юрспектр», Нац. центр прав. информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

10. Лосев, В. В. Преступления против интересов службы: юридический анализ и правила квалификации / В. В. Лосев. – Минск : Амалфея, 2010. – 175 с.

УДК 343.352.4

А. И. КАСЬЯНИК, В. Э. МАНЕЦ

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРЕДМЕТА ВЗЯТКИ ПО ДЕЙСТВУЮЩЕМУ УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Взяточничество относится к числу наиболее латентных преступлений в связи с тем, что наблюдается взаимная заинтересованность как со стороны взяткодателя, так и со стороны взяткополучателя, которая обычно тщательно скрывается. Несмотря на широкую распространенность этого явления на современном этапе, статистика выявленных фактов получения взятки на территории Республики Беларусь до недавнего времени выглядела достаточно разнообразно. В сведениях за 2016 г. о числе привлеченных к уголовной ответственности и мерах уголовного наказания по уголовным делам о коррупционных преступлениях количество виновных осужденных за совершение преступления, предусмотренного ст. 430 Уголовного кодекса (далее – УК) Республики Беларусь, составило 119 лиц, а за 2017 г. – 154 лица [1].

В уголовно-правовой науке постоянно ведутся споры о предмете преступления. Например, А. Н. Трайнин считал, что «предмет преступления – это те вещи, в связи с которыми или по поводу которых совершается преступление, однако в отличие от объекта предмету не причиняется ущерб» [2, с. 178–179]. По мнению Н. И. Загородникова, «предметами преступления необходимо признавать те вещи материального мира, воздействуя на которые субъект причиняет вред объекту преступления» [3, с. 56–58]. Н. И. Коржанский в своей работе указал, что «предмет преступления – конкретная материальная вещь, в которой проявляются определенные стороны, свойства общественных отношений, путем физического или психического воздействия которым причиняется социально опасный вред в сфере общественных отношений» [4]. Другие ученые считают, что о предмете преступления необходимо говорить только в случаях, указанных в уголовном законе.

Мы согласимся с последней точкой зрения, так как она является наиболее обоснованной, поскольку установление предмета преступления юридическое значение имеет лишь тогда, когда выступает в качестве применимого признака конкретного состава преступления. Точное установление предмета преступления имеет важное уголовно-правовое значение, которое, во-первых, позволит отграничить законное действие от незаконного, а во-вторых, предмет преступления выступает в роли квалифицирующего признака.

Вслед за теоретическими мнениями относительно предмета преступления формируется понимание предмета взятки в судебной практике: согласно п. 5 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 26 июня 2003 г. № 6 «О судебной практике по делам о взяточничестве» (далее – постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь № 6), предметом взятки могут быть материальные ценности либо выгоды имущественного характера независимо от их стоимости, предо-

ставляемые должностному лицу исключительно в связи с занимаемым должностным положением [5].

По данным судебной практики, полученным по итогам рассмотрения уголовных дел о взяточничестве в 2014 г. судами Брестской области, а также при выборочном изучении сводок по факту взяточничества за 2017–2018 гг., установлено, что предметом взятки может быть как иностранная, так и национальная валюта. Реже предметом взятки выступают спиртные напитки, а также продукты питания. Например, «заведующую кафедрой Мозырского педагогического университета задержали за попытку поставить положительные оценки студентам-заочникам. Преподаватель требовала 800 рублей, а часть суммы согласилась принять продуктами питания и алкоголем. Пищей и алкоголем брал взятки и чиновник из Лидского райисполкома» [6].

Порой предмет взятки весьма специфичен. Им могут являться не только материальные ценности и выгоды имущественного характера, но и выгоды нематериального характера: написание диссертаций, продвижение по службе, премирование на службе или оказание сексуальных услуг и другие выгоды, носящие нематериальный характер. Это имеет определенную парадоксальность и может повлиять на квалификацию преступления.

А. М. Клим в своей работе предложил выделить следующие признаки взятки: имущественный характер выгоды, незаконность предоставления, предоставление такой выгоды за совершение действий (бездействия), связанных с использованием служебных полномочий должностного лица [7, с. 132].

«С. осужден в совершении преступлений, предусмотренных чч. 1, 2 ст. 430 УК Республики Беларусь. Было установлено, что в период с декабря 2013 года по февраль 2016 года С. неоднократно получал взятки от работников сельскохозяйственных предприятий области за приостановление действий вынесенных им предписаний в части ареста имущества и денежных средств, предназначенных к выплате в счет погашения образовавшейся задолженности.

За совершение действий в интересах должников судебному исполнителю систематически передавались топливные карты предприятий. Собраны доказательства по 26 фактам незаконного получения топлива общим объемом более 2,3 тысячи литров. Кроме того, установлено четыре факта передачи должностному лицу в качестве взяток колбасной продукции, произведенной предприятием-должником» [8]. Такое решение основывается на вполне законных основаниях, так как предмет взятки всегда индивидуализирован.

Правовой интерес вызывают факты, когда в качестве предмета взятки выступает имущество, изъятое из гражданского оборота либо оборот которого ограничен. Следует отметить, что в постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь № 6 данный вопрос не затронут и отсутствует алгоритм действий квалификации данного деяния, а также нет разъяснения, будут ли являться предметом получения взятки должностным лицом наркотические средства, оружие, спиртные напитки или иные предметы, которые изъяты из гражданского оборота. Поскольку данные вещества в соответствии с п. 5 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь № 6 не являются ни материальными ценностями, ни выгодами имущественного характера, возникает вопрос, как квалифицировать данное деяние, если оно не является предметом взятки. По своей сути, указанные предметы (наркотические средства, оружие, спиртные напитки или иные предметы, которые изъяты из гражданского оборота) имеют материальную природу. Например, оружие, которое передавалась должностному лицу в качестве взятки, на рынке выражено в определенном номинале. Тем самым, получая взятку данным предметом, должностное лицо может его использовать для собственной выго-

ды (например, для охоты), а также как материальную ценность, т. е. в последующем продать за определенную сумму. На основании изложенного можно говорить о том, что закон устанавливает особый порядок оборота имущества, изъятого из гражданского оборота либо оборот которого ограничен, тем самым не лишая их определенных особенностей имущественного блага.

Мы согласимся с мнением А. М. Клина, который предлагает квалифицировать данное деяние по совокупности ст. 430 либо ст. 431 и соответствующей статьи УК Республики Беларусь, которая предусматривает сбыт или приобретение названных предметов. Но если в обязанности взяточполучателя входит контроль за оборотом предметов, изъятых из оборота или ограниченных в нем, то необходимо квалифицировать еще и по ст. 424 или ст. 426 УК Республики Беларусь [7, с. 132–133].

Однако остается нерешенным вопрос о том, как квалифицировать действия взяткодателя при получении взятки в виде предоставления выгоды неимущественного характера. Например, вопрос на тему продвижения по службе. В постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь № 6 о том, как квалифицировать данное действие, а также относится ли оно к предмету получения взятки, ничего не указано.

Эта проблема становится с каждым днем все актуальней, так как существуют сложности с трудоустройством. Сегодня среди безработных, зарегистрированных в органах занятости, каждый третий – с высшим и средним профессиональным образованием. Гражданин пытается либо как-то трудоустроиться, либо прибегает к совершению преступления, а именно дачи взятки должностному лицу для последующего продвижения по службе.

В постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь № 6 обозначено, что предметом взятки могут быть материальные ценности либо выгоды имущественного характера, но продвижение по службе не относится ни к одному, ни к другому. Тем самым получение выгод неимущественного характера не может квалифицироваться по ст. 430 УК Республики Беларусь.

Однако Республика Беларусь ратифицировала Конвенцию ООН против коррупции, которая принята резолюцией 58/4 Генеральной Ассамблеи от 31 октября 2003 г., где в п. «а» ст. 15 отмечено, что «каждое государство-участник принимает такие законодательные и другие меры, какие могут потребоваться, с тем чтобы признать в качестве уголовно наказуемых следующие деяния, когда они совершаются умышленно: обещание, предложение или предоставление публичному должностному лицу лично или через посредников какого-либо неправомерного преимущества для самого должностного лица или иного физического или юридического лица, с тем чтобы это должностное лицо совершило какое-либо действие или бездействие при выполнении своих должностных обязанностей» [9]. На основании данной Конвенции мы можем говорить о том, что такая услуга, как продвижение по службе, относится к предмету взятки.

Рассмотрим квалификацию данного деяния (рисунок).

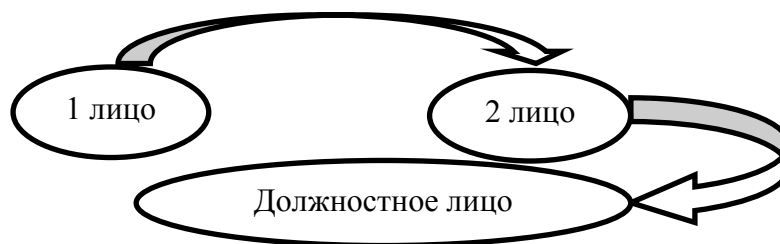

Рисунок – Последовательность действия лиц при совершении преступления

Действия 1-го лица будем квалифицировать по ст. 431, 2-го лица – ст. 432, а действия 3-го лица необходимо квалифицировать по совокупности ст. 430 и ст. 424 или ст. 426 УК Республики Беларусь. Тем самым, опираясь на п. 9. постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь № 6, «если действия (бездействие) должностного лица содержат состав преступления против интересов службы, содеянное квалифицируется по совокупности стст. 430, 431 УК и соответствующей статье, предусматривающей ответственность за преступление против интересов службы» [5].

«Е. осуждена за посредничество во взяточничестве. Она признана виновной в получении от Ш. 1 500 долларов США и передаче их в качестве взятки ответственному секретарю приемной комиссии университета Л. за положительное решение вопроса о приеме Ш. в Гомельский государственный университет.

Из материалов дела видно, что Ш., желая поступить в университет для обучения, решил подыскать должностное лицо, которое смогло бы оказать ему содействие. Он попросил Е., секретаря факультета университета, помочь ему решить данный вопрос. Пообещав помощь, Е. обратилась к Л. и уговаривала его за вознаграждение оказать содействие Ш. в поступлении. Получив его согласие, Е. сообщила Ш., что за 1 500 долларов США этот вопрос будет решен положительно, и впоследствии указанную сумму передала Л.» [10].

Предлагается для обсуждения возможное дополнение в п. 5 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь № 6: «предметом взятки могут быть материальные ценности (деньги, ценные бумаги, вещи и т. п.), а также имущество, изъятое из гражданского оборота либо оборот которого ограничен, либо выгоды имущественного, а также неимущественного характера независимо от их стоимости, предоставляемые должностному лицу исключительно в связи с занимаемым должностным положением (различного вида услуги, оказываемые безвозмездно либо на льготных основаниях, но подлежащие оплате, производство строительных, ремонтных, иных работ и т. п.)».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сведения за 2017 г. о числе привлеченных к уголовной ответственности и мерах уголовного наказания по уголовным делам о коррупционных преступлениях [Электронный ресурс] // Верховный Суд Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://old.court.gov.by>. – Дата доступа: 04.11.2018.
2. Трайнин, А. Н. Общее учение о составе преступления / А. Н. Трайнин. – М. : Госюриздат, 1957. – 364 с.
3. Загородников, Н. И. Советское уголовное право. Общая и особенная части : учебник / Н. И. Загородников. – М. : Юрид. лит., 1975. – 568 с.
4. Коржанский, Н. И. Предмет преступления (понятие, виды и значение для квалификации) : учеб. пособие / Н. И. Коржанский. – Волгоград, 1976. – 56 с.
5. О судебной практике по делам о взяточничестве [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь, 26 июня 2003 г., № 6 // Национальный правовой портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.court.gov.by>. – Дата доступа: 04.11.2018.
6. 6 самых необычных случаев взятки в Беларуси [Электронный ресурс] // Витебский курьер. – Режим доступа: <https://vkurier.by/80125>. – Дата доступа: 16.10.2018.
7. Судебная практика в контексте принципов законности и права : сб. науч. тр. / редкол.: В. М. Хомич (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Тесей, 2006. – 353 с.

8. Борьба с коррупцией. Работа по борьбе с коррупцией [Электронный ресурс] // Гомельский областной суд. – Режим доступа: <http://www.gomeloblsud.gov.by>. – Дата доступа: 06.11.2018.

9. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции [Электронный ресурс] : [принята в г. Нью-Йорке 31.10.2003 г.] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2018.

10. Обзор судебной практики Верховного Суда Республики Беларусь «О судебной практике по делам о взяточничестве» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://systemaby.com>. – Дата доступа: 05.11.2018.

УДК 343.241

А. А. КОЗЫЛЕВА, Л. Г. ПОЛЯКОВА

Могилев, Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ, НЕ СВЯЗАННЫХ С ЛИШЕНИЕМ СВОБОДЫ

Изменения, происходящие в современном обществе, влияют на различные направления его деятельности (социальное, экономическое, политическое). Нынешняя обстановка отражается и на переосмыслении системы ценностей, которая играет немаловажную роль в жизни каждого человека [1, с. 435]. В современных условиях развития общества и государства уделяется внимание наказаниям, которые не связаны с изоляцией осужденного от общества, что объясняется прежде всего тенденцией к гуманизации системы мер уголовных наказаний.

В Концепции совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения отмечается, что политика в области уголовного правосудия направлена на расширение применения альтернативных лишению свободы видов наказаний и иных мер уголовной ответственности. Соответственно предполагается увеличение процента лиц, осуждаемых к наказаниям, не связанным с изоляцией лица от общества, и расширение практики назначения данных наказаний судами [2].

Для современного общества важным становится материальная составляющая его жизни – материальный достаток (доход). Соответственно усиливается и карательный потенциал имущественных наказаний, возрастает их роль в борьбе с преступностью [3, с. 111]. По мнению В. М. Хомича, штраф, лишая осужденного преступника денежных доходов и сбережений, что составляет основу его свободы и успешного бытия, способен удерживать от рецидива подавляющую массу правонарушителей [1, с. 435].

Однако, по мнению автора, совершенствование отечественного законодательства в отношении уголовных наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества, не может быть эффективным без изучения и внедрения положительного опыта зарубежных стран.

При этом полученный при исследовании зарубежного законодательства опыт и знания необходимо внедрять с учетом социальных, экономических и политических особенностей национального законодательства нашего государства [4, с. 155].

В своей статье «Наказание в виде штрафа в зарубежном уголовном законодательстве (сравнительный анализ)» В. А. Давидовская выделила четыре способа исчисления штрафа в различных странах:

1. Штраф исчисляется в абсолютных величинах или национальной валюте. Такой способ закреплен, например, в уголовных законах таких стран, как Королевство Бельгия, Республика Болгария. По мнению В. А. Давидовской, использование абсолютных величин при определении размера штрафа требует постоянного внесения изменений в текст уголовного закона из-за особенностей современных процессов в экономике для сохранения карательного эффекта данного вида наказания [3, с. 112].

2. Штраф исчисляется в определенных показателях, которые соответствуют денежному выражению в национальной валюте [3, с. 112]. В уголовном законодательстве Республики Беларусь данным показателем является базовая величина [5]. По Уголовному кодексу (далее – УК) Литвы штраф исчисляется размерами минимального прожиточного минимума. Минимальный размер штрафа равняется одному минимальному прожиточному минимуму, а максимальные пределы зависят от категории преступления [6]. По УК Латвийской Республики штраф определяется минимальным размером оплаты труда [7].

3. Размер штрафа исчисляется в «дневных ставках» или «штрафо-днях» [3, с. 112]. В качестве примера стран, в которых применяется «дневная ставка», можно привести Эстонскую Республику, ФРГ, Республику Польша и др., а в «штрафо-днях» – Королевство Швеции и Французскую Республику. При данном способе исчисления будет учитываться дневной заработок, который лицо имеет или может иметь в день. Это будет способствовать соблюдению принципа справедливости, так как лица, совершившие одинаковые по характеру и степени общественной опасности преступления, но имеющие разный доход, будут подлежать равной степени ответственности исходя из их имущественного положения [4, с. 155].

4. Штраф исчисляется соразмерно причиненному ущербу, полученному доходу [3, с. 112]. Например, в уголовном законодательстве Королевства Испании штраф пропорционален причиненному ущербу [8].

В УК Республики Беларусь четко закреплены минимальные и максимальные пределы штрафа. Однако не во всех странах установлен минимальный и максимальный размер штрафа.

Исследование зарубежного законодательства в области применения наказания в виде штрафа свидетельствует о существовании различных подходов к установлению его размеров и пределов. Так, например, минимальный размер штрафа по Закону Венгрии – 2 000 евро, а максимальный размер равен трехкратной финансовой выгоде, полученной или той, которая могла быть получена, через преступление [9, с. 1577]. Исходя из этого, законодателем четко закреплен лишь минимальный размер штрафа, а максимальный определяется в зависимости от полученной выгоды в результате совершенного преступления. Следовательно, в данном случае большое значение имеют последствия совершенного противоправного деяния.

В соответствии со ст. 48 швейцарского УК, если законом прямо не установлено иное, максимальный размер штрафа составляет 40 000 франков [9, с. 1577]. Исходя из этого, в законодательстве Швейцарии законодательно закреплен только лишь максимальный размер штрафа. Однако Уголовным кодексом установлено, что если лицо действует из корыстных побуждений, то судья не связан максимальным размером штрафа. В данном случае он определяет размер в зависимости от позиции лица, но так, чтобы имущественные потери, претерпеваемые лицом вследствие назначения данного наказания, были адекватны его вине.

По мнению В. М. Степашина, при назначении наказания в виде штрафа необходимо учитывать сведения о размере заработной платы и других доходах как самого осужденного, так и членов его семьи, а также наличие на иждивении у подсудимого нетрудоспособных лиц, что позволит избежать негативных последствий применения данного вида наказания для третьих лиц [10, с. 284–285].

В зарубежном законодательстве при определении размера штрафа учитываются и другие обстоятельства. Так, например УК Республики Польша учитываются доходы виновного лица, его личное, семейное, материальное положение и возможность получения заработка [11]. В УК Французской Республики учитываются доходы и расходы лица, совершившего преступление [12].

Анализ зарубежного законодательства показал, что при определении размера штрафа также учитываются и другие обстоятельства. Например, в УК Российской Федерации размер штрафа определяется с учетом тяжести совершенного преступления и имущественного положения осужденного и его семьи, а также с учетом возможности получения осужденным заработной платы или иного дохода [13].

УК Республики Польша устанавливает, что суду необходимо при определении размера штрафа принимать во внимание доходы виновного лица, его личные и семейные условия, материальное положение и возможность получения заработка [11], УК Королевства Швеции – доход, благосостояние, обязательства перед иждивенцами и другие обстоятельства [14].

Проанализировав зарубежное законодательство, мы выявили положительные аспекты назначения и использования штрафа как наказания, не связанного с изоляцией осужденного от общества. Особое внимание при назначении данного вида наказания следует уделять семейному положению виновного лица, а также его доходам и расходам [4, с. 156].

В законодательстве Королевства Испании и Латвийской Республики раскрывается понятие «имущественное положение» виновного лица. Данный опыт необходимо использовать и в национальном уголовном законодательстве [3, с. 115].

Следовательно, необходимо расширить и круг обстоятельств, которые закреплены в ч. 2 ст. 50 УК Республики Беларусь: суду при определении размера штрафа необходимо учитывать материальное положение не только осужденного, но и его семьи, возможность получения им заработка, размер его заработной платы и иных источников дохода, а также наличие на иждивении нетрудоспособных лиц. Установление более широкого круга обстоятельств, влияющих на размер штрафа, будет содействовать более справедливой индивидуализации назначения данного вида наказания.

Еще одним видом наказания, которое не связано с изоляцией осужденного от общества, являются исправительные работы. Данное наказание будет проанализировано на примере уголовного законодательства стран СНГ.

В некоторых странах – участницах СНГ уголовным законом по-прежнему предусматривается отбывание исправительных работ как по месту работы, так и в иных местах, определяемых органом, ведающим исполнением наказания, например в Туркменистане [15].

Согласно ч. 1 ст. 50 УК Российской Федерации, исправительные работы назначаются осужденному, имеющему основное место работы, а равно не имеющему его. Осужденный, имеющий основное место работы, отбывает исправительные работы по основному месту работы. Осужденный, не имеющий основного места работы, – в местах, определяемых органами местного самоуправления по согласованию с уголовно-исполнительными инспекциями, но в районе места жительства осужденного [13].

В уголовном законодательстве государств – участников СНГ различные сроки наказания в виде исправительных работ: исправительные работы по УК Российской Федерации – от 2 месяцев до 2 лет [13], Узбекистана – от 6 месяцев до 3 лет [15], Азербайджана, Армении, Таджикистана, Казахстана – от 2 месяцев до 2 лет, Кыргызстана – от 3 месяцев до 3 лет [15], Украины – от 6 месяцев до 2 лет [15].

В уголовном законодательстве большинства стран СНГ исправительные работы не применяются к лицам до 16 лет, лицам пенсионного возраста, нетрудоспособным, беременным женщинам и женщинам, находящимся в отпуске по уходу за ребенком, военнослужащим.

Заслуживает внимания законодательный опыт Украины, хотя ее статус относительно стран СНГ в настоящее время является неопределенным. Согласно ч. 2 ст. 57 УК Украины, данный вид наказания не применяется к беременным женщинам и женщинам, находящимся в отпуске по уходу за ребенком, к нетрудоспособным, к лицам, не достигшим 16 лет, и лицам, достигшим пенсионного возраста, а также к военнослужащим, лицам рядового и начальствующего состава Государственной службы специальной связи и защиты информации Украины, работникам правоохранительных органов, нотариусам, судьям, прокурорам, адвокатам, государственным служащим, должностным лицам органов местного самоуправления [15].

Ю. А. Кондратьев указывает, что «поскольку в новом УК Российской Федерации сохранен только один вид исправительных работ – по месту работы осужденного, то характер труда, являющегося обязательным компонентом содержания этого вида наказания, вполне может быть признан частью обычных гражданских обязанностей» [16].

Изучив зарубежное законодательство, мы пришли к выводу, что наказание в виде исправительных работ полностью соответствует мировым и европейским стандартам, которые связаны с защитой прав и свобод человека.

Следующим видом наказания, которое не связано с лишением свободы осужденного, нашедшим свое отражение в зарубежном уголовном законодательстве, является ограничение по военной службе, которое выступает в качестве специального вида наказания, применяемого исключительно к военнослужащим.

В странах СНГ к специальным воинским наказаниям относятся содержание в дисциплинарной воинской части и ограничение по военной службе. Помимо этого, специальным дополнительным видом наказания в большинстве стран СНГ является лишение воинского звания. Нетрудно заметить, что система специальных видов наказаний, применяемых к военнослужащим в этих странах, схожа с закрепленной системой в УК Республики Беларусь. Так, ограничение по военной службе как вид уголовного наказания закреплен в Российской Федерации, Туркменистане, Узбекистане, Азербайджане и других странах.

Карательное содержание данного вида наказания схоже для большинства стран СНГ и заключается в следующем:

1. Из денежного содержания осужденного (оклада) производится удержание в доход государства. Например, по уголовному закону Российской Федерации удержание в размере, установленном приговором суда, но не свыше 20 % [13], Узбекистана – от 10 до 30 % денежного содержания [15], Азербайджана – от 5 до 20 % [15].

2. Во время отбывания данного вида наказания осужденный не может быть повышен в должности или в воинском звании (Российская Федерация, Азербайджан).

3. Срок наказания не засчитывается в срок выслуги лет для присвоения очередного воинского звания (Российская Федерация, Узбекистан, Азербайджан).

4. Срок действия данного наказания в Российской Федерации составляет от трех месяцев до двух лет [13], в Туркменистане – от двух месяцев до двух лет, а возложение обязанности проживания в определенной местности устанавливается на срок от пяти до пятнадцати лет в качестве основного наказания и на срок от двух до пяти лет в качестве дополнительного наказания [15], в Узбекистане – от двух месяцев до трех лет [38], в Азербайджане – от двух месяцев до двух лет [15].

Необходимо отметить, что данное наказание, как правило, назначается военнослужащим вместо исправительных работ (Российская Федерация, Азербайджан, Узбекистан). В отдельных случаях, когда суд, учитывая обстоятельства дела и личность осужденного, найдет целесообразным вместо лишения свободы на срок не свыше двух лет применить ограничение по службе на тот же срок, данное положение закреплено в УК Туркменистана [15], а в уголовном законе Узбекистана за преступление, не представляющее большой общественной опасности, или неосторожное преступление, не повлекшее тяжких последствий, суд может, учитывая обстоятельства дела и личность осужденного, вместо лишения свободы на срок не свыше трех лет применить ограничение по службе на тот же срок [15].

В настоящее время как в национальном уголовном законодательстве, так и в зарубежном ограничение свободы является относительно новым видом наказания, которое признано стать альтернативой лишению свободы.

Единого правового подхода к определению карательного содержания данного вида наказания не существует даже в странах – участницах СНГ. В большинстве зарубежных стран наказание в виде ограничения свободы предполагает помещение лица в исправительное учреждение при изоляции от общества.

Исследуя уголовные кодексы некоторых, в том числе европейских, стран, которые формально не содержат такого вида наказания, как ограничение свободы, можно встретить схожий комплекс правоограничений у наказаний с иным названием. Оставляя за пределами терминологического разнообразия и обращая внимание только на саму сущность наказаний, все существующие в исследованных нами зарубежных уголовных законах модели ограничения свободы можно разделить на три группы: в первой модели лицо изолируется от общества, во второй – лицо остается в обществе, третья модель – смешанная: предусматривает возможность сочетания обоих вариантов [17, с. 247].

Наиболее популярной в уголовном законодательстве зарубежных государств является вторая модель, при которой предусматривается возможность оставления человека в обществе. Такое понимание ограничения свободы содержится, например, в УК Российской Федерации. Качественно похожим по содержанию правоограничений является аналогичное наказание в Польше. По этой же модели установлено ограничение свободы в уголовном законе Литвы. Под иным названием (но по сути ограничение свободы в этой же модели) установлены отдельные виды наказания в Испании (лишение права находиться или посещать определенные местности), в Норвегии (запрет на нахождение в определенных районах) и в некоторых других государствах [17, с. 247].

В Российской Федерации, Туркменистане, Узбекистане ограничение свободы назначается без изоляции осужденного от общества или с установлением определенных запретов. Например, не посещать определенные места; не участвовать в проведении массовых и иных мероприятий; не заниматься определенной деятельностью; не владеть или не хранить у себя определенные предметы; не управлять транспортным средством; не изменять место жительства, место работы и (или) учебы, не выезжать за пределы соответствующей территории без согласия органа, осуществляющего надзор за осуж-

денными; не устанавливать контакты с определенными лицами; не использовать средства связи, в том числе Интернет; не употреблять алкогольные напитки (Российская Федерация, Узбекистан, Казахстан).

В соответствии со ст. 54 УК Республики Таджикистан, ограничение свободы состоит в содержании осужденного в специальных учреждениях без изоляции от общества в условиях осуществления за ним надзора сроком от одного года до пяти лет.

Таким образом, ограничение свободы как вид наказания закреплен в большинстве стран СНГ, а если законодательно не закреплен, то применяется в виде определенных запретов (правоограничений). В связи с гуманизацией систем уголовных наказаний наиболее распространено наказание в виде ограничения свободы без направления в исправительное учреждение, что способствует снижению применения наказания в виде лишения свободы.

Следует также отметить, что и зарубежное законодательство имеет виды наказаний в отношении должностных лиц и государственных служащих, а в некоторых государствах они закреплены даже в основном законе страны. Так, в законодательстве США наказание в виде лишения права занимать определенные должности и заниматься определенной деятельностью именуется как лишение права занимать какую-либо должность на государственной службе Соединенных Штатов Америки [18]. В уголовном законодательстве разных стран оно имеет различную правовую природу, выступая не только в роли уголовного наказания за преступления и проступки, но и в качестве «последствия преступления», «меры безопасности». Не всегда одинакова и целевая нагрузка рассматриваемого вида наказания, основания его назначения, сроки, порядок их исчисления, а также условия исполнения и круг деяний, за которые оно предусмотрено (так, в одних случаях это преступления, в других проступки и т. п.) [19].

Во всех УК стран – участниц СНГ рассматриваемое наказание сформулировано так, как в УК Республики Беларусь, – лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Однако в УК Республики Беларусь не раскрыто содержание этого наказания, указывается лишь, что оно может быть назначено судом «в зависимости от характера и тяжести совершенного преступления», что требует соответствующих изменений [5].

В УК Российской Федерации данный вид наказания, согласно ст. 47, состоит в запрещении занимать должности на государственной службе, в органах местного самоуправления либо заниматься определенной профессиональной или иной деятельностью [13].

УК Казахстана (ст. 50) и Азербайджана (ст. 46) дублируют диспозицию УК Российской Федерации [15]. По УК Латвийской Республики ограничение прав заключается в «лишении права на определенный или все виды предпринимательской деятельности, на определенный род занятий, на занятие определенных должностей или на приобретение предусмотренных специальным законом разрешений» [7].

В большинстве стран «дальнего зарубежья» в качестве уголовно-правовой меры в виде лишения прав выступает лишение специальных прав: права занимать определенные должности, водительских, охотничьих, профессиональных и др. Эти права предоставлены человеку государством [19, с. 21].

Также необходимо отметить особенности назначения наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в зарубежном уголовном законодательстве. Основной порядок назначения аналогичен порядку назначения уголовных наказаний в Республике Беларусь: только по приговору суда. Наряду с этим можно встретить случаи, при которых не требуется специального

назначения лишения прав судом. Оно наступает автоматически, как «дополнительное последствие» основного наказания. УК Федеративной Республики Германии устанавливает «дополнительное последствие» при осуждении лица к лишению свободы на срок более одного года, которым оно лишается на период от 2 до 5 лет возможности занимать публичные должности, избирательного права, если иное не оговорено в законе [20].

Таким образом, уголовное наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью широко представлено в уголовном законодательстве современных зарубежных государств. В то же время эти виды далеко не всегда выступают как наказания, будучи закрепленными в качестве так называемых «мер безопасности».

Аналогичная белорусским общественным работам данная мера наказания (практически везде называемая *community service* – общественные работы) несколько десятилетий успешно применяется в ряде зарубежных государств. Залогом ее эффективной реализации являются различные подходы, гибко использующие потенциал данного наказания.

В разных государствах наказание в виде общественных работ именуется по-разному. Например, в УК Российской Федерации – обязательные работы, УК Финляндии – общественно полезные работы, УК Латвии – принудительные работы, УК Франции – работа в общественных интересах, УК Великобритании – предоставление бесплатных услуг обществу [21, с. 56].

В уголовном законодательстве Республики Беларусь данное наказание обладает двояким статусом: оно может назначаться в качестве как основного, так и дополнительного наказания. Анализ зарубежного законодательства показал, что существуют различные формы назначения общественных работ. В УК Российской Федерации обязательные работы применяются только в качестве основного вида наказаний [13].

Однако следует отметить, что в некоторых странах общественные работы не являются видом наказания, при этом они применяются в качестве обязанностей либо условий при условном осуждении или являются одним из карательных элементов какого-либо уголовного наказания. Во Франции общественные работы перечислены в числе основных видов наказаний, однако они не упоминаются в санкциях статей Особенной части и назначаются за те деяния, за которые иначе могло быть назначено тюремное заключение [12]. Помимо этого, в УК Швейцарии данный вид наказания также предусмотрен только статьями Общей части и не содержится в санкциях статей Особенной части, и суду при вынесении приговора в виде наказания, связанного с изоляцией лица от общества, предоставляется возможность заменить лишение свободы общественными работами.

В большинстве стран на законодательном уровне закреплен как минимальный, так и максимальный срок общественных работ. Несмотря на это, в некоторых зарубежных государствах может вообще отсутствовать минимальный срок: например, в УК Нидерландов закреплен только максимальный срок, который составляет 200 часов [21].

Вопрос максимального срока общественных работ также является различным. Например, во Франции, Швеции максимальный срок, к которому может быть приговорен осужденный, составляет 240 часов, в Испании – 384 часа, в Российской Федерации – 480 часов, в Финляндии – 200 часов. Однако существуют государства, где не установлены пределы общественных работ, и суд, вынося приговор, в зависимости от тяжести совершенного деяния, а также характеристики осужденного самостоятельно определяет срок общественных работ, которые должен отбыть осужденный.

Интерес представляет опыт применения наказания в виде общественных работ во Франции. Уголовным законом закреплено несколько форм назначения наказания в виде работы в общественных интересах. Во-первых, работа в общественных интересах может быть назначена лицу как основное исправительное наказание в том случае, когда суд решит не применять тюремное заключение за совершение какого-либо проступка, срок которого не превышает 6 месяцев (например, 200 часов в течение 6 месяцев). И во-вторых, данная мера может быть применена как обязанность при отсрочке исполнения наказания (например, отсрочка тюремного заключения на 3 месяца с обязанностью выполнить работу в общественных интересах в объеме 150 часов в течение 4 месяцев).

В уголовном законодательстве Швеции не содержится такого вида наказания, как общественные работы. Однако УК предусматривается, что независимо от санкции преступление может в соответствии с тем, что предписано, повлечь и некоторые другие особые последствия, указанные в законе [14]. Одним из особых последствий и является выполнение общественных работ.

Уголовное законодательство Польши вообще не предусматривает такой вид наказания, как общественные работы. Однако, согласно ст. 34 УК Республики Польша, в качестве карательного элемента уголовного наказания в виде ограничения свободы является обязанность выполнять работу, предложенную судом. Данная работа состоит в выполнении неоплачиваемой контролируемой работы на общественные цели, указанные судом, на соответствующем предприятии, объекте службы здравоохранения, социальной защиты, в организации или учреждении, оказывающих благотворительную помощь, или в пользу местной общности в размере от 20 до 40 часов в месяц [11].

В УК Российской Федерации наказание в виде общественных работ именуется обязательными работами. Содержание данного наказания является схожим с общественными работами, закрепленными в УК Республики Беларусь, однако существуют различия в применении такого наказания. Во-первых, УК Российской Федерации относит обязательные работы к основным видам наказания, во-вторых, максимальный предел срока наказания составляет 480 часов. В случае злостного уклонения осужденного от отбывания обязательных работ они заменяются принудительными работами или лишением свободы из расчета один день лишения свободы за 8 часов обязательных работ [13].

Таким образом, общественные работы являются наказанием, которое не связано с изоляцией лица от общества как в уголовном законодательстве Республики Беларусь, так и в зарубежном законодательстве. По мнению автора, необходимо расширить применение данного наказания как альтернативы лишению или ограничению свободы при наличии следующих условий: преступление не представляет большой общественной опасности или является менее тяжким и не направлено против жизни и здоровья человека. Проанализировав данный вид наказания, мы пришли к выводу, что необходимо увеличить его карательное содержание путем увеличения максимального предела до 480 часов, так как это будет справедливее и эффективнее в сравнении с действующим законодательством [22, с. 57].

Подводя итог, можно сказать, что совершенствование отечественного законодательства в отношении уголовных наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества, не может быть эффективным без изучения и внедрения положительного опыта зарубежных стран. При этом полученный при исследовании зарубежного законодательства опыт и знания необходимо внедрять с учетом социальных, экономических и политических особенностей национального законодательства нашего государства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хомич, В. М. Дифференциация уголовной ответственности в аспекте повышения ресоциализационных начал применения уголовных санкций / В. М. Хомич // Научные основы уголовного права и процессы глобализации : материалы V Рос. конгр. уголов. права / МГУ им. М. В. Ломоносова ; отв. ред. В. С. Комиссаров. – М. : Проспект, 2010. – С. 433–437.
2. Об утверждении концепции совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 23 дек. 2010 г., № 672 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
3. Давидовская, В. А. Наказание в виде штрафа в зарубежном уголовном законодательстве (Сравнительный анализ) / В. А. Давидовская // Право.by. – 2017. – № 4 (48). – С. 111–117.
4. Козылева, А. А. Сравнительно-правовой анализ наказания в виде штрафа в зарубежном уголовном законодательстве / А. А. Козылева // Формы и методы социальной работы в различных сферах жизнедеятельности : материалы VI Междунар. науч.-практ. конф., Улан-Удэ, 7–8 дек. 2017 г. / Вост.-Сиб. гос. ун-т технологий и упр. ; редкол.: Ю. Ю. Шурыгина (отв. ред.) [и др.]. – Улан-Удэ : Изд-во ВСГУТУ, 2017. – С. 155–156.
5. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 05.08.2017 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
6. Уголовный кодекс Литовской Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1243877>. – Дата доступа: 11.11.2018.
7. Уголовный кодекс Латвийской Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.legislationline.org/ru/documents/section/criminal-codes>. – Дата доступа: 11.11.2018.
8. Уголовный кодекс Королевства Испании [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.legislationline.org/ru/documents/section/criminal-codes>. – Дата доступа: 11.11.2018.
9. Некрасова, Е. А. Применение штрафа в законодательстве зарубежных стран / Е. А. Некрасова // Концепт : науч.-метод. электрон. журн. – 2017. – № 7. – С. 1576–1580.
10. Степашин, В. М. Специальные правила назначения наказания и мер уголовно-правового характера / В. М. Степашин. – М. : Юрлитинформ, 2012. – 520 с.
11. Уголовный кодекс Республики Польша [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.legislationline.org/ru/documents/section/criminal-codes>. – Дата доступа: 11.11.2018.
12. Уголовный кодекс Франции [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1243018>. – Дата доступа: 11.11.2018.
13. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 13 июня 1996 г., № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобр. Советом Федерации 5 июня 1996 г. : в ред. Федер. закона от 26.08.2017 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2018.
14. Уголовный кодекс Королевства Швеции [Электронный ресурс] // Центр документов Бюро по демократическим институтам и правам человека ОБСЕ. – Режим до-

стуга: <http://www.legislationline.org/ru/documents/section/criminal-codes>. – Дата доступа: 11.11.2018.

15. Уголовные кодексы государств – участников СНГ [Электронный ресурс] // Центр документов Бюро по демократическим институтам и правам человека ОБСЕ. – Режим доступа: <http://www.legislationline.org/ru/documents/section/criminal-codes>. – Дата доступа: 11.11.2018.

16. Кондратьев, Ю. А. Европейские стандарты и их применение к системе наказаний по Уголовному кодексу РФ 1996 г. [Электронный ресурс] / Ю. А. Кондратьев // Рос. следователь. – 2002. – № 2. – Режим доступа: <https://www.lawmix.ru/comm/5361>. – Дата доступа: 11.11.2018.

17. Новикова, Е. А. Сущность ограничения свободы по законодательству зарубежных стран / Е. А. Новикова // Юрид. наука и практика : вестн. Нижегород. акад. МВД России. – 2014. – № 2. – С. 246–249.

18. Дворецкий, М. Ю. Эффективная реализация уголовной ответственности / М. Ю. Дворецкий // Уголовное право : сб. материалов 7 Рос. конгресса уголов. права, Москва, 31 мая – 1 июня 2012 г. – М., 2012. – С. 51–60.

19. Лата-Полянская, Г. С. Уголовное наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью : дис. ... магистр юрид. наук : 40.04.01 / Г. С. Лата-Полянская. – Томск, 2016. – 102 л.

20. Уголовный кодекс ФРГ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1242733>. – Дата доступа: 11.11.2018.

21. Уголовный кодекс Голландии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1242430>. – Дата доступа: 11.11.2018.

22. Козылева, А. А. Сравнительно-правовой анализ наказания в виде общественных работ в зарубежном законодательстве / А. А. Козылева // Информационное общество: проблемы правовых, экономических и социально-гуманитарных наук : материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. преподавателей, аспирантов и студентов, Могилев, 5 апр. 2018 г. : в 3 ч. / БИП ; редкол.: С. Ф. Сокол [и др.]. – Минск, 2018. – Ч. 1. – С. 56–57.

УДК 343

Е. А. КОРОТИЧ, И. Г. ЛИСОЦКАЯ

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ ПРАВ ПАЦИЕНТА: ОПЫТ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И ОТДЕЛЬНЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Конституция Республики Беларусь, определяя основы правового статуса человека, гарантирует гражданам нашего государства право на охрану здоровья, включая бесплатное лечение в государственных учреждениях здравоохранения (ч. 1 ст. 45). Конкретизированное развитие данное конституционное положение получило в нормах Закона Республики Беларусь «О здравоохранении» от 18 июня 1993 г. № 2435-ХП (с изменениями и дополнениями) и иных актах законодательства, закрепляющих права и свободы человека в области медицины, в том числе в сфере применения современных медицинских технологий. На данный момент сформирован достаточно разработанный законодательный сегмент в области трансплантологии, регламентирован порядок оказания психиатрической помощи (в том числе в принудительном порядке), созданы правовые основы для донации крови и ее компонентов, законодательно определены усло-

вия проведения клинических испытаний лекарственных средств и медицинских изделий, а также урегулирована процедура применения вспомогательных репродуктивных технологий. Между тем средства массовой информации периодически сообщают о фактах нарушения прав пациента со стороны медицинских работников, допущении ими профессиональных ошибок, которые, к сожалению, в ряде случаев приводят к летальным последствиям, о недостатках работы системы здравоохранения в целом и низкой квалификации медицинских работников. И хотя данные официальной статистики (за 2018 г. было осуждено по 2 человека только по ч. 1 и ч. 2 ст. 162 УК «Ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей медицинским работником») этот вывод фактически не подтверждают, следует принимать во внимание крайне высокий уровень латентности соответствующих посягательств.

Основу правового статуса пациента составляют правомочия, закрепленные в ст. 41 Закона Республики Беларусь «О здравоохранении», которые по своей направленности и содержанию подчинены реализации одного из основополагающих прав человека – права на охрану здоровья и получение медицинской помощи. Несмотря на то что данное право принято относить к категории социально-экономических прав человека, реализация которых во многом предопределена условиями развития самого государства, указанное право по своей значимости сопоставимо с правом на жизнь. Неслучайно в иерархии объектов уголовно-правовой охраны и жизнь, и здоровье человека поставлены в один системный ряд, в связи с чем обеспечиваются нормами уголовного закона, структурированными в рамках единой рубрики – гл. 19 УК Республики Беларусь.

В контексте сказанного вполне закономерно представляется вывод о том, что основу уголовно-правовой охраны прав пациента должны составлять нормы, определяющие признаки преступлений, направленных против здоровья человека. Вместе с тем, учитывая законодательное определение пациента в качестве лица, обратившегося за медицинской помощью, находящегося под медицинским наблюдением либо получающего медицинскую помощь (ст. 1 Закона Республики Беларусь «О здравоохранении»), перечень такого рода преступлений можно построить с учетом таких классификационных групп, как: 1) преступления, характеризующиеся признаками специального субъекта преступления – медицинского, фармацевтического работника (таковы, в частности, деяния, предусмотренные ч. 1 ст. 156, ст. 161, 162, 164, 178 УК); 2) преступления, признаки которых описываются в уголовном законе безотносительно каких-либо характеристик виновного лица, связанных с его профессиональной деятельностью в сфере оказания медицинской помощи или предоставления медицинских услуг (например, деяния, криминализованные в ст. 144, 159, 163 УК).

Следует признать, что, будучи рассредоточенными в общем массиве преступлений против жизни и здоровья человека, нормы, закрепляющие ответственность за указанные группы посягательств, не позволяют говорить о системном подходе законодателя к вопросу уголовно-правового обеспечения прав пациента. Такая позиция имеет во многом социально обусловленный характер: с одной стороны, права пациента – это лишь одно из проявлений общего правового статуса человека, в связи с чем задача их гарантирования и охраны вполне может быть достигнута посредством формулирования родовых и видовых составов в системе посягательств на права и свободы человека, его физические блага, к числу которых, несомненно, относятся жизнь и здоровье лица. С другой стороны, обособление посягательств на права пациента в рамках отдельной рубрики уголовного закона предопределило бы необходимость дальнейшего дробления глав и разделов УК, что не может быть признано обоснованным ни с теоретической, ни с практической точки зрения. Более того, реализация подобного подхода неиз-

бежно актуализировала бы проблематику пересмотра основного критерия систематизации преступлений (таковым на данный момент является родовый объект преступления), поскольку, помимо собственно посягательств на право человека на охрану здоровья как основу правового статуса пациента, содержание такового составляют и иные правомочия, непосредственно предусмотренные в ст. 41 Закона Республики Беларусь «О здравоохранении». Это и право на уважительное и гуманное отношение со стороны работников здравоохранения; и право на получение в доступной форме информации о состоянии собственного здоровья, применяемых методах оказания медицинской помощи, а также о квалификации лечащего врача, других медицинских работников, и право на выбор лиц, которым может быть сообщена информация о состоянии его здоровья, и т. д.

Совершенно очевидно, что по своему содержанию и юридической природе данные законодательно закрепленные возможности пациента не обладают признаками общности, в связи с чем не представляется возможным заключить и об однородности тех отношений, которые возникают по поводу их реализации и становятся объектом уголовно-правовой охраны. С этой точки зрения вполне обоснованной видится позиция и зарубежных законодателей, которые пошли по тому же пути, что и законодатель Республики Беларусь, и не стали выделять в структуре Особенной части УК каких-либо отдельных разделов (глав), объединяющих посягательства на права пациента. В то же время в отличие от белорусского УК практика конструирования состава преступления, определяющего признаки нарушения прав пациента, в зарубежных уголовных законах имеется. В частности, согласно ст. 141 УК Украины содержание противоправности указанного посягательства составляют такие характеристики деяния, как проведение клинических испытаний лекарственных средств без письменного согласия пациента или его законного представителя, или в отношении несовершеннолетнего или недееспособного, если эти действия повлекли смерть пациента или иные тяжкие последствия. Совершенно очевидно, что подобное определение преступления, обозначенного как «Нарушение прав пациента», не позволяет говорить о практике конструирования родового состава соответствующего преступления в силу весьма ограниченной сферы криминализации. Как представляется, противоправное проведение клинических испытаний лекарственных средств с участием человека – одно из возможных нарушений прав пациента. Косвенным подтверждением данного вывода может служить и тот факт, что сам законодатель Украины пошел по пути формулирования ряда иных составов преступлений, так или иначе нарушающих права пациента: например, незаконное проведение медико-биологических, психологических или других опытов над человеком, если это создавало опасность для его жизни или здоровья (ст. 142 УК), незаконное разглашение врачебной тайны (ст. 145 УК) и др.

С точки зрения системной организации деяний, нарушающих или создающих угрозу нарушения прав пациента, заслуживает внимания уголовный закон Республики Казахстан, предусматривающий относительно новую модель структурирования данных деяний: гл. 12 УК объединяет медицинские уголовные правонарушения, в числе которых ненадлежащее выполнение профессиональных обязанностей медицинским или фармацевтическим работником, незаконное производство аборта, неоказание помощи больному, разглашение врачебной тайны и т. д. Бесспорно, реализация подобного технико-юридического приема способствует обеспечению системно-функционального подхода к вопросу уголовно-правовой охраны прав пациента. Однако тот факт, что ряд иных посягательств, причиняющих или создающих угрозу причинения вреда лицам, получающим ту или иную медицинскую помощь или услугу, по-прежнему остаются рассредоточенными в общем массиве преступлений (прежде всего посягательств на

человека), свидетельствует о незавершенном характере законодательной концепции уголовно-правовой охраны прав человека в сфере медицины (например, в системе преступлений против здоровья человека криминализировано такое деяние, как принуждение к изъятию или незаконное изъятие органов и тканей человека; система посягательств на личную свободу человека включает незаконное помещение в психиатрический стационар и клонирование человека). Следует отметить и такой недостаток представленного законодательного подхода, как некоторая неопределенность основания систематизации преступлений в рамках Особенной части УК Казахстана, на что обращалось внимание выше.

Следует отметить, что представленная законодательная модель уголовно-правовой охраны прав пациента отчасти находит поддержку и на доктринальном уровне: в частности, по мнению российского ученого И. О. Никитиной, существует объективная необходимость объединения преступлений, совершаемых медицинскими работниками (для обозначения данного вида деяний автором вводится и специальное терминологическое обозначение – «ятрогенные преступления»), в рамках отдельной главы УК Российской Федерации «Преступления в сфере здравоохранения», подлежащей размещению после гл. 16 УК «Преступления против жизни и здоровья». Сложно судить, насколько обоснована представленная позиция автора, особенно с точки зрения основного критерия систематизации преступлений. Действительно, автор приведенного суждения предлагает объединить в указанной главе, с одной стороны, такие деяния, как принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации (ст. 120 УК), заражение другого лица ВИЧ-инфекцией вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей (ч. 4 ст. 122 УК), незаконное проведение искусственного прерывания беременности (ст. 123 УК), неоказание помощи больному (ст. 124 УК), а с другой – незаконное осуществление медицинской деятельности или фармацевтической деятельности (ст. 235 УК). При этом ряд деяний, как непосредственно связанных с оказанием медицинской помощи (к примеру, незаконная госпитализация в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях (ст. 128 УК)), так и тех, которые могут быть совершены работниками сферы здравоохранения (например, нарушение правил оборота наркотических средств или психотропных веществ (ст. 228.2 УК), незаконная выдача либо подделка рецептов или иных документов, дающих право на получение наркотических средств или психотропных веществ (ст. 233 УК), незаконное производство лекарственных средств и медицинских изделий (ст. 235.1 УК) и др.), по-прежнему остаются рассредоточенными в других разделах и главах УК Российской Федерации, что является фактическим подтверждением фрагментарности предложенной концепции – собственно, той же ошибки, которая характерна и для уголовного закона Казахстана.

Особого внимания заслуживает вопрос о защите прав пациента в сфере применения высоких медицинских технологий. Как верно подчеркивается в специальных научных исследованиях, такого рода технологии не только открывают широкие возможности для повышения уровня оказания медицинской помощи, борьбы с врожденными или приобретенными заболеваниями, но и, к сожалению, сами становятся реальной

угрозой безопасности человека, его прав и свобод. Традиционно к числу такого рода технологий принято относить медицинскую генетику, вспомогательные репродуктивные технологии, клонирование, трансплантологию и др. Следует отметить, что опыт криминализации деяний, связанных с противоправным использованием указанных и иных медицинских технологий, известен уголовному законодательству ряда зарубеж-

ных государств (в частности, ст. 142 «Незаконное проведение опытов над человеком» и ст. 144 «Насильственное донорство» УК Украины, ст. 144 «Клонирование» и ст. 148 «Лишение жизни по желанию лица (эвтаназия)» УК Молдовы и др.). Уголовный закон Республики Беларусь, к сожалению, не предусматривает каких-либо специальных запретов в данной области (за исключением противоправных деяний в сфере трансплантологии), что, безусловно, не способствует реализации прежде всего превентивной функции уголовного права и уголовного закона.

Не менее актуальным направлением уголовно-правовой охраны прав пациента является и сфера деятельности так называемых народных целителей. В отличие от уголовного законодательства ряда зарубежных государств уголовный закон Республики Беларусь предусматривает специальный правовой запрет в данной области – незаконное врачевание (ст. 335 УК), что исключает представление о безнаказанности деяний, совершаемых целителями, которые повлекли причинение вреда жизни или здоровью человека. В то же время ни действующий УК Беларуси, ни отраслевое законодательство (например, Закон Республики Беларусь «О здравоохранении») не содержат нормы, четко определяющей содержание понятия «врачевание». Исходя из буквального толкования ч. 1 ст. 335 УК, таковым следует признавать медицинскую или фармацевтическую деятельность лица, либо не имеющего специального образования, либо осуществляющего данный вид деятельности без специального разрешения. Между тем не менее актуальным с точки зрения уточнения сферы действия соответствующего уголовно-правового запрета является распространение противоправности деяния, предусмотренного в ч. 1 ст. 335 УК, и на используемые методы и средства врачевания. При этом оптимальным решением данной проблемы стало бы определение понятия «врачевание», например, в примечании к ст. 335 УК.

УДК 343.341.1

С. А. КУЗЬМИЧЕВ, Н. С. ИЩЕНКО

Гомель, Международный университет «МИТСО»

ВОПРОСЫ ДЕКРИМИНАЛИЗАЦИИ СТАТЕЙ 415–419 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В Республике Беларусь, демократическом, правовом государстве, как провозглашено в ст. 2 Основного Закона Республики Беларусь (далее – Конституция), человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства. Их гарантирование, признание, обеспечение соблюдения и защита в сфере уголовного процесса – обязанность государства, его правоохранительных органов. В связи с реализацией данного конституционного требования особую актуальность приобретает проблема правомерного ограничения права на свободу и личную неприкосновенность лиц, вовлекаемых в производство по уголовному делу.

В соответствии с Конституцией права и свободы индивида могут быть ограничены законом лишь в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Государство должно стоять на страже интересов, прав и свобод граждан и, проводя перманентный мониторинг, контролировать процессы, происходящие в государстве в первую очередь в сфере уго-

ловно-правовых отношений. Кроме того, государство должно отслеживать позитивный опыт зарубежных государств с целью его внедрения в нашу жизнь.

В современных условиях весьма актуальными являются вопросы криминализации и декриминализации. Какой путь избирается тем или иным государством, чему отдаются приоритеты в обществе и государстве, какова уголовная политика и т. д., такова и действительность, которая либо позволяет творчески развиваться личности, способствует гарантированности прав и свобод личности, либо складывается диаметрально противоположное состояние дел в государстве и обществе. Анализ правоприменительной практики свидетельствует, что введение в уголовное законодательство составов преступлений, предусмотренных ст. 415–419 Уголовного кодекса (далее – УК) Республики Беларусь, создало ряд проблем, связанных, на наш взгляд, с искусственной криминализацией общественных отношений в сфере исполнения наказаний. При этом произошло смещение акцентов при исполнении наказаний за совершенные преступления, предусмотренные Уголовно-исполнительным кодексом (далее – УИК) Республики Беларусь. Воспитательные и иные меры воздействия на осужденных отодвинулись на второй план, уступив место карательной функции.

Такой подход, когда неотвратимость наказания за совершенное преступление обеспечивается посредством привлечения осужденного к уголовной ответственности за новое преступление в виде уклонения от отбывания наказания, является неэффективным и затратным для государства.

Кроме того, следственные подразделения зачастую не обладают возможностью выявить причины и упредить возбуждение уголовных дел, по которым судами при постановлении предыдущих приговоров и назначении наказаний допускались нарушения, что в дальнейшем приводит к вынесению судебных решений реабилитирующего характера. Нередко невиновность осужденных лиц ввиду допущенных судебных ошибок либо изменения законодательства устанавливается спустя несколько лет, что также отрицательно влияет на уровень доверия к правоохранительной системе и оценку эффективности судебной системы.

Справочно: за 9 месяцев 2017 г. судами реабилитировано 6 лиц о преступлениях анализируемой категории (по ст. 415 УК Республики Беларусь – 2 лица, ст. 417 УК Республики Беларусь – 3 лица, ст. 418 УК Республики Беларусь – 1 лицо), что составило 15,4 % от числа всех лиц, в отношении которых судами вынесены решения реабилитирующего характера (всего 39 реабилитированных лиц). В 2016 г. такие решения судами приняты в отношении 10 обвиняемых (по ст. 415 УК – 6 обвиняемых, ст. 417 УК Республики Беларусь – 4 обвиняемых), или 18,9 % от числа всех реабилитированных судами лиц – 53 лица.

Высоким является и удельный вес реабилитированных лиц по ст. 415–419 УК Республики Беларусь в общем количестве обвиняемых (2 218), в отношении которых уголовные дела по данной категории направлены в суды за 9 месяцев 2017 г. – 0,27 %. За 2016 г. 0,33 % от общего количества обвиняемых – 3 029.

Указанные обстоятельства негативным образом влияют на эффективность работы органов уголовного преследования, затрачивающих немалые материальные и человеческие ресурсы на досудебное производство и рассмотрение таких уголовных дел в судах, результатом которых в ряде случаев (оговоримся – не по вине следователей) является реабилитация обвиняемых.

В этой связи для оптимизации работы правоохранительных органов кардинальным решением данной проблемы является декриминализация деяний, предусмотренных ст. 415–419 УК Республики Беларусь, и возвращение существовавшей ранее про-

цедуры замены назначенного судом наказания более строгим при нарушении условий отбывания первого.

Следует отметить, что в действующих уголовном, уголовно-процессуальном и уголовно-исполнительном законодательстве Российской Федерации содержатся аналогичные предлагаемым нормы, предусматривающие возможность замены наказания при уклонении осужденного от его отбывания.

Эти нормы, апробированные в российской правоприменительной практике и доказавшие свою жизнеспособность, взяты за основу при разработке предлагаемых юридических новелл. Проводится принцип замены менее строгого вида наказания более строгим в пропорциональном размере, а также ограничение срока ныне действующим максимальным пределом ст. 415, 416, 418 и 419 УК Республики Беларусь. При этом учитываются положения ст. 49–55, 57, 74 УК Республики Беларусь.

Исключение уголовной ответственности за уклонение от отбывания отдельных видов не связанных с лишением свободы наказаний, по нашему мнению, позволит снизить криминализацию общественных отношений в сфере исполнения наказаний, снять ряд проблем, возникающих при квалификации и доказывании совершения указанных противоправных деяний, не допустить осуждения невиновных лиц ввиду ранее допущенных судебных ошибок.

Необходимо отметить, что данный вопрос неоднократно выносился на обсуждение Следственным комитетом Республики Беларусь, однако инициатива не находила поддержки со стороны всех заинтересованных государственных органов. Одним из аргументов, свидетельствующих в пользу позиции Следственного комитета, является ситуация, при которой лицо, убывшее в Российскую Федерацию, становится недостижимым для правоохранительных органов нашего государства, так как в России отсутствует уголовная ответственность за подобные деяния. Аналогичный подход имеется и в других государствах.

Справочно: международно-правовой отдел центрального аппарата Следственного комитета Республики Беларусь в 2016–2017 гг. 9 раз обращался в Генеральную прокуратуру Республики Беларусь с вопросом о выдаче граждан для привлечения к уголовной ответственности по ст. 415 УК Республики Беларусь. Во всех случаях в выдаче лиц российской стороной отказано, поскольку по законодательству РФ данное деяние не образует состава преступления.

Преступления же, предусмотренные ст. 416–419 УК Республики Беларусь, являются неэкстрадиционными, поскольку санкции этих статей не предусматривают наказания в виде лишения свободы. По этой причине Генеральной прокуратурой Республики Беларусь выдача лиц для привлечения к уголовной ответственности у иностранных государств не запрашивается.

Законодательство Российской Федерации, Украины и иных государств постсоветского пространства не предусматривает уголовной ответственности за уклонение от отбывания наказаний, не связанных с изоляцией от общества. В этих государствах в случае систематического совершения осужденным правонарушений, его перевод в условия более «строгого» наказания производится по решению (но не по приговору) суда, которое не влечет повторной судимости. Подготовка материалов для такого перевода осуществляется учреждением (органом), исполняющим наказание, в порядке дисциплинарного производства.

По нашему мнению, в Республике Беларусь также целесообразно вернуться к существовавшему ранее порядку замены наказания, имевшемуся в Уголовном кодексе-

се в редакции 1960 г. (непосредственно по решению суда на основании материалов, представленных администрацией органов и учреждений, исполняющих наказание).

Таким образом, предложенные меры способствовали бы оптимизации сфер уголовных и уголовно-процессуальных отношений и гарантированности обеспеченности прав всех физических лиц, находящихся на территории Республики Беларусь.

УДК 343

Н. И. КУЛЬКИНА

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И НЕКОТОРЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

В настоящее время отмечается быстрый темп развития медицины. Это неизбежно влечет за собой необходимость создания правовой базы, которая регулировала бы медицинскую деятельность. Правовое регулирование профессиональной деятельности медицинских работников слабо разработано, поэтому даже в случаях традиционного медицинского лечения судебно-следственная практика встречается со значительными трудностями при квалификации фактов ненадлежащего лечения, разграничении преступления, врачебной ошибки и несчастного случая.

Мировое сообщество признало, что урегулирование конфликтов, возникающих в сфере оказания медицинских услуг, должно стать одной из первостепенных задач. Анализ уголовного законодательства Республики Беларусь, США, Испании, Китая, Японии позволяет сделать вывод о том, что в этих странах особое внимание уделяется ответственности медицинских работников [1].

В Республике Беларусь наблюдается тенденция к ухудшению здоровья населения. Бесспорно, состояние здоровья белорусских граждан становится вопросом государственной важности. Однако отсутствие правового регулирования в сфере медицины влечет за собой возможность совершения врачами действий, которые носят субъективный характер, что дает основание сделать вывод об отсутствии признаков того или иного состава преступления. В Уголовный кодекс (далее – УК) Республики Беларусь следует внести специальную статью, которая бы предусматривала ответственность медицинских работников за вред, нанесенный по их вине здоровью или жизни пациента.

Проект статьи «Причинение вреда здоровью или жизни пациента»:

1. Причинение по неосторожности средней степени тяжести вреда здоровью пациента медицинским работником наказывается лишением свободы на срок до трех лет с лишением права занимать должности или заниматься деятельностью на срок до трех лет.

2. То же деяние, повлекшее причинение по неосторожности тяжкого вреда здоровью, наказывается лишением свободы на срок до четырех лет с лишением права занимать должности или заниматься деятельностью на срок до трех лет.

3. То же деяние, повлекшее смерть больного по неосторожности, наказывается лишением свободы на срок до пяти лет с лишением права занимать должности или заниматься деятельностью на срок до трех лет.

Вместе с тем нельзя допустить и судебную ошибку – привлечение к уголовной ответственности за неблагоприятный исход лечения, который вызван обстоятельствами, исключаящими вину медицинского работника. Целесообразно ужесточить ответственность за неосторожные деяния медицинских работников. Часто безнаказанность в

отношении проявленного врачебного невежества, недобросовестного выполнения профессиональных обязанностей, причинивших вред жизни или здоровью пациента, приводит к тому, что эти общественно опасные деяния не получают должного отпора, не достигаются цели уголовного наказания – исправление и перевоспитание осужденных в духе честного отношения к труду, точного исполнения законов, уважения к правилам общежития, а также предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами. Практика показывает, что нередко встречаются случаи, когда врачами не оказывается медицинская помощь остро нуждающимся в ней. В целях усиления ответственности медицинских работников следует внести изменения в ст. 161 УК Республики Беларусь «Неоказание медицинской помощи больному лицу»:

1. Неоказание медицинской помощи больному лицу без уважительных причин медицинским работником либо иным лицом, обязанным оказывать ее в соответствии с законодательством Республики Беларусь, наказывается лишением свободы на срок до трех лет с лишением права занимать должности или заниматься деятельностью на срок до трех лет.

2. То же деяние, повлекшее по неосторожности смерть больного лица либо причинение тяжкого телесного повреждения, наказывается лишением свободы на срок до пяти лет с лишением права занимать должности или заниматься деятельностью на срок до трех лет [2].

Внесение дополнений позволит ужесточить дисциплину медицинских работников, сформировать более серьезное отношение их к своим профессиональным обязанностям. На основе анализа законодательства зарубежных государств с учетом отечественного законодательства попытаемся определить, как решается вопрос об уголовной ответственности медицинских работников.

По-разному государства относятся к вопросу охраны репродуктивного здоровья женщин. Об этом свидетельствует законодательство Японии, США, Испании.

В американском штате Флорида был казнен участник движения против аборт пресвитерианский священник Пол Хилл, убивший в 1994 г. практиковавшего аборт врача и его телохранителя. Он стал первым в США человеком, приговоренным к смерти за подобное преступление [3].

Уголовное законодательство Японии содержит отдельную гл. 29 «Преступления, состоящие в совершении аборта». Так, ст. 214 УК Японии предусматривает ответственность за производство аборта лицом, занимающимся специальным видом деятельности, и причинение в результате этого смерти или телесных повреждений. Согласно диспозиции уголовно-правовой нормы, уголовной ответственности подлежат врач, акушерка, фармацевт или торговец медикаментами, которые произвели аборт по желанию или с согласия беременной женщины [4]. В соответствии со ст. 144–146, 157, 158 УК Испании предусматривается ответственность медицинских работников за незаконное производство аборта и повреждение плода [5]. Статья 144 УК Испании гласит, что тот, кто произвел аборт без согласия женщины, наказывается лишением свободы на срок от четырех до восьми лет с лишением права на занятие лечебной практикой или предоставление услуг любого рода в частных и государственных клиниках и гинекологических консультациях на срок от трех до десяти лет. По этой же статье предусматривается такое же наказание за производство аборта с согласия женщины, полученного путем насилия, угроз или обмана. Тот, кто произвел аборт с согласия женщины, за исключением случаев, разрешенных законом, наказывается лишением свободы на срок от года до трех лет с лишением права на занятие лечебной практикой или предоставление услуг любого рода в частных и государственных клиниках и гинекологических кон-

сультациях на срок от года до шести лет. По ст. 146 УК Испании, тот, кто вследствие грубой неосторожности произвел аборт, наказывается арестом на срок от двенадцати до двадцати четырех выходных дней. Беременная женщина в этом случае не наказывается.

В самостоятельный раздел выделена уголовная ответственность за нанесение повреждений плоду. Причинение плоду повреждения или травмы, нанесших серьезный вред развитию плода или вызвавших у него серьезный физический или психический недостаток, наказывается лишением свободы на срок от года до четырех лет с лишением права на занятие лечебной практикой или предоставление услуг любого рода в частных и государственных клиниках и гинекологических консультациях на срок от двух до восьми лет.

Предусматривающая уголовную ответственность за незаконное производство аборта ст. 156 УК Республики Беларусь в ч. 2 указывает на ответственность медицинских работников, которые не имеют высшего образования по профилю образования «Здравоохранение». Есть необходимость изменить диспозицию ст. 156 УК Республики Беларусь «Незаконное производство аборта»:

2. Производство аборта медицинским работником или лицом, склонившим к совершению аборта, наказывается штрафом в размере от ста до двухсот минимальных размеров оплаты труда либо в размере заработной платы или лишением свободы на срок от одного года до трех лет [2].

В отличие от ранее приведенных зарубежных законодательств, УК Китайской Народной Республики предусматривает ответственность за незаконное занятие медициной лицом, не имеющим статуса профессионального врача.

Статья 335 Уголовного кодекса Китайской Народной Республики говорит о том, что медицинский работник, вследствие крайней халатности которого наступила смерть пациента или был причинен серьезный вред здоровью, наказывается лишением свободы на срок до трех лет или краткосрочным арестом [6].

Согласно ст. 336 УК Китайской Народной Республики, наказывается и незаконное занятие медициной лицом, не получившим статус профессионального врача, при отягчающих обстоятельствах – на срок до трех лет, краткосрочным арестом или надзором, а также одновременно или в качестве самостоятельного наказания – штрафом; то же деяние, причинившее серьезный вред здоровью пациента, наказывается лишением свободы на срок свыше десяти лет и штрафом. Лица, не получившие статус профессионального врача, незаконно проводящие третьим лицам операции по восстановлению способности к деторождению, фиктивные операции по лишению способности к деторождению, операции по прерыванию беременности или операции по извлечению (из матки) средства, предназначенного для ограничения рождаемости, при отягчающих обстоятельствах, наказываются лишением свободы на срок до трех лет, краткосрочным арестом или надзором, а также одновременно или в качестве самостоятельного наказания штрафом; те же деяния, причинившие серьезный вред здоровью пациента, наказываются лишением свободы на срок от трех до десяти лет и штрафом; те же деяния, приведшие к смерти пациента, наказываются лишением свободы на срок свыше десяти лет и штрафом. Сравнительно-правовой анализ норм, проведенный в целях определения ответственности медицинских работников, позволил сделать следующий вывод: в Республике Беларусь наблюдается обратный процесс судебной практике США и стран Западной Европы – уголовных дел в Республике Беларусь практически нет. Это связано прежде всего с недостатком правового регулирования ответственности в сфере оказания медицинских услуг и сопутствующей этому неразвитой судебной практикой. Реформирование правового регулирования медицинской деятельности необходимо вслед-

ствии расширяющегося рынка частных и государственных медицинских услуг, которые постепенно вытесняют государственную медицинскую помощь.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Раков, А. А. Проблемы уголовной ответственности медицинских работников в России и некоторых зарубежных странах [Электронный ресурс] / А. А. Раков // Вестн. Челяб. гос. ун-та. Государство и право. Юрид. науки. – 2004. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemu-ugolovnoy-otvetstvennosti-meditsinskih-rabotnikov-v-rossii-i-nekotoryh-zarubezhnyh-stranah>. – Дата доступа: 14.01.2019.

2. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2018 г. № 131-3 // Консультант-Плюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

3. Уголовный кодекс Соединенных Штатов Америки [Электронный ресурс] // Labex.ru: Россия / ООО «Юрид. Россия», Федер. правовой портал России. – М., 2018.

4. Уголовный кодекс Японии [Электронный ресурс] : 24 апр. 1907 г., № 45 : в ред. Закона Японии от 12.05.1995 г. № 91 // Labex.ru: Россия / ООО «Юрид. Россия», Федер. правовой портал России. – М., 2018.

5. Уголовный кодекс Испании [Электронный ресурс] : 23 нояб. 1995 г., № 10/1995 : в ред. Закона Испании от 28.01.2011 г. №91 // Labex.ru: Россия / ООО «Юрид. Россия», Федер. правовой портал России. – М., 2018.

6. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики [Электронный ресурс] : 14 марта 1997 г. // Labex.ru: Россия / ООО «Юрид. Россия», Федер. правовой портал России. – М., 2018.

УДК 343

В. В. МАРЧУК

Минск, Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь

О ПОНИМАНИИ СОДЕРЖАНИЯ УГОЛОВНОЙ ПРОТИВОПРАВНОСТИ В ПРОЦЕССЕ КВАЛИФИКАЦИИ НОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ПРИРОДНОЙ СРЕДЫ

Законом Республики Беларусь от 24 января 2014 г. № 197-3 «О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь» в Уголовный кодекс (далее – УК) Республики Беларусь была введена ст. 282-1, в которой установлена ответственность за незаконные перемещение (транспортировку) или разделку диких животных. Как свидетельствует практика прокурорского надзора, применение данной статьи вызывает у правоохранительных органов определенные трудности, прежде всего связанные с пониманием уголовной противоправности. Во многом это связано с тем, что эта норма новая, ранее не известная нашему уголовному законодательству.

Анализ практики квалификации по ст. 282-1 УК Республики Беларусь показывает два основных вопроса, связанных с уголовно-правовой оценкой данного преступления:

1. Требуется ли дополнительной квалификации по ст. 282-1 УК Республики Беларусь факт перевозки или разделки охотничьего вида животного лицом (лицами), которое незаконно добыло это животное, т. е. после факта незаконной охоты.

2. Распространяет ли свое действие положение ч. 3 ст. 282-1 УК Республики Беларусь на факты перемещения незаконно добытых водных животных, стоимость которых образует особо крупный размер.

По первому вопросу необходимо отметить следующее. По общему правилу, продукция охоты, добытая по охотничьей путевке или разрешению на добычу охотничьего животного, после оплаты этого разрешения является собственностью охотника или охотников. Перемещение (транспортировка) охотничьих животных нормируемых видов осуществляется по общему правилу на основании оторванного от закрытого разрешения на добычу охотничьего животного талона на провоз продукции охоты, в котором заполнены все реквизиты, либо на основании акта, составленного в случаях, предусмотренных в пп. 125, 137 Правил ведения охотничьего хозяйства и охоты, утвержденных Указом Президента Республики Беларусь от 21.03.2018 № 112. Согласно п. 122 указанных правил, при добыче охотничьего животного нормируемых видов до начала разделки туши и (или) перемещения (транспортировки) добытого животного руководитель охоты обязан на месте его добычи закрыть разрешение на добычу охотничьего животного, при этом разрешение на добычу охотничьего животного считается закрытым после заполнения отчета об его использовании и гашения всех талонов на провоз продукции охоты.

Незакрытое разрешение на добычу охотничьего животного, в том числе с оторванными талоном или талонами на провоз продукции охоты, является недействительным, а животное (или его часть), которое перемещается (транспортируется), разделяется по такому разрешению, считается добытым без надлежащего на то разрешения. Если лицо осуществляло, например, перевозку добытого им охотничьего животного и не имело разрешения на его добычу, то это свидетельствует о том, что охота изначально была незаконной, и, следовательно, никаких талонов на провоз продукции охоты лицо также иметь не могло, так как талоны являются составной частью разрешения.

Разделка продукции охоты лицом, осуществившим добычу охотничьего животного, и последующее ее перемещение (транспортировка) являются закономерными действиями, логически завершающими процесс удовлетворения потребностей охотника. В таком случае имеет место совершение действий по владению и распоряжению незаконно добытой продукцией охоты.

В связи с вышеизложенным следует полагать, что действия лиц, незаконно добывших охотничье животное и впоследствии совершивших действия по разделке, перемещению (транспортировке), следует квалифицировать только по ст. 282 УК Республики Беларусь. Систематическое толкование норм УК Республики Беларусь, обеспечивающих охрану животного мира, показывает, что ст. 282-1 УК Республики Беларусь распространяет свое действие на лиц, не являющихся субъектами незаконной охоты.

По второму затронутому вопросу квалификации необходимо отметить следующее. В соответствующих разъяснениях государственных органов, а также в отдельных протестах прокуратуры правильно обращается внимание на бланкетный характер диспозиции ст. 282-1 УК Республики Беларусь. Однако эту бланкетность объясняют в основном с позиции предмета этого преступления, в аспекте понимания термина «дикие животные». Особенно на это делается упор в разъяснениях Государственной инспекции охраны животного и растительного мира.

Разумеется, нет оснований ставить под сомнение и тем более затевать дискуссию относительно того, что же понимается под дикими животными. В законодательстве есть четкие определения этому понятию. И рыбы, конечно, относятся к диким животным. Но бланкетность этой нормы мы должны рассматривать прежде всего в контексте уголовной противоправности. В этом смысле бланкетность означает, что мы

должны обратиться к тем нормативным правовым актам, которые называют соответствующее нарушение, которые помогают нам определить, какое деяние является преступным.

Ведь в ч. 1 примечаний к ст. 282-1 УК Республики Беларусь говорится о том, что незаконное перемещение – это перемещение в случаях, запрещенных законодательством. Поэтому установления требует вопрос о том, какие нормативные правовые акты возлагают на граждан обязанность иметь при разделке либо перевозке рыбы или других водных животных документы, подтверждающие их приобретение (например, при охоте требуется наличие у охотника отрывного талона на перевозку к разрешению или охотничьей путевке). Кроме того, следует определить те нормативные акты, которые устанавливают, что разделка или перемещение при отсутствии такого документа образуют собой запрет, признаются соответственно административным либо уголовным деянием.

Например, п. 143 Правил ведения охотничьего хозяйства и охоты запрещает перемещение добытых охотничьих животных без документов. Часть 2 ст. 15.37 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП Республики Беларусь) предусматривает административную ответственность за незаконные перемещение или разделку животных, относящихся к объектам охоты. При этом в практике основная ссылка делается на п. 109.9 Правил ведения рыболовного хозяйства и рыболовства, утвержденных Указом Президента Республики Беларусь от 08.12.2005 № 580. В этом пункте указано, что в километровой зоне запрещается находиться, в частности, без документов, подтверждающих законность владения рыбой.

Но в данном случае речь идет не о перемещении, а о нахождении, присутствии в километровой зоне. И, кроме того, возникает вопрос по поводу документов. Кстати говоря, те, кто ориентируется на п. 109.9 Правил ведения рыболовного хозяйства и рыболовства, должны быть последовательными, так как забывают почему-то о месте нарушения. Ведь все должно происходить в километровой зоне водоема. Материалы уголовных дел показывают, что часто задержание соответствующих лиц происходило не в километровой полосе, а на улице в населенном пункте, на рынке и т. д.

Есть основания утверждать, что п. 109.9 Правил рыбной ловли и рыболовства не содержит прямого запрета на перемещение рыбы без соответствующих документов.

По одному из уголовных дел была сделана ссылка на п. 53 Правил добычи, заготовки и (или) закупки диких животных, не относящихся к объектам охоты и рыболовства, утвержденных постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 2 июня 2006 г. № 699. В соответствии с Приложением № 1 данных Правил, к диким животным, не относящимся к объектам охоты и рыболовства, относятся, в частности, некоторые виды раков (узкопалый и полосатый) и восточная речная креветка.

В п. 53 названных правил указывается: «Перемещение юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями и (или) гражданами добытых, заготовленных, закупленных диких животных, не относящихся к объектам охоты и рыболовства, в объеме, превышающем нормы добычи таких животных, допускается только при наличии документов, подтверждающих законность их добычи, заготовки и (или) приобретения». Да, в данном пункте указывается на граждан. Но каких граждан? Эту норму следует толковать в системе иных норм, предусмотренных данными правилами. В частности, здесь имеет значение определение понятий «заготовка» и «закупка».

Согласно п. 2 Правил, *заготовка* диких животных, не относящихся к объектам охоты и рыболовства, – вид специального пользования объектами животного мира, осуществляемый юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями самостоятельно или с привлечением граждан на основании гражданско-правовых или тру-

довых договоров для добычи диких животных, не относящихся к объектам охоты и рыболовства. То есть речь идет о наемных работниках, которые действуют в интересах юридического лица или индивидуального предпринимателя.

Что касается понятия закупки, то граждане вообще не упоминаются: «Закупка диких животных, не относящихся к объектам охоты и рыболовства, – вид деятельности, связанной с использованием объектами животного мира, осуществляемой юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями путем приобретения диких животных, не относящихся к объектам охоты и рыболовства, на основании договора купли-продажи или иной сделки...»

В указанных Правилах дано определение понятию закупщик: «юридическое лицо или индивидуальный предприниматель, а также гражданин, действующий от имени юридического лица или индивидуального предпринимателя в целях осуществления закупки диких животных, не относящихся к объектам охоты и рыболовства».

Кроме того, в п. 53 Правил названы следующие документы, необходимые для перевозки:

- товарно-транспортная накладная;
- копия решения местного Совета депутатов о предоставлении права на заготовку и (или) закупку диких животных, не относящихся к объектам охоты и рыболовства;
- копия ведомости на закупку диких животных, не относящихся к объектам охоты и рыболовства;
- журнал учета объемов заготовки диких животных, не относящихся к объектам охоты и рыболовства, заполненный в установленном порядке.

Здесь уместно рассмотреть случай, когда лицо является работником закупщика. Если это было нарушение правил добычи (например, превышение квот, запрещенными орудиями или в запретное время), то тогда нужно применять ч. 2 ст. 15.32 КоАП Республики Беларусь либо ст. 282 УК Республики Беларусь при наличии соответствующих условий, предусмотренных этой статей УК (повторность, крупный размер и т. д.).

Если работником или предпринимателем был нарушен порядок закупки, то тогда содеянное должно квалифицироваться по ст. 15.32 КоАП Республики Беларусь, которая предусматривает ответственность за нарушение процедуры добычи, заготовки или закупки.

В этом смысле признавать перемещение преступлением, а факт закупки административным правонарушением неправильно. Перевозка есть распоряжение, пользование незаконно приобретенным имуществом, что является административным правонарушением. То, что изначально было административным правонарушением, не может стать преступлением в рамках незаконного пользования.

В этом смысле следует подчеркнуть, что при толковании рассматриваемых правовых ситуаций не нужно забывать о соблюдении системного регулирования тех подходов, которые уже предусмотрены нормами КоАП Республики Беларусь и УК Республики Беларусь.

Часть 2 ст. 15.37 КоАП Республики Беларусь предусматривает административную ответственность за перемещение и разделку только диких животных, относящихся к объектам охоты. Соответственно повторное нарушение в течение года влечет ответственность по ч. 1 ст. 282-1 УК Республики Беларусь.

Почему в КоАП Республики Беларусь не предусмотрена административная ответственность за подобные деяния, но совершенные в отношении водных животных?

Часть 4 ст. 15.32 КоАП Республики Беларусь предусматривает ответственность за нарушение правил добычи, заготовки или закупки диких животных, не относящихся к объектам охоты или рыболовства. Административной ответственности за незаконную

перевозку раков и креветок в КоАП не предусмотрено, что является еще одним аргументом в пользу того, что перевозка является элементом распоряжения, пользования незаконно добытых водных животных.

Хотелось бы обратить внимание еще на одну новеллу. Законом Республики Беларусь от 17.07.2018 № 131-З «О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь» существенно расширено содержание уголовной противоправности ст. 277 УК Республики Беларусь. В прежней редакции данная статья предусматривала ответственность за незаконную порубку деревьев и кустарников. Новая редакция ч. 1 ст. 277 УК Республики Беларусь определяет уголовную противоправность данного преступления следующим образом: «Незаконная рубка или повреждение до степени прекращения роста древесно-кустарниковой растительности в природоохранных, рекреационно-оздоровительных, защитных лесах либо незаконные уничтожение, удаление, изъятие или повреждение до степени прекращения роста древесно-кустарниковой растительности, не входящей в состав лесного фонда, повлекшие причинение ущерба в крупном размере».

В призма определенной в уголовном законе противоправности важным является выяснение признаков предмета данного преступления. К нему в настоящее время относится:

1. Древесно-кустарниковая растительность в природоохранных, рекреационно-оздоровительных или защитных лесах (ч. 1 ст. 277).

2. Древесно-кустарниковая растительность, не входящая в состав лесного фонда (ч. 1 ст. 277).

3. Древесно-кустарниковая растительность в эксплуатационных лесах (ч. 2 ст. 277).

В соответствии со ст. 1 Закона Республики Беларусь от 14 июня 2003 г. № 205-З «О растительном мире», к древесно-кустарниковой растительности следует относить «единичные деревья, кустарники и их насаждения». Согласно ст. 4 Лесного кодекса Республики Беларусь (далее – Лесной кодекс), к древесно-кустарниковой растительности, не входящей в состав лесного фонда, относятся такие единичные деревья, кустарники и их насаждения, которые произрастают на землях сельскохозяйственного назначения; в границах населенных пунктов (за исключением городских лесов), садоводческих товариществ, дачных кооперативов; на землях промышленности, транспорта, связи, энергетики, обороны и иного назначения; на землях оздоровительного, рекреационного, историко-культурного назначения; на землях водного фонда; на землях запаса; в границах придорожных полос (контролируемых зон) автомобильных дорог, за исключением древесно-кустарниковой растительности, произрастающей в границах земель лесного фонда и земель природоохранного назначения.

В соответствии с п. 2 ст. 16 Лесного кодекса, к категории природоохранных лесов относятся леса, расположенные в границах особо охраняемых природных территорий; леса, расположенные в границах мест обитания диких животных и (или) произрастания дикорастущих растений, относящихся к видам, включенным в Красную книгу Республики Беларусь, переданных под охрану пользователям земельных участков и (или) водных объектов в порядке, определенном Советом Министров Республики Беларусь; леса, расположенные в границах типичных и редких природных ландшафтов и биотопов, переданных под охрану пользователям земельных участков и (или) водных объектов в порядке, определенном Советом Министров Республики Беларусь.

В состав рекреационно-оздоровительных лесов входят леса, расположенные в границах городов (городские леса); леса, расположенные в границах полос шириной пять километров, два километра, 500 метров, 100 метров от границ соответственно

г. Минска, областных центров, городов областного подчинения, иных населенных пунктов, а также садоводческих товариществ и дачных кооперативов, если иное не предусмотрено градостроительными проектами, утверждаемыми Президентом Республики Беларусь; леса, расположенные в границах полос шириной 200 метров от границ земельных участков, на которых расположены санатории, дома отдыха, пансионаты, оздоровительные лагеря, туристические базы и другие лечебные, санаторно-курортные, оздоровительные объекты (п. 3 ст. 16 Лесного кодекса).

Категорию защитных лесов образуют леса, расположенные в границах водоохраных зон; леса, расположенные в границах первого и второго поясов зон санитарной охраны источников и систем питьевого водоснабжения; леса, расположенные в границах полос шириной 100 метров в обе стороны от крайнего железнодорожного пути общего пользования, от оси республиканской автомобильной дороги (п. 4 ст. 16 Лесного кодекса).

В состав эксплуатационных лесов входят леса, не вошедшие в состав природоохраных, рекреационно-оздоровительных и защитных лесов (п. 5 ст. 16 Лесного кодекса).

Объективная сторона уголовной противоправности рассматриваемого общественно опасного поведения характеризуется признаками, свойственными преступлению, которое связано с наступлением общественно опасного последствия. Деяние при совершении данного преступления может быть выражено в следующих альтернативных вариантах активного поведения:

- незаконной рубке в лесах соответствующей категории;
- повреждении до степени прекращения роста древесно-кустарниковой растительности в лесах соответствующей категории;
- незаконных уничтожении, удалении, изъятии или повреждении до степени прекращения роста древесно-кустарниковой растительности, не входящей в состав лесного фонда.

Незаконная рубка в соответствии с положениями п. 33 ст. 1 Лесного кодекса может быть выражена:

- в рубке, изъятии, удалении древесно-кустарниковой растительности без разрешительных документов;
- рубке не тех пород, на которые выданы лесорубочный билет, ордер;
- рубке сверх объема, указанного в лесорубочном билете, ордере (с учетом установленного республиканским органом государственного управления по лесному хозяйству допустимого отклонения фактически заготовленного объема древесины от указанного в лесорубочном билете, ордере). Разрешительными являются документы, дающие право на краткосрочное пользование участками леса (лесорубочный билет, ордер, лесной билет).

Повреждение до степени прекращения роста древесно-кустарниковой растительности представляет собой такое воздействие на соответствующее дерево или кустарник, которое приводит к необратимому прекращению их роста.

В соответствии с п. 3 Положения о порядке исчисления размера возмещения вреда, причиненного окружающей среде, и составления акта об установлении факта причинения вреда окружающей среде, утвержденном постановлением Совета Министров от 17 июля 2008 г. № 1042, к деревьям, поврежденным до степени прекращения роста, относятся деревья со сломом ствола, наклоном более 30 градусов (включая поваленные), с полным удалением (обрезкой) кроны (за исключением малоценных пород тополей), ошмыгом кроны более 1/2 ее протяженности (окружности), обдиром коры

с повреждением луба более 50 % окружности ствола, а к кустарникам, поврежденным до степени прекращения роста, относятся кустарники с незаконным удалением более 50 % их наземной части по высоте либо по количеству стволов (ветвей), за исключением поврежденных в пределах установленных норм при осуществлении лесопользования, проведении лесохозяйственных и иных мероприятий.

Незаконное уничтожение, удаление, изъятие древесно-кустарниковой растительности, не входящей в состав лесного фонда, представляет собой совершение соответствующих деяний в нарушение установленного порядка обращения с соответствующими объектами растительного мира.

Так, нарушение Правил заготовки древесных соков, сбора, заготовки (закупки) дикорастущих растений и (или) их частей, утвержденных постановлением Минприроды Республики Беларусь от 21 ноября 2016 г. № 37, может привести к фактическому уничтожению соответствующего дерева или кустарника.

Изъятие древесно-кустарниковой растительности образует собой «связанное с пользованием объектами растительного мира отделение растений от среды их произрастания и (или) частей от растений» (ст. 1 Закона Республики Беларусь от 14 июня 2013 г. № 205-З «О растительном мире»).

Удаление древесно-кустарниковой растительности – это «не связанное с пользованием объектами растительного мира отделение растений от среды их произрастания и (или) частей от растений, влекущее утрату жизнедеятельности этих растений» (ст. 1 Закона Республики Беларусь от 14 июня 2013 г. № 205-З «О растительном мире»).

Порядок выдачи разрешений на удаление объектов растительного мира и разрешений на пересадку объектов растительного мира устанавливается Советом Министров Республики Беларусь, если иное не установлено законодательными актами Республики Беларусь. Решение о выдаче разрешения на удаление объектов растительного мира, разрешения на пересадку объектов растительного мира в случае удаления, пересадки деревьев, кустарников, препятствующих эксплуатации зданий, сооружений и иных объектов, принимается местным исполнительным и распорядительным органом при наличии заключения о подтверждении обстоятельств, препятствующих эксплуатации зданий, сооружений и иных объектов, которое запрашивается местным исполнительным и распорядительным органом самостоятельно.

Вместе с тем следует иметь в виду, что действия виновного лица, выразившиеся в незаконном завладении деревьями, которые срублены и приготовлены к складированию, сбыту или вывозу другими лицами, следует квалифицировать как хищение чужого имущества.

Преступление, ответственность за которое предусмотрена ч. 1 ст. 277, считается юридически оконченным с момента причинения ущерба в крупном размере. Понятие «ущерб в крупном размере» дано в ч. 2 примечаний к гл. 26 УК Республики Беларусь. При отсутствии ущерба в крупном размере содеянное влечет ответственность по ст. 15.22 КоАП Республики Беларусь при наличии признаков, предусмотренных данной статьей.

Следует учитывать особенности и при установлении субъективной стороны уголовной противоправности незаконной рубки или повреждения до степени прекращения роста древесно-кустарниковой растительности в лесах соответствующей категории. Это преступление характеризуется умышленной виной. При этом лицо сознает общественную опасность своего поведения, понимает, что незаконной рубке подвергаются деревья или кустарники в лесах соответствующей категории, что причиненное повре-

ждение влечет прекращение роста соответствующего дерева или кустарника, либо понимает, что действует в нарушение установленного порядка обращения с соответствующими объектами растительного мира.

Действия должностных лиц, использовавших свои служебные полномочия при незаконной рубке, незаконных уничтожении, удалении, изъятии или повреждении древесно-кустарниковой растительности, должны дополнительно квалифицироваться по статьям, предусматривающим ответственность за соответствующее преступление против интересов службы.

Должностные лица, использовавшие свои служебные полномочия при необоснованной выдаче разрешительных документов на рубку леса и кустарников, несут ответственность за преступления против интересов службы.

Ответственность по ч. 2 ст. 277 УК Республики Беларусь наступает в случае, если незаконная рубка или повреждение до степени прекращения роста древесно-кустарниковой растительности осуществлялись в эксплуатационных лесах. При этом причиненный ущерб должен составлять особо крупный размер, понятие которого дано в примечании к ст. 275 УК Республики Беларусь.

УДК 343.35

Д. Г. МОРОЗ

Минск, Белорусский государственный университет

ПРИМЕНЕНИЕ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ ОПЫТА ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВ В УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

Важное место в уголовном законодательстве практически всех государств мира занимает система норм, устанавливающих ответственность за осуществление коррупционных деяний. Понятие коррупционной преступности можно рассматривать в узком и широком смысле.

В узком смысле, по нашему мнению, коррупционную преступность следует понимать с формально-юридической точки зрения, в рамках которой акцент делается на включенности коррупционных деяний в специальный перечень коррупционных преступлений, предусмотренных действующим уголовным законодательством.

В широком смысле коррупционную преступность можно понимать как совокупность всех преступлений, соответствующих следующим признакам: преступление совершается а) должностным лицом; б) в сфере служебных отношений и вопреки интересам службы; в) с использованием служебных полномочий; г) из корыстной или иной личной низменной заинтересованности.

В интересах данного исследования коррупционная преступность будет пониматься в широком смысле.

В различных государствах мира отсутствуют единые подходы к а) установлению законодательных моделей противодействия коррупционным преступлениям, б) конструированию системы норм, устанавливающих уголовную ответственность за совершение коррупционных преступлений, в) установлению круга преступных деяний, признаваемых в качестве коррупционных. В настоящее время можно выделить две законодательные модели регламентации противодействия коррупционному поведению.

Первая законодательная модель регламентации противодействия коррупционному преступному поведению выражается в определении границ преступного коррупционного поведения посредством принятия перечня коррупционных преступлений (преступлений коррупционной направленности) в подзаконном ведомственном нормативном правовом акте. Правовое значение перечня коррупционных преступлений заключается в обеспечении криминологического анализа состояния и уровня коррупционной преступности и принятия эффективных мер по ее предотвращению. Такая законодательная модель нашла свое отражение в Республике Беларусь и в Российской Федерации.

Вторая законодательная модель регламентации противодействия коррупционному преступному поведению выражается в определении границ преступного коррупционного поведения посредством принятия перечня коррупционных преступлений (преступлений коррупционной направленности) в самом Уголовном кодексе. Правовое значение этого перечня в данном случае заключается в установлении особого режима уголовной ответственности за совершение коррупционных преступлений. Среди прочего такой особый режим уголовной ответственности за совершение коррупционных преступлений характеризуется установлением особого порядка назначения наказаний за совершение коррупционных преступлений, установлением законодательного запрета на применение к лицам, совершающим коррупционные преступления, норм Общей части УК, смягчающих или освобождающих от уголовной ответственности. Такая законодательная модель нашла свое отражение в Украине и в Казахстане.

Имеются основания полагать, что для Республики Беларусь будет весьма полезен опыт тех государств, в которых регламентация противодействию коррупционному преступному поведению осуществляется посредством установления границ преступного коррупционного поведения в самом Уголовном кодексе и, соответственно, в установлении особого режима уголовной ответственности лиц, признанных виновными в совершении таких преступлений [1, с. 186–192; 2, с. 52–61].

Представляется, что в качестве мер, направленных на усиление уголовной ответственности, может быть также рассмотрен вопрос о значительном увеличении сроков давности или вообще об отмене сроков давности за совершение если не всех, то хотя бы наиболее тяжких и опасных коррупционных преступлений.

Законодательные подходы к конструированию системы норм, устанавливающих уголовную ответственность за совершение коррупционных преступлений, также имеют существенные отличия в государствах мира.

В большинстве государств законодатель осуществляет четкую дифференциацию в структуре уголовного закона между преступлениями должностных лиц и преступлениями частных лиц против государственной службы (УК Франции, Швейцарии).

Иногда это разделение происходит в рамках одной структурной части УК. Например, в УК Франции в разделе третьем «Посягательства на осуществление государственной власти» выделяются гл. 2 «О посягательствах на государственное управление, совершенных публичными должностными лицами» и гл. 3 «О посягательствах на государственное управление, совершенных частными лицами».

В УК Швейцарии преступления должностных лиц и преступления частных лиц против государственной службы не объединяются общим родовым объектом, поэтому их можно обнаружить в различных частях уголовного кодекса.

Существует и иные подходы к конструированию системы норм, устанавливающих ответственность за совершение коррупционных преступлений. Так, в зависи-

мости от объекта уголовно-правовой охраны в сфере служебной деятельности существуют следующие законодательные модели.

В уголовном законодательстве одной группы государств существует четкая дифференциация системы норм, устанавливающих ответственность за совершение коррупционных преступлений в публичной (государственной и муниципальной) и частной (коммерческой и некоммерческой) сферах управления. В этих государствах нормы об ответственности за совершение коррупционных преступлений содержатся в различных структурных частях Особенной части УК. В УК Молдовы и Казахстана законодатель отнес нормы, устанавливающие ответственность за совершение коррупционных преступлений, в зависимости от сферы служебной деятельности в разные главы Особенной части УК. Поэтому в УК Казахстана – гл. 9 «Уголовные правонарушения против интересов службы в коммерческих и иных организациях» и гл. 15 «Коррупционные и иные уголовные правонарушения против интересов государственной службы и государственного управления», в УК Молдовы – гл. XV «Преступления против надлежащего порядка работы в публичной сфере» и гл. XVI «Коррупционные преступления в частном секторе», в УК России – гл. 23 «Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях» и гл. 30 «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления».

В других государствах такая дифференциация отсутствует, и, соответственно, основания, условия, содержание и объем уголовной ответственности не зависят от того, в какой сфере управления – публичной или частной – было совершено коррупционное преступление. В этой группе государств нормы об ответственности за совершение коррупционных преступлений содержатся в одной структурной части Особенной части УК. В УК Азербайджана, Украины и Эстонии законодатель решил объединить в одну главу преступления против службы *в любом секторе*: государственном, муниципальном или частном. Поэтому в УК Азербайджана – «Коррупционные преступления и иные преступления против интересов службы», в УК Беларуси соответствующая глава носит название «Преступления против интересов службы», в УК Украины – «Преступления в сфере служебной деятельности», в Пенитенциарном кодексе Эстонии – «Должностные виновные деяния».

Уголовное законодательство Республики Беларусь придерживается второй законодательной модели. Из названия гл. 35 УК Республики Беларусь «Преступления против интересов службы» вытекает, что законодатель не конкретизирует, о какой службе – публичной (государственной) или частной (негосударственной) – идет речь. Аналогично в ч. 4 ст. 4 УК Беларуси в законодательном определении признаков должностного лица указывается на то, что должностными признаются лица, постоянно или временно либо по специальному полномочию занимающие должности в учреждениях, организациях или на предприятиях независимо от форм собственности.

Вместе с тем в юридической литературе отмечается, что одним из признаков должностных коррупционных преступлений является их совершение вопреки интересам службы. При этом сложности толкования данного признака заключаются в том, что понятие должностного лица осталось прежним, включая лиц, занимающих соответствующие должности на предприятиях государственной формы собственности, а интересы службы в частной сфере управления приобрели в определенной степени самостоятельный характер по отношению к интересам государства. При этом интересы службы в частной сфере управления в должной степени не консолидированы с государственно-публичными интересами. Это в еще большей мере становится

очевидным при оценке некоторых действий по службе в частной сфере управления в качестве злоупотребления соответствующего должностного лица [3, с. 965].

Кроме того, необходимо отметить, что в гл. 35 УК Республики Беларусь предусмотрены нормы, которые устанавливают ответственность за совершение коррупционных преступлений исключительно в сфере публичного (государственного) управления. Соответственно совершение аналогичных деяний в частной сфере управления не предусматривает уголовной ответственности.

Например, ст. 429 УК Республики Беларусь устанавливается ответственность за учреждение должностным лицом, находящимся на *государственной* службе, организации, осуществляющей предпринимательскую деятельность, либо участие его в управлении такой организацией лично или через иное лицо вопреки запрету, установленному законом, если должностное лицо, используя свои служебные полномочия, предоставило такой организации льготы и преимущества или покровительствовало в иной форме.

Еще одним преступлением против интересов службы, которое, по мнению законодателя, может быть совершено только работником *государственного* органа либо иной *государственной* организации, не являющимся должностным лицом, является принятие незаконного вознаграждения (ст. 433 УК). Данное преступление не относится к коррупционным, но по своему содержанию и социальной значимости вполне к ним приближается.

Исходя из вышесказанного, имеются основания полагать, что одним из вариантов разрешения возникающих на практике проблем рассогласованности уголовно-правовой регламентации интересов службы в частной сфере управления с государственно-публичными интересами может быть дифференциация ответственности в отдельных главах УК Республики Беларусь норм, устанавливающих ответственность за совершение коррупционных преступлений в зависимости от того, в какой сфере – публичной (государственной) или в частной (негосударственной) – они совершены.

Полагаем, что ответственность за совершение преступлений против службы в интересах государства может быть установлена в нормах гл. 35 УК. При этом УК Республики Беларусь может быть дополнен гл. 25¹ «Преступления против службы в коммерческих и иных некоммерческих организациях». Каков должен быть перечень норм, который может содержаться в данной главе, – это тема отдельного разговора. Безусловно, что нормы и о взяточничестве, и о должностных злоупотреблениях должны найти свое отражение в этой главе. При этом следует отметить, что, по нашему мнению, в предполагаемую гл. 25¹ УК могут быть перемещены некоторые нормы, содержащиеся в иных главах УК Республики Беларусь. В частности, к преступлениям против службы в коммерческих и иных некоммерческих организациях может быть отнесен коммерческий подкуп, ответственность за совершение которого предусмотрена ст. 252 УК Республики Беларусь, а также подкуп участников и организаторов профессиональных спортивных соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов, ответственность за совершение которого предусмотрена ст. 253 УК Республики Беларусь.

Одним из направлений применения в Республике Беларусь опыта зарубежных государств в уголовно-правовой регламентации противодействия коррупции *может быть криминализация отдельных коррупционных проявлений. Одним из них является торговля влиянием.*

Торговля влиянием является одним из коррупционных проявлений, имеющим определенное сходство с посредничеством во взяточничестве. От посредничества во взяточничестве торговля влиянием отличается тем, что получатель незаконного вознаграждения обязуется не передать его должностному лицу, а воздействовать на последнее за счет личных фактических отношений (родственных, дружеских, про-

фессиональных и т. п.). Торговля влиянием в качестве самостоятельного преступления или иным образом специально криминализована в УК Бельгии, Грузии, Латвии, Литвы, Молдовы, Польши, Франции и ряда других государств. Однако следует отметить, что в способах криминализации торговли влиянием имеются существенные различия.

В большинстве государств пассивным субъектом торговли влиянием может быть не только государственное должностное, но и любое другое лицо. В УК Латвии, Литвы, Молдовы, Польши составы торговли влиянием сформулированы так, что не содержат никаких признаков, отличающих данное преступное деяние от законной лоббистской, адвокатской или правозащитной деятельности. Нет никаких указаний на то, что влияние осуществляется незаконным образом или имеет целью принятие незаконного решения органом власти.

Согласно ст. 230 УК Польши, «лицо, которое, ссылаясь на свое влияние в государственном учреждении или органе местного самоуправления, принимает на себя посредничество в разрешении вопроса взамен за получение имущественной выгоды или за ее обещание, подлежит наказанию...»

В соответствии с ч. 1 ст. 326 УК Молдовы наказывается «принятие или вымогательство денег, ценных бумаг, иного имущества или выгод имущественного характера, согласие принять услуги, имущество или выгоды лично или через посредника, для себя или для другого лица, совершенные умышленно лицом, имеющим влияние на служащего или утверждающим, что имеет такое влияние, с целью побудить последнего к выполнению или невыполнению действий, входящих в его служебные обязанности, независимо от того, были совершены такие действия или нет».

В ст. 433-1 УК Франции торговля влиянием должностным лицом в пассивной форме является альтернативным признаком одного состава преступления с пассивным взяточничеством.

Торговля влиянием частными лицами сформулирована в ст. 433-2 УК Франции в виде отдельного состава преступления.

В некоторых государствах постсоветского пространства торговля влиянием частично криминализована путем указания в диспозиции состава получения взятки следующего альтернативного признака: «за действия (бездействие) в пользу взяткодателя или представляемых им лиц, если такие действия (бездействие) входят в служебные полномочия должностного лица либо оно в силу должностного положения может способствовать таким действиям (бездействию)» (Азербайджан, Армения, Грузия, Россия, Таджикистан, Туркменистан). В УК еще двух стран СНГ этот же признак указан с небольшими редакционными отличиями.

Таким образом, в указанных странах торговля влиянием рассматривается законодателем как частный случай взяточничества. Ответственность за торговлю влиянием несет только должностное лицо и тот, кто подкупает должностное лицо с целью оказания последним незаконного влияния. Торговля влиянием с участием только частных лиц может быть наказуема только в том случае, если за ней скрывается посредничество во взяточничестве (и это удастся доказать) либо имеет место мошенничество (ряженные «генералы» и мнимые «родственники» высокопоставленных лиц).

В тех странах, где торговля влиянием криминализована отдельно от взяточничества, за оба эти деяния законодатель предусматривает, как правило, примерно одинаковое наказание.

Представляется целесообразным рассмотреть вопрос о криминализации торговли влиянием и в УК Республики Беларусь. Соответственно УК Республики Беларуси

может быть дополнен ст. 432¹, которая может быть изложена, например, в следующей редакции.

«Статья 432¹. Торговля влиянием.

1. Обещание, предложение или предоставление лицу, утверждающему или доказывающему, что оно может оказать неправомерное влияние на принятие должностным лицом решения в свою пользу или в пользу другого лица денег, ценных бумаг, другого имущества, имущественной выгоды, лицом, действующим в собственных интересах или интересах иного лица, независимо от того, было ли осуществлено такое влияние или (и) был ли получен желательный результат этого влияния, –

наказываются...

2. Требование или получение лицом, утверждающим или доказывающим, что оно может оказать неправомерное влияние на принятие должностным лицом решения в свою пользу или в пользу иного лица, от лица, действующего в собственных интересах или интересах других лиц, денег, ценных бумаг, другого имущества, имущественной выгоды, а равно обещания или предложения таковых, независимо от того, было ли осуществлено такое влияние или (и) получен желательный результат такого влияния, –

наказывается...

3. Деяние, предусмотренное частью второй настоящей статьи, совершенное организованной группой, – наказывается...».

Еще одним коррупционным проявлением, которое криминализировано в уголовном законодательстве зарубежных государств, является незаконное обогащение должностного лица.

Незаконное обогащение публичных служащих является одним из наиболее распространенных случаев коррупции.

Однако в данном случае речь идет не о незаконных доходах публичных служащих вообще, а о специфическом «усеченном» составе преступления, представляющем собой изъятие из принципа презумпции невиновности.

Ввиду явного конфликта с вышеназванным основополагающим принципом, Конвенция ООН против коррупции (2003) в своей ст. 20 предлагает государствам рассмотреть возможность криминализации *незаконного обогащения*: «При условии соблюдения своей конституции и основополагающих принципов своей правовой системы каждое государство-участник рассматривает возможность принятия таких законодательных и других мер, какие могут потребоваться с тем, чтобы признать в качестве уголовно наказуемого деяния, когда оно совершается умышленно, незаконное обогащение, то есть значительное увеличение активов публичного должностного лица, превышающее его законные доходы, которое оно не может разумным образом обосновать». Рекомендация Конвенции ООН была воспринята законодателями ряда стран, которые воспроизвели у себя в законодательстве состав незаконного обогащения в предложенном виде (Аргентина, Китай).

В УК Аргентины недавно появилась целая глава К/2 «Незаконное обогащение государственных чиновников и служащих». Согласно ст. 268/2 наказывается тот, «кто в ответ на законное требование не предоставил оправдание происхождению своего значительного по размерам имущественного обогащения или обогащения использовавшегося им в целях прикрытия подставного лица, осуществленных во время пребывания на государственном посту или должности и в период до двух лет после ухода с указанного поста или должности». В соответствии со ст. 268/3 наказание назначается «тому, кто, будучи в силу своего должностного положения обязанным представить имущественную декларацию, злонамеренно не сделал этого». То же наказание

назначается тому, кто злонамеренно исказил или не представил сведения, которые указанные декларации должны содержать в соответствии с действующими законами и правилами.

Согласно ч.1 ст.395 УК Китая «при очевидном превышении законных поступлений на крупную сумму собственности или расходов государственных работников можно требовать объяснения их источника. Государственный работник, не сумевший объяснить законность их источника, наказывается лишением свободы на срок до пяти лет либо арестом, разница в суммах рассматривается как незаконный доход; часть собственности, превышающая законную, взыскивается».

Часть 2 ст. 395 УК Китая содержит еще один состав, связанный с незаконным обогащением государственных служащих: «Государственные работники, имеющие вклады за границей, обязаны в соответствии с государственными установлениями заявить о них. Утаивание информации на значительную сумму наказывается лишением свободы на срок до двух лет либо арестом; при смягчающих обстоятельствах организацией по месту работы или вышестоящим компетентным органом, с учетом обстоятельств, налагается административное взыскание» [4, с. 465–466].

По нашему мнению, вопрос о криминализации незаконного обогащения должностных лиц может быть рассмотрен при определении основных направлений совершенствования уголовно-правой регламентации противодействия коррупции в Республике Беларусь.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мороз, Д. Г. Законодательные модели противодействия коррупционной преступности в Беларуси, России, Украине, Казахстане, Кыргызстане / Д. Г. Мороз // Оптимизация правовой основы противодействия преступности: к 25-летию Конституции Российской Федерации : сб. науч. тр. по итогам Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, Волгоград, 12–13 дек. 2018 г. : в 2 ч. / под ред. Л. В. Лобановой, С. М. Мкртчян. – Волгоград : ВолГУ, 2018. – Ч. 1.

2. Ковальчук, А. В. Научное наследие профессора Л. Д. Гаухмана. Лекции по уголовному праву для адъюнктов, аспирантов и соискателей / А. В. Ковальчук, С. В. Борисов. – Минск : Акад. МВД, 2018. – С. 52–61.

3. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н. Ф. Ахраменка [и др.] ; под общ. ред. А. В. Баркова, В. М. Хомича. – 2-е изд., с изм. и доп. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2010. – 1064 с.

4. Додонов, В. Н. Сравнительное уголовное право. Особенная часть / В. Н. Додонов, О. С. Капинус, С. П. Щерба. – М. : Юрлитинформ, 2010. – 544 с.

УДК 343

Е. В. МОСИЯНЧИК

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина

ЗАВЕДОМО ЛОЖНЫЙ ДОНОС: КВАЛИФИКАЦИЯ И РАЗГРАНИЧЕНИЕ СО СМЕЖНЫМИ ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ

Изучение материалов уголовных дел, а также теоретико-правовых исследований рассматриваемого состава преступления позволяет сделать вывод о существующих недостатках толкования и применения нормы об ответственности за заведомо ложный донос, что, в свою очередь, сопряжено с возникновением проблем квалификационно-

разграничительного характера. Полагаем, что предупреждение такого рода проблем могло бы служить уяснением следующих ключевых аспектов квалификации.

При разграничении заведомо ложного доноса и укрывательства преступлений необходимо учитывать, что ст. 400 Уголовного кодекса (далее – УК) Республики Беларусь является специальной нормой по отношению к ст. 405 УК Республики Беларусь, так как в ст. 400 УК Республики Беларусь признаки преступного деяния предусмотрены более конкретно. Квалификация преступлений, предусмотренных ст. 400 и 405 УК Республики Беларусь, по совокупности возможна в тех случаях, когда, имея целью скрыть одно особо тяжкое преступление, субъект ложно заявляет о совершении другого преступного деяния независимо от того, дается ли при этом указание на конкретное лицо.

Дача лицом заведомо ложных показаний в качестве свидетеля или потерпевшего по уголовному делу, возбужденному органом уголовного преследования по заведомо ложному доносу такого лица, подлежит квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 400 и 401 УК Республики Беларусь.

Подача в суд частным обвинителем заведомо ложного заявления о совершении лицом преступления квалифицируется по ст. 393 УК Республики Беларусь и не требует дополнительной квалификации по ст. 439 УК Республики Беларусь [2, с. 281].

Если при принятии заявления о совершении преступления лицо, обратившееся с таким заявлением, в нарушение предписаний ч. 4 ст. 168 Уголовно-процессуального кодекса (далее – УПК) Республики Беларусь не было предупреждено должностным лицом органа уголовного преследования об уголовной ответственности за заведомо ложный донос, то данное обстоятельство не имеет значения при решении вопроса об ответственности лица по ст. 400 УК Республики Беларусь. Отсутствие такого предупреждения не устраняет уголовной ответственности по этой статье УК Республики Беларусь. Уголовную ответственность за данное преступление должны нести также и лица, обратившиеся в орган уголовного преследования с заведомо ложным анонимным заявлением о совершении преступления [1, с. 773].

К примеру, в Центральное РУВД г. Минска обратилась А. с заявлением о привлечении к уголовной ответственности ее 36-летнего знакомого, который, будучи в гостях, якобы похитил у нее свыше 4 млн рублей. В ходе проверки сотрудники ОВД установили, что это был ложный донос. Выяснилось, что девушка сообщила о преступлении, которого не было, а обвинила в его совершении знакомого из личной неприязни. И хотя лжезаявительница явилась в милицию (с явкой) с повинной, она была привлечена к ответственности [5].

Распространены случаи, когда виновники дорожно-транспортного происшествия, пытаясь избежать связанной с этим гражданско-правовой и административной ответственности, сообщают в правоохранительные органы о произошедшем перед этим угоне автомобиля, которым они, соответственно, не могли управлять в то время, когда произошло ДТП.

Так, житель г. Столбцы с целью избежать ответственности написал заявление в ОВД об угоне его транспортного средства неизвестным лицом и совершении им дорожно-транспортного правонарушения. В ходе дальнейшего разбирательства установлено, что владелец автомобиля со своим приятелем в состоянии алкогольного опьянения катались по городу. В момент совершения правонарушения собственник скрылся от сотрудников Государственной автомобильной инспекции. В последующем, будучи предупрежденным об уголовной ответственности за заведомо ложный донос, он заявил об угоне [6].

В ходе расследования в г. Могилеве уголовного дела по факту мошенничества, совершенного в особо крупном размере, бывший генеральный директор ООО «Сервис ТекКомпания» с целью отомстить следователю в своем письменном заявлении указал, что якобы сотрудник Следственного комитета, в производстве которого находилось уголовное дело, вымогал у обвиняемого взятку на сумму в 1 млрд рублей за прекращение уголовного дела и освобождение от уголовной ответственности. По данному факту незамедлительно была назначена проверка, по результатам которой доводы, изложенные заявителем, не подтвердились. Следователь никогда не высказывал обвиняемому просьбы либо требования о передаче денежных средств за благоприятное решение вопроса о прекращении уголовного дела.

Одновременно установлено, что обвиняемый с момента задержания всячески пытался воспрепятствовать расследованию уголовного дела, направляя в адрес государственных органов и должностных лиц многочисленные жалобы с голословными обвинениями сотрудников правоохранительных органов Могилевской области. Доводы, изложенные в жалобах, не нашли своего подтверждения. Все собранные по уголовному делу материалы, характеризующие личность обвиняемого, свидетельствовали о том, что он является лживым, изворотливым человеком, склонным к совершению преступлений. Своими действиями он совершил заведомо ложный донос о совершении преступления, соединенный с обвинением следователя в особо тяжком преступлении, т. е. преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 400 УК Республики Беларусь [7].

Возможна ситуация, когда лицо, совершающее заведомо ложный донос, желает представить себя жертвой несовершенного преступления. Например, женщина, избитая собственным мужем, для получения страховки в связи с причинением вреда здоровью обращается с заявлением в районный отдел внутренних дел, сообщив, что в отношении нее якобы совершено разбойное нападение. Проведенная проверка устанавливает ложность этого сообщения, после чего в отношении заявительницы возбуждается уголовное дело. В дальнейшем ее осуждают за заведомо ложный донос.

Если ложное сообщение о якобы совершенном преступлении сделано лицом при его допросе в качестве свидетеля, оно подлежит ответственности по ст. 401 УК Республики Беларусь.

Таким образом, для квалификации деяния по ст. 400 УК Республики Беларусь оно должно характеризоваться следующими признаками:

1. Объектом данного преступления является нормальная деятельность органов уголовного преследования и суда. Факультативным объектом могут быть права и законные интересы граждан, ложно обвиняемых в совершении преступления [3, с. 466].

2. С объективной стороны преступление состоит в заведомо ложном доносе о совершенном преступлении.

Заведомо ложный донос выражается в сообщении соответствующим органам любым способом ложных, не соответствующих действительности сведений: о совершенном преступлении; о готовящемся преступлении; о лицах, принимавших участие в совершении преступлений; о преступлении, которое в действительности не было совершено; о лицах, которые в действительности не принимали участия в совершении преступления [4].

3. Субъективная сторона ложного доноса – умышленная форма вины, прямой умысел. При заведомо ложном доносе преследуется цель возбуждения уголовного дела и привлечения невиновного к уголовной ответственности.

4. Субъект ложного доноса – общий: физическое лицо, вменяемое, достигшее 16-летнего возраста.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовное право Республики Беларусь. Особенная часть : учеб. пособие / А. И. Лукашов [и др.] ; под общ. ред. А. И. Лукашова. – Минск : Изд-во Гревцова, 2009. – 960 с.

2. Котов, Е. Н. Уголовное право (особенная часть) : учеб.-метод. пособие / Е. Н. Котов. – Минск : БГЭУ, 2014. – 302 с.

3. Круглов, В. А. Уголовное право. Особенная часть : курс лекций / В. А. Круглов. – Минск : Амалфея, 2012. – 592 с.

4. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н. Ф. Ахраменка [и др.] ; под ред. А. В. Баркова, В. М. Хомича. – 2-е изд., с изм. и доп. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2010. – 1064 с.

5. Минчанку привлекут к ответственности за лжедонос [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://minsknews.by>. – Дата доступа: 16.10.2018.

6. Следственный комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sk.gov.by>. – Дата доступа: 15.10.2018.

7. Заведомо ложный донос [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.newsby.org>. – Дата доступа: 16.10.2018.

УДК 343.7

О. А. НАРБУТОВИЧ

Брест, Брестская таможня

УКЛОНЕНИЕ ОТ УПЛАТЫ ТАМОЖЕННЫХ ПЛАТЕЖЕЙ – ПРЕСТУПЛЕНИЕ, ПОСЯГАЮЩЕЕ НА НАЦИОНАЛЬНУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В Концепции национальной безопасности Республики Беларусь в числе стратегических национальных интересов указано обеспечение устойчивого экономического развития и высокая конкурентоспособность белорусской экономики, достижение высокого уровня экономической безопасности [1]. Уклонение от уплаты таможенных платежей (ст. 231 Уголовного кодекса (далее – УК) Республики Беларусь) является одним из преступлений, посягающих на экономическую безопасность страны в сфере внешне-экономической деятельности. Лицо, нарушая порядок и условия взимания таможенных платежей, таможенного оформления товаров и транспортных средств при перемещении через таможенную границу Республики Беларусь, нередко причиняет значительный ущерб экономике нашего государства.

В соответствии со ст. 46 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза (далее – ТК ЕАЭС), к таможенным платежам относятся ввозная таможенная пошлина, вывозная таможенная пошлина, налог на добавленную стоимость, взимаемый при ввозе товаров на таможенную территорию ЕАЭС, акцизы (акцизный налог или акцизный сбор), взимаемый при ввозе товаров на таможенную территорию ЕАЭС, таможенные сборы [2].

С учетом того, что диспозиция ст. 231 УК Республики Беларусь является бланкетной, для уяснения смысла ее содержания и последующей правильной квалификации

деяний, совершаемых в сфере таможенного регулирования, необходимо обращаться не только к нормам уголовного права, но и к нормам иных отраслей права. При этом преступлением признается такое уклонение, при котором размер неуплаченных платежей является крупным, т. е. в 2 000 и более раз превышает размер базовой величины, установленный на день совершения преступления, а субъектом преступления является обязанное лицо – плательщик таможенных платежей.

В теории уголовного права последнее время активно дискутируется вопрос, связанный с конкуренцией уголовно-правовых норм, устанавливающих ответственность за контрабанду (ст. 228 УК Республики Беларусь) и уклонение от уплаты таможенных платежей (ст. 231 УК Республики Беларусь). Рассматриваемая проблема имеет и практическое значение в деятельности таможенных органов, призванных защищать экономические интересы государства.

Отграничивать контрабанду от уклонения от уплаты таможенных платежей можно по различным основаниям (по признакам объекта, субъекта, объективной и субъективной сторон), однако существенное значение представляют два характерных признака – предмет преступления и цель преступления.

Предметом уклонения от уплаты таможенных платежей являются только таможенные платежи, взимаемые с товаров и транспортных средств, разрешенных к ввозу и вывозу при условии уплаты платежей (поэтому разрешенные к ввозу и вывозу товары не всегда могут являться предметом контрабанды). Предметы преступления, указанные в ч. 1 ст. 228 УК Республики Беларусь, запрещены либо ограничены к свободному ввозу, вывозу, транзиту.

При этом в отношении предметов, которые запрещены к перемещению через таможенную границу ЕАЭС, таможенные платежи не могут ни начисляться, ни, соответственно, взиматься ввиду прямого указания на запрет перемещения таких предметов. В то же время отдельные предметы, ограниченные к перемещению через таможенную границу ЕАЭС, одновременно могут относиться и к предметам, в отношении которых необходимо уплачивать таможенные платежи. Таким образом, при незаконном перемещении предметов, не включенных в перечень предметов, запрещенных или ограниченных к перемещению через таможенную границу ЕАЭС, в отношении которых необходимо уплачивать таможенные платежи, имеет место уклонение от уплаты таможенных платежей. Действия лиц, которые законно, с соблюдением соответствующих ограничений переместили через таможенную границу предметы, в отношении которых необходимо уплачивать таможенные платежи, но в последующем различными способами уклонились от их уплаты, следует квалифицировать как уклонение от уплаты таможенных платежей, а не как контрабанду.

Если умысел направлен на перемещение в крупном размере через таможенную границу товаров ограниченных или запрещенных, то деяние следует квалифицировать как контрабанду. Если целью является уклонение от уплаты таможенных платежей в полном объеме или в их части, то в данном случае имеет место уклонение от уплаты таможенных платежей, так как виновное лицо стремится извлечь для себя выгоду имущественного характера и причинить тем самым ущерб государству путем неуплаты требуемых сумм в бюджет.

Начиная с 2013 г. наблюдается тенденция увеличения количества уголовных дел, возбуждаемых по фактам уклонения от уплаты таможенных платежей. Так, если в 2013 г. за уклонение от уплаты таможенных платежей по ст. 231 УК Республики Беларусь таможенными органами Республики Беларусь было возбуждено 50 уголовных

дел, то в 2014 г. – 45, в 2015 г. уже 103 уголовных дела, в 2016 г. – 105 уголовных дел, а в 2017 г. – 109 уголовных дел.

Основаниями к возбуждению уголовных дел по ст. 231 УК Республики Беларусь, как правило, являлись нарушения требований законодательства в отношении транспортных средств для личного пользования (84 уголовных дела).

Анализ возбужденных таможенными органами уголовных дел в период с 2015 по 2017 г. показывает, что способы уклонения от уплаты таможенных платежей могут быть разделены на группы.

Первую и самую многочисленную группу (примерно около 60 %) составляют способы, выразившиеся в незавершении таможенной процедуры временного ввоза (допуска) в отношении транспортных средств для личного пользования, зарегистрированных на территории иностранного государства, временно ввезенных на таможенную территорию ЕАЭС иностранными физическими лицами, и передача права пользования и (или) распоряжения транспортными средствами для личного пользования, зарегистрированными на территории иностранного государства, временно ввезенными на таможенную территорию ЕАЭС иностранными физическими лицами, иным лицам.

Так, например, 05.09.2018 Брестской таможней возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 231 УК Республики Беларусь в отношении гр-на Литвы Д., который уклонился от уплаты таможенных платежей в крупном размере (544 202 214 неденоминированных белорусских рублей) путем невывоза в установленные сроки временно ввезенных им на таможенную территорию Таможенного союза четырех легковых автомобилей.

24.04.2016 Гродненской региональной таможней возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 231 УК Республики Беларусь в отношении гр-на Литвы М., который уклонился от уплаты таможенных платежей в крупном размере (371 272 611 неденоминированных белорусских рублей) путем передачи третьим лицам и невывоза в установленные сроки временно ввезенных им на таможенную территорию Таможенного союза для личного пользования девяти легковых автомобилей.

Ко второй группе можно отнести способы, связанные с нарушением ограничений по пользованию и (или) распоряжению товарами, ввезенными в Республику Беларусь и помещенными под таможенную процедуру выпуска для внутреннего потребления, в отношении которых предоставлены льготы по уплате ввозных таможенных пошлин, налогов Декретом Президента Республики Беларусь от 07.05.2012 № 6 «О стимулировании предпринимательской деятельности на территории средних, малых городских поселений, сельской местности» (далее – Декрет № 6) [3]. Преступлением признаются случаи, если в течение пяти лет со дня помещения этих товаров под таможенную процедуру выпуска для внутреннего потребления совершено хотя бы одно из действий:

– принято в установленном порядке решение о ликвидации коммерческой организации, в уставный фонд которой внесены товары, либо осуществлена реорганизация данной коммерческой организации в форме разделения, слияния или присоединения к другому юридическому лицу, либо осуществлена реорганизация данной коммерческой организации в форме выделения, в результате которого данная организация утрачивает право собственности, право хозяйственного ведения или оперативного управления на товары;

– коммерческой организацией изменено место нахождения на территорию городов Барановичи, Бобруйск, Борисов, Брест, Витебск, Гомель, Гродно, Жодино, Жлобин, Лида, Минск, Могилев, Мозырь, Молодечно, Новополоцк, Орша, Пинск, Полоцк, Речица, Светлогорск, Слуцк, Солигорск;

– осуществлен выход (исключение) участника из состава коммерческой организации, в результате которого данная организация утрачивает право собственности на товары;

– коммерческой организацией (собственником имущества организации) совершены сделки, предусматривающие переход права собственности, права хозяйственного ведения, права оперативного управления на товары, либо товары переданы во временное пользование;

– собственником имущества коммерческой организации из ее хозяйственного ведения или оперативного управления изъяты товары [3].

Так, например, в 2013г. ООО «Б» в качестве вклада в уставный фонд ввезло автобус Mercedes-BenzSprinter, два грузовых самосвала IvecoTrakker, две автобетономешалки IvecoTrakker. Данные транспортные средства ООО «Б» поместило под таможенную процедуру выпуска для внутреннего потребления с освобождением от уплаты ввозной таможенной пошлины и налога на добавленную стоимость в соответствии с подп. 1.9 п. 1 Декрета № 6. По результатам выездной таможенной проверки таможенный орган установил, что ООО «Б» нарушило положения п. 2 Декрета Президента Республики Беларусь от 11.09.2013 № 5 «О внесении изменений и дополнений в Декрет Президента Республики Беларусь от 7 мая 2012 г. № 6», передав вышеуказанные транспортные средства во временное пользование иным лицам, в результате чего сумма неуплаченных таможенных платежей составила 3,6 млрд неденоминированных белорусских рублей.

К третьей группе можно отнести способы уклонения от уплаты таможенных платежей, которые выражаются в неправомерном использовании льгот по уплате таможенных платежей для лиц, переселяющихся на постоянное место жительства в Республику Беларусь.

Товары для личного пользования, в том числе один автомобиль и прицеп, ввозимые физическими лицами, признанными прибывающими (переселяющимися) в Республику Беларусь на постоянное место жительства, освобождаются от уплаты таможенных платежей при одновременном выполнении следующих условий:

- такие товары должны быть бывшими в употреблении;
- товары ввезены из страны предыдущего проживания не позднее 18 месяцев с даты переселения на постоянное место жительства любым способом, кроме пересылки в международных почтовых отправлениях;
- товары должны быть приобретены до момента переселения.

При этом автомобиль и прицеп должны находиться в собственности и быть зарегистрированы на физическое лицо, претендующее на льготу, в течение не менее 6 месяцев до даты его прибытия (переселения) на постоянное место жительства [4].

Так, 17.04.2015 Брестской таможней было возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 231 УК Республики Беларусь в отношении гражданки Республики Беларусь С., которая, прибыв на постоянное место жительства в Республику Беларусь, уклонилась от уплаты таможенных платежей в крупном размере (429 млн 130 тыс. неденоминированных белорусских рублей) путем недостоверного декларирования фактически не принадлежащего ей транспортного средства марки BMW 650.

Четвертую группу составляют способы, сопряженные с незаконным перемещением товаров через таможенную границу:

- с сокрытием от таможенного контроля с использованием тайников.

Так, например, 21.10.2015 Гомельской таможней было возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 231 УК в отношении гр-на Республики Молдова Д., который уклонился от уплаты таможенных платежей в крупном размере путем перемещения из Украины в

Республику Беларусь на микроавтобусе «Мерседес-Бенс» товара («лекарственные препараты 60 наименований в ассортименте») (14 023 ед.) общей предварительной оценочной стоимостью 4 млрд 490 млн 212 тыс. 500 неденоминированных белорусских рублей), подлежащего таможенному декларированию, с сокрытием от таможенного контроля с использованием тайника;

– путем недекларирования или недостоверного декларирования, использования недостоверных сведений о товаре.

В таможенном законодательстве ЕАЭС нет четкого определения понятия недостоверного декларирования. Однако, исходя из анализа правоприменительной практики, к недостоверному декларированию можно отнести представление таможенному органу при таможенном декларировании товаров недостоверных сведений о товарах:

– о классификационном коде по единой Товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза.

Так, например, 05.11.2015 Брестской таможней было возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 231 УК Республики Беларусь в отношении специалиста по таможенному оформлению ООО «Универсал-Люкс» гражданина Республики Беларусь З., который уклонился от уплаты таможенных платежей в крупном размере (490 млн 241 тыс. 818 неденоминированных белорусских рублей) путем заявления недостоверных сведений о коде ТНВЭД ЕЭС при помещении под таможенную процедуру выпуска для внутреннего потребления товара – «сахар белый кристаллический свекловичный»;

– о таможенной стоимости товаров (как правило, речь идет о тех случаях, когда лицо уклоняется от уплаты таможенных платежей в крупном размере путем заявления недостоверных сведений о стоимости товара при помещении его под таможенную процедуру выпуска для внутреннего потребления);

– использование поддельного средства идентификации или подлинного средства идентификации, относящегося к другим товарам и (или) транспортным средствам.

Так, например, 13.02.2015 Брестской таможней было возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 231 УК Республики Беларусь в отношении сотрудника Брестской таможни Р., который уклонился от уплаты таможенных платежей в крупном размере (273 871 820 неденоминированных белорусских рублей) путем перемещения из Украины в Республику Беларусь транспортного средства марки «Тойота Сиена» на регистрационных номерах, относящихся к иному транспортному средству.

Характерным является и такой способ, как представление при таможенном декларировании недействительных документов. Так, 06.11.2015 Минской региональной таможней было возбуждено уголовное дело по факту уклонения от уплаты таможенных платежей в крупном размере в результате помещения под процедуру выпуска для внутреннего потребления товаров («мебель кухонная») с представлением документов, содержащих недостоверные сведения о фактурной стоимости данного товара.

Вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы.

Признаки уклонения от уплаты таможенных платежей, сформулированные в ст. 231 УК Республики Беларусь, являются общими, так как четкого определения понятия «уклонение от уплаты таможенных платежей» в уголовном законе нет, а в таможенном законодательстве раскрывается лишь понятие «таможенные платежи».

В этой связи полагаем целесообразным ст. 231 УК Республики Беларусь дополнить примечанием следующего содержания: «Под уклонением от уплаты таможенных платежей следует понимать нарушение таможенного законодательства, направленное на полное или частичное нарушение порядка и срока уплаты таможенных платежей либо на полное или частичное освобождение от уплаты таможенных платежей, в результате которого лицо, обязанное произвести установленную законом выплату тамо-

женных платежей, не произвело их в установленный законом срок в размере, превышающим в две и более тысячи раз размер базовой величины, установленный на день совершения преступления».

В связи со вступлением 29.10.2018 в законную силу изменений и дополнений в ч. 9 ст. 13.6 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях, которые предусматривают административную ответственность за неуплату или неполную уплату в установленный срок плательщиком, иным обязанным лицом таможенного платежа, иных сборов и пошлин, взимаемых таможенными органами, на сумму более десяти базовых величин, в том числе совершенные должностным лицом юридического лица, целесообразным было бы дополнить ч. 1 ст. 231 УК Республики Беларусь после слов «таможенных платежей» словами «иных сборов и пошлин, взимаемых таможенными органами», предусмотрев, что к «иным сборам и пошлинам, взимаемым таможенными органами, относятся специальные, антидемпинговые, компенсационные пошлины и иные сборы, взимание которых относится к компетенции таможенных органов». Данная практика используется Республикой Казахстан (страной – участницей ЕАЭС) и закреплена в ст. 236 УК Республики Казахстан.

В целях унификации законодательства в рамках ЕАЭС предлагаем включить в качестве квалифицирующего признака в ч. 2 ст. 231 УК Республики Беларусь особо крупный размер, к которому относить случаи, когда сумма неуплаченных таможенных платежей превышает в три тысячи пятьсот раз размер базовой величины, установленный на день совершения преступления.

Предлагаем также дополнить ст. 231 УК частью три и изложить ее в следующей редакции: «3. Деяния, предусмотренные частью первой и частью второй настоящей статьи, совершенные организованной группой».

Полагаем, что концептуальные направления развития уголовной политики, с одной стороны, должны ужесточать реакцию на тяжкие преступления, проявления рецидива, преступления, совершаемые организованной группой, а с другой – должны расширять толерантный подход в отношении преступлений, совершенных впервые.

В этой связи ст. 231 УК Республики Беларусь может быть дополнена примечанием следующего содержания: «Лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренное частью первой настоящей статьи, освобождается от уголовной ответственности, если оно активно способствовало раскрытию преступления и до привлечения к уголовной ответственности добровольно уплатило обязательные таможенные платежи, полностью возместило причиненный ущерб и если в его действиях не содержится состав иного преступления».

В складывающейся оперативной обстановке одним из направлений решения задачи по эффективному противодействию преступности в сфере таможенного дела является повышение качества предварительного расследования преступлений, дознание по которым отнесено к компетенции таможенных органов. Предполагается широкое использование новейших достижений науки, разработка действенных научно-практических рекомендаций по предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию преступлений.

С каждым годом таможенные органы унифицируют законодательные акты, занимаются систематизацией и объединением проблем, активно сотрудничают с другими ведомствами. Вводятся новые технологии, и вся документация становится более автоматизированной и доступной, расширяются интернет-ресурсы, проводятся встречи с зарубежными представительствами, что способствует решению проблем, связанных с борьбой с уклонением от уплаты таможенных платежей.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 9 нояб. 2010 г., № 575 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 14.01.2014 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
2. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза. – Минск : Белтаможсервис, 2017. – 760 с.
3. О стимулировании предпринимательской деятельности на территории средних, малых городских поселений, сельской местности : Декрет Президента Респ. Беларусь, 7 мая 2012 г., № 6 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2012. – № 53. –1/13491.
4. О ратификации Соглашения о порядке перемещения физическими лицами товаров для личного пользования через таможенную границу Таможенного союза и совершения таможенных операций, связанных с их выпуском : Закон Респ. Беларусь, 8 мая 2011 г., № 246-З // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2011. – № 61. –2/1798.

УДК 343.341.1

Р. Д. ОВЧИННИКОВ

Гомель, Международный университет «МИТСО»

ОРГАНИЗОВАННАЯ ГРУППА, ПРЕСТУПНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ: ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ ОРГАНИЗОВАННЫМИ ГРУППАМИ И ПРЕСТУПНЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ

В настоящее время выявление и квалификация преступлений, совершенных организованными группами, является важным процессом, так как данный вид преступлений является наиболее общественно опасным для Республики Беларусь и общества в целом. Анализ современной криминологической ситуации позволяет сделать вывод о том, что в последние 5–10 лет значительно минимизировалось выявление преступных организаций, объединяющих в себя несколько организованных групп. Исключение составляют выявляемые преступные организации по распространению особо опасных наркотических веществ и психотропных средств посредством сети Интернет (организация сети так называемых «закладчиков»), а также изобличение в 2014 г. преступной организации под руководством Молнара, занимавшейся вымогательством, мошенничеством и иными преступлениями на территории Могилевской и Минской областей.

Особенности квалификации преступлений, совершенных организованными группами и преступными организациями, определены соответственно в ст. 18, 19 Уголовного кодекса (далее – УК) Республики Беларусь, а также в постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 25 сентября 2003 г. № 9.

Как с законодательной, так и с правоприменительной точки зрения при квалификации преступлений по признаку «совершения организованной группой» необходимо одновременное сочетание следующих признаков: 1) состав из двух и более лиц; 2) предварительная объединенность; 3) управляемость; 4) устойчивость; 5) совместная преступная деятельность.

Установление первого признака не вызывает сложности в связи со своей очевидностью. Так, в преступную группу должно добровольно входить два и более физи-

ческих лица, обладающих признаками субъекта преступления, которые достоверно знают о преступных целях и характере деятельности данной группы.

О предварительной объединенности свидетельствуют факты, когда непосредственно совершаются целенаправленные действия по созданию организованной группы, формированию структуры, определению места и роли (распределению функций) каждого из участников, планирование преступной деятельности, согласованность действий соучастников. Предварительная объединенность участников организованной группы может основываться на длительном периоде их знакомства и общения, общих преступных целях и согласованности действий.

Управляемость обусловлена наличием руководителя. В организованной группе всегда есть один либо несколько организаторов. Организатор и (или) руководитель организованной группы, планируя предстоящие преступления, еще до начала преступной деятельности разрабатывает структуру организованной группы, определяет механизм привлечения в группу участников. Руководит действиями участников группы, обучает при необходимости преступным навыкам, обеспечивает конспирацию и прикрытие преступной деятельности от возможного разоблачения правоохранными органами, определяет объекты преступлений, предоставляет средства совершения преступлений либо денежные средства для их приобретения, распределяет финансовые средства, полученные от занятия преступной деятельностью (может формироваться так называемый «общак»), поддерживает внутригрупповую дисциплину, основанную на подчиненности участников группы ее руководителю, подкрепленную его авторитетом. Авторитет руководителя может быть основан не только на его физическом превосходстве либо прошлых судимостях, но и на его умственных и организаторских качествах, наличии знакомств и связей, прочих лидерских качествах.

Устойчивость организованной группы обусловлена продолжительностью ее деятельности, стабильностью состава, взаимозаменяемостью – способностью продолжать свою деятельность в случае выбытия из состава группы отдельных ее участников в связи с их задержанием либо по иным причинам, оптимальным распределением ролей, постоянством форм и методов преступной деятельности.

Целью функционирования организованной группы является совместная преступная деятельность, рассчитанная, как правило, на длительный период времени и неопределенное по продолжительности совершение различных преступлений либо одного, но продолжаемого преступления (например, хищения, связанного с подготовительными действиями по использованию подложных документов, «подставных лиц» и др.).

Уголовная ответственность за создание преступной организации либо участие в ней определена самостоятельным составом преступления и закреплена в ст. 285 УК Республики Беларусь. Данная норма криминализирует деятельность по созданию преступной организации либо руководство преступной организацией или входящими в нее структурными подразделениями (ч. 1); участие в преступной организации в любой иной форме (ч. 2); деяния, предусмотренные чч. 1 или 2 настоящей статьи, совершенные должностным лицом с использованием своих служебных полномочий (ч. 3).

Признаки преступной организации:

1. Целью создания преступной организации является объединение усилий разрозненно действующих организованных групп, а также координация их деятельности в распределении сфер преступной деятельности в масштабах соответствующего региона, не обусловленного административно-территориальным делением Республики Беларусь (может носить и международный характер), или отрасли экономики, установлении контроля над субъектами теневой экономики и сферой незаконных услуг, создании фонда материальных ресурсов для обеспечения финансовой деятельности организации

(«общак»), а также системы противодействия правоохранительным органам, подкупа должностных лиц, запугивания потерпевших и свидетелей.

2. Руководство преступной организацией осуществляют один либо несколько руководителей, которые вырабатывают общую тактику и стратегию организации, поддерживают ее функционирование, контролируют сбор и распределение преступных доходов, координируют действия структурных подразделений (организованных групп); разрешают возникшие конфликтные ситуации.

3. Организованные группы, входящие в структуру преступной организации, при этом должны сохранить свою автономность и подчиненность своим руководителям.

Установление вышеуказанных признаков организованных групп и преступных организаций возможно при проведении детальных допросов фигурантов, свидетелей и потерпевших, анализа изъятых документов и представленных материалов оперативно-розыскной деятельности.

Возникающие трудности при допросах лиц позволяет решить использование мер безопасности участников уголовного процесса и иных лиц согласно гл. 8 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь.

Кроме того, при документировании деятельности преступной организации нужно использовать возможность освобождения ее участника от уголовной ответственности. Так, участник преступной организации или банды (кроме организатора или руководителя), добровольно заявивший о существовании преступной организации или банды и способствовавший их изобличению, освобождается от уголовной ответственности за участие в преступной организации или банде и совершенные им в составе преступной организации или банды преступления, за исключением особо тяжких или тяжких преступлений, связанных с посягательством на жизнь или здоровье человека [1]. Действия участников организованной группы, входившей в качестве структурного подразделения в преступную организацию, необходимо дополнительно квалифицировать по соответствующей части ст. 285 УК Республики Беларусь [2].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 19 июля 2016 г. № 407-З // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

2. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с созданием и деятельностью организованных групп, банд и преступных организаций [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь, 25 сент. 2003 г., № 9 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

УДК 343

Н. В. ПАНТЕЛЕЕВА, А. Ю. ШЕЛЯГИНА

Могилев, Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕЗАКОННУЮ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Общее определение предпринимательской деятельности дано в ст. 1 Гражданского кодекса (далее – ГК) Республики Беларусь, согласно п. 1 которой предпринима-

тельная деятельность – это самостоятельная деятельность юридических и физических лиц, осуществляемая ими в гражданском обороте от своего имени, на свой риск и под свою имущественную ответственность и направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи вещей, произведенных, переработанных или приобретенных указанными лицами для продажи, а также от выполнения работ или оказания услуг, если эти работы или услуги предназначаются для реализации другим лицам и не используются для собственного потребления.

На данном этапе стремительного развития правоотношений субъектов хозяйствования и гражданского оборота в целом необходимо различать нюансы правового регулирования и содержания различных видов деятельности, и в частности отличать предпринимательскую деятельность от ремесленной и от деятельности физических лиц. Последняя регулируется Указом Президента Республики Беларусь «О регулировании деятельности физических лиц» от 19 сентября 2107 г. № 337. Это имеет особое значение во избежание незаконной предпринимательской деятельности и лжепредпринимательства. Предпосылками к нарушению норм гражданского законодательства в сфере хозяйствования и совершению преступлений против порядка осуществления предпринимательской деятельности являются среди иных причин и стремительно развивающиеся инновационные формы хозяйствования, в сфере которых возможно нарушить закон как умышленно, так и по неосторожности.

Примером специального правового регулирования отдельных отношений и возникающих между сторонами обязательств в зависимости от предмета и цели деятельности субъектов могут быть:

– Указ Президента Республики Беларусь «О некоторых вопросах государственных закупок товаров (работ, услуг)» от 31.12.2013 № 590 в редакции от 01.03.2018.

– Закон Республики Беларусь «О государственной инновационной политике и инновационной деятельности в Республике Беларусь» от 10.07.2012 № 425-3 в редакции от 17.05.2016.

– Закон Республики Беларусь «О научной деятельности» от 21.10.1996 № 708-ХІІІ в редакции от 18.05.2016.

– Положение о порядке государственной регистрации научно-исследовательских, опытно-конструкторских и опытно-технологических работ, утвержденное Указом Президента Республики Беларусь от 25.05.2006 № 356.

– Положение о порядке проведения экспертизы научно-исследовательских, опытно-конструкторских и опытно-технологических работ, утвержденное постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 30.09.2006 № 1283.

– Декрет Президента Республики Беларусь «О развитии цифровой экономики» от 21.12.2017 № 8 и др.

Развитие законодательства в этом направлении должно идти в соответствии с положениями Декрета Президента Республики Беларусь «О развитии предпринимательства» от 23 ноября 2017 г. по пути презумпции добросовестности как субъектов хозяйствования, так и субъектов всего гражданского оборота между собой; саморегулирования бизнеса и минимизации вмешательства государственных органов, их должностных лиц в предпринимательскую и иную экономическую деятельность субъектов хозяйствования; доступности законодательства и административных процедур для физических и юридических лиц, максимального использования информационных технологий во всех процессах взаимодействия государственных органов, их должностных лиц и субъектов гражданского оборота.

Таким образом, в настоящее время в Республике Беларусь стремительно развивается предпринимательская деятельность, и в связи с этим возрастает и экономическая преступность. Это является одним из серьезнейших факторов угрозы экономической безопасности страны. Незаконная предпринимательская деятельность обуславливает сокращение налоговой базы, оказывает пагубное воздействие на легальную экономику.

Физические и юридические лица, которые отдают предпочтение незаконным формам предпринимательской деятельности, скорее всего, имеют весьма существенные преимущества перед законопослушными предпринимателями. Это обусловлено тем, что такие структуры, с одной стороны, не обременены никакими ограничениями в своей деятельности, а с другой – балансируют между легальным и нелегальным предпринимательством. Увеличение до неконтролируемых размеров числа незаконных предпринимателей может спровоцировать нарушение естественного функционирования рынка товаров, работ и услуг. Это также сказывается и на безопасности потребителей, которые подвергаются значительному риску, приобретая у соответствующих предпринимательских структур товары или пользуясь оказываемыми ими услугами.

Согласно ст. 233 Уголовного кодекса (далее – УК) Республики Беларусь, незаконная предпринимательская деятельность – это деятельность, которая в соответствии с законодательными актами является запрещенной либо осуществляется без регистрации в установленном законодательными актами порядке или без специального разрешения (лицензии).

Для законной предпринимательской деятельности характерны следующие признаки: 1) самостоятельный характер деятельности, т. е. лицо действует от своего имени; 2) предпринимательский риск; 3) самостоятельная имущественная ответственность.

Именно отсутствие формальных признаков – надлежащей регистрации и соблюдения порядка лицензирования – делает данную деятельность незаконной.

Незаконность предпринимательской деятельности – это осуществление деятельности, обладающей всеми признаками предпринимательской, за исключением формального признака, относящегося к установленному законом или иным нормативным актом порядку осуществления такой деятельности, а также за исключением тех видов незаконной предпринимательской деятельности (в узком значении этого понятия), за занятие которыми установлена юридическая ответственность.

Незаконное предпринимательство представляет собой противоправное систематическое совершение однородных действий в той или иной сфере производства, торговли, оказания услуг или иных видов деятельности, направленных на извлечение прибыли. Какова же уголовная ответственность за незаконную предпринимательскую деятельность? За совершение подобного рода преступлений, согласно ст. 233 УК Республики Беларусь, лицо получает наказание в виде штрафа или лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, а также арест, или ограничение свободы на срок до двух лет, или лишения свободы на срок до трех лет со штрафом или без штрафа.

Необходимо отметить, что в разное время исследованием общетеоретических проблем незаконной предпринимательской деятельности занимались О. А. Бакиновская, С. С. Вабищевич, П. А. Гладкий, С. Э. Жилинский, Ю. Ф. Навойчик, И. А. Маньковский, В. А. Радцевич, Я. И. Функ, А. Н. Харчевникова, И. В. Яковцова и др. В исследованиях перечисленных авторов имеются важные теоретические и практические выводы, вносящие существенный вклад в изучение правонарушений экономической

направленности. Вместе с тем не все вопросы рассматриваемой проблемы (в силу ее сложности и неоднозначности) получили в них достаточное освещение.

Актуальным вопросом является различие таких понятий, как «незаконная предпринимательская деятельность» и «лжепредпринимательство».

Лжепредпринимательство – это преступление в сфере экономики, которое заключается в создании юридического лица или регистрации индивидуального предпринимателя без намерения осуществить предпринимательскую деятельность. Важное отличие лжепредпринимательства от предпринимательской деятельности состоит в том, что деятельность по производству товаров, выполнению работ, оказанию услуг не является средством получения дохода. Следует отметить, что практически всегда некоторый объем предпринимательской деятельности для прикрытия все же осуществляется. Но основной доход получается от преступной деятельности. Получение прибыли не систематично. Часто лжеструктуры создаются для однократного получения кредита или извлечения имущественной выгоды.

В связи с доступностью регистрации в качестве индивидуального предпринимателя, отсутствием ограничений на использование наличных денежных средств, упрощенным учетом предпринимательской деятельности и налогообложением индивидуальное предпринимательство является привлекательной формой для создания лжеструктур.

Лжепредпринимательство влечет доначисление налогов и привлечение к административной или уголовной ответственности за их неуплату. За совершение такого рода преступлений, согласно ст. 234 УК Республики Беларусь, лицо подлежит уголовной ответственности в виде штрафа или ареста либо же ограничения свободы на срок до пяти лет.

В целях искоренения незаконной предпринимательской деятельности постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь № 6 от 28.06.2001 «О судебной практике по делам о незаконной предпринимательской деятельности» разъясняет следующее:

– уголовная ответственность по ст. 233 УК Республики Беларусь за предпринимательскую деятельность, которая в соответствии с законодательными актами является запрещенной либо осуществляется без государственной регистрации или специального разрешения (лицензии), наступает тогда, когда такая деятельность направлена на получение дохода;

– судам необходимо учитывать, что ответственность за незаконную предпринимательскую деятельность наступает не только в случае отсутствия специального разрешения (лицензии), но и когда действие лицензии просрочено, приостановлено либо когда предприниматель лишен ее и др. Для правильного решения вопроса о том, требовалось ли для осуществления того или иного вида предпринимательской деятельности наличие соответствующего разрешения (лицензии) в период занятия лицом такой деятельностью, следует руководствоваться нормативными правовыми актами, определяющими условия осуществления конкретных видов предпринимательской деятельности. Ссылка на такой нормативный правовой акт должна содержаться в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого, протоколе об административном правонарушении, приговоре суда либо постановлении судьи;

– незаконная предпринимательская деятельность характеризуется только умышленной виной в форме прямого умысла;

– субъектами преступления, предусмотренного ст. 233 УК Республики Беларусь, могут являться граждане Республики Беларусь, иностранные граждане и лица без

гражданства, достигшие 16-летнего возраста, а также должностные лица юридического лица независимо от формы собственности.

Действия лиц, которые сами не занимаются незаконной предпринимательской деятельностью, однако умышленно оказывают виновному содействие в ее осуществлении, следует квалифицировать как соучастие в незаконной предпринимательской деятельности согласно ст. 233 УК Республики Беларусь.

Таким образом, основаниями для привлечения к уголовной ответственности за незаконную предпринимательскую деятельность являются:

– осуществление предпринимательской деятельности, которая в соответствии с законодательными актами является запрещенной;

– осуществление деятельности, обладающей всеми признаками предпринимательской без должной государственной регистрации в установленном законодательными актами порядке;

– осуществление предпринимательской деятельности без специального разрешения (лицензии) в том случае, когда такая лицензия необходима.

Таким образом, предпринимательская деятельность будет правомерной только при соблюдении определенных правил, нарушение которых может служить основанием для привлечения к юридической ответственности за незаконную предпринимательскую деятельность.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Незаконная предпринимательская деятельность [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pra.by>. – Дата доступа: 11.11.2018.

2. Незаконная предпринимательская деятельность. Лжепредпринимательство [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://city-brest.gov.by>. – Дата доступа: 11.11.2018.

3. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 2 июня 1999 г., № 275-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2018 г. // Эталон. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

4. Незаконная предпринимательская деятельность [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.jurcatalog.by>. – Дата доступа: 11.11.2018.

5. Витушко, В. А. Гражданское право : учеб. пособие : в 2 ч. / В. А. Витушко. – Минск : Беларусь. наука, 2007. – Ч. 1. – 566 с.

6. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-3 : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.01.2017 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

7. Грибанов, В. П. Осуществление и защита гражданских прав [Электронный ресурс] / В. П. Грибанов. – Режим доступа: www.ozon.ru/context/detail/id/94406. – Дата доступа: 01.10.2018.

8. О государственной инновационной политике и инновационной деятельности в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 10 июля 2012 г., № 425-3 : в ред. Закона от 18.05.2016 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

9. О проектах по созданию новых производств, имеющих определяющее значение для инновационного развития Республики Беларусь [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 29 авг. 2018 г., № 623 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

10. Овсейко, С. Операции с криптовалютами и новые правовые понятия. Комментарий к Декрету Президента Республики Беларусь от 21.12.2017 № 8 «О развитии цифровой экономики» [Электронный ресурс] / О. Овсейко // Бизнес-инфо. Аналитическая правовая система Республики Беларусь. – Минск, 2018.

11. Сергеев, А. П. Гражданское право : учебник : в 3 т. / А. П. Сергеев, Ю. К. Толстой. – М. : Теис, 1996. – Т. 1. – 552 с.

12. О модельном законе «О предпринимательстве» [Электронный ресурс] : постановление Межпарламент. Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств, 27 нояб. 2017 г., № 48-3 // Бизнес-инфо. Аналитическая правовая система Республики Беларусь. – Минск, 2018.

13. Пантелеев, А. А. Момент перехода права собственности по договору купли-продажи : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / А. А. Пантелеев. – М., 1997. – 40 с.

УДК 343

В. И. РЕЗЮК

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина

ОБЪЕКТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ ХИЩЕНИЯ ПУТЕМ ЗЛУОПОТРЕБЛЕНИЯ СЛУЖЕБНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ

Нормы ст. 210 «Хищение путем злоупотребления служебными полномочиями» Уголовного кодекса (далее – УК) Республики Беларусь являются основательно проработанными на теоретическом и практическом уровнях.

Особое значение для правоприменительной практики имеет источник официального толкования – постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 21 декабря 2001 г. № 15 «О применении судами уголовного законодательства по делам о хищениях имущества» (далее – постановление) [1].

Отдельные проблемы квалификации хищений путем злоупотребления служебными полномочиями были отражены Судебной коллегией по уголовным делам и Управлением обобщения судебной практики Верховного Суда Республики Беларусь в материалах обзора «О практике применения судами законодательства о хищении путем злоупотребления служебными полномочиями (ст. 210 УК Республики Беларусь)» [2].

По мнению В. П. Шиенка, принципиальным является «вопрос о ключевых терминах» [3, с. 157] – проблемы, проявляющейся при определении объективных признаков хищения путем злоупотребления служебными полномочиями.

В источниках доктринального толкования объект хищения путем злоупотребления служебными полномочиями характеризуется как отношения собственности, предмет – имущество, право на имущество. Среди признаков объективной стороны выделяются общественно опасное деяние в форме действия, выраженного в противоправном и безвозмездном завладении чужим имуществом или правом на имущество (с корыстной целью), общественно опасное последствие (причинение имущественного ущерба собственнику, владельцу), причинно-следственная связь между общественно опасным деянием и общественно опасным последствием, а также способ – использование служебных полномочий.

Вместе с тем анализ правоприменительной следственной и судебной практики показывает, что нередкими являются ошибки при осуществлении квалификации, при этом многие из них касаются именно объективных признаков хищений путем злоупотребления служебными полномочиями. Подобные ошибки допускаются при квалифика-

ции опасных коррупционных преступлений, в частности посягательств на бюджетные средства.

К., работая директором средней школы, с использованием своих служебных полномочий завладела денежными средствами в сумме свыше 19 млн неденоминированных рублей. После закрытия школы К. была принята на должность директора другой средней школы, где аналогичным способом завладела денежными средствами в сумме свыше 21 млн неденоминированных рублей. Деяния К. были ошибочно квалифицированы как продолжаемое деяние по ч. 4 ст. 210 УК Республики Беларусь по признаку особо крупного размера похищенного, хотя деяния носили изолированный характер [2, с. 49–50].

Ошибка квалификации была допущена в первую очередь в связи с неверным определением содержания умысла и моментом окончания преступления, но также, представляется, и в связи с ошибкой в предмете (хотя в различных эпизодах он был аналогичен – денежные (бюджетные) средства). Этот вывод можно сделать на основе анализа соответствующих положений официального и неофициального толкования, а также практики правоприменения, в частности касающейся деяний, связанных с правомерным получением и последующим противоправным завладением денежными средствами.

Согласно п. 17 постановления, действия лиц, уполномоченных на получение с граждан денег за выполнение работ или оказание услуг и похитивших полученные деньги, квалифицируются в зависимости от способа по ст. 210 УК Республики Беларусь или ст. 211 УК Республики Беларусь [1]. Исходя из смысла указанного положения, разграничение осуществляется исключительно по способу совершения преступления: растрата и присвоение являются способами, соответствующими ст. 211 УК Республики Беларусь, использование служебных полномочий – способом, соответствующим ст. 210 УК Республики Беларусь. Однако указанное верно в случае, если рассматривать способ в широком смысле слова, что не характерно для его уголовно-правового содержания. В уголовном праве способ совершения преступления имеет «усеченный характер» по сравнению с его значениями в криминалистике, криминологии (а также согласно этимологическому и морфологическому толкованию) [4, с. 142–143, 146–147]. В уголовном праве способ является признаком объективной стороны, и он характеризует внешнюю сторону преступления и непосредственно общественно опасное деяние.

В., исполняя обязанности директора ООО, являясь должностным лицом, заключил договор с ОАО, согласно которому ООО было обязано принять на ответственное хранение сахар-песок в количестве, определенном соглашением сторон, хранить его без права реализации и использования и осуществлять отпуск покупателям только с письменного разрешения. После того как продукция поступила на склады ООО и была принята на ответственное хранение, В. с целью хищения давал распоряжения подчиненным ему по службе работникам производить отпуск сахара за наличный расчет, после чего вырученные деньги передавались В. Действия директора ООО были ошибочно квалифицированы по ст. 211 УК Республики Беларусь, хотя они подлежали квалификации по ст. 210 УК Республики Беларусь, так как В. реализовал свой преступный умысел по завладению чужим имуществом, поступившим в ООО по договору и находившимся в его фактическом оперативном распоряжении, посредством руководства подчиненными ему по службе лицами [2, с. 50–51].

Несмотря на то что указанная ошибка квалификации в обзоре судебной практики была рассмотрена при определении проблем квалификации по способу [2, с. 50], очевидно, что в данном случае разграничение сделано по признакам именно предмета преступления

– признаку, относящемуся к объекту, иному и самостоятельному элементу состава по отношению к объективной стороне.

Более того, после принятия Закона Республики Беларусь от 18 июля 2007 г. № 264-3 «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Республики Беларусь по вопросу усиления ответственности за преступления, связанные с коррупцией», которым была изменена редакция ст. 210 УК Республики Беларусь (из диспозиции статьи исключено указание на то, что хищение путем злоупотребления служебными полномочиями имеет место лишь при отсутствии признаков присвоения или растраты), несмотря на самостоятельность форм хищения (присвоения, растраты, путем злоупотребления служебными полномочиями), присвоение при наличии иных признаков состава преступления может квалифицироваться по ст. 210 УК Республики Беларусь, если оно осуществлено с использованием служебных полномочий (способ) для завладения вверенным имуществом (предмет) [2, с. 50; 5].

Указанный вывод полностью соответствует п. 14 постановления: «...хищение путем злоупотребления служебными полномочиями (ст. 210 УК) характеризуется использованием должностным лицом своих служебных полномочий для завладения имуществом или приобретения права на него. При этом не имеет значения, находится ли имущество в непосредственном владении должностного лица либо вверено другим лицам, через которых должностное лицо в силу служебных полномочий имеет право по управлению и распоряжению им. Разновидностями такого хищения могут являться: присвоение имущества, в отношении которого должностное лицо в силу своих служебных полномочий имеет право по управлению и распоряжению...».

Вместе с тем с целью повышения понятийной определенности уголовного закона представляется необходимым внесение изменений в постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 21 декабря 2001 г. № 15 «О применении судами уголовного законодательства по делам о хищениях имущества» и изложение ряда положений в следующих редакциях с закреплением объективных признаков (в действующих редакциях признаки предмета преступления и способа совершения преступления смешаны или не конкретизированы):

п. 14: «Разъяснить судам, что хищение путем злоупотребления служебными полномочиями (ст. 210 УК) характеризуется способом совершения преступления – использованием должностным лицом своих служебных полномочий для завладения имуществом или приобретения права на него. При этом не имеет значения, находится ли имущество, являющееся предметом преступления, в непосредственном владении должностного лица либо вверено другим лицам, через которых должностное лицо в силу служебных полномочий имеет право по управлению и распоряжению им»;

п. 17: «Действия лиц, уполномоченных на получение с граждан денег за выполнение работ или оказание услуг и похитивших полученные деньги, квалифицируются в зависимости от предмета преступления и способа хищения по ст. 210 или ст. 211 УК».

Рассмотренных выше ситуаций, связанных с ошибками при квалификации хищений путем злоупотребления служебными полномочиями, можно было бы избежать в случае более точных характеристик объективных признаков преступления.

Так, повторность в действиях директора школы К. могла быть установлена, в частности, по предмету преступления: несмотря на то что в отдельных эпизодах посягательство осуществлялось на аналогичное имущество (бюджетные средства), вследствие того что после увольнения с должности по первому из указанных мест работы предмет вышел из непосредственного владения должностного лица либо перестал быть вверенным другим лицам (через которых должностное лицо в силу служебных полномочий утратило возможность иметь право по управлению и распоряжению им) и, таким образом,

было прекращено преступное состояние (в данном случае по причине объективного характера, не зависящей от воли К.). Указанный вывод о квалификации соответствует оценке продолжаемых преступлений (определению момента их окончания).

В ситуации с квалификацией действий директора ООО В., ввиду того что присвоение также может квалифицироваться по ст. 210 УК Республики Беларусь при использовании служебных полномочий должностным лицом, уточнение характеристики похищенного как имущества, которое находилось в оперативном распоряжении директора и было вверено лицам, через которых должностное лицо в силу служебных полномочий имеет право по управлению и распоряжению им, также позволило бы избежать ошибки в квалификации.

С целью повышения качества правоприменения и устранения ошибок квалификации необходимо уточнение содержания и характеристик всех объективных признаков хищения путем злоупотребления служебными полномочиями (основного состава):

1) непосредственный объект преступления – отношения собственности, возникающие в связи с исполнением служебных полномочий;

2) предмет преступления – имущество (право на имущество), находящееся в непосредственном владении должностного лица либо вверено другим лицам, через которых должностное лицо в силу служебных полномочий имеет право по управлению и распоряжению им (понятие коррелирует с п. 14 постановления);

3) объективная сторона преступления характеризуется следующими признаками:

а) общественно опасным деянием в форме действия, выражающегося в противоправном и безвозмездном завладении чужим имуществом путем злоупотребления служебными полномочиями;

б) общественно опасным последствием, заключающимся в причинении имущественного ущерба в размере, превышающем 10 (но менее 250) базовых величин;

в) причинно-следственной связью между общественно опасным деянием и общественно опасным последствием;

г) способом – использованием служебных полномочий (организационно-распорядительных, административно-хозяйственных и иных).

Квалифицирующими объективными признаками хищения путем злоупотребления служебными полномочиями являются указанные в ч. 2 ст. 210 УК признаки: по-вторность, совершение группой лиц по предварительному сговору.

Особо квалифицирующими объективными признаками хищения путем злоупотребления служебными полномочиями являются:

– указанный в ч. 3 ст. 210 УК Республики Беларусь крупный размер похищенного (250 и более базовых величин);

– указанные в ч. 4 ст. 210 УК Республики Беларусь признаки: совершение организованной группой и особо крупный размер похищенного (1 000 и более базовых величин).

Диспозиция ст. 210 УК Республики Беларусь имеет бланкетный характер – уточнение содержания отдельных объективных признаков (предмета преступления, общественно опасного деяния, способа совершения преступления) требует дополнительного рассмотрения согласно нормативных и ненормативных актов (учредительных уставов юридических лиц, должностных инструкций и др.). Как отметил В. В. Лосев, бланкетным характером диспозиций преступлений обусловлены отдельные проблемы в практической деятельности органов уголовного преследования [6, с. 20].

Общественно опасное последствие, выраженное в причинении имущественного ущерба, является обязательным признаком хищения путем злоупотребления служебными

полномочиями – это требует установления владельца, собственника похищенного имущества, а также размера причиненного ущерба (похищаемого или которое планируется быть похищенным при квалификации приготовления к хищению или покушения на совершение хищения). При этом юридически значимо общественно опасное последствие, которое наступает исключительно вследствие противоправного безвозмездного завладения имуществом – предметом преступления (причинно-следственная связь между общественно опасным деянием и общественно опасным последствием).

Уточненная характеристика объективных признаков способна повысить качество юридической оценки признаков, характеризующих внешнюю сторону опасного коррупционного преступления – хищения путем злоупотребления служебными полномочиями, а также обозначить направления совершенствования актов официального толкования для повышения точности квалификации преступлений при осуществлении соответствующего направления правоохранительной деятельности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. О применении судами уголовного законодательства по делам о хищениях имущества [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь, 21 дек. 2001 г., № 15 : с изм. и доп. от 31.03.2016 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

2. О практике применения судами законодательства по делам о хищении путем злоупотребления служебными полномочиями (ст. 210 УК) (по материалам обзора) // Суд. весн. – 2014. – № 3. – С. 47–51.

3. Шиенок, В. П. Методологические проблемы современной криминологии / В. П. Шиенок // Очерки гуманистической методологии национальной юриспруденции : монография. – 2-е изд., испр. и доп. – Минск : Междунар. ун-т «МИТСО», 2017. – С. 152–165.

4. Резюк, В. И. Уголовно-правовой, криминалистический и криминологический аспекты способа совершения преступления: унификация и обособление / В. И. Резюк // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции : сб. науч. тр. / Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь ; редкол. : В. В. Марчук [и др.]. – Минск : Изд. центр БГУ, 2017. – Вып. 10. – С. 142–149.

5. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Республики Беларусь по вопросу усиления ответственности за преступления, связанные с коррупцией [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 18 июля 2007 г., № 264-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

6. Лосев, В. В. Преступления против интересов службы: общая характеристика : учеб.-метод. пособие / В. В. Лосев ; Брест. гос. ун-т им. А. С. Пушкина. – Брест : БрГУ, 2009. – 73 с.

УДК 343, 343.1

В. А. РОБАК, А. В. ТЫЛКО

Симферополь, Крымский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации

**ЖЕРТВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ В БЕСПОМОЩНОМ СОСТОЯНИИ:
ВОПРОСЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ
ПРАКТИКИ**

Состояние беспомощности потерпевшего предполагает отсутствие у потерпевшего возможности дать эффективный отпор преступнику или уклониться от посягательства. «Совершение преступления в отношении беззащитного или беспомощного лица предполагает совершение преступления против личности – физического лица, которое, находясь в состоянии беспомощности, лишено возможности оказать преступнику сопротивление, защитить себя, осуществить свое субъективное право на необходимую оборону. Виновный осознает это состояние беспомощности и совершает преступление, используя данное состояние потерпевшего» [1].

Признак беспомощности потерпевшего принято считать оценочным. Он встречается в ряде составов Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), в большинстве из них является квалифицирующим: от его наличия либо отсутствия зависит тяжесть наказания [2]. Также признак беспомощности потерпевшего относится к обстоятельствам, отягчающим наказание, и предусмотрен п. «з» ст. 63 УК РФ. Данный перечень исчерпывающий, что говорит о невозможности расширительного толкования закрепленных в нем обстоятельств, предопределяя важность правильного применения указанных условий судом.

В юридической науке отсутствует четкое и однозначное понятие «беспомощное состояние потерпевшего», имеющее уголовно-правовое и криминологическое значение, не определены критерии его оценки, не раскрываются понятия «беспомощное лицо» и «лицо, находящееся в беспомощном состоянии».

Кроме того, в судебной практике сложилась парадоксальная ситуация, при которой один и тот же признак – беспомощное состояние лица – имеет различное толкование применительно к различным преступлениям, в частности убийству и изнасилованию, поэтому состояние сна и сильного алкогольного опьянения при изнасиловании признается беспомощным состоянием, а при убийстве – нет [3, с. 41].

Соответственно, можно говорить о законодательной конструкции двух различных по своему характеру беспомощных состояний: 1) применительно к насильственным сексуальным преступлениям; 2) применительно к насильственным преступлениям против жизни и здоровья личности.

Критерием «беспомощного состояния» потерпевших в соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» является неспособность лица в силу своего физического или психического состояния (слабоумие или другое психическое расстройство, физические недостатки, иное болезненное либо бессознательное состояние), возраста (малолетнее или престарелое лицо) или иных обстоятельств понимать характер и значение совершаемых с ним действий либо оказать сопротивление виновному [4].

Также в Законе РФ от 02.07.1992 № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» беспомощное состояние потерпевшего интерпретируется как неспособность лица самостоятельно удовлетворять основные жизненные потребности [5].

Практика показывает, что при вынесении приговоров судами первой инстанции признак беспомощности зачастую трактуется по-разному, а вышестоящие суды, ссылаясь на постановления Пленума, решения изменяют, не давая развернутых комментариев, ограничиваясь общими фразами. Так, при рассмотрении уголовного дела в кассационной инстанции суд отменил приговор нижестоящего суда, указав: «В состоянии беспомощности (беспамятства) Ч. пришел после его избития и истязания осужденными, следовательно, квалификация действий К. как совершенных в отношении потерпевше-

го, находящегося в беспомощном состоянии, является ошибочной» [6]. Еще один пример спорного толкования признака беспомощности потерпевшего – уголовное дело в отношении А., совершившего преступления по п. «а» ч. 3 ст. 132 УК РФ. Судебная коллегия апелляционной инстанции исключила из приговора указание на беспомощное состояние потерпевшей и снизила наказание, мотивируя это тем, что «потерпевшая понимала значение и характер совершаемых с нею действий, возможность оказания сопротивления у нее была ограничена, она боялась оказывать активное сопротивление осужденному» [7]. Что именно является критерием оценки наличия признака беспомощности потерпевшего применительно к составам преступлений, из анализа судебной практики остается неясным.

С целью избежать неверного толкования норм закона и для установления единообразия судебной практики необходимо либо дать более развернутые разъяснения понятия и признаков беспомощности потерпевшего, сделав его общим для всего УК РФ, либо позволить правоприменителю самостоятельно определять в каждом отдельном случае наличие или отсутствие указанного признака, исходя из обстоятельств дела. Третья позиция – использовать различную терминологию в разных составах норм УК РФ, что позволит избежать путаницы при вынесении обвинительных приговоров. Проблема видится важной, так как речь идет чаще всего о квалифицированных составах, а наказания за подобные преступления значительно выше.

Неясность, связанная с применением признака беспомощности, – значение возраста потерпевшего. Как следует из примечания к ст. 131 УК РФ, лица, не достигшие 12 лет, «в силу возраста находятся в беспомощном состоянии, то есть не могут понимать характера и значения совершаемых с ним действий». Несмотря на добровольное согласие на вступление в половую связь, подобные деяния наказываются как насильственные преступления. Однако запутанность формулировки вызывает трудности в понимании.

Исходя из текста п. 5 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, малолетний возраст является одним из признаков беспомощного состояния потерпевшего, который указан в диспозиции ч. 1 ст. 131 и 132 УК РФ. Однако в анализируемых статьях возраст потерпевшего является также и квалифицирующим признаком (п. «а» ч. 3 ст. 131, п. «б» ч. 4 ст. 131, п. «а» ч. 3 ст. 132, п. «б» ч. 4 ст. 132), а теперь он учтен и в примечании. На наш взгляд, следует исключить малолетний возраст из определения признака беспомощности, данного в постановлении Пленума, так как это обстоятельство не влечет за собой юридических последствий при назначении наказания – малолетний возраст потерпевшего уже учтен законодателем в квалифицирующих составах.

Некоторые авторы склонны спорить с данным решением законодателя [8, с. 57]. «Ориентироваться только на малолетний возраст потерпевших далеко не достаточно в связи с активным половым просвещением детей и акселеративными процессами» [9, с. 103]. Физический возраст лица не всегда соответствует его психологическому возрасту. Уголовный закон учитывает это при определении возраста субъекта преступления. Так, норма ч. 30 ст. 20 УК РФ определяет понятие возрастной невменяемости: лицо, вследствие отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством, не могло в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими. Указанное состояние может быть детерминировано как внешними (социальными), так и внутренними (биологическими) факторами [10, с. 44].

Дискуссионным в доктрине остается и отнесение сна к состоянию беспомощности, несмотря на то что судебная практика неоднократно давала разъяснения по данно-

му вопросу. Так, сон определяется как жизненно необходимое и физиологически обусловленное состояние человека и не может расцениваться как беспомощное состояние в том понимании, которое придается ему уголовным законом [11].

Исходя из оценочного признака рассматриваемого понятия, следует сказать, что для отнесения либо неотнесения сна к указанному признаку потерпевшего следует дать более подробное разъяснение причин, по которым сон не может учитываться как беспомощность. Если сон является физиологически обусловленным состоянием, то он должен быть отнесен к физическому состоянию потерпевшего, не спровоцированному субъектом преступления, но влияющему на способность оказать сопротивление и реализовать свое право на необходимую оборону от преступного посягательства.

В качестве примера коллизий судебной практики рассмотрим п. 23.1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.12. 2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», в котором говорится следующее: «Особенности состояния потерпевшего (например, сон, опьянение, потеря сознания, психическое расстройство и т. п.) значения для квалификации преступления по пункту «г» части 2 статьи 158 УК РФ не имеют, так как использование субъектом преступления состояния потерпевшего не исключает его умысла на хищение из одежды, сумки или другой ручной клади и лишь указывает на тайный характер такого хищения». В качестве квалифицирующего признак хищения из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся при потерпевшем, введен в состав кражи Федеральным законом от 8 декабря 2003 г.

Распространенность карманных краж, совершение подобных деяний в общественных местах, риск быть обнаруженным, находчивость преступника и различные способы совершения преступления – все это составляет повышенную общественную опасность, поэтому данный признак оправданно является квалифицирующим. Однако хищение указанным способом у человека, не способного понимать и реагировать на происходящее с его имуществом, формальное нахождение имущества в кармане, сумке или ручной клади у потерпевшего, который в силу своего состояния не контролирует сохранность своего имущества и лишен возможности обнаружить и пресечь действия вора, не должно влиять на квалификацию действий виновного, поскольку эти обстоятельства используются для облегченного изъятия имущества и не требуют специальных навыков.

Введение п. 23.1 в постановление Пленума видится нам признанием того, что сон, алкогольное и иное опьянение и прочие состояния потерпевшего, в которых он не в силах оказать сопротивление, косвенно, но все-таки рассматриваются судом как беспомощность. Иное объяснение введения подобного судебного толкования указанных ситуаций затруднительно. Следовательно, необходимо еще раз детально проанализировать принципиальную позицию отказа включения сна в понятие беспомощности потерпевшего в составах преступлений хотя бы против жизни и здоровья.

Таким образом, указанные в работе пробелы и коллизии необходимо решить, так как неясность в толковании понятия «беспомощное состояние потерпевшего» влечет ряд проблем, связанных с применением норм УК РФ, отсутствием единообразия судебной практики, затратой ресурсов на пересмотр судебных решений, назначением справедливого наказания.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Постановление Президиума Московского городского суда от 18.12.2015 г. по делу № 44у-354/2015.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 13 июня 1996 г., № 63-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2018.
3. Салева, Н. Н. Проблема учета беспомощного состояния потерпевшего при квалификации сопряженного убийства, предусмотренного п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ / Н. Н. Салева // Уголов. право. – 2016. – № 9.
4. О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации, 4 дек. 2014 г., № 16 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2018.
5. О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании [Электронный ресурс] : Закон Рос. Федерации, 2 июля 1992 г., № 3185-1 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2018.
6. Кассационное определение Верховного суда РФ от 09.12.2014 г. № 53-004-78.
7. Апелляционное определение Пермского краевого суда от 19.08.2016 г. № 22-5735 [Электронный ресурс] // Пермский краевой суд. – Режим доступа: oblsud.perm.sudrf.ru.
8. Скрипченко, Н. Ю. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» / Н. Ю. Скрипченко // Уголов. право. – 2015. – № 2.
9. Шиян, В. И. Беспомощное состояние потерпевшего как объективный признак в преступлениях против личности, совершаемых с применением насилия / В. И. Шиян // Уголов. право. – 2014. – № 5.
10. Долгова, С. В. К вопросу о содержании понятия «отставание в психическом развитии, не связанное с психическим расстройством» / С. В. Долгова // Вестн. Балтийс. федер. ун-та им. И. Канта. – 2008. – № 9.
11. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 28 марта 2012 г., № 11-П12ПР [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2018.

УДК 343

А. В. САВИЧ

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина

ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ЛИТОВСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ И РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Освобождение от уголовной ответственности в Литовской Республике согласно Уголовному кодексу (далее – УК), принятому на основании Закона от 26 сентября 2000 г. № VIII-1968, возможно по следующим основаниям: в случае утраты лицом или преступным деянием своей опасности; за малозначительностью деяния; при примирении правонарушителя и потерпевшего; на основании смягчающих обстоятельств; при активном содействии лица в выявлении и расследовании преступлений, совершенных членами организованной группы или преступного сообщества; под залог; по амнистии.

Как можно заметить, в вышеприведенном списке отсутствует такое основание освобождения от уголовной ответственности, как истечение сроков давности. Литовский законодатель связывает эти сроки с вынесением обвинительного приговора: так,

в гл. 12 «Срок давности уголовной ответственности» используются формулировки «лицо не может быть осуждено», «приговор не может быть приведен в исполнение», т. е. не имеется четкого разъяснения ситуации – исключается ли уголовная ответственность либо же лицо освобождается от нее.

Освобождение от уголовной ответственности за малозначительностью деяния осуществляется в том случае, когда деяние признается малозначительным в силу размера причиненного ущерба, объекта преступления или иных особенностей преступления. Такое освобождение может быть осуществлено исключительно до начала судебного заседания.

В законодательстве Республики Беларусь малозначительность деяния влечет административную или дисциплинарную ответственность (п. 4 ст. 11 УК Республики Беларусь).

Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением правонарушителя и потерпевшего в УК Литовской Республики примечательно ввиду наличия особых условий по сравнению с аналогичным институтом в Республике Беларусь.

Первым из таких условий является категория совершенного преступления. Лицо может быть освобождено по ст. 38 УК Литовской Республики в случае совершения им уголовного проступка (преступления, не наказывающегося лишением свободы), неосторожного преступления (неосторожные преступления в Литве не входят в категориальную градацию преступлений по тяжести), преступления с незначительной степенью тяжести, менее тяжкого преступления (преступление, срок наказания за которое не превышает шести лет лишения свободы). Таким образом, по сравнению с Республикой Беларусь, условия, касающиеся категории преступления, расширены за счет включения в них всех неосторожных преступлений.

Второе условие носит комплексный характер, закрепленный в ч. 1 ст. 38 УК Литовской Республики. Так, лицо освобождается судом от уголовной ответственности при наличии следующих обстоятельств: 1) оно призналось в совершении преступного деяния; 2) добровольно возместило или устранило ущерб, причиненный физическому или юридическому лицу, или договорилось о возмещении или ликвидации этого ущерба; 3) примирилось с потерпевшим или представителем юридического лица или государственного учреждения; 4) есть основания полагать, что оно не совершит новых преступных деяний.

По сравнению с законодательством Республики Беларусь, правовые положения данного основания освобождения от уголовной ответственности в Литовской Республике носят явно более конкретизированный характер. Особого внимания заслуживает возможность освобождения в связи с примирением с потерпевшим без фактического возмещения вреда на дату судебного процесса. Вторая особенность – возможность примирения с представителем юридического лица или государственного учреждения. Такое положение вещей существенно расширяет спектр лиц, к которым может быть применено такое освобождение.

Следующим заслуживающим внимания обстоятельством является «оговорка» о действии положений данной статьи в отношении лиц, ранее совершавших преступления, и лиц, ранее освобождавшихся от уголовной ответственности на основании ст. 38 УК Литовской Республики: так, лица, имеющие характеристику «опасный рецидивист», и лица, освобождавшиеся на основании ст. 38 в течение четырех лет, предшествующих совершению нового преступления, не могут быть освобождены по основаниям, указанным в ч. 1 ст. 38 УК Литовской Республики.

Подобных ограничений в белорусском законодательстве не имеется. Однако такие нововведения обеспечили бы обоснованность применения такой поощрительной меры.

Далее, такое освобождение в Литве не является юридическим фактом, носящим окончательный характер. Так, в случае совершения освобожденным лицом на протяжении следующего года неосторожного преступления или преступления с незначительной степенью тяжести либо невыполнения без уважительных причин соглашения, утвержденного судом об условиях и порядке возмещения ущерба, суд может отменить свое решение об освобождении от уголовной ответственности и принять решение о привлечении лица к ответственности за все совершенные преступные деяния.

Если лицо, освобожденное от уголовной ответственности по п. 1 ст. 38 УК Литовской Республики, совершает новое умышленное преступление в течение одного года, предыдущее решение об освобождении его от уголовной ответственности утрачивает силу и принимается решение о привлечении лица к ответственности за все совершенные преступные деяния [1].

Такие условия придают освобождению от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим, с одной стороны, условность (за счет срока «пробации»), с другой – убирают «беспоследственность» такого процессуального решения.

Особым основанием освобождения от уголовной ответственности, не имеющим аналога в белорусском законодательстве, является освобождение на основании смягчающих обстоятельств. Так, лицо, совершившее уголовный проступок, неосторожное преступление или преступление с незначительной степенью тяжести, может быть освобождено от уголовной ответственности судом при наличии следующих условий:

- совершение преступления впервые;
- наличие не менее двух смягчающих ответственность обстоятельств из соответствующего перечня (ст. 59 УК Литовской Республики);
- отсутствие отягчающих ответственность обстоятельств.

Смягчающими ответственность обстоятельствами согласно ст. 59 УК Литовской Республики являются ситуации, когда: 1) правонарушитель оказал потерпевшему помощь или иным образом активно избегал или пытался избежать более серьезных последствий; 2) преступник признался в совершении деяния, предусмотренного уголовным законом, и искренне сожалеет или содействовал выявлению этого деяния или установлению лиц, участвовавших в нем; 3) правонарушитель добровольно возместил или устранил причиненный ущерб; 4) преступное деяние совершено в связи с очень тяжелым финансовым положением или безвыходным положением преступника; 5) деяние совершено в результате психического или физического принуждения, если такое принуждение не устраняет уголовной ответственности; 6) на совершение деяния повлияло провоцирующее или рискованное поведение потерпевшего; 7) деяние совершено по просьбе потерпевшего, находящегося в безвыходном положении; 8) деяние совершено с нарушением условий содержания лица, совершившего преступное деяние; непосредственной необходимости; исполнения профессионального долга или выполнения задания правоохранительных органов; производственного или экономического риска или законности научного эксперимента; 9) деяние совершено с превышением пределов самообороны, если уголовным законом предусмотрена ответственность за превышение пределов самообороны; 10) деяние совершено в состоянии крайнего возбуждения, вызванного противоправными действиями потерпевшего; 11) деяние совершено лицом с ограниченной дееспособностью; 12) деяние совершено лицом, находящимся в состоянии алкогольного или наркотического опьянения против его воли; 13) добровольная попытка отказаться от совершения преступного деяния не увенчалась

успехом [1]. Данный перечень является открытым, и суд может признать смягчающими обстоятельствами и иные ситуации.

Следующим особым видом освобождения от уголовной ответственности является освобождение лиц, содействовавших выявлению преступных деяний, совершенных членами организованной группы или преступного сообщества. Оно касается не только лица, обвиняемого в подобных преступлениях, но и лица, подозреваемого в совершении таких преступлений. То есть такое лицо освобождается от ответственности в случае, если признается в участии в организованной группе или преступной организации, а также активно будет содействовать в расследовании преступлений, совершенных членами вышеуказанных групповых формирований.

Данный вид освобождения не может быть применен к лицу, участвовавшему в совершении умышленного убийства, а также к лицу, ранее освобождавшемуся на вышеуказанных основаниях, а также к лицам, являющимся руководителями и организаторами организованных групп или преступных организаций.

Последним особым институтом освобождения от уголовной ответственности, содержащимся в УК Литовской Республики, является освобождение под залог. Под залог может быть освобождено лицо, совершившее уголовный проступок, неосторожное преступление, преступление с незначительной степенью тяжести или менее тяжкое преступление. Условиями освобождения под залог являются: совершение лицом преступления впервые; полное признание вины и сожаление о совершении преступного деяния; частичная компенсация или полное устранение причиненного ущерба или обязательство компенсировать ущерб в случае его наличия; наличие оснований полагать, что ущерб будет полностью возмещен либо устранен, законы впредь правонарушителем будут соблюдаться, и не будут совершаться новые преступные деяния.

Однако залог в виде определенной денежной суммы – не единственное условие освобождения по ст. 40 УК Литовской Республики: лицо может быть освобождено в случае ходатайства лица «достойного доверия суда» о передаче правонарушителя под его ответственность. Поручителем могут быть родители правонарушителя, близкие родственники или иные лица, достойные доверия суда. При принятии решения суд принимает во внимание личные качества или характер деятельности поручителя и возможность оказания положительного влияния на правонарушителя [1]. В случае назначения залога поручитель обязан его уплатить в количестве, определенном судом. Поручитель имеет право отказаться от внесения залога. В этом случае суд, учитывая причины выхода из-под залога, принимает решение о возврате поручительства, а также об уголовной ответственности лица за совершенное преступное деяние, назначении другого поручителя или об освобождении лица от уголовной ответственности.

Освобождение под залог имеет свой срок: оно устанавливается на время от одного года до трех лет. Это означает, что в случае правопослушного поведения освобожденного в течение указанного срока его поручителю полностью возвращается сумма залога. Если освобожденный все же совершает уголовный проступок или неосторожное преступление, суд может отменить решение о залоге и привлечь его к ответственности за все совершенные преступления. Если же освобожденный совершает умышленное преступление в течение срока залога, решение о залоге автоматически отменяется и суд принимает решение о привлечении лица к ответственности за все совершенные преступные деяния.

Стоит отметить основательное стремление литовского законодателя расширить применение мер «мягкого корректирования» поведения лиц, нарушивших уголовный закон. Полагаем возможным и эффективным заимствование некоторых наиболее раци-

ональных институтов и их отдельных элементов, поскольку это позволит сделать институт освобождения от уголовной ответственности более «гибким».

1. Ввести возможность применения освобождения от уголовной ответственности вследствие примирения с потерпевшим на условии *договора о возмещении вреда* в будущем, а не только при условии полного возмещения вреда к моменту осуществления процессуального решения.

2. Регламентировать процесс примирения с участием юридического лица в качестве потерпевшего, т. е. с представителем юридического лица или государственного учреждения.

3. Применять «испытательный срок» в размере от двух до трех лет при применении освобождения от уголовной ответственности вследствие примирения с потерпевшим, а также предусмотреть возможность отмены такового при невыполнении условий договора о возмещении вреда либо совершении нового преступления.

4. Рассмотреть возможность введения освобождения от уголовной ответственности под залог как института, имеющего дополнительные процессуальные гарантии для обеспечения правопослушного поведения лица.

Внесение таких изменений увеличит масштабы применения освобождения от уголовной ответственности и уменьшит нагрузку на пенитенциарную систему, а также ликвидирует возможность злоупотребления при применении данного института.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный кодекс Литовской Республики [Электронный ресурс]: утв. 26 сент. 2000 г. Законом № VIII-1968: текст по состоянию на 25 апр. 2015 г. // LEGISLATIONLINE. – Варшава, 2018. – Режим доступа: <https://www.legislationline.org/documents/section/criminal-codes>. – Дата доступа: 17.10.2018.

2. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: принят Палатой представителей 2 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г.: в ред. от 17.07.2018 г. // ЭТАЛОН-ONLINE. – Минск, 2018.

УДК 343.622

Г. З. СИТДИКОВА, Е. В. ТРАВНИКОВА

Уфа, Институт права Башкирского государственного университета

УБИЙСТВО МАТЕРЬЮ НОВОРОЖДЕННОГО РЕБЕНКА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ЗАКОНА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Умышленное причинение смерти другому лицу – убийство – является уголовно наказуемым деянием, запрещенным законодательством большинства современных государств. Лишение жизни – преступление, имеющее высокую общественную опасность, в связи с тем что посягает оно на приоритетную ценность для общества и государства – жизнь человека. На государство возлагается обязанность защищать жизнь, права и свободы человека от преступных посягательств путем привлечения виновного лица к уголовной ответственности и назначения справедливого наказания, предусмотренного санкциями соответствующих статей уголовного закона.

Бесценность жизни человека, сохранность которой обеспечивается государством, является одним из основных конституционных принципов в Российской Федерации и Республике Беларусь. В ст. 2, 20 Конституции Российской Федерации провоз-

глашено, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Каждый имеет право на жизнь. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства [1]. Приоритет защиты человека, его жизни, прав и свобод провозглашен в ст. 2, 24 Конституции Республики Беларусь: «Человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства. Каждый имеет право на жизнь. Государство защищает жизнь человека от любых противоправных посягательств» [2].

Несмотря на правовые запреты под страхом наказания за причинение смерти другому лицу, подобные преступления продолжают совершаться, и определенную долю среди них составляют убийства новорожденных детей, совершенных их матерями. Особенностью убийства матерью новорожденного ребенка являются обстоятельства, характеризующие элементы состава преступления: родовая, послеродовая, психотравмирующая ситуации, состояние психического расстройства, не исключающего вменяемости; наличие специального субъекта – женщины, являющейся матерью новорожденного ребенка.

Пример из судебной практики: «Сразу же после родов А. Г. Н., желая скрыть от других лиц факт рождения ребенка, осознавая, что рожденный ею ребенок мужского пола в силу малолетнего возраста находится в беспомощном состоянии и не способен самостоятельно принять меры к сохранению своей жизни, решила лишить ребенка жизни.

Реализуя свой преступный умысел, направленный на совершение убийства рожденного ею ребенка, А. Г. Н, находясь по вышеуказанному адресу, осознавая, что рожденный ею ребенок нуждается в квалифицированной медицинской помощи и постоянном постороннем уходе, при отсутствии которых неизбежно наступит его смерть, желая наступления смерти рожденного ею ребенка, умышленно бездействуя, не приняла мер к оказанию ему доврачебной медицинской помощи: не перевязала пуповину, не обработала пупочную рану антисептическими препаратами, не осуществляла обтирание кожных покровов надлежащим образом, не обеспечила чистый, сухой пеленальный материал, а также не обратилась для выполнения перечисленных действий в отношении рожденного ею ребенка в медицинские учреждения либо к лицу, обладающему специальными познаниями и не стала осуществлять дальнейший уход за рожденным ею ребенком, в том числе его кормление и обеспечение гигиены» [3].

Совпадение в одном временном периоде в жизненной ситуации роженицы нескольких физиологических, психологических, социальных, личных и других факторов, оцениваемых ею негативно, приводят к формированию у нее умысла на принудительное прекращение жизни рожденного ею ребенка. Причины подобного решения с медицинской и юридической точек зрения связаны нередко с незапланированной беременностью, семейными проблемами или неустроенной личной жизнью, уровнем материального обеспечения женщины, психологической неподготовленностью к родам. Вместе с тем, несмотря на высокий уровень социального, культурного, экономического обеспечения в государстве, сохраняется тенденция готовности отдельных женщин лишить жизни рожденного ими ребенка по каким-либо личным или меркантильным соображениям.

В дореволюционный период убийство матерью новорожденного ребенка в уголовном праве рассматривалось как убийство при смягчающих обстоятельствах. Так, в соответствии с Уложением о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. наказание за убийство смягчалось «тремя степенями в случае, когда убийство внебрачных сына или дочери совершено матерью от стыда или страха, при самом рождении младенца, если однако при сем не будет доказано, что она была уже прежде виновна в том же преступлении» (ст. 1451). Согласно ст. 461 Уголовного уложения 1903 г. наказание

за убийство значительно снижалось, если преступление совершалось матерью прижитого ею вне брака ребенка при его рождении [4].

В период существования Союза Советских Социалистических Республик, в составе которого находились Российская Советская Федеративная Социалистическая республика (РСФСР) и Белорусская Советская Социалистическая Республика (БССР), в законодательстве обоих государств отдельного состава рассматриваемого преступления не существовало.

Так, ст. 102 Уголовного кодекса РСФСР 1960 г. было предусмотрено наказание за умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах (из корыстных побуждений; из хулиганских побуждений; лица в связи с выполнением им своего служебного либо общественного долга или его близких родственников, а также иных лиц, убийство которых совершено с целью воспрепятствовать законной деятельности указанного должностного лица; совершенное с особой жестокостью; совершенное способом, опасным для жизни многих людей; с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение, а равно сопряженное с изнасилованием; женщины, заведомо для виновного находившейся в состоянии беременности; двух или более лиц; совершенное лицом, ранее совершившим умышленное убийство; совершенное на почве кровной мести; совершенное особо опасным рецидивистом; совершенное на почве национальной или расовой вражды или розни; совершенное по предварительному сговору группой лиц. Вместе с тем в ст. 103 «Умышленное убийство» предусматривалось наказание в виде лишения свободы на срок от трех до десяти лет за совершение умышленного убийства без отягчающих обстоятельств [5].

В Уголовном кодексе Белорусской ССР 1960 г. в ст. 100 была предусмотрена уголовная ответственность за совершение умышленного убийства при отягчающих обстоятельствах (из корысти; из хулиганских побуждений; в связи с выполнением потерпевшим служебного или общественного долга; двух или более лиц; женщины, заведомо для виновного находившейся в состоянии беременности; совершенное с особой жестокостью или способом, опасным для жизни многих людей; с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение, а равно сопряженное с изнасилованием; совершенное особо опасным рецидивистом либо лицом, ранее совершившим умышленное убийство. Кроме этого, в ст. 101 было предусмотрено наказание за совершение умышленного убийства без отягчающих обстоятельств, которое наказывалось лишением свободы на срок от восьми до двадцати лет [6]. Таким образом, сопоставление двух нормативных актов одного исторического периода показывает, что в законодательстве БССР и РСФСР не предусматривался отдельный состав преступления для женщины, совершившей убийство своего новорожденного ребенка.

В советской юридической литературе высказывалось мнение, согласно которому в условиях социалистического общества такой мотив детоубийства, как стыд перед окружающими, опасение за себя и судьбу будущего ребенка, являлся ложным и не мог рассматриваться как смягчающее обстоятельство. Советское государство оказывало достаточно значимую помощь одиноким и многодетным матерям, к услугам которых была широкая сеть бесплатных воспитательных и медицинских учреждений. Все это и тогда не исключало подобных преступлений, а именно убийства матерью новорожденного ребенка. Тем более что и тогда, и сейчас при оценке мотивов убийства матерью новорожденного ребенка нельзя не учитывать и отрицательного подчас отношения окружающих к женщине, забеременевшей в результате внебрачной связи [7].

Принятый в 1996 г. Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) определил основания привлечения к уголовной ответственности женщины, лишившей

жизни своего новорожденного ребенка, в ст. 106 «Убийство матерью новорожденного ребенка»: убийство матерью новорожденного ребенка во время или сразу же после родов, а равно убийство матерью новорожденного ребенка в условиях психотравмирующей ситуации или в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости, наказывается лишением свободы на срок до пяти лет.

Позже диспозиция и санкция ст. 106 «Убийство матерью новорожденного ребенка» были преобразованы: убийство матерью новорожденного ребенка во время или сразу же после родов, а равно убийство матерью новорожденного ребенка в условиях психотравмирующей ситуации или в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости, наказывается ограничением свободы на срок от двух до четырех лет, либо принудительными работами на срок до пяти лет, либо лишением свободы на тот же срок [8].

Проводя сравнительный анализ с уголовным законодательством Республики Беларусь, следует отметить, что такое преступление, как убийство матерью новорожденного, выделено как самостоятельный состав в Уголовном кодексе Республики Беларусь в 1999 г. Так, ст. 140 «Убийство матерью новорожденного ребенка» Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК Республики Беларусь) предусматривает: убийство матерью своего ребенка во время родов или непосредственно после них, совершенное в условиях психотравмирующей ситуации, вызванной родами, наказывается ограничением свободы на срок до пяти лет или лишением свободы на тот же срок [9].

На сегодняшний день диспозиции ст. 106 УК РФ и ст. 140 УК Республики Беларусь сформулированы таким образом, что учитывают сложность восприятия женщиной родовой ситуации через призму ее собственных переживаний относительно физиологических процессов, психологического состояния, отношения к рожденному ею человеку.

Объектом рассматриваемого вида преступлений является жизнь новорожденного ребенка. Законодательного закрепления понятия «новорожденный ребенок» в настоящее время не существует. Понятие «ребенок» закреплено в ст. 54 Семейного кодекса РФ «Право ребенка жить и воспитываться в семье», в ч. 1 которой ребенком признается лицо, не достигшее возраста 18 лет (совершеннолетия) [10]. В ст. 1 Федерального закона от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» указано: ребенок – лицо до достижения им возраста 18 лет (совершеннолетия) [11].

Следует обратить внимание, что Семейный кодекс Российской Федерации, закрепив приоритет в воспитании детей за их родителями, установил, что родительские права не могут осуществляться в противоречии с интересами ребенка; при осуществлении родительских прав родители не вправе причинять вред физическому и психическому здоровью детей [12].

Проводя сравнительный анализ диспозиций ст. 106 УК РФ и ст. 140 УК Республики Беларусь, можно обнаружить некоторые отличия в описании объективной стороны преступления. В российском уголовном законе предусмотрены такие элементы, как убийство матерью новорожденного ребенка во время или сразу же после родов, а равно убийство матерью новорожденного ребенка в условиях психотравмирующей ситуации или в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости. В белорусском уголовном законе объективная сторона выражается в убийстве матерью своего ребенка во время родов или непосредственно после них, совершенном в условиях психотравмирующей ситуации, вызванной родами.

Российское законодательство в описании объективной стороны использует три альтернативных деяния, которые могут быть выражены в форме действия или бездействия: 1) убийство матерью новорожденного ребенка во время или сразу же после родов, 2) убийство матерью новорожденного ребенка в условиях психотравмирующей ситуации, 3) убийство матерью новорожденного ребенка в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости. Белорусское законодательство исключает совершение убийства матерью новорожденного ребенка в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости.

Рассматривая субъект преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ и ст. 140 УК Республики Беларусь, следует обратить внимание, что возраст привлечения женщины к уголовной ответственности определен – 16 лет. Вместе с тем значительная акселерация подростков, недостаточное воспитание нравственных основ приводят к раннему деторождению, и, как следствие, возрастает риск убийств, совершенных роже-ницами в возрасте 14–16 лет. Полагаем, современные условия жизни настоятельно диктуют необходимость снижения возраста привлечения к уголовной ответственности за данное преступление с 14 лет.

Решение проблемы отсутствия законодательного закрепления понятия и признаков «новорожденный ребенок» находится в подготовленном депутатами Государственной Думы РФ законопроекте, в котором предлагается определить верхнюю границу возраста новорожденных: новорожденным будет считаться ребенок с момента рождения и до достижения им возраста четырех недель. Кроме этого, с целью предотвращения преступлений, предусмотренных ст. 106 УК РФ, планируется предоставить регионам возможность создавать специализированные места для анонимного оставления новорожденного ребенка, оборудованные исключительно в структурных подразделениях государственных и муниципальных медицинских организаций, оказывающих реанимационные мероприятия для новорожденных. Создание беби-боксов именно в медицинских организациях, имеющих в своей структуре отделения реанимации и интенсивной терапии для новорожденных, позволит обеспечить им своевременную медицинскую помощь. Кроме того, по данным депутатов, практика установки беби-боксов фактически существует уже в 11 регионах страны при отсутствии необходимого правового регулирования [13].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс] : принята всенарод. голосованием 12 дек. 1993 г. – Режим доступа: <https://rg.ru/2009/01/21/konstituciadok.html>. – Дата доступа: 31.10.2018.
2. Конституция Республики Беларусь 1994 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.by>. – Дата доступа: 01.11.2018.
3. Судебные и нормативные акты РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sudact.ru/regular/doc/H3Ame0XOc2m5/>. – Дата доступа: 30.10.2018.
4. Дмитриева, Т. Ф. Тактика и методика расследования насильственных преступлений [Электронный ресурс] / Т. Ф. Дмитриева. – Режим доступа: <http://pravo.studio/kriminalisticheskaya-taktika/obschaya-harakteristika-detoubiystv-75115.html>. – Дата доступа: 01.11.2018.
5. Уголовный кодекс РСФСР [Электронный ресурс] : утв. Верхов. Советом РСФСР 27 окт. 1960 г. : в ред. от 30.07.1996 г. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102010096&intelsearch>. – Дата доступа: 01.11.2018.

6. Об утверждении Уголовного кодекса Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 29 дек. 1960 г. – Режим доступа: <http://pravo.kulichki.com/zak>. – Дата доступа: 01.11.2018.

7. Наумов, А. В. Российское уголовное право : курс лекций [Электронный ресурс] / А. В. Наумов. – Режим доступа: <https://books.google.ru/books?id=tyBZjIpcnU0C&pg=PA88&lr>. – Дата доступа: 01.11.2018.

8. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 13 июня 1996 г., № 63-ФЗ : в ред. от 03.10.2018 г. : с изм. и доп., вступ. в силу с 21.10.2018 г. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd>. – Дата доступа: 03.11.2018.

9. Уголовный Кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З. – Режим доступа: <http://kodeksy-by.com>. – Дата доступа: 29.10.2018.

10. Семейный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 29 дек. 1995 г., № 223-ФЗ. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody>. – Дата доступа: 02.11.2018.

11. Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон, 24 июля 1998 г., № 124-ФЗ. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102054607&intelsearch>. – Дата доступа: 29.10.2018.

12. О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации, 14 нояб. 2017 г., № 44. – Режим доступа: <http://sudact.ru/law/postanovlenie-plenuma-verkhovnogo-suda-rf-ot-14112017/>. – Дата доступа: 29.10.2018.

13. Чернявская, Е. Понятие «новорожденный ребенок» предлагается закрепить на законодательном уровне [Электронный ресурс] / Е. Чернявская. – Режим доступа: <http://www.garant.ru/news>. – Дата доступа: 29.10.2018.

14. Долгая, Я. М. Некоторые проблемы квалификации ст. 140 в Уголовном кодексе Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Я. М. Долгая. – Режим доступа: <http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/29296/1/223-226.pdf>. – Дата доступа: 31.11.2018.

15. Живодрова, Н. А. Проблемы квалификации убийства матерью новорожденного ребенка и возможные пути решения [Электронный ресурс] / Н. А. Живодрова. – Режим доступа: <https://e.lanbook.com/reader/journalArticle/498043/#1>. – Дата доступа: 30.10.2018.

16. Свило, С. М. Женская преступность в Республике Беларусь: состояние, структура, динамика и характер [Электронный ресурс] / С. М. Свило. – Режим доступа: <https://e.lanbook.com/reader/journalArticle/80131/#2>. – Дата доступа: 31.11.2018.

УДК 343

Р. В. ТАГАЙ, Н. С. ИЩЕНКО

Гомель, Гомельский филиал Международного университета «МИТСО»

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА КОНТРАБАНДУ

В настоящее время увеличились объемы перемещаемых товаров через таможенную границу. Перемещение гражданами товаров для личного пользования уже давно стало привычно и воспринимается как норма в обществе и государстве в целом. Не стоит забывать о том, что есть законопослушные граждане, выполняющее все требования, установленные законодательством Республики Беларусь в рамках переме-

щения товаров через таможенную границу, и граждане, которые такие требования не выполняют.

Таможенными органами реализуется комплекс мероприятий, направленных на предотвращение незаконного перемещения через таможенную границу Евразийского экономического союза культурных ценностей, наркотических и психотропных веществ, оружия и иных товаров [1].

Контрабанда – преступление, затрагивающее экономические интересы как Республики Беларусь, так и иных стран. Непосредственным объектом преступления являются экономические интересы Республики Беларусь в сфере осуществления внешнеэкономической деятельности или совершения отдельных внешнеэкономических операций [2].

Согласно п. 1 ст. 5 Приложения № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза (далее – Договор о ТК ЕАЭС), вступившего в силу 1 января 2018 г., «таможенную территорию Союза составляют территории государств-членов, а также находящиеся за пределами территорий государств-членов искусственные острова, сооружения, установки и иные объекты, в отношении которых государства-члены обладают исключительной юрисдикцией» [3]. Сегодня Российская Федерация, Республика Беларусь, Республика Армения, Республика Казахстан, Кыргызская Республика являются странами – участницами ЕАЭС [4].

Согласно ч. 1 ст. 11 Уголовного кодекса (далее – УК) Республики Беларусь, «преступлением признается совершенное виновно общественно опасное деяние (действие или бездействие), характеризующееся признаками, предусмотренными настоящим Кодексом, и запрещенное им под угрозой наказания» [5].

УК Республики Беларусь такое преступление, как контрабанда (ст. 228 УК Республики Беларусь), относит к преступлениям против порядка осуществления экономической деятельности.

Согласно ч. 1 ст. 228 УК Республики Беларусь, «незаконное перемещение через таможенную границу Евразийского экономического союза в крупном размере товаров, запрещенных или ограниченных к такому перемещению, при отсутствии признаков преступлений, предусмотренных статьями 328-1 и 333-1 настоящего Кодекса, – наказывается штрафом, или ограничением свободы на срок до трех лет, или лишением свободы на тот же срок».

Незаконное перемещение через таможенную границу Евразийского экономического союза в крупном размере наличных денежных средств или денежных инструментов наказывается штрафом, или ограничением свободы на срок от двух до пяти лет, или лишением свободы на тот же срок (ч. 2 ст. 228 УК).

В соответствии с ч. 3 ст. 228 УК Республики Беларусь, «деяния, предусмотренные частями 1 или 2 настоящей статьи, совершенные группой лиц по предварительному сговору, либо повторно, либо лицом, ранее совершившим преступления, предусмотренные статьями 328-1 и 333-1 настоящего Кодекса, либо должностным лицом с использованием своих служебных полномочий либо совершенные с применением насилия к лицу, проводящему таможенный или осуществляющему пограничный контроль, – наказываются лишением свободы на срок от пяти до десяти лет с конфискацией имущества или без конфискации».

Деяния, предусмотренные чч. 1, 2 или 3 настоящей статьи, совершенные организованной группой, наказываются лишением свободы на срок от семи до двенадцати лет с конфискацией имущества или без конфискации [5].

Согласно п. 27 ст. 2 Договора о ТК ЕАЭС, перемещение товаров через таможенную границу Союза – это ввоз товаров на таможенную территорию Союза или вывоз товаров с таможенной территории Союза [3]. При этом в Договоре ТК ЕАЭС содержатся определения таких понятий, как «ввоз товаров на таможенную территорию Союза» и «вывоз товаров с таможенной территории Союза».

«Ввоз товаров на таможенную территорию Союза» – совершение действий, которые связаны с пересечением таможенной границы Союза и в результате которых товары прибыли на таможенную территорию Союза любым способом, включая пересылку в международных почтовых отправлениях, использование трубопроводного транспорта и линий электропередачи, до выпуска таких товаров таможенными органами (п. 4 ст. 2 Договора о ТК ЕАЭС).

«Вывоз товаров с таможенной территории Союза» – совершение действий, направленных на вывоз товаров с таможенной территории Союза любым способом, в том числе пересылка в международных почтовых отправлениях, использование трубопроводного транспорта и линий электропередачи, включая пересечение таможенной границы Союза (п. 5 ст. 2 Договора о ТК ЕАЭС) [3].

Отметим, что в соответствии с примечанием 1 к ст. 228 УК Республики Беларусь, «в настоящей статье, статьях 328-1 и 333-1 настоящего Кодекса под незаконным перемещением через таможенную границу Евразийского экономического союза понимается перемещение товаров через таможенную границу Евразийского экономического союза вне установленных мест или в неустановленное время работы таможенных органов в этих местах, либо с сокрытием от таможенного контроля, либо с заведомо недостоверным декларированием или недекларированием товаров, либо с использованием документов, содержащих заведомо недостоверные сведения о товарах, или с использованием поддельных или относящихся к другим товарам средств идентификации» [5].

Согласно п. 25 ст. 2 Приложения № 1 к Договору о ТК ЕАЭС, «незаконное перемещение товаров через таможенную границу Союза – перемещение товаров через таможенную границу Союза вне мест, через которые в соответствии со статьей 10 настоящего Кодекса должно или может осуществляться перемещение товаров через таможенную границу Союза, или вне времени работы таможенных органов, находящихся в этих местах, либо с сокрытием от таможенного контроля, либо с недостоверным таможенным декларированием или недекларированием товаров, либо с использованием документов, содержащих недостоверные сведения о товарах, и (или) с использованием поддельных либо относящихся к другим товарам средств идентификации» [3].

Как УК Республики Беларусь, так и Договор о ТК ЕАЭС дают идентичные определения термину «незаконное перемещение через таможенную границу Евразийского экономического союза», но есть одно различие. УК Республики Беларусь определяет отнесение данного термина к статьям УК, а именно: ст. 228 (Контрабанда), ст. 328-1 (Незаконное перемещение через таможенную границу ЕАЭС или Государственную границу Республики Беларусь наркотических средств, психотропных веществ либо их прекурсоров или аналогов) и ст. 333-1 (Незаконное перемещение через таможенную границу ЕАЭС или Государственную границу Республики Беларусь сильнодействующих, ядовитых, отравляющих веществ, радиоактивных материалов, огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, взрывных устройств, оружия массового поражения или средств его доставки, а также иных видов вооружения и военной техники), а Договор о ТК ЕАЭС дает отсылку к ст. 10, где определены места перемещения товаров через таможенную границу Союза.

В соответствии с примечанием 2 к ст. 228 УК Республики Беларусь, «деяние, предусмотренное частью 1 настоящей статьи, признается совершенным в крупном размере, если стоимость перемещаемых одним лицом или группой лиц товаров превышает в две тысячи и более раз размер базовой величины, установленный на день совершения преступления».

Согласно примечанию 3 к ст. 228 УК Республики Беларусь, «деяние, предусмотренное частью 2 настоящей статьи, признается совершенным в крупном размере, если сумма перемещаемых наличных денежных средств и (или) стоимость перемещаемых денежных инструментов превышают двукратный размер суммы наличных денежных средств и (или) стоимости дорожных чеков, разрешенных таможенным законодательством Таможенного союза к перемещению без таможенного декларирования в письменной форме.

При расчете размера суммы незаконно перемещаемых наличных денежных средств и (или) стоимости незаконно перемещаемых денежных инструментов из всей суммы перемещаемых наличных денежных средств и (или) стоимости перемещаемых денежных инструментов подлежит исключению та часть, которая таможенным законодательством Таможенного союза разрешена к перемещению без таможенного декларирования в письменной форме или была задекларирована».

В примечании 4 к ст. 228 УК Республики Беларусь определено, что «под денежными инструментами, указанными в части 2 настоящей статьи, понимаются дорожные чеки, векселя, чеки (банковские чеки), а также ценные бумаги в документарной форме, удостоверяющие обязательство эмитента (должника) по выплате денежных средств, в которых не указано лицо, которому осуществляется такая выплата».

Лицо, добровольно сдавшее наличные денежные средства и (или) денежные инструменты, указанные в настоящей статье, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления. Не могут признаваться добровольной сдачей наличных денежных средств или денежных инструментов, указанных в настоящей статье, их обнаружение при применении форм таможенного контроля, их изъятие при задержании лица, а также при производстве следственных действий по их обнаружению и изъятию (примечание 5 к ст. 228 УК Республики Беларусь) [5]. Субъект контрабанды – физическое вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста [2].

Т. В. Лукашук выделяет следующие особенности уголовного законодательства Республики Беларусь в сфере ответственности за контрабанду:

«Во-первых, фактически установлена ответственность за два вида контрабанды: экономическую или товарную и контрабанду изъятых из обращения предметов или предметов, обращение которых ограничено.

Во-вторых, в уголовном законодательстве нашего государства в отдельной плоскости рассматривается незаконное перемещение через таможенную границу ЕАЭС в крупном размере наличных денежных средств или денежных инструментов.

В-третьих, контрабанда рассматривается как преступление против порядка осуществления экономической деятельности, следовательно, всякий вид контрабанды воспринимается как экономическое преступление.

В-четвертых, устанавливается ответственность сугубо за незаконное перемещение предметов через таможенную границу ЕАЭС. Граница нашего государства не рассматривается как место совершения контрабанды.

В-пятых, как квалифицированные виды контрабанды среди иных рассматриваются деяния, совершенные повторно, а также лицом, ранее судимым за контрабанду».

Т. В. Лукашук также указала на ряд практических проблем, связанных с практическим применением для государств – участников ЕАЭС, которые объединены «бланкетным законодательством»:

1. В уголовных законах государств ЕАЭС присутствуют существенные различия, несмотря на наличие единого таможенного законодательства, что, в свою очередь, ведет к появлению определенных рисков, связанных с применением уголовного законодательства об ответственности за контрабанду.

2. В уголовном законодательстве государств ЕАЭС разнятся относительно друг друга определения места совершения контрабанды.

3. В законодательстве государств ЕАЭС отсутствует единый подход к описанию предметов контрабанды.

4. Отсутствует единство в понимании правовой природы контрабанды [4].

Таким образом, Республика Беларусь – это государство, не запретившее перемещение товаров через свои границы, а значит, общественные отношения, существующие в рамках перемещения товаров через таможенную границу, регулируются законодательством Республики Беларусь – участницы ЕАЭС, и законодательство, существующее в рамках данного союза, подлежит применению в странах – участницах ЕАЭС. Все проблемные аспекты контрабанды, общие положения о контрабанде должны быть четко закреплены для выработки единообразного подхода и понимания странами – участницами ЕАЭС.

Контрабанда – это преступление, которое может нанести серьезный удар по экономике не только Республики Беларусь, но и иных стран.

Согласно ст. 21 Конституции Республики Беларусь, «обеспечение прав и свобод граждан Республики Беларусь является высшей целью государства» [6, с. 53], а значит, Республика Беларусь создает условия для обеспечения безопасной жизнедеятельности людей, что объясняет, почему наше государство активно борется за недопущение перемещения контрабанды.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Правоохранительная деятельность [Электронный ресурс] // Таможенные органы Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.customs.gov.by/ru/prav-organu-ru/>. – Дата доступа: 10.11.2018.

2. Лукашов, А. И. Постатейный комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь против собственности и порядка осуществления экономической деятельности. Глава 25. Преступления против порядка осуществления экономической деятельности (статьи 221–261-1) [Электронный ресурс] / А. И. Лукашов // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

3. Договор о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза [Электронный ресурс] : подписан в г. Москва 11 апр. 2017 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

4. Лукашук, Т. В. Сравнительный анализ уголовной ответственности за контрабанду в Республике Беларусь, Республике Казахстан и Республике Армении [Электронный ресурс] / Т. В. Лукашук // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

5. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Зако-

на Респ. Беларусь от 18.07.2017 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

6. Конституция Республики Беларусь 1994 г. : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – Минск, 2006. – 96 с.

УДК 343

А. В. ТУПИЧЕНКО

Гомель, Гомельский филиал Международного университета «МИТСО»

СМЕРТНАЯ КАЗНЬ КАК ИСКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ МЕРА НАКАЗАНИЯ

Проблема смертной казни является весьма сложным и многогранным явлением. Она затрагивает политико-правовые, социально-экономические, нравственно-религиозные, культурно-психологические и другие сферы нашей жизнедеятельности.

В последнее время все чаще и настойчивее раздаются споры об отмене смертной казни. Например, законодательством многих государств вообще не предусмотрено применение данного вида уголовного наказания. Активная дискуссия о смертной казни ведется достаточно давно.

В последние десятилетия во всем мире проявляется тенденция гуманизации наказаний и сокращения смертной казни. Против смертной казни все громче звучат голоса различных международных организаций, как общественных («Международная амнистия»), так и официальных (Совет Европы). Под их влиянием число стран, юридически или фактически отказавшихся от смертной казни, постоянно растет.

Смертная казнь – одно из древнейших наказаний. Она применялась еще до того, как возникло уголовное право в современном смысле этого слова. «Лишение жизни как вид общественной расправы с преступниками встречалось несравненно ранее», – писал один из виднейших российских ученых Н. С. Таганцев [1, с. 57].

Среди ученых и общественных деятелей уже долгие годы идут споры по поводу того, имеет ли право на существование такое наказание, как смертная казнь. Несмотря на то что о смертной казни написано немало, в теоретической разработке этой проблемы еще имеются белые пятна. В частности, как нам представляется, не дано понятие смертной казни. На первый взгляд, кажется ясным, что такое смертная казнь. Это лишение человека жизни. После вступления приговора в законную силу все дела, по которым назначена смертная казнь, проверяются Верховным Судом Республики Беларусь и Генеральной прокуратурой Республики Беларусь, а также рассматриваются Комиссией по помилованию при Президенте Республики Беларусь.

Рассмотрим следующие признаки смертной казни. Наиболее существенный признак смертной казни заключается в том, что она является наказанием. Из этого следует, что ей присущи те черты, которые характеризуют именно эту меру государственного принуждения [2, с. 591].

Сущность любого наказания – кара. Профессор Н. А. Стручков определяет кару как «комплекс установленных законом правоограничений, конкретно выражающихся при применении того или иного наказания». Таким образом, кара представляет собой лишение человека его прав или интересов, уменьшение их объема либо введение особого порядка их осуществления, установление обязанностей, которые обусловлены наказанием и на других граждан обычно не возлагаются [Цит. по: 3, с. 624].

В смертной казни кара проявляется в максимальной степени. У осужденного отнимается самое дорогое, что есть у человека, – жизнь. Естественно, что одновременно

он лишается и всех других прав и интересов. Однако это происходит только после приведения приговора в исполнение. Данный момент является очень существенным, так как до него за осужденным сохраняются многие права. Осужденный имеет целый комплекс специфических прав, которые присущи ему как осужденному к смертной казни. Речь идет о праве обжаловать приговор в кассационном, а в предусмотренных законом случаях и в надзорном порядке, написать и направить ходатайство о помиловании, иметь свидания с адвокатом, с родственниками, со священнослужителем, получение и отправку писем [4, с. 138].

Лицо, приговоренное к смертной казни, до последнего момента своей жизни остается гражданином Республики Беларусь. В связи с этим ему присущи некоторые общегражданские права (с учетом, разумеется, его правового положения): например, распорядиться своим имуществом (естественно, кроме того, которое конфискуется по приговору суда). Все исследователи данного вида наказания отмечают, что смертная казнь вызывает страдания. Это, бесспорно, является признаком любого наказания, но применительно к смертной казни нельзя не отметить весьма существенной особенности. Осужденный к смертной казни ощущает страдания в момент вынесения ему приговора и ожидания результатов рассмотрения поданных им жалоб, ходатайства о помиловании. В этой ситуации у большинства осужденных появляется страх смерти, который нередко сочетается с осознанием безысходности своего положения, иногда с осознанием вины, иногда без. Во многих странах были, а в некоторых есть и сейчас такие способы смертной казни, как забрасывание камнями, четвертование, колесование, сожжение и др. [5, с. 56]. Такие способы вызывают дополнительные физические страдания, унижая при этом человеческое достоинство. Однако цивилизованные страны стараются найти другие способы смертной казни, связанные с минимальными страданиями для осужденного. К их числу относится, в частности, расстрел, применение электрического стула, газа, усыпление [6, с. 153].

В Беларуси смертная казнь приводится в исполнение путем расстрела. Говоря о страданиях, которые вызывает осуждение к смертной казни, следует иметь в виду также страдания родных и близких приговоренного. Если страдания последнего прекращаются в момент приведения в исполнение приговора, то близкие расстрелянного особенно остро начинают ощущать свою потерю именно в это время. Это обстоятельство можно рассматривать как третий признак смертной казни. Изложенное позволяет сформулировать четвертый признак смертной казни: она является самым суровым наказанием. Это в первую очередь предопределяется тем, что осужденный лишается самого ценного блага человека – жизни.

Четвертый признак заключается в том, что, как и всякое наказание, смертная казнь является принуждением, применяется независимо и, как правило, вопреки желанию осужденного. Если виновный, раскаиваясь, сам принимает решение уйти из жизни – налицо самоубийство, а не наказание. Исходя из вышесказанного, возникает вопрос о правовой регламентации права осужденного на помилование. Основанием для рассмотрения вопроса о помиловании в обязательном порядке должна быть просьба осужденного, поскольку человек вправе самостоятельно решать, хочет ли он продолжить жить или нет.

Пятый признак смертной казни – она применяется от имени государства. Любой приговор, в том числе и смертный, всегда начинается словами «Республики Беларусь». Это значит, что государство своей властью санкционирует приговор, выносимый от его имени надлежаще уполномоченным судом. Законность, обоснованность, справедли-

вость приговора проверяется соответствующими органами государства. Поэтому смертной казнь не могут считаться случаи самосуда.

Шестой важный признак смертной казни – она применяется только по приговору суда. К сожалению, в истории нашей страны были печальные периоды массовых внесудебных расправ над гражданами. Особенно широкое распространение они получили в 30-е гг. XX в., когда огромное количество людей расстреливалось по постановлениям различных особых совещаний «троек» и «специальных присутствий». Хотя внешне такие расправы и напоминали смертную казнь, но были не законны по причине того, что не проходили судебную процедуру. Статья 49 Конституции Республики Беларусь провозглашает, что «каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда». Тем более это касается преступлений, за которые может быть назначена смертная казнь.

Следующий признак смертной казни – она может быть назначена только за преступление, т. е. за деяние, предусмотренное в Уголовном кодексе (далее – УК). Недопустимо назначение этого наказания за деяние, прямо не предусмотренное в Особенной части УК. Однако и здесь есть особенность, касающаяся только смертной казни. Конституция указывает, что рассматриваемое наказание устанавливается только за особо тяжкие преступления против жизни [7, с. 257].

Далее, смертная казнь может назначаться только лицу, признанному виновным в совершении преступления. Данный признак применительно к смертной казни имеет свои особенности. Хотя в ст. 20 Конституции Республики Беларусь не говорится о том, что смертная казнь может применяться лишь к виновным в совершении умышленного преступления, такое положение, безусловно, должно быть указано, даже если речь идет о преступлении, повлекшем весьма тяжкие последствия. Согласно Конституции Республики Беларусь, смертная казнь может устанавливаться «впредь до ее отмены». Укажем еще на один – восьмой – признак смертной казни как меры наказания: достаточно редкое ее применение за последнее время.

Смертная казнь представляет собой наказание, выражается в особых страданиях осужденного, вызывает страдания родных и близких приговоренного после приведения приговора в исполнение, представляет собой самое суровое наказание; являясь принуждением, применяется независимо от желания осужденного; применяется от имени государства и применяется только по приговору суда.

Наказание в виде пожизненного заключения применяется только в качестве исключительной меры наказания как альтернатива смертной казни за преступления, сопряженные с умышленным лишением жизни человека при отягчающих обстоятельствах. Смертная казнь в порядке помилования может быть заменена пожизненным заключением. Смертная казнь – это такая исключительная мера наказания, которая заключается в лишении жизни осужденного посредством расстрела, применение которой допустимо лишь за некоторые особо тяжкие преступления, сопряженные с умышленным лишением жизни человека при отягчающих обстоятельствах. Подход УК Республики Беларусь сегодня является наиболее оптимальным с учетом общественной и политической ситуации, сложившейся в Беларуси, и соответствует общественным ожиданиям.

От того что в законодательстве Беларуси сохраняется смертная казнь, мы не стали менее демократичным государством. В нашей стране, как и в других странах, случаются чудовищные по своей жестокости преступления.

Практика, всевозможные свидетельства показывают, что суровые наказания, в том числе смертная казнь, нигде и никого не утрашали, исключая лишь тех, кто либо не совершает преступления вовсе, либо не совершает такие преступления, за которые закон устанавливает суровые наказания. Обусловлено это тем, что применение суровых наказаний чаще всего угрожает только преступникам, которые в силу различных причин их не боятся или игнорируют. Отголоски такого отношения к смертной казни характерны и для общественного мнения Республики Беларусь, которая хотя значительно и сократила ее применение, но все же оставила в качестве сдерживающего фактора. Как показал референдум 1996 г. по этому вопросу, общество еще не готово к полной отмене смертной казни. Это дело будущего. Однако недалеко то время, когда смертная казнь исчезнет из уголовного кодекса Беларуси и законодателям, общественным деятелям само рассуждение о необходимости и справедливости ее применения будет казаться таким же странным, как рассуждение о возможности применения к преступникам четвертования, колесования, сожжения и тому подобных видов казни прошлого. Однако не следует рассматривать вопрос об отмене либо сохранении смертной казни в отрыве от существующих реалий, без учета интересов общества, без понимания необходимости защиты прав его граждан.

На основе всестороннего анализа и взвешенных оценок, свободных от устоявшихся догм и иллюзий, с учетом того, что развитие уголовного законодательства в Республике Беларусь осуществляется в соответствии с международными стандартами и требованиями гуманизации пенитенциарной системы, необходимо проводить целенаправленную работу по постепенному сужению сферы применения смертной казни, а в дальнейшем и полному отказу от этого вида наказания.

Несомненно, история белорусского уголовного права развивается в направлении отмены смертной казни. Сейчас это практически никем не отрицается. Спорным является другой вопрос: созрели ли в Республике Беларусь условия для немедленной отмены смертной казни или должно пройти какое-то время, чтобы страна была готова к этому шагу? Преждевременное решение его может привести к отрицательным последствиям, что дискредитирует отмену смертной казни или даже вызовет необходимость восстановления ее, как это бывало уже не раз в истории нашего государства. Как представляется, последующим из числа возможных (в определенной мере осторожных) шагов по решению проблемы смертной казни может быть признано введение моратория на ее применение (Законом или Указом (Декретом) Президента Республики Беларусь) с постановкой перед компетентными органами задачи всестороннего и глубокого исследования влияния данного решения на состояние преступности и развитие общественного мнения (отслеживание ситуации). Решение же вопроса о том, когда этот шаг следует предпринять, целиком зависит от воли законодателя.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Таганцев, Н. С. Уголовное право. Общая часть : практикум / Н. С. Таганцев. – Минск : Изд-во МИУ, 2012. – 57 с.
2. Круглов, В. А. Уголовное право. Особенная часть : курс лекций / В. А. Круглов. – Минск : Амалфея, 2012. – 591 с.
3. Тащилин, М. Н. Уголовная ответственность и формы ее реализации / М. Н. Тащилин. – Минск : Амалфея, 2004. – 624 с.
4. Примаченок, А. А. Уголовное право Республики Беларусь. Общая часть : учеб. пособие / А. А. Примаченок. – Минск : Междунар. ун-т «МИТСО», 2012. – 138 с.

5. Ромашкин, П. С. Курс советского уголовного права / П. С. Ромашкин, А. А. Пионтковский, В. М. Чхиквадзе. – М. : Наука, 2000. – 56 с.

6. Мичулис, Э. Ф. Уголовное право. Общая часть : практикум / Э. Ф. Мичулис. – Минск : Изд-во МИУ, 2012. – 153 с.

7. Черниловский, З. М. Хрестоматия по всеобщей истории государства и права / З. М. Черниловский. – М. : ТетраСистемс, 1994. – 257 с.

УДК 343.233

А. Н. ЦУПРИК

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина

ПРИЗНАКИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО (ДЕЛОВОГО) РИСКА КАК ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ИСКЛЮЧАЮЩЕГО ПРЕСТУПНОСТЬ ДЕЯНИЯ

Проблема экономического (делового) риска как обстоятельства, исключающего преступность деяния, в основном связана с ответственностью руководителей субъектов предпринимательской деятельности. Нередко решения, способные обеспечить высокие результаты, и есть самые рискованные, при этом именно они зачастую приносят большие денежные и материальные потери. И тогда над руководителями в силу специфики их правового положения нависает угроза привлечения к уголовной ответственности за должностное преступление. Часто действия руководителей оцениваются с позиции наличия коррупционных рисков, корыстного злоупотребления своими обязанностями. По нашему мнению, такой подход применительно к экономическому (деловому) риску неприемлем, так как блокирует социально-экономическую активность руководителей.

Поэтому принятие субъектом управления экономической деятельностью решения, направленного на достижение определенного экономического результата, реализация которого обременена риском наступления нежелательных экономических последствий, существенно актуализирует проблему принятия рискованных действий в объективно рискованной экономической деятельности, а также конструкцию обоснования пределов и оснований ответственности данного субъекта в сфере управления экономической деятельностью. Естественно, обоснованность принятия и реализация рискованного экономического решения должна оцениваться в контексте общих рисков экономической деятельности, т. е. на возможность достижения поставленной экономической задачи посредством принятия стандартизированных нерискованных экономических решений и их реализации. Наконец, само рискованное решение должно оцениваться на вариативность и обоснованность по отношению к другим рискованным экономическим решениям [1, с. 29].

Риск, как правило, с уголовно-правовой позиции приобретает значение, когда рисковая деятельность приводит к причинению вреда интересам, охраняемым уголовным законом. Поэтому, чтобы определить признаки экономического (делового) риска как уголовно-правового явления, и в частности как обстоятельства, исключающего преступность деяния, необходимо абстрагироваться от общих признаков, присущих социальному либо экономическому риску, принимая во внимание специфику уголовно-правовых явлений в контексте предпринимательства. Такое исследование признаков анализируемого понятия будет иметь практическое значение.

Начнем рассмотрение признаков делового риска через призму социально-философской стороны. Правомерный риск проявляется в конкретной ситуации риска,

которой свойственны признаки, присущие социальному риску (деятельность, неопределенность, вероятность, альтернативность, противоречивость, опасность и т. д.) [2, с. 68].

По нашему мнению, экономическому (деловому) риску присущи все вышеперечисленные признаки – как деятельности, происходящей в ситуации риска, но имеющей свои особенности уголовно-правового и экономического характера.

Далее рассмотрим категорию «деловой риск» с позиции соотношения социально-философской стороны риска с уголовно-правовой и экономической его сущностью как обстоятельства, исключающего преступность деяния. На основании проведенного анализа и выделенных признаков попытаемся определить понятие экономического (делового) риска.

Основываясь на законодательном оформлении нормы об экономическом (деловом) риске, можно выделить следующие его основные признаки: 1) решение и деятельность по его осуществлению; 2) степень их рискованности и (или) вредности; 3) вероятность (неопределенность) достижения цели и наступления вредных последствий; 4) противоречивость; 5) альтернативность; 6) подготовленность; 7) обоснованность с точки зрения поставленной экономической задачи; 8) социально-экономическая ориентированность; 9) экономическая целесообразность.

Так, первый указанный нами признак – решение и деятельность по его осуществлению. В уголовно-правовом формате рискованная деятельность – это деяние, совершенное в условиях обоснованного риска. Изучение рискованной деятельности уголовно-правовой наукой имеет свою определенную специфику, отличающуюся от других областей знаний, в том числе социальной и экономической.

В ч. 2-1 ст. 39 Уголовного кодекса (далее – УК) Республики Беларусь экономический (деловой) риск представлен в виде «деяния (решения)».

Деяние в уголовном праве – акт осознанно-волевого поведения в форме действия или бездействия, повлекший общественно опасные последствия [3].

В теории уголовного права преступное деяние определяется как акт антисоциального, отклоняющегося от нормы человеческого поведения, посягающий на общественные отношения, охраняемые уголовным законом. Представляет собой единство физического и психического, т. е. осознанное действие человека, выраженное в подконтрольном сознанию, мотивированном действии или бездействии, охватываемом той или иной статьей уголовного закона. Преступное деяние по своим объективным свойствам является общественно опасным действием или бездействием, а по субъективным – виновным деянием, всегда совершенным с определенной целью и по определенным мотивам [4, с. 582]. Выделим здесь, что данное деяние прежде всего виновно-упреждающее, т. е. вина – это упрек, недолжное деяние, в то же время риск – это должное деяние, где нет вины, а есть осознание возможности неудачи и возникновения нежелательных последствий.

В уголовном праве действие – активная форма внешнего волевого поведения человека, а бездействие – пассивная форма внешнего волевого поведения, которая заключается в уклонении лица от определенных действий, которые оно обязано было и могло совершить в сложившихся условиях и при данных обстоятельствах. Большинство преступлений совершаются лишь путем действий (иногда деятельности), т. е. в результате активности человека [5].

Применительно к экономическому (деловому) риску, который распространяется на материально-экономическую сферу деятельности, признак деятельности выражается исключительно в виде принятия управленческих решений руководителем субъекта хозяйствования. Такое управленческое решение является осознанным волевым актом

поведения, которое преследует цель достижения общественно полезной цели в виде экономически выгодного результата с меньшими затратами времени, сил и материальных средств. И такое управленческое решение будет трактоваться в рамках делового риска, даже если указанные цели могли быть достигнуты и не рисковыми действиями (решениями), но это потребовало бы больше времени, сил и средств, а при принятии рискованного решения руководителем субъекта хозяйствования была объективная возможность достичь этих целей с меньшими затратами (социально-экономическими издержками).

Следующий рассматриваемый признак – это степень рискованности и (или) вредности решения и деятельности по его осуществлению в условиях экономического (делового) риска, имеющий существенное значение в определении последнего, как злоупотребление категорией предпринимательского риска, который объективно присущ экономической деятельности.

Вообще связь риска с возможностью потерь или убытка является его характерной чертой [6, с. 117].

Опасность как признак при деловом риске проявляется в виде возникновения нежелательных в экономическом отношении последствий как для себя, так и для иных субъектов экономической деятельности, и при этом данное деяние не является преступлением, хотя формально содержит признаки преступного деяния. Здесь необходимо отметить, что причинение материально-экономического вреда является завершающей стадией делового риска, так как если в результате реализации рискованного деяния материально-экономический вред не был причинен, то в такой ситуации нельзя говорить о ситуации оценки риска в контексте обстоятельства, исключающего преступность деяния.

Из опасности риска объективно вытекает его вредность, так как решающим элементом института делового риска является именно причинение вреда охраняемым интересам, а не вероятность его причинения. Вред с позиции делового риска представляется как убытки или ущерб от управленческих решений руководителя субъекта хозяйствования.

Вредность делового риска проявляется в виде нежелательных последствий вследствие принятия прогностически обоснованных, но вместе с тем рискованных решений. Несмотря на предпринятые меры, вред все же наступает в виде нежелательных материально-экономических последствий, может быть направлен как на себя, так и на иных субъектов экономической деятельности, может наступить незамедлительно или по прошествии времени. Такие последствия имеют сугубо материально-правовой характер в форме потерь имущества, денежных средств и предполагаемых доходов.

В экономической сфере деятельности, так же как и в других областях человеческой деятельности, постоянно приходится иметь дело с событиями, которые невозможно точно предсказать. Так, объем продаж товара зависит от спроса, который может существенно изменяться, и от ряда других факторов, которые учесть очень сложно. Поэтому при организации деятельности предприятия приходится в целях оценки вероятности положительного результата принимаемого решения учитывать или специально организовывать множество условий и факторов. Выявление положительного результата от определенных решений или действий носит вероятностный характер, так как оно может произойти или не произойти.

Когда говорят о вероятности риска, имеют в виду непредсказуемость, неопределенность и эвентуальность данной категории, которые и придают риску свойства опасности и вредности.

Риск составляет объективно неизбежный элемент принятия любого хозяйственного решения в силу того, что неопределенность – неизбежная характеристика условий хозяйствования. В реальной ситуации решение, принимаемое субъектом предпринимательства, почти всегда сопряжено с риском, который обусловлен наличием ряда непредвиденных факторов неопределенности. Предпринимательский риск имеет объективную основу из-за неопределенности внешней среды, включающей в себя объективные экономические, социальные и политические условия, в рамках которых осуществляется предпринимательская деятельность и к динамике которых необходимо приспосабливаться. Иными словами, для получения экономической прибыли субъект предпринимательства должен осознанно пойти на принятие рискованного решения [7, с. 56].

Вероятность (неопределенность) достижения цели и наступления вредных последствий в условиях экономического (делового) риска, как управление предпринимательским риском, проявляется в невозможности однозначно предвидеть результат принимаемых управленческих решений – достижение полезных экономических результатов либо причинение экономического ущерба. Вероятность характеризует реальность риска, т. е. возможность наступления рискованных обстоятельств в виде причинения вреда.

Зачастую проявления риска в социальной практике не могут быть оценены однозначно именно в силу их разнообразности, так как соотношение возможных положительных и неблагоприятных последствий в результате осуществления той или иной альтернативы различно. Это обуславливается и тем, что наряду с вышеуказанными признаками риск по своей сути носит противоречивый характер [2, с. 72].

Противоречивость является следующим признаком делового риска и проявляется в том, что наряду с деятельностью, направленной на достижение общественно полезной цели, лицо, идущее на деловой риск, должно осознавать возможные отрицательные последствия своего решения. В условиях риска как минимум один из вариантов развития событий предполагает возникновение убытков, недополучение прибыли или невыполнение поставленных целей [8, с. 52].

Важным признаком риска является альтернативность – способность выбора одной из двух или нескольких возможностей, указывающая на то, были ли другие рискованные и нерискованные возможности достигнуть цели. Как отмечает А. П. Альгин, там, где нет выбора, не возникает рискованная ситуация и, следовательно, не будет риска [9, с. 21].

Альтернативность делового риска просматривается в том, что поставленная цель могла быть достигнута и нерискованными управленческими решениями, но с меньшим экономическим результатом. То есть руководитель субъекта хозяйствования оказывается перед выбором: то ли пойти проверенным путем, но с большими экономическими потерями, то ли пойти на риск, предусматривая возможность достигнуть цели быстрее и с большей экономической выгодой. Такой выбор является субъективным правом рискующего лица, основанном на внутреннем убеждении о невозможности достижения положительного экономического результата другими, нерискованными деяниями (решениями).

До внесения изменений в ст. 39 УК Республики Беларусь руководитель субъекта хозяйствования не имел такой альтернативности выбора, он мог принимать решение, связанное с риском причинения вреда, лишь в случае отсутствия других возможностей достижения цели, что априори пресекало какую-либо инициативность и инновационность решений руководителя.

Следующий признак – подготовленность, заключающийся в том, что рискующее лицо обоснованно рассчитывало, что предприняло все возможные меры для предот-

вращения вреда правоохраняемым интересам. И здесь важным является то, что в этом случае должна учитываться именно субъективная уверенность рискующего лица в том, что им предприняты все возможные меры.

Еще один признак, который присущ сугубо правомерному риску, – это признак обоснованности с точки зрения поставленной экономической задачи. Обоснованность включает в себя соблюдение всех условий правомерности обоснованного риска, закрепленных законодателем в соответствующей статье УК Республики Беларусь. В частности, рискованное деяние (решение) может быть признано совершенным в условиях делового риска при соблюдении всех условий правомерности, закрепленных ст. 39 УК Республики Беларусь, а также специфичных условий правомерности для делового риска, установленных ч. 2-1 ст. 39 УК Республики Беларусь.

Для признания рискованного деяния правомерным необходимо, чтобы оно было направлено на достижение общественно полезной цели, что соответствует отечественной экономике «социально ориентированного типа» [10, с. 8]. Социально-экономическая ориентированность как признак делового риска означает, что он связан с рискованной экономической (предпринимательской) деятельностью и предназначен для достижения общественно полезной цели сугубо материально-экономического характера.

Критерий защиты социально значимого интереса тесно переплетен с критерием экономической целесообразности, поскольку экономический критерий риска встроен в социальные отношения [11, с. 78].

Следующий признак – это экономическая целесообразность делового риска. Вопрос об экономической целесообразности возникает тогда, когда старыми способами уже невозможно достичь желаемо-полезных экономических результатов, и необходимо использовать новые, не опробованные, а потому рискованные методы. Возникает необходимость в модернизации производства, введении новых методов, новых видов продаж и т. д.

Субъект хозяйствования стремится достичь известной цели новыми методами или ставит перед собой новую цель и ищет новые средства ее достижения [12, с. 4].

И хотя сама по себе экономическая деятельность в аспекте получения социально-рентабельной прибыли объективно рискованна по отношению к ее социальному результату, тем не менее все действия и решения должны быть экономически обоснованными и целесообразными.

Таким образом, подробно рассмотрев признаки категории «экономический (деловой) риск» сделаем вывод о том, что уяснение его признаков важно для дальнейшего правильного применения его на практике и определения понятия «экономический (деловой) риск».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хомич, В. М. Институционализация делового риска в экономической деятельности в качестве обстоятельства, исключаящего преступность злоупотребления профессиональным правом на предпринимательский риск для решения значимой экономической задачи / В. М. Хомич // Право.by. – 2015. – № 5 (37). – С. 24–31.
2. Козаев, Н. Ш. Обоснованный риск как обстоятельство, исключаящее преступность деяния : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Н. Ш. Козаев ; Моск. акад. МВД России. – М., 2000. – 174 л.
3. Деяние в уголовном праве [Электронный ресурс] // Википедия. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Деяние_в_уголовном_праве. – Дата доступа: 08.10.2017.

4. Большой юридический словарь / авт. и сост. А. Б. Борисов. – М. : Книж. мир, 2010. – 848 с.

5. Общественно опасное действие или бездействие [Электронный ресурс] // Энциклопедия экономиста. – Режим доступа: <http://www.grandars.ru/college/pravovedenie/opasnoe-deystvie.html>. – Дата доступа: 08.10.2017.

6. Лелюхин, С. Е. Экономическая безопасность в предпринимательской деятельности : учебник / С. Е. Лелюхин, А. М. Коротченков, У. В. Данилова. – М. : Проспект, 2016. – 336 с.

7. Шевченко, И. К. Организация предпринимательской деятельности : учеб. пособие / И. К. Шевченко. – Таганрог : Таганрог. гос. радиотехн. ун-т, 2004. – 92 с.

8. Булатов, А. Е. Предпринимательский риск в системе экономических отношений / А. Е. Булатов, А. И. Бородин // Инженер. вестн. Дона. – 2015. – № 2–2. – С. 44–56.

9. Альгин, А. П. Риск и его роль в общественной жизни / А. П. Альгин. – М. : Мысль, 1989. – 187 с.

10. Ноздрин-Плотницкий, М. И. Социально ориентированная экономика Республики Беларусь: механизм действия и направления эволюции на рубеже веков / М. И. Ноздрин-Плотницкий, В. В. Ожигина // Вестн. Белорус. гос. экон. ун-та. – 2006. – № 2. – С. 5–10.

11. Мартиросян, А. Г. Теория риска в гражданском праве РФ : монография / А. Г. Мартиросян. – М. : Проспект, 2015. – 145 с.

12. Степанов, А. Н. Предпринимательский риск в системе экономических отношений : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.01 / А. Н. Степанов ; Чуваш. гос. ун-т им. И. Н. Ульянова. – Чебоксары, 2004. – 22 с.

УДК 343.2/.7

Д. В. ШАБЛИНСКАЯ

Минск, Институт экономики Национальной академии наук Беларуси

ОПЫТ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО УСТАНОВЛЕНИЯ ИНЫХ МЕР УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Происходящие в последние годы социально-экономические преобразования оказывают существенное влияние на трансформацию охранительных мер, направленных на защиту личности, общества и государства от общественно опасных посягательств. Обозначенная тенденция, интенсивно развивающаяся в условиях демократизации всех сфер общественного развития, требует соответственного изменения подходов к дальнейшему совершенствованию уголовного законодательства. К числу таковых направлений следует отнести появление и нормативное закрепление в уголовных законах многих зарубежных государств института «иных мер уголовно-правового воздействия», позволяющего не только эффективно, но и экономически разумно бороться с преступностью, выполняя при этом превентивные задачи.

Для получения нового знания наука уголовного права использует различные приемы (способы) научного познания, важнейшая роль среди которых отводится сравнительно-правовому методу. Использование данного метода в рамках выполнения научного исследования по заданию «Правовые и организационные механизмы воздействия на преступность и правонарушения в контексте защиты национальных интересов и иных приоритетов современной правоохранительной политики» подпрограммы «Право» ГПНИ на 2016–2020 гг. «Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества» уже позволило сформулировать ряд выводов об институционализации иных мер уголовно-правового воздействия

на основе изучения уголовного законодательства государств – участников СНГ. Отдельными партнерами Республики Беларусь по региональной интеграции достигнуты значительные успехи в области развития системы мер уголовно-правового воздействия за счет переоценки роли и места наказания в сфере борьбы с преступностью, расширения спектра средств принуждения, формирования поощрительных мер. Данные изменения имеют различную направленность: повышение эффективности посткриминального контроля и создание реальных возможностей ресоциализации осужденных, формирование состояния безопасности современного общества, соответствие меняющимся условиям криминогенной обстановки, восстановление социальной справедливости и создание новой уголовно-правовой идеологии.

Для дальнейшего сравнительного анализа иных мер уголовно-правового воздействия были отобраны уголовные законы ряда государств Западной Европы (Австрия, Германия, Латвия, Нидерланды, Эстония) с учетом наличия некоторых особенностей уголовно-правовых моделей законодательного установления иных мер уголовно-правового воздействия [1–5]. Рассмотрим правовое регулирование иных мер уголовно-правового воздействия в уголовном законодательстве отобранных для исследования государств.

В соответствии с *уголовным законом Австрии (Strafgesetzbuch, StGB) 1974 г.* [1], наказание и иные уголовно-правовые меры систематизированы в едином структурном элементе нормативного правового акта. Законодатель установил виды наказаний (по сути, их два – тюремное заключение и денежный штраф) и закрепил ряд иных уголовно-правовых мер. Первая из них – изъятие выгоды – предполагает выплату денежной суммы в размере полученного или принятого незаконного обогащения в результате совершения запрещенного под угрозой деяния, в том числе при совершении продолжаемого или повторного преступления (§ 17), если лицо приобретает имущественные выгоды или принимает их для совершения преступления. При определении размера выплаты должны быть учтены выгоды, которые поступают в связи с совершенным преступлением, и их законное положение является сомнительным. Выплата денежной суммы, назначаемой судом в размере наступившего обогащения, должна быть предписана лицу также и тогда, когда имущественные выгоды поступают к нему в связи с его участием в преступной организации (§ 278 а).

В соответствии с положениями § 20, если кто-то обогатился в результате совершения другим лицом деяния, запрещенного под угрозой наказания, или непосредственно и незаконно обогатился за счет имущественной выгоды, полученной при совершении данного деяния, тот приговаривается к выплате денежной суммы в размере такого обогащения. К выплате денежной суммы приговаривается также юридическое лицо или товарищество, если оно обогатилось за счет совершения преступления. Выгода может быть изъята и у правопреемника. Если имущественную выгоду получило несколько лиц, то каждое приговаривается с учетом его участия в обогащении. Если часть полученного ими обогащения не может быть установлена, то суд определяет его размер по своему усмотрению. Так, § 20 а уголовного закона Австрии устанавливает возможность отказа от изъятия выгоды.

Следующей уголовно-правовой мерой является изъятие предметов (§ 20 б). В соответствии с положениями данной нормы имущественные ценности, которые находятся в распоряжении преступной организации (§ 278 а), подлежат изъятию. Также в законе устанавливаются основания для отказа от изъятия (§ 20 с).

Уголовный закон Австрии содержит традиционную меру, применяемую к лицам, имеющим психические отклонения и совершившим деяния, находясь в состоянии, исключающем вменяемость (§ 11), которое основывается на духовном или душевном отклонении высокой степени (§ 21), – помещение в учреждение для правонарушителей, имеющих психические отклонения. Одновременно с решением суда

о наказании помещению в учреждение для правонарушителей, имеющих психические отклонения, назначается также и тому, кто, не будучи невменяемым, под влиянием своего духовного или душевного отклонения высокой степени совершает деяние, наказуемое лишением свободы на срок более одного года.

Принудительной мерой в случаях, предусмотренных уголовным законом Австрии, выступает и помещение в учреждение для правонарушителей, страдающих наркоманией или алкоголизмом (§ 22).

Примечательно, что самостоятельной уголовно-правовой мерой, применяемой наряду с тюремным заключением, согласно § 23 уголовного закона Австрии, выступает помещение в учреждение для опасных рецидивистов.

Важной уголовно-правовой мерой, согласно уголовному закону Австрии, является конфискация (§ 26). Предмет конфискации составляют предметы, использованные лицом при совершении запрещенного под угрозой наказания деяния, которые были предназначены для того, чтобы использовать их при совершении этого деяния, или те, которые были получены в результате совершения этого деяния, а также предметы, которые в силу особых свойств могут быть использованы при совершении запрещенных под угрозой наказания деяний. Если условия конфискации выполнены, предметы конфисковываются, даже если ни одно конкретное лицо не может быть привлечено к уголовной ответственности или осуждено за наказуемое преступление.

К уголовно-правовым мерам следует отнести отстранение от должности (§ 27 уголовного закона Австрии), что предполагает утрату должностным лицом должности в случае, если оно приговаривается к тюремному заключению.

Таким образом, особенности правового регулирования иных мер уголовно-правового воздействия по австрийскому уголовному законодательству заключаются в том, что они не установлены в качестве самостоятельного института. Данные меры определяются вместе с наказанием и не выделены в некую родовую категорию. Правовая природа иных мер уголовно-правового воздействия в уголовном законе не дифференцирована.

Уголовный закон Германии (Strafgesetzbuch, StGB) 1871 г. [2] предусматривает несколько видов иных мер уголовно-правового воздействия. Большая часть из них закреплена в гл. 6 в качестве мер исправления (восстановления) и безопасности. Отдельной главой регулируется применение конфискации.

К числу мер, определенных как меры исправления (восстановления) и безопасности, относятся помещение в психиатрическую больницу, помещение в учреждение изоляции для алкоголиков или наркоманов, превентивное заключение, установление надзора, лишение разрешения управлять автотранспортным средством, запрет заниматься профессиональной деятельностью (дисквалификация). Применение данных мер основано на принципе пропорциональности, что означает, что та или иная мера не может быть применена, если она несоразмерна значению преступлений, совершенных или ожидаемых от виновного, и степени опасности, которую он представляет для общества. Уголовный закон допускает в случае необходимости сочетание нескольких мер, причем последовательность их исполнения определяется судом. Если к конкретной ситуации допустимо одновременно несколько мер, но применяется лишь одна из них, то это должна быть та мера, которая наименее тяжела для лица, совершившего деяние. В данном положении реализуется принцип экономии репрессии в той части, которая отражает гуманное отношение к виновному лицу.

Не приводя детальную характеристику мер исправления и безопасности, урегулированных уголовным законом Германии, отметим одну из особенностей запрета заниматься профессиональной деятельностью. Так, в соответствии с § 70 запрещение заниматься определенной профессиональной деятельностью может быть назначено на опре-

деленный в законе срок (от одного года до пяти лет) либо навсегда, если можно ожидать, что максимально установленный срок запрещения не является достаточным для предотвращения опасности, исходящей от данного лица.

Конфискация имущества также детально урегулирована в уголовном праве Германии. Уголовный закон предусматривает несколько видов конфискации. В соответствии с § 73, если совершено преступление и исполнитель или участник приобрел что-либо от деяния или посредством него, то суд назначает конфискацию этого приобретения. Конфискация распространяется также на извлеченную выгоду. Она может обращаться и на предметы, которые приобрели исполнитель или участник путем отчуждения приобретенного предмета или в качестве компенсации за его разрушение, повреждение, или изъятие, или на основе приобретенного права. Если исполнитель или участник действовали в интересах другого лица, и в результате этого последний получил какую-то имущественную выгоду, то решение о конфискации распространяется на это лицо. Конфискация предмета назначается и тогда, когда он принадлежит или находится в распоряжении третьего лица, которое получило его в результате деяния или каким-то иным образом, зная об обстоятельствах деяния. Уголовный закон допускает конфискацию денежной суммы взамен имущества.

§ 73 d предусматривает расширенную конфискацию предметов исполнителя или участника в случаях, когда обстоятельства дают основание полагать, что эти предметы получены для совершения противоправных деяний или в результате их совершения.

Таким образом, немецкое законодательство закрепляет широкий спектр иных мер уголовно-правового воздействия. Особенностью немецкого уголовного закона в части регулирования данных мер является отнесение к таковым ряда мер, сопряженных с ограничением или лишением лица свободы (меры изоляции, меры лишения свободы).

Уголовный закон Латвийской Республики (Kriminallikums) 1998 г. [3] не систематизировал иные меры уголовно-правового воздействия в единой главе, несмотря на наличие таковых в уголовном законе. Меры для физических лиц, которые могут быть отнесены к иным мерам уголовно-правового воздействия, предусмотрены в гл. IV «Наказание», а для юридических лиц данные меры размещены в гл. VIII¹ и определены как принудительные меры воздействия. Отдельным структурным элементом латвийского уголовного закона определена специальная конфискация имущества (гл. VIII²).

Полагаем, ряд дополнительных наказаний, закрепленных в гл. IV уголовного закона Латвии, по своей правовой природе может быть отнесен не к наказаниям, а к иным мерам уголовно-правового воздействия. Речь о таких мерах, как полицейский надзор (ст. 45) и надзор пробации (ст. 45¹). Полицейским надзором является дополнительное наказание, назначаемое судом в качестве принудительной меры для надзора за поведением лица, освобожденного из места лишения свободы, и подчинения этого лица ограничениям, указанным учреждением полиции.

Надзором пробации является дополнительное наказание, назначаемое судом или предписанием прокурора о наказании в качестве принудительной меры для обеспечения надзора за поведением осужденного лица или лица, в отношении которого дополнительное наказание установлено предписанием прокурора о наказании, для содействия ресоциализации этого лица и предотвращения совершения им новых преступных деяний. Надзор пробации может быть применен только в предусмотренных Особой частью уголовного закона случаях на срок от одного года до трех лет. Прокурор при установлении в предписании о наказании надзора пробации может применить не более половины предусмотренного соответствующей статьей максимального срока надзора пробации. В специально определенных в законе случаях к лицу мо-

жет быть применен надзор пробации на более длительный срок, но не более пяти лет. Во время надзора пробации осужденным лицом или лицом, в отношении которого дополнительное наказание установлено предписанием прокурора о наказании, выполняются установленные Государственной службой пробации обязанности.

В гл. VIII² урегулирована конфискация имущества, полученного преступным путем. Данный предмет конфискации определен как имущество, которое находится в собственности или владении лица, прямо или косвенно связанное с совершением уголовного преступления. Уголовный закон Латвии предусматривает и так называемую расширенную конфискацию. Так, если стоимость имущества не соразмерна с законным доходом лица, и лицо не доказывает, что имущество было приобретено на законных основаниях, имущество подлежит конфискации, если лицо: 1) совершило преступление, которое по своей природе направлено на материальную или другую выгоду; 2) является членом организованной группы или поддерживает ее; 3) связано с терроризмом.

Уголовным законом Латвии предусматривается также принудительное изъятие имущества, связанного с уголовным преступлением. Предметом такой конфискации является имущество, связанное с преступлением и запрещенное к обращению, или имущество, свойство которого обуславливает совершение при помощи его уголовного преступления. Предмет такого изъятия могут составлять активы, связанные с уголовным преступлением, животные.

Латвийский уголовный закон также предусматривает возможность специальной конфискации транспортного средства, принадлежащего лицу, совершившему преступление против безопасности под воздействием алкогольных, наркотических, психотропных, токсичных или других отравляющих веществ.

Изучение уголовного закона Латвии позволяет заключить, что для него характерно закрепление отдельных мер уголовно-правового воздействия в качестве уголовных наказаний. Виды наказаний или иных мер уголовно-правового воздействия для преступлений и проступков не закрепляются отдельно в виде самостоятельных либо различных мер, а различаются только размером или сроком меры. Отдельная подсистема мер устанавливается для юридических лиц.

Уголовный закон Нидерландов (Wetboek van Strafrecht) 1881 г. [4] определяет иные меры уголовно-правового воздействия в качестве самостоятельного института. Терминологически он именуется «меры» и закрепляется в р. II А. К таковым мерам относятся конфискация и лишение незаконно полученных доходов и заключение под стражу в психиатрическую больницу и помещение на принудительное лечение. Конфискация предметов, на которые наложен арест, может быть назначена вместе со всеми видами наказаний и другими мерами (ст. 36 b). Предмет конфискации закреплен в ст. 36 c и ст. 36 d. По заявлению Службы публичного обвинения в предусмотренных уголовным законом случаях отдельным судебным решением лицу, осужденному за уголовное правонарушение, может быть вменено в обязанность заплатить сумму денег государству, чтобы лишить это лицо незаконно полученных доходов (ст. 36 e). Сумму, в которую оцениваются незаконно полученные доходы, определяет судья с учетом изъятия издержек. При определении суммы, которой оцениваются незаконно полученные доходы, сумма, присужденная судом в качестве возмещения ущерба пострадавшим третьим лицам, будет вычтена.

Весьма значимая мера предусмотрена ст. 36 f уголовного закона Нидерландов. При осуждении за уголовное правонарушение судья в судебном решении может наложить на лицо обязательство выплатить государству сумму денег в пользу жертвы. Государство должно передать эту сумму жертве без промедления. Судья может назначить эту меру, только если подсудимый несет ответственность перед жертвой в соответствии с норма-

ми частного права за ущерб, понесенный в результате уголовного правонарушения. Данная мера может быть назначена наряду со всеми видами наказания или другими мерами.

Изучение законодательства Нидерландов позволяет заключить, что уголовный закон данного государства выделил иные меры уголовно-правового воздействия в самостоятельный институт. Группа мер, связанных с конфискацией и изъятием, предполагает взыскание с виновного лица средств не только в доход государства, но и в пользу лица, пострадавшего от преступления.

Пенитенциарный кодекс Эстонии (Karistuseadustik) 2002 г. [5] установил иные меры воздействия в гл. 7. К таковым относятся конфискация (ст. 83–85), принудительное психиатрическое лечение (ст. 86), меры воздействия, применяемые к несовершеннолетним (ст. 87), и контроль за поведением после отбытия наказания (ст. 87¹).

Конфискация включает следующие виды: 1) конфискация средства, вещества и непосредственного объекта совершения виновного деяния (ст. 83); 2) конфискация имущества, добытого в результате виновного деяния (ст. 83¹); 3) расширенная конфискация имущества, добытого в результате преступления (ст. 83²).

Важнейшим условием конфискации средства, которое было применено или планировалось применить для совершения умышленного виновного деяния или предмета, являющегося непосредственным объектом совершения умышленного виновного деяния, является их принадлежность лицу, совершившему деяние. Конфисковать средство, вещество или предмет, если во время вынесения решения или постановления они принадлежат третьему лицу, возможно только при соблюдении предусмотренных в законе условий.

Примечательно, что субъектами применения конфискации средства совершения проступка, а также вещества или предмета, являющегося непосредственным объектом проступка, могут быть в указанных законом случаях учреждения, ведущие производство во внесудебном порядке. Решение учреждения, ведущего производство во внесудебном порядке, или суда в касающейся конфискации части действует до вступления его в законную силу как запрет на распоряжение.

В соответствии с положениями ст. 83¹ Пенитенциарного кодекса Эстонии, имущество, добытое в результате виновного деяния, – это имущество, напрямую полученное вследствие виновного деяния, а также приобретенное за счет такого имущества. Уголовный закон вводит понятие имущества, частично добытого в результате виновного деяния, под которым понимает имущество, добытое в результате виновного деяния, которое смешалось с иным (законным) имуществом. В таком случае конфискация данного имущества заменяется: суд может взыскать сумму, соответствующую стоимости имущества, подлежащего конфискации. Замена конфискации денежной суммой на основании положений ст. 84 предусмотрена также в случаях, если предмет конфискации был отчужден, использован либо его изъятие не представляется возможным или целесообразным по иной причине.

Согласно ст. 83² Пенитенциарного кодекса Эстонии, суд, признавая лицо виновным в совершении преступления, может частично или полностью конфисковать имущество лица, совершившего преступление, если во время вынесения решения оно принадлежит совершившему преступление лицу и если с учетом сущности преступления, а также несовпадения легального дохода и материального положения лица, его расходов или уровня жизни либо по иной причине имеются основания предполагать, что лицо добыло имущество в результате совершения преступления или за счет такого имущества. Конфискация не применяется к имуществу, в отношении которого лицо докажет, что речь не идет об имуществе, добытом в результате преступления. В предусмотренных законом случаях суд может применить расши-

ренную конфискацию в отношении имущества, которое во время вынесения решения принадлежит третьему лицу.

Таким образом, Пенитенциарный кодекс Эстонии закрепил уголовные наказания за преступления, за проступки и иные меры в качестве самостоятельных категорий, тем самым определив трехуровневую систему мер уголовно-правового воздействия. Вместе с тем отдельные наказания, установленные для физических и юридических лиц за преступления, исходя из их правовой природы, могли бы быть отнесены к иным мерам уголовно-правового воздействия (например, такое дополнительное наказание, как выдворение из государства с запретом на въезд на срок десять лет (ст. 54)). Особенностью иных мер, применяемых за проступки, является то, что они могут быть применены не только судом, но и учреждениями, осуществляющими досудебное производство.

Проанализировав положения уголовного законодательства отдельных государств Западной Европы, можно сделать вывод, что иные меры уголовно-правового воздействия наличествуют в уголовных законах этих стран даже при отсутствии институционального их закрепления в соответствующем разделе нормативного правового акта, непосредственно им посвященного. Второй тенденцией следует отметить терминологические расхождения в именовании иных мер уголовно-правового воздействия. Данные различия обусловлены не только и не столько особенностями юридической техники того или иного государства, сколько различиями в понимании правовой природы таких мер. Из данного положения вытекает и третья тенденция, представляющая собой особенности систематизации иных мер уголовно-правового воздействия, что обусловлено отнесением конкретной меры к уголовному наказанию либо к иным мерам уголовно-правового воздействия. Для уголовного законодательства подавляющего большинства зарубежных стран характерна несистемность в определении понятия, целей и видов иных мер уголовно-правового воздействия по сравнению с наказанием. В этой связи институционализацию иных мер уголовно-правового воздействия можно рассмотреть в качестве наиболее актуального направления развития современного уголовного права. Опыт зарубежных государств требует дальнейшего анализа, в том числе и для определения направлений институционализации иных мер уголовно-правового воздействия в уголовном праве Республики Беларусь. Полагаем, это создаст условия для гуманизации уголовно-исполнительной системы и решит целый ряд иных задач современной уголовно-правовой политики.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный кодекс Австрии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.jusline.at/gesetz/stgb>. – Дата доступа: 24.10.2018.
2. Уголовный кодекс ФРГ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dejure.org/gesetze/StGB>. – Дата доступа: 21.10.2018.
3. Уголовный кодекс Латвии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://likumi.lv/doc.php?id=88966&version_date=15.11.2006. – Дата доступа: 15.10.2018.
4. Уголовный кодекс Нидерландов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://wetten.overheid.nl/BWBR0001854/2018-07-01>. – Дата доступа: 05.10.2018.
5. Пенитенциарный кодекс Эстонии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://v1.juristaitab.ee/sites/www.juristaitab.ee/files/elfinder/ru-seadused/%D0%9F%D0%95%D0%9D%D0%98%D0%A2%D0%95%D0%9D%D0%A6%D0%98%D0%90%D0%A0%D0%9D%D0%AB%D0%99%20%D0%9A%D0%9E%D0%94%D0%95%D0%9A%D0%A1%2015.07.2018.pdf>. – Дата доступа: 25.10.2018.

УДК 343.242

А. В. ШАРКОВ

Минск, Белорусский культурный центр духовного Возрождения

О ЦЕЛИ НАКАЗАНИЯ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Проблема цели наказания по-прежнему вызывает острые дискуссии среди ученых и специалистов по уголовному праву. Это действительно один из фундаментальных вопросов уголовного права, поскольку от его решения зависит строение многих институтов уголовного права, а также применение уголовного законодательства.

Законодательству известно разнообразие целей наказания, характерных каждой исторической эпохе. Так, в XVII в. в Соборном уложении цели наказания определялись следующим образом: «Чтоб, на то глядя, другим неповадно было» [1, с. 164].

В XVIII в. итальянский юрист Чезаре Беккариа писал: «Цель наказания заключается не в истязании и мучении человека и не в том, чтобы сделать несуществующим уже совершенное преступление. Цель наказания заключается только в том, чтобы воспрепятствовать виновному вновь нанести вред обществу и удержать других от совершения того же» [1, с. 164].

В XIX–XX вв. получила широкое распространение цель исправления осужденных. Эта идея в различных сочетаниях нашла свое закрепление в уголовном законодательстве многих государств, в том числе в Республике Беларусь, и является главенствующей в настоящее время.

В частности, из ст. 7 первого белорусского Уголовного кодекса 1928 г. следует: «Меры социальной защиты (так по кодексу тогда именовались наказания. – *А. Ш.*) применяются с целью:

- а) предупреждения преступлений;
- б) лишения общественно опасных элементов возможности вновь совершать преступления;
- в) приспособления совершивших преступления к условиям свободного общежития трудящихся.

Меры социальной защиты не должны причинять физического страдания и унижать человеческое достоинство.

Целей возмездия и кары настоящий Кодекс не имеет» [2, с. 152].

В следующем Уголовном кодексе БССР 1960 г. в ст. 20 названные цели, установленные применительно к наказанию, определялись следующим образом: «Наказание не только является карой за совершенное преступление, но и имеет целью исправление и перевоспитание осужденных в духе точного исполнения законов, а также предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами.

Наказание не имеет целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства» [4, с. 16].

Действующий Уголовный кодекс Республики Беларусь противопоставляет преступлению не традиционно понимаемое наказание (хотя оно и остается неизменно основным средством санкционного обеспечения уголовно-правового запрета на совершенное преступление), а уголовную ответственность, объединяющую различные по характеру меры уголовно-правового воздействия, ч. 2 ст. 44 определяет не цели наказания, а цели уголовной ответственности. На наш взгляд, такое решение законодателя как в доктринальном, так и в сугубо прагматическом смысле является верным, поскольку

наказание уже давно не является единственным средством карательного воздействия на преступника в рамках функционального обеспечения задач, стоящих перед современным уголовным законом.

С общих позиций права уголовную ответственность можно определить как основанное на государственном принуждении применение предусмотренной уголовным законом осуждающе штрафной санкции в отношении преступника за совершенное им преступление [4, с. 277]. Применение уголовной ответственности связано с возложением (исключительная прерогатива суда) на преступника достаточно суровых неблагоприятных для него мер воздействия, которые имеют длящийся характер.

Согласно ст. 44 Уголовного кодекса Республики Беларусь, уголовная ответственность выражается в осуждении от имени Республики Беларусь по приговору суда лица, совершившего преступление, и применении на основе осуждения наказания либо иных мер уголовной ответственности. Следовательно, наказание, как и иные меры уголовно-правового воздействия, применяемые на основе осуждения, составляет содержание уголовной ответственности, придает ей различный по степени характер. Однако сами по себе ни наказание, ни иные конкретные меры уголовно-правового воздействия не выражают правовое понятие данного вида ответственности. Уголовная ответственность – более широкое понятие, чем наказание или конкретная мера уголовно-правового воздействия. Ответственность всегда связана с осуждением и возникающим в связи с этим режимом правовой подверженности осужденного мерам, уголовно-правового воздействия в соответствии с уголовно-правовой санкцией, определенной осужденному по приговору суда. Наказание, равно как и иные меры уголовно-правового воздействия, которые применяются на основе осуждения, дифференцируют характер и степень воздействия уголовной ответственности на осужденного с учетом их разумной достаточности для достижения целей ответственности. Поэтому наказание в общей структуре мер воздействия на осужденного выражает всего лишь одну из возможных форм реализации уголовной ответственности, при этом в наиболее репрессивном (карательном) ее проявлении.

Реализация уголовной ответственности, исходя из политики государства, преследует определенные цели. Согласно ч. 2 ст. 44 Уголовного кодекса Республики Беларусь, к таким целям относятся: исправление лица, совершившего преступление; предупреждение совершения новых преступлений осужденными (частное предупреждение); предупреждение совершения преступлений другими лицами (общее предупреждение).

Как видим, из целей наказания, закрепленных в УК БССР 1960 г., в ныне действующий Уголовный кодекс Республики Беларусь не вошла цель перевоспитания осужденных, как нереалистичная задача формирования личности с новыми убеждениями, нравственно перерожденной.

Цель исправления осужденного – основная социально ориентационная функция уголовной ответственности – достигается путем искоренения общественно опасных взглядов и привычек, под влиянием которых было совершено преступление, выработкой устойчивого законопослушного поведения, привитием осужденному социально полезных черт и навыков поведения. В общем исправление осужденных направлено на возвращение их к социально полезной деятельности, к нормальной жизни в обществе [4, с. 277].

Сохраняя свою значимость в плане решения общепредупредительной цели, исправление осужденных в отличие от двух других целей частного и общего предупреждения все больше доказывает свою низкую эффективность в исправлении осужденных, тем более в их ресоциализации.

Как видится, система мер уголовно-правового воздействия, которые могут определяться судом и применяться в режиме уголовной ответственности даже при самом благоприятном допущении в процессе реализации исправительных (воспитательных) мер, все-таки не позволяет ставить перед уголовной ответственностью цель исправления осужденного. На наш взгляд, применение наказания и иных мер уголовной ответственности, которые соответствуют целям уголовной ответственности, указанным в ч. 2 ст. 44 Уголовного кодекса Республики Беларусь, должно иметь конечной целью ресоциализацию (социальную адаптацию) преступника – сознательное восстановление осужденного в социальном статусе полноправного члена общества, возвращение его к самостоятельной общепринятой социально-нормативной жизни в обществе. Именно таким образом следует определить цели уголовной ответственности и соответственно наказания, что, например, характерно законодательству Германии, Украины и ряда других государств.

Одновременно исправление осужденного следует рассматривать не как те конечные результаты достижения указанной цели, а как процесс положительных изменений, происходящих в его личности и создающих у него готовность к самоуправляемому правопослушному поведению. Именно в этом контексте в ч. 2 ст. 7 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь исправление осужденных определено как формирование у них готовности вести правопослушный образ жизни.

Нельзя не согласиться: чтобы лицо стало законопослушным, необходимо устранить из его сознания негативные взгляды, изжить вредные привычки, отрицательные черты характера, стимулирующие нарушение им уголовно-правовых запретов. Это достигается комплексом средств исправительного воздействия на осужденных, определенных в ч. 3 ст. 7 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь:

- установленный порядок исполнения и отбывания наказания и иных мер уголовной ответственности;
- воспитательная работа;
- общественно полезный труд;
- общеобразовательное и профессиональное обучение;
- общественное воздействие.

На наш взгляд, перечисленные средства достижения целей уголовной ответственности и наказания, применяемые к осужденным, на стадии отбывания наказания имеют определенный результат: осужденные, находящиеся в местах лишения свободы, управляемы, за редким исключением в конфликт с законом не вступают, добросовестно относятся к труду, участвуют в воспитательных мероприятиях, законопослушны. Законопослушное поведение лиц, отбывающих наказание, убеждает администрацию мест исполнения наказаний в том, что за определенный приговором суда срок у осужденного сформирована готовность вести правопослушный образ жизни в условиях свободы. Это убеждение подтверждается результатами аттестования осужденного на основе всестороннего изучения его личности и поведения в период отбывания наказания в части соответствия осужденного критериям, предусмотренным чч. 3–5 ст. 116 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь: стал на путь исправления, твердо стал на путь исправления, доказал свое исправление.

По формальным признакам есть видимый результат – осужденный исправился, и по действующему законодательству цель наказания достигнута. Но это всего лишь промежуточный, можно сказать «пенитенциарный», а не социально значимый результат, для достижения которого устанавливается и применяется уголовная ответственность, требующий дальнейшего закрепления в «постпенитенциарный» период, связан-

ный с социальной адаптацией освобожденного в общество в условиях свободы. Вот в чем видится конечная цель уголовной ответственности и наказания в их реализации.

Необходимо дальнейшее социальное сопровождение лица, отбывшего наказание. Ведь многие из них после отбытия наказания возвращаются обратно в места лишения свободы не из-за того, что воздействие на осужденных применением мер наказания не дало желаемый исправительный эффект, а в силу отсутствия к ним должного внимания со стороны государства и общества в «постпенитенциарный» период, например, в обеспечении жильем, трудоустройством и другой социально-бытовой помощью, что бывшему осужденному самому зачастую не под силу. Здесь необходимо создание государственной или общественной структуры, которая будет осуществлять социальное сопровождение лиц, освобожденных от наказания, на завершающем этапе реализации цели уголовной ответственности и наказания.

К тому же предлагаемая постановка цели наказания с соответствующим законодательным сопровождением позволит значительно расширить круг субъектов, ответственных за судьбы бывших осужденных, и увеличить обеспечивающий ресурс.

Таким образом, на основании вышеизложенного видится целесообразным:

– устоявшееся понятие «исправление лица, совершившего преступление» в определении цели уголовной ответственности и наказания заменить на «реабилитация (социальная адаптация) лица, совершившего преступление»;

– разработать и принять Закон «О социальной адаптации лиц, отбывших наказание»;

– для социального сопровождения лиц, отбывших наказание, создать службу пробации Министерства юстиции Республики Беларусь с ее территориальными органами на местах.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гришко, А. Я. Уголовное право. Общая часть : учеб. пособие / А. Я. Гришко, Е. А. Гришко, И. В. Упоров ; под ред. Н. И. Ветрова. – М., 2001.

2. Крымінальны кодэкс Беларускай ССР. Афіцыйны тэкст са зменамі на 1 мая 1957 года і з дадаткамі сістэматызаваных матэрыялаў (на беларускай і рускай мовах). – Мінск, 1957.

3. Уголовный кодекс Республики Беларусь : принят Верхов. Советом БССР 29 окт. 1960 г. : с изм. и доп. от 1 мая 1994 г. – Минск, 1994.

4. Уголовное право. Общая часть : учебник / Н. А. Бабий [и др.] ; под ред. В. М. Хомича. – Минск : Тесей, 2002. – 496 с.

УДК 343

В. И. ШАШ, С. М. ХРАМОВ

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина

ОТГРАНИЧЕНИЕ БАНКРОТСТВА В ХОЗЯЙСТВЕННОМ ПРАВЕ ОТ ЛОЖНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВА) В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

С учетом современных приоритетов экономического развития государства следует отметить, что банкротство негативным образом сказывается на таком развитии, так как посягает на сферу экономической деятельности субъектов хозяйствования,

а также на законные права и интересы юридических лиц, граждан, занимающихся предпринимательской деятельностью, и иных субъектов гражданского оборота.

Согласно статистическим данным, размещенным на сайте Департамента по санации и банкротству Министерства экономики Республики Беларусь, за последние 10 лет количество организаций, по которым была завершена процедура банкротства, не только не уменьшилось, а, наоборот, возросло. Так, в 2008 г. банкротами были признаны более 1,5 тыс. организаций, а в 2017 г. данный показатель приблизился к 2 тыс.

Согласно действующему законодательству Республики Беларусь, субъектами экономической несостоятельности (банкротства) могут выступать только юридические лица независимо от формы собственности и индивидуальные предприниматели. Признание юридического лица экономически несостоятельным (банкротом) влечет его санацию, а при невозможности или отсутствии оснований продолжения деятельности – ликвидацию. Основания признания судом юридического лица экономически несостоятельным (банкротом), порядок его санации или ликвидации устанавливаются законодательством об экономической несостоятельности (банкротстве).

Согласно ст. 1 Закона Республики Беларусь от 13.07.2012 № 415-3 «Об экономической несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон), банкротством является неплатежеспособность, имеющая или приобретающая устойчивый характер, признанная решением хозяйственного суда о банкротстве с ликвидацией должника – юридического лица, прекращением деятельности должника – индивидуального предпринимателя [1].

В соответствии с п. 3 постановления Совета Министров Республики Беларусь от 12.12.2011 № 1672 «Об оценке критериев оценки платежеспособности субъектов хозяйствования» установлено, что критерием:

3.1. признания субъекта хозяйствования платежеспособным является наличие коэффициента текущей ликвидности и (или) коэффициента обеспеченности собственными оборотными средствами на конец отчетного периода в зависимости от основного вида экономической деятельности, имеющих значения более приведенных в нормативных значениях коэффициентов или равные им;

3.2. признания субъекта хозяйствования неплатежеспособным является наличие одновременно коэффициента текущей ликвидности и коэффициента обеспеченности собственными оборотными средствами на конец отчетного периода в зависимости от основного вида экономической деятельности, имеющих значения менее приведенных в нормативных значениях коэффициентов;

3.3. неплатежеспособности, приобретающей устойчивый характер, является неплатежеспособность субъекта хозяйствования в течение четырех кварталов, предшествующих составлению последнего бухгалтерского баланса;

3.4. неплатежеспособности, имеющей устойчивый характер, является неплатежеспособность субъекта хозяйствования в течение четырех кварталов, предшествующих составлению последнего бухгалтерского баланса, и наличие на дату составления последнего бухгалтерского баланса значения коэффициента обеспеченности финансовых обязательств активами, превышающего нормативные значения коэффициентов [2].

Так, решением Экономического суда Минской области от 11.01.2016 (дело № 197-66/2015) ЧТУП «М» признано банкротом. Анализ финансово-хозяйственной деятельности ЧТУП «М» не проводился ввиду отсутствия документов, поскольку директором должника является гражданин Республики Узбекистан, установить местонахождение которого не представилось возможным. Неплатежеспособность предприятия носит устойчивый характер, поскольку имеется значительная кредиторская задолженность, а какие-либо активы отсутствуют. Следовательно, применительно к ст. 1 Закона

суд признает установленным наличие оснований для признания должника банкротом. Имущество ЧТУП «М» не выявлено, дебиторская задолженность не установлена. Должник работал с 2012-го по 2013 г., затем налоговым органом был составлен акт проверки, направлено сообщение в УДФР КГК Республики Беларусь, который отказал в возбуждении уголовного дела. На общем собрании кредиторов 11.01.2016 единогласно принято решение о ликвидации должника, и утвержден план ликвидации. Из отчета антикризисного управляющего усматривается, что источники для оздоровления положения должника отсутствуют [3].

При этом на практике следует ограничивать признаки экономического банкротства от признаков ложного банкротства, так как в зависимости от так называемого вида банкротства зависит определение и возможное привлечение должностных лиц и учредителей к ответственности, которая может быть либо гражданско-правовой, либо уголовной.

Для привлечения физического лица к уголовной ответственности за ложную экономическую несостоятельность (банкротство), предусмотренной ст. 238 УК [4], необходимо установить наличие в совокупности следующих признаков:

- подача заявления в экономический суд;
- наличие в анализированном периоде факта фальсификации бухгалтерской отчетности, позволяющей должнику по формальным признакам обеспечить себе право или обязанность подачи такого заявления;
- наличие у должника возможности в период от последней отчетной даты до даты подачи в экономический суд заявления должника рассчитаться по просроченной задолженности, что привело бы к утрате оснований подачи заявления должника.

Некоторые специалисты утверждают, что банкротство является ложным, если объявление о несостоятельности субъекта хозяйствования принято в законном порядке, но на основании ложной информации. При этом к действиям должника, образующим объективную сторону состава преступления, предусмотренного ст. 238 УК, относят:

- фальсификацию финансовой отчетности о результатах хозяйственной деятельности с отражением в ней завышенной кредиторской задолженности;
- фальсификацию документов о кредиторской задолженности предприятия (расписки, гарантии, договоры, счета, претензии и др.);
- утаивание должником реальной к взысканию дебиторской задолженности, позволяющей произвести расчеты с кредиторами;
- сокрытие (утаивание) имущества или информации об имуществе субъекта хозяйствования [5].

Управляющие, а также эксперты при определении наличия (отсутствия) признаков банкротства обязательно руководствуются инструкцией о порядке определения наличия (отсутствия) признаков ложной экономической несостоятельности (банкротства), преднамеренной экономической несостоятельности (банкротства), сокрытия экономической несостоятельности (банкротства) или препятствования возмещению убытков кредитору, а также подготовки экспертных заключений по этим вопросам, утвержденной постановлением Министерства экономики Республики Беларусь от 04.12.2012 № 107 [6, с. 32].

Данные о наличии состава преступления, предусмотренного ст. 238 УК, могут быть получены государственным органом в результате проведенной проверки.

При проведении проверки Комитетом государственного контроля Республики Беларусь был выявлен факт, что одним из унитарных предприятий в процессе прове-

дения конкурсного производства было якобы незаконно продано имущество предприятия из Санкт-Петербурга, которое даже не числилось в числе кредиторов. После проведения проверки Комитетом государственного контроля были переданы материалы в областную прокуратуру с ходатайством о возбуждении уголовного дела по ст. 238, 240 УК, однако в возбуждении уголовного дела было отказано [6, с. 32–33].

Судебная практика показывает, что случаи привлечения к уголовной ответственности по этой статье единичны. За период с 2001-го по 2016 г. было зарегистрировано лишь 7 таких случаев [7, с. 45].

Таким образом, в уголовном праве признаками ложного банкротства являются: подача заявления в экономический суд; наличие в анализированном периоде факта фальсификации бухгалтерской отчетности, позволяющей должнику по формальным признакам обеспечить себе право или обязанность подачи такого заявления; наличие у должника возможности в период от последней отчетной даты до даты подачи в экономический суд заявления должника рассчитаться по просроченной задолженности, что привело бы к утрате оснований подачи заявления должника.

Эти признаки необходимо знать и выявлять при разграничении понятий «экономическое банкротство» и «ложное банкротство».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Об экономической несостоятельности (банкротстве) [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 13 июля 2012 г., № 415-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 24.10.2016 г. № 439-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

2. Об оценке критериев оценки платежеспособности субъектов хозяйствования [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 12 дек. 2011 г., № 1672 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

3. О признании должника банкротом [Электронный ресурс] : решение Экон. суда Брест. обл., 11 янв. 2016 г., дело № 197-66/2015 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2018.

4. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2018 г. № 53-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь. – Минск, 2018.

5. Хилюта, В. В. Ложная экономическая несостоятельность (банкротство) / В. В. Хилюта // Юстыцыя Беларусі. – 2012. – № 11. – С. 31–33.

6. Инструкция о порядке определения наличия (отсутствия) признаков ложной экономической несостоятельности (банкротства), преднамеренной экономической несостоятельности (банкротства), сокрытия экономической несостоятельности (банкротства) или препятствования возмещению убытков кредитору, а также подготовки экспертных заключений по этим вопросам [Электронный ресурс] : утв. М-вом экономики Респ. Беларусь 04.12.2012 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

7. Хилюта, В. В. Ложное банкротство / В. В. Хилюта // Юрисконсульт. – 2018. – № 4. – С. 38–45.

УДК 343

М. С. ЮЩУК

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина

**КРАЙНЯЯ НЕОБХОДИМОСТЬ КАК ОБСТОЯТЕЛЬСТВО,
ИСКЛЮЧАЮЩЕЕ ПРЕСТУПНОСТЬ ДЕЯНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

Необходимость не имеет закона (лат.)

Повышение роли личности в общественной жизни обуславливает применение более гибких средств уголовно-правовой защиты прав и интересов личности, общества, государства – увеличения роли управомочивающих норм в механизме правового регулирования общественных отношений, возникающих в связи с угрозой причинения вреда охраняемым законом ценностям. К таким средствам относится и право граждан на причинение вреда в состоянии крайней необходимости [1].

При оценке действий лица, действующего в состоянии крайней необходимости, должны учитываться интересы личности как причиняющей вред, так и той, правоохраняемым интересам которой причиняется вред, а также интересы общества и государства [2, с. 6].

Сложность используемой техники, развитие медицины создают ситуации крайней необходимости, что заставляет по-иному посмотреть на них с точки зрения права. Как отмечает А. В. Наумов, «крайняя необходимость не только займет прочное место в уголовном праве XXI века, но и получит свое дальнейшее развитие. Это связано, в первую очередь, с научно-техническим прогрессом, с одной стороны, облегчающим повседневную жизнь человека, а с другой – привносящим новые трудности вследствие усложнения в управлении новыми в техническом плане устройствами» [3].

Социальная и правовая природа деяний, причиняющих вред в состоянии крайней необходимости, определяется обстановкой, предшествующей причинению вреда, значимостью вреда, предотвращаемого и причиняемого, и целью этих деяний. При причинении вреда в состоянии крайней необходимости нет основания для привлечения к уголовной ответственности ввиду отсутствия вины как элемента состава преступления [1].

В зависимости от характера субъективных прав и юридических обязанностей субъектов нормы, регламентирующие правомерность причинения вреда в состоянии крайней необходимости, подразделяются на уполномочивающие, управомочивающие, запрещающие и обязывающие, что соответствует формам реализации права: исполнение обязанностей, соблюдение запретов, использование субъективных прав и применение норм права. Это соответствует таким методам правового регулирования, как предписание, запрет и дозволение, где дозволение является решающим [1].

Активное противодействие грозящей опасности вправе осуществлять как собственник или владелец спасаемого имущества или иных ценностей, так и любое иное лицо независимо от его отношения к спасаемым ценностям.

Поскольку предотвращение опасности осуществляется путем причинения вреда иным правоохраняемым благам, закон определяет конкретные условия, оправдывающие такие действия. Первая группа этих условий относится к характеристике опасности, возникновение которой порождает состояние крайней необходимости. Вторую группу составляют условия, характеризующие правомерность действий в состоянии крайней необходимости [4, с. 91].

Условия, характеризующие опасность: существование угрозы причинения существенного вреда правоохраняемым интересам; опасность должна быть наличной и действительной.

Опасность означает существование такого состояния какого-либо процесса или явления, естественное развитие которого приведет к неминуемому причинению существенного вреда правоохраняемым интересам. При этом опасность оценивается не сама по себе, а по отношению к тем интересам, которые могут от нее пострадать. Эта угроза может исходить от различных явлений и процессов, которые принято называть источниками опасности [4, с. 92].

Ш., будучи ранее судимым, привлечен по постановлению ОГАИ РУВД от 08.02.2018 по ч. 1 ст. 18.16, ч. 9 ст. 18.12 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП) к административному взысканию в виде штрафа в размере 52 базовых величин, что в денежном выражении составляет 1 274 руб., с лишением права управления транспортными средствами на 36 месяцев, в течение года после наложения административного взыскания совершил аналогичное правонарушение: находясь в состоянии алкогольного опьянения (согласно акту освидетельствования по результатам проведения в организации здравоохранения освидетельствования физического лица на предмет выявления состояния алкогольного опьянения от 25.02.2018) управлял транспортным средством – автомашиной «Пежо-806» и был остановлен сотрудниками ОГАИ РУВД около 00 часов 40 минут 25.02.2018. Доводы обвиняемого и его супруги О. о том, что транспортное средство находилось в технически неисправном состоянии, опровергаются показаниями свидетелей З. и К., которые указали, что при наличии сомнений в технически исправном состоянии автомобиля сотрудниками госавтоинспекции вызывается эвакуатор для буксировки. Кроме того, транспортное средство перемещалось на штрафстоянку своим ходом З., который двигался на нем около 10 минут. Каких-либо неисправностей в ходе движения на автомобиле им замечено не было. Кроме того, согласно акту осмотра транспортного средства от 25.02.2018 транспортное средство было доставлено на стоянку своим ходом, неисправностей не обнаружено. Доводы обвиняемого о том, что он действовал в состоянии крайней необходимости и был вынужден двигаться на автомобиле, чтобы убрать его, опровергаются показаниями свидетелей З. и К., которые показали, что по пути движения обвиняемого имелись съезды, а также островки безопасности, на которые в случае необходимости можно совершить съезд, а не продолжать движение. В случаях поломки, а также препятствий для движения транспорта сотрудниками госавтоинспекции оказывается необходимая помощь по устранению неисправностей, а также вызова эвакуатора. Данные обращения со стороны обвиняемого отсутствовали. Доводы Ш. о том, что ранее данный патруль подъезжал к нему и не оказал помощи по отбуксировке автомобиля опровергаются вышеуказанными показаниями свидетелей, а также их показаниями в части того, что они впервые увидели автомобиль обвиняемого при его движении [5].

Судебная коллегия по уголовным делам областного суда рассмотрела в открытом судебном заседании уголовное дело по апелляционному протесту прокурора района, апелляционным жалобам обвиняемой С. и ее защитника – адвоката М. на приговор районного суда от 11 мая 2017 г., по которому С., ранее не судимая, осуждена по ч. 2 ст. 317 Уголовного кодекса (далее – УК) Республики Беларусь к ограничению свободы сроком на 2 года 6 месяцев без направления в исправительное учреждение открытого типа с лишением права заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортными средствами, сроком на 3 года. Рассмотрев дело, обсудив апелляцион-

ные протест и жалобы, судебная коллегия приходит к следующему. Обвиняемая С. не отрицала, что 2 сентября 2016 г., двигаясь на служебном автомобиле, изменила траекторию своего движения, выехав на полосу встречного движения, а в последующем – на левую обочину по ходу ее движения, где совершила наезд на Л. Утверждала, что действовала в состоянии крайней необходимости. По показаниям Л., она вышла на улицу с ведрами, чтобы перейти дорогу к колодцу, и заметила автомобиль под управлением С. В складывающейся обстановке для водителя С. были очевидны намерения потерпевшей, находящейся на обочине, перейти проезжую часть справа налево по ходу движения автомобиля. Однако С. нарушила указанные в приговоре правила дорожного движения, что повлекло наезд на потерпевшую, которой причинены тяжкие телесные повреждения. Поэтому доводы защитника и обвиняемой о действиях последней в состоянии крайней необходимости коллегия признает безосновательными [6].

Опасность признается таковой, если она угрожает причинением вреда правоохраняемым интересам личности, общества или государства. Возможное причинение определенного ущерба правомерными действиями, например при задержании преступника или принудительном выселении из подлежащего сносу дома, не порождает состояния крайней необходимости.

Грозящий вред должен быть существенным, поскольку предотвращение несущественного вреда еще более несущественным в силу малозначительности не является предметом рассмотрения уголовного права.

Опасность должна быть наличной. Наличность опасности означает ее существование в момент совершения действий по предотвращению вреда. Опасность считается наличной не только в момент ее разрушающего воздействия, но и при возникновении реальной возможности причинения вреда. Поэтому опасность можно определить как уже существующую, но еще не реализованную возможность причинения существенного ущерба правоохраняемым интересам [4, с. 92].

К. предъявлено обвинение по ч. 1 ст. 400 УК Республики Беларусь в том, что она 10 апреля 2017 г. в период времени с 16.00 до 18.00, находясь в здании УЗ «ЦРБ», умышленно, с целью сокрытия факта причинения ей 9 апреля 2017 г. телесных повреждений ее супругом В., будучи предупрежденной под подпись об уголовной ответственности по ст. 400 УК, заведомо осознавая ложность своего заявления о преступлении, заявила сотруднику РОСК, принимавшему у нее заявление, о том, что 9 апреля 2017 г. в период времени с 19.30 до 20.00 вблизи рынка трое неизвестных мужчин беспричинно, из хулиганских побуждений, избили ее, причинив телесные повреждения, т. е. о преступлении, предусмотренном ч. 2 ст. 339 УК Республики Беларусь, заранее зная, что указанного факта на самом деле не было, так как телесные повреждения 9 апреля 2017 г. в период времени с 18.00 до 20.00 ей причинил В. Из приговора суда от 28 сентября 2017 г. усматривается, что В. осужден по ст. 154 УК, в том числе за причинение телесных повреждений К. 9 апреля 2017 г. и за угрозу убийством, совершенную 22 апреля 2017 г. Угрозы же убийством, совершенные 9–10 апреля 2017 г., в вину ему не вменялись, о наличии таковых при рассмотрении дела в отношении В. обвиняемая не заявляла. Следовательно, оснований считать, что заведомо ложный донос был совершен в состоянии крайней необходимости для предотвращения или устранения опасности, непосредственно угрожающей личности, правам и законным интересам К. или ее детей, по делу не установлено [7].

Между начальным моментом возникновения опасности и разрушающим воздействием может пройти определенный промежуток времени – от нескольких мгновений до нескольких дней. Значительная длительность этого промежутка не исключает признания опасности наличной, однако влияет на выбор защитительных мер.

Состояние крайней необходимости прекращается с устранением опасности либо с полной утратой объекта защиты. В таких случаях опасность называется миновавшей.

Причастность лица к созданию опасности не исключает его права на совершение действий по ее предотвращению. При этом не имеет значения, умышленными или неосторожными действиями виновного создана опасность (пожар возник в результате поджога или небрежного обращения с огнем). Вместе с тем в таких случаях предотвращение опасности не исключает ответственности за причинение вреда тем интересам, которые пострадали в результате виновного создания опасности [4, с. 92].

Причинение вреда для предотвращения опасности должно быть вынужденным. Это означает, что у лица отсутствует возможность устранения опасности не вредоносным способом, т. е. причинение вреда является единственно возможным способом. Такое категоричное требование и объясняет название рассматриваемого правового института – крайняя необходимость. В связи с этим не вправе ссылаться на состояние крайней необходимости лицо, имевшее в конкретной обстановке возможность устранить опасность без причинения вреда другому правоохраняемому интересу.

Установление соответствия защиты грозившей опасности производится путем сравнительной оценки характера и степени тяжести возможного и фактически причиненного вреда с учетом конкретной обстановки осуществления спасательных мер и психического состояния лица, предпринимającego такие меры [4, с. 93].

Меры по устранению опасности могут оказаться безуспешными, если ущерб все-таки был нанесен. В этом случае вред считается причиненным в состоянии крайней необходимости, если действия, совершенные с целью предотвращения опасности, не достигли своей цели и вред наступил, несмотря на усилия лица, добросовестно рассчитывавшего его предотвратить [4, с. 93].

Крайняя необходимость, как и другие обстоятельства, исключающие преступность деяния, лишают последнее признака противоправности, а следовательно, преступности. В основе исключения преступности находится действие «внешнего фактора» (опасности причинения вреда интересам уголовно-правовой охраны), который определяет существование самой крайней необходимости [8, с. 155].

Анализ примеров судебной практики показал, что действия обвиняемых не считаются совершенными в состоянии крайней необходимости в случае, если грозившая обвиняемому опасность не была наличной и действительной, а также если отсутствовала угроза причинения существенного вреда правоохраняемым интересам.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Винокуров, В. Н. Крайняя необходимость как обстоятельство, исключающее преступность деяния : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / А. В. Винокуров. – М., 1999. – 207 л.
2. Матузов, Н. И. О принципе «все, что не запрещено законом, дозволено» / Н. И. Матузов // Совет. государство и право. – 1989. – № 8. – С. 6–7.
3. Флетчер, Дж. Основные концепции современного уголовного права / Дж. Флетчер, А. В. Наумов. – М. : Юристъ, 1998. – 366 с.
4. Комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н. Ф. Ахраменка [и др.] ; под общ. ред. А. В. Баркова. – Минск : Тесей, 2003. – 230 с.
5. Приговор районного суда от 18 мая 2018 г. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

6. Определение судебной коллегии по уголовным делам областного суда от 18 июля 2017 г. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «Юр-Спектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

7. Определение судебной коллегии по уголовным делам областного суда от 27 февраля 2018 г. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «Юр-Спектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

8. Гехфенбаум, Г. М. Крайняя необходимость в уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Г. М. Гехфенбаум. – М., 2002. – 165 л.

УДК 343.2

И. С. ЯЦУТА

Минск, Институт национальной безопасности Республики Беларусь

ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СВЯЗИ СО СПЕЦИАЛЬНЫМИ ВИДАМИ ДЕЯТЕЛЬНОГО РАСКАЯНИЯ

Борьба с преступностью как одно из основных направлений деятельности правоохранительных органов реализуется как в процессе оперативно-розыскной деятельности по предупреждению, выявлению, пресечению и раскрытию преступлений, так и в ходе производства дознания и предварительного следствия по уголовным делам.

В ч. 4 ст. 3 Уголовного кодекса (далее – УК) Республики Беларусь [1] закреплён принцип неотвратимости уголовной ответственности, в соответствии с которым каждое лицо, виновное в совершении преступления, подлежит уголовной ответственности.

Вместе с тем в случаях, предусмотренных законом, лицо, совершившее преступление, может быть освобождено от уголовной ответственности. При этом уголовный закон исходит из того, что осуждение лица, совершившего преступление, и применение к нему наказания либо иных мер уголовной ответственности имеет целью его исправление и предупреждение совершения им новых преступлений. Однако, как показывает практика, исправление преступника, недопущение совершения им общественно опасных деяний в будущем может быть достигнуто и без реализации мер уголовно-принудительного воздействия. Именно поэтому, исходя из принципа гуманизма, законодатель предусмотрел в уголовном законе возможность освобождения от уголовной ответственности лица, совершившего преступление.

При принятии решения о привлечении лица к уголовной ответственности необходимо учитывать положения уголовного закона, в том числе и возможности использования института освобождения от уголовной ответственности. Традиционно под освобождением от уголовной ответственности понимается отказ государства в лице уполномоченных органов от уголовного преследования лица, совершившего преступление, его осуждения и применения к нему мер уголовной ответственности. При этом лицо освобождается от обязанности дать отчет за совершенное преступление, подвергнуться осуждению и претерпеть предусмотренные уголовным законом ограничения его прав и интересов, включая судимость. Таким образом, освобождение от уголовной ответственности влечет за собой освобождение от уголовного наказания и правовых последствий, связанных с осуждением.

Такое освобождение применяется только к лицу, в действиях которого имеется состав преступления. Если совершенное деяние в силу малозначительности, за отсут-

ствием вины или по другим причинам не содержит всех признаков состава преступления либо налицо условия правомерности необходимой обороны, крайней необходимости или других обстоятельств, исключающих преступность деяния, лицо вообще не подлежит привлечению к уголовной ответственности в связи с отсутствием оснований уголовной ответственности.

УК Республики Беларусь содержит исчерпывающий перечень видов освобождения от уголовной ответственности. Специальные виды освобождения от уголовной ответственности предусмотрены в примечаниях к отдельным нормам Особенной части УК Республики Беларусь и имеют отношение лишь к определенным видам преступлений.

Часть 1 ст. 88 УК Республики Беларусь предусматривает возможность освобождения от уголовной ответственности лица, впервые совершившего преступление, не представляющее большой общественной опасности, или менее тяжкое преступление, при выполнении предусмотренных законом условий. В соответствии с ч. 2 ст. 88 УК Республики Беларусь, освобождение от уголовной ответственности лица, совершившего преступление иной категории, допускается в случаях, предусмотренных ст. 88-1, а также в случаях, специально предусмотренных Особенной частью УК Республики Беларусь. В то же время примечания к отдельным статьям Особенной части УК Республики Беларусь содержат специальные основания освобождения от уголовной ответственности за преступления, не представляющие большой общественной опасности либо менее тяжкие. Таковыми являются незаконные действия в отношении охотничьего огнестрельного гладкоствольного оружия, подделка или умышленное уничтожение маркировки огнестрельного оружия, незаконные действия в отношении предметов, поражающее действие которых основано на использовании горючих веществ, незаконные действия в отношении холодного оружия, незаконные действия в отношении газового, пневматического или метательного оружия, незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов без цели их сбыта, создание экстремистского формирования, финансирование деятельности экстремистского формирования; дача взятки и посредничество во взяточничестве.

Налицо противоречие между ч. 1 и ч. 2 ст. 88 УК Республики Беларусь. Кроме того, в ч. 2 ст. 88 УК Республики Беларусь говорится о том, что освобождение от уголовной ответственности лица, совершившего преступление иной категории, *допускается* (выделено нами. – *И. Я.*) в случаях, предусмотренных ст. 88-1 УК Республики Беларусь, а также в случаях, специально предусмотренных Особенной частью УК Республики Беларусь. И если использование термина «допускается» уместно применять к случаям, указанным в ст. 88-1, примечаниях к ст. 435, 445, а также в гл. 37 и 38 УК Республики Беларусь, то примечания к иным статьям Особенной части, а также к гл. 24 УК Республики Беларусь не допускают возможности по своему усмотрению решать вопрос об освобождении лица от уголовной ответственности, а обязывают освободить лицо от уголовной ответственности при выполнении им соответствующих условий.

Наряду с вышеизложенным, не всегда примечания к статьям Особенной части УК Республики Беларусь содержат данные о деятельном раскаянии. В соответствии с п. 4 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь «О практике применения судами статей 86, 88, 89 Уголовного кодекса Республики Беларусь, предусматривающих возможность освобождения лица от уголовной ответственности», деятельное раскаяние предполагает наличие «совокупности условий, указанных в статье 88 УК, т. е. когда лицо не только возместило причиненный ущерб, либо уплатило доход, полученный преступным путем, либо иным образом загладило нанесенный преступлением вред, а также внесло на депозитный счет органа, ведущего уголовный

процесс, уголовно-правовую компенсацию в размере пятидесяти процентов причиненного преступлением ущерба (вреда), но не менее тридцати базовых величин, но и после совершения преступления добровольно, независимо от мотивов, явилось с повинной (статья 169 УПК) или активно способствовало выявлению преступления» [2].

Однако примечания к нормам Особенной части УК Республики Беларусь содержат несколько иные условия для их применения. Так, о явке с повинной и о полном возмещении причиненного ущерба указано только в примечании к гл. 24 УК Республики Беларусь. Наряду с активным способствованием выявлению преступления, в примечаниях к статьям Особенной части УК Республики Беларусь упоминаются такие условия, как «активное способствование пресечению преступления», «способствование выявлению, предотвращению либо пресечению преступления», «способствование иным образом выявлению, предотвращению либо пресечению иных деяний», «содействие в предотвращении вредных последствий», «добровольная сдача» предмета преступления, «добровольное заявление», «добровольное сообщение», «добровольное прекращение» преступления либо преступной деятельности, «своевременное предупреждение государственных органов», «своевременное заявление», «своевременное сообщение» и др.

В примечаниях к ст. 435 и 445 УК Республики Беларусь условием возможного освобождения от уголовной ответственности является не только совершение деяния впервые, но и стечение тяжелых обстоятельств (второе условие носит оценочный характер), при этом деятельное раскаяние вообще не является обязательным.

Условия освобождения от уголовной ответственности, предусмотренные ч. 4 примечаний к гл. 37 и примечания к гл. 38 УК Республики Беларусь, могут совпадать с деятельным раскаянием в части совершения деяния, не представляющего большой общественной опасности и при наличии смягчающих обстоятельств. Так, например, такие смягчающие обстоятельства, как явка с повинной, чистосердечное раскаяние в совершенном преступлении, активное способствование выявлению преступления, изобличению других участников преступления, розыску имущества, приобретенного преступным путем, добровольное возмещение ущерба, уплата дохода, полученного преступным путем, устранение вреда, причиненного преступлением, иные действия, направленные на заглаживание такого вреда (пп. 1–4 ч. 1 ст. 63 УК Республики Беларусь) относятся одновременно и к деятельному раскаянию.

В соответствии с ч. 4 примечаний к гл. 37 УК Республики Беларусь лицо, совершившее деяние, не представляющее большой общественной опасности, при смягчающих обстоятельствах может быть освобождено от уголовной ответственности с применением правил Дисциплинарного устава Вооруженных Сил Республики Беларусь. В то же время в соответствии с примечанием к ст. 445 УК Республики Беларусь (статья предусмотрена также гл. 37 УК Республики Беларусь), лицо, впервые совершившее деяния, предусмотренные чч. 1, 2 или 3 настоящей статьи и ч. 1 ст. 446 УК Республики Беларусь, может быть освобождено от уголовной ответственности, если содеянное явилось следствием стечения тяжелых обстоятельств.

При освобождении от уголовной ответственности, например, лица, захватившего заложника и в последующем освободившего его по требованию власти (примечание к ст. 291 УК Республики Беларусь), либо лица, давшего взятку, если в отношении его имело место ее вымогательство (примечание к ст. 431 УК Республики Беларусь), выполнение условий, относящихся к деятельному раскаянию (ч. 1 ст. 88 УК Республики Беларусь), вообще не требуется.

Таким образом, ч. 2 ст. 88 УК должна быть логическим продолжением общих положений о деятельном раскаянии, указанных в ч. 1 указанной статьи, и может быть

изложена в следующей редакции: «2. Лицо освобождается от уголовной ответственности при деятельном раскаянии в случаях, специально предусмотренных Особенной частью настоящего Кодекса».

В этой связи полагаем, что основание освобождения от уголовной ответственности, предусмотренное ст. 88-1 УК Республики Беларусь, имеет право на самостоятельное существование, а основания освобождения от уголовной ответственности, предусмотренные Особенной частью УК Республики Беларусь, не связанные с деятельным раскаянием, целесообразно рассматривать в качестве самостоятельного основания освобождения от уголовной ответственности, но никак не разновидностью деятельного раскаяния. В качестве возможного варианта ст. 88 УК может быть дополнена ч. 3 следующего содержания: «3. Лицо может быть освобождено от уголовной ответственности при отсутствии деятельного раскаяния при наличии иных условий, предусмотренных Особенной частью настоящего Кодекса». Это позволит применять основания освобождения от уголовной ответственности, предусмотренные примечаниями не только к ст. 291, 431, 435, 445, но и к гл. 37, 38 УК Республики Беларусь.

Статьи 285 и 286 УК Республики Беларусь предусматривают ответственность за создание преступной организации либо участие в ней и, соответственно, бандитизм. В гл. 3 УК Республики Беларусь («Преступное деяние») предусмотрено самостоятельное основание освобождения от уголовной ответственности участника преступной организации или банды (ст. 20 УК Республики Беларусь). Полагаем, что место данной нормы – либо в гл. 12 УК Республики Беларусь «Освобождение от уголовной ответственности и наказания», которая целиком посвящена вопросам освобождения от уголовной ответственности за различного рода преступления, либо в виде примечания к ст. 285 УК Республики Беларусь. В последнем случае прием формулирования примечания к конкретной статье Особенной части УК Республики Беларусь, которая распространяет свое действие и на иные нормы Особенной части, ранее уже использовался законодателем (например, в примечании к ст. 356 УК Республики Беларусь, где речь идет об освобождении от уголовной ответственности не только за измену государству, но также за шпионаж и агентурную деятельность).

В соответствии с п. 11 ч. 1 ст. 29 Уголовно-процессуального кодекса (далее – УПК) Республики Беларусь [3], уголовное дело не может быть возбуждено (за исключением случаев, предусмотренных пп. 3, 4 ч. 1 указанной статьи), а по возбужденному делу производство подлежит прекращению при наличии оснований для освобождения от уголовной ответственности, предусмотренных статьями Особенной части УК Республики Беларусь. Однако такие основания предусмотрены не самими статьями, а примечаниями, и не только к соответствующей статье, но и к главе УК Республики Беларусь (например, к гл. 24, 37, 38). В этой связи п. 11 ч. 1 ст. 29 УПК Республики Беларусь нуждается в редакционной правке путем указания на основания, «предусмотренные Особенной частью УК», а не только ее статьями.

Освобождение от уголовной ответственности при наличии оснований, предусмотренных Особенной частью УК Республики Беларусь, является частным случаем освобождения в связи с деятельным раскаянием, как это следует из названия ст. 88 УК Республики Беларусь. В перечне лиц, которые вправе прекратить производство по уголовному делу и освободить лицо от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием [3, п. 3 ч. 1 ст. 30] лицо, производящее дознание, отсутствует. Нет таких полномочий и в случае наличия оснований освобождения от уголовной ответственности, предусмотренных ст. 20 УК Республики Беларусь, в отношении участника преступной организации или банды [3, п. 5 ч. 1 ст. 30]. С целью расширения возможностей

освобождения лица от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием лицом, производящим дознание (в том числе и в интересах оперативно-розыскной деятельности), на наш взгляд, целесообразно исключить из ч. 1 ст. 30 УПК Республики Беларусь пп. 3 и 5.

К сожалению, законодателем не учтены и ранее высказывавшиеся научной общественностью предложения по совершенствованию редакции ст. 20 УК Республики Беларусь, которая до настоящего времени не предусматривает возможности освобождения от уголовной ответственности участника организованной группы, что позволило бы создать доказательственную базу в виде свидетельских показаний рядовых участников в ходе расследования уголовных дел, а в итоге – повысить эффективность борьбы с организованной преступностью.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2018 г. № 131-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

2. О практике применения судами статей 86, 88, 89 Уголовного кодекса Республики Беларусь, предусматривающих возможность освобождения лица от уголовной ответственности : постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь, 29 марта 2012 г., № 1 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 17.04.2012. – № 44. – 6/1143; Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – 09.04.2016. – 6/1534. – Минск, 2018.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2018 г. № 131-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

РАЗДЕЛ 2

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВОПОРЯДКА И БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

УДК 343.43

К. В. БЫКОВА, А. И. ЗАБЕЙВОРОТА

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЛИЧНОЙ СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА

Свобода человека является одной из главных ценностей современного цивилизованного общества, а обеспечение неприкосновенности свободы личности – одной из главных функций государства. Преступления международного характера по объекту посягательства и степени общественной опасности отличаются от международных преступлений. Важным условием прогресса государств является успешная борьба с преступностью, которая относится к их внутренней функции. Однако давно известны преступления, которые посягают не только на государственный, но и на международный порядок. Поэтому борьба с ними требует совместных усилий и особых форм международного сотрудничества. Одним из серьезных и тяжких преступлений международного характера является торговля людьми, которая требует действенного и усиленного межгосударственного сотрудничества, так как данный феномен не обошел стороной ни одно государство мира.

В процессе сотрудничества государства решают задачи согласования вопросов квалификации отдельных преступлений, координации мер по их пресечению и предупреждению, определению юрисдикции, обеспечению неотвратимости наказания и др.

Эти отношения регулируются международным уголовным правом, которое представляет собой совокупность принципов и норм, регулирующих сотрудничество государств по предупреждению преступности, оказанию правовой помощи по уголовным делам и наказанию за преступления, предусмотренные международными договорами.

Одним из наиболее тяжких преступлений, посягающих на личную свободу человека, является торговля людьми. Среди международно-правовых актов, направленных на борьбу с посягательствами в этой сфере, необходимо назвать:

1) международный договор «О действительном предупреждении преступной торговли, известной как торговля белыми рабынями» от 18 мая 1904 г.;

2) Международную конвенцию о борьбе с торговлей белыми рабынями от 4 мая 1910 г.;

3) Конвенцию о борьбе с торговлей женщинами и детьми от 30 сентября 1921 г.;

4) Конвенцию о рабстве от 25 сентября 1926 г.;

5) Конвенцию о борьбе с торговлей людьми и с эксплуатацией проституции третьими лицами от 25 июля 1951 г.;

6) Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющий конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности от 25 декабря 2003 г.;

7) модельный закон СНГ «Об оказании помощи жертвам торговли людьми» от 3 апреля 2008 г.;

8) модельный закон СНГ «О противодействии торговле людьми» от 3 апреля 2008 г.;

9) модельный Уголовный кодекс СНГ.

Кратко охарактеризуем каждый из них в исторической последовательности.

Международно-правовые меры борьбы с торговлей женщинами стали разрабатываться еще с начала XX в. 18 мая 1904 г. был принят первый обязательный международно-правовой документ – международный договор «О действительном предупреждении преступной торговли, известной как торговля белыми рабынями». Основной акцент был сделан на координации усилий государств по репатриации потерпевших. Кроме того, государства обязались осуществить контроль над агентствами, предлагавшими девушкам и женщинам работу за границей [1].

4 мая 1910 г. была принята Конвенция о борьбе с торговлей белыми рабынями, согласно которой на 13 ратифицировавших ее стран возлагалось обязательство наказывать лиц, занимающихся сводничеством. При этом ответственность наступала в случае, если склонение женщин к занятию проституцией осуществлялось путем применения угроз, насилия, обмана, злоупотребления властью или иными способами. Особой защитой пользовались несовершеннолетние: их согласие на занятие проституцией не учитывалось при решении вопроса об ответственности виновных лиц [2].

И в международном договоре 1904 г., и в конвенции 1910 г. акцент был сделан на защите белых женщин, остальные оставались незащищенными.

Международная конвенция о борьбе с торговлей женщинами и детьми была открыта для подписания в Женеве с 30 сентября 1921 г. по 31 марта 1922 г. Подписали ее 28 участников, которые обязались принять все необходимые меры по пресечению торговли людьми и действий, направленных на изготовление, распространение, организацию публичных выставок порнографических материалов, в том числе принять меры по розыску и наказанию лиц, занимающихся такими действиями. Также в целях защиты женщин и детей, находящихся за границей и нуждающихся в работе, участники конференции договорились о создании бюро для приема на работу [3].

Анализ вышеуказанных международных актов позволяет заключить, что одной из актуальных проблем обеспечения свободы человека являлось противодействие торговле людьми. Однако принимаемые в указанной сфере решения, как правило, носили преимущественно декларативный характер. Вследствие этого требовалось принятие международно-правовых актов, имеющих прикладное значение.

Реализации международных договоров по обеспечению свободы человека послужило создание 12 июня 1924 г. Советом Лиги Наций Временной комиссии о рабстве и подписание конвенции по итогам работы данной комиссии в Женеве 25 сентября 1926 г. В конвенции определяется понятие «рабство» и все, что к нему относится. Регулируется вопрос разногласий относительно толкования данной конвенции – все разногласия разрешаются Международным судом, определяется порядок денонсации и вступления ее в силу [4]. В отличие от конвенции 1921 г., конвенция 1926 г. направлена на предотвращение торговли людьми обоего пола.

Конвенция о борьбе с торговлей людьми и с эксплуатацией проституции третьими лицами вступила в силу 25 июля 1951 г.

Стороны в конвенции обязуются подвергать наказанию каждого, кто сводит, склоняет или совращает в целях проституции другое лицо, даже с согласия этого лица; эксплуатирует проституцию другого лица, даже с согласия этого лица; содержит «дом

терпимости» или управляет им, или сознательно финансирует или принимает участие в финансировании дома терпимости; сдает в аренду или снимает здание или другое место или часть такового, зная, что они будут использованы в целях проституции третьими лицами.

В конвенции регулируются вопросы экстрадиции. Стороны обязуются издавать все необходимые постановления для защиты иммигрантов и эмигрантов, принимать необходимые меры по наблюдению за конторами по найму труда в целях защиты лиц от опасности возможной их эксплуатации в целях проституции [5].

Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказание за нее вступил в силу 25 декабря 2003 г. Протокол дополняет Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности. Он толкуется совместно с конвенцией.

В Протоколе определяется понятие «торговля людьми» – это осуществляемые в целях эксплуатации вербовка, перевозка, передача, укрывательство или получение людей путем угрозы силой или ее применения или других форм принуждения, похищения, мошенничества, обмана, злоупотребления властью или уязвимостью положения либо путем подкупа, в виде платежей или выгод, для получения согласия лица, контролирующего другое лицо. Эксплуатация включает как минимум эксплуатацию проституции других лиц или другие формы сексуальной эксплуатации, принудительный труд или услуги, рабство или обычаи, сходные с рабством, подневольное состояние или извлечение органов.

В Протоколе определен статус жертв торговли людьми в принимающих государствах, порядок репатриации жертв торговли людьми [6].

Модельный Уголовный кодекс СНГ был принят на седьмом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств (СНГ) 17 февраля 1996 г. Данный документ является рекомендательным законодательным актом для стран – участниц СНГ.

В седьмом разделе Особенной части располагается 19-я глава, посвященная преступлениям против личной свободы, чести и достоинства; глава содержит следующие статьи: «Похищение человека», «Незаконное лишение свободы», «Торговля людьми», «Незаконное помещение в психиатрическую больницу», «Принуждение».

Родовым и непосредственным объектом этих преступлений являются общественные отношения, которые обеспечивают свободу человека. В качестве дополнительного объекта нередко выступают жизнь и здоровье человека, его собственность. Потерпевшим может быть любое физическое лицо.

Для объективной стороны названных преступлений характерно активное поведение – действие. По конструкции составы преступления являются формальными. Субъективная сторона большинства преступлений против личной свободы характеризуется прямым умыслом. Мотивы и цели анализируемых преступлений могут быть различными, что учитывается при индивидуализации ответственности. В ряде случаев они выступают в качестве квалифицирующих обстоятельств. Субъект преступлений общий, исключение составляет «незаконное помещение в психиатрическую больницу», таковым может быть только то лицо, которое в силу служебных или специальных полномочий вправе принимать решение о помещении лица в психиатрическую больницу либо о продлении срока пребывания в такой больнице [7].

Модельный закон СНГ «Об оказании помощи жертвам торговли людьми» принят на тридцатом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ 3 апреля 2008 г.

Закон регулирует общественные отношения в сфере оказания помощи жертвам торговли людьми. Закон направлен на создание и повышение эффективности общегосударственной системы оказания помощи жертвам торговли людьми посредством определения правовых и организационных основ государственной политики и международного сотрудничества государства в указанной сфере.

В Законе даются определения таким дефинициям, как «защита жертвы торговли людьми», «жертва торговли людьми», «торговля детьми», определены права жертвы торговли людьми, а также ее правовой статус, регламентирована процедура присвоения статуса «жертва торговли людьми», закрепляются специальные процессуальные гарантии защиты прав потерпевших от преступлений и иных правонарушений в сфере торговли людьми, указывается порядок репатриации иностранцев и лиц без гражданства, ставших жертвами торговли людьми. Отдельная глава посвящена особенностям правового статуса детей – жертв торговли людьми [8].

Модельный закон СНГ «О противодействии торговле людьми» принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств 3 апреля 2008 г.

Закон регулирует общественные отношения в сфере противодействия торговле людьми, включая деятельность в указанной сфере государства, государственных органов, органов местного самоуправления, а также международных, негосударственных организаций, общественных объединений, других институтов гражданского общества, средств массовой информации и граждан. В Законе определены такие понятия, как «торговля людьми», «торговец людьми», «ребенок», «уязвимое положение жертвы торговли людьми».

К преступлениям, составляющим торговлю людьми, относятся купля или продажа человека либо совершение в отношении него иных незаконных сделок, в которых он выступает как объект собственности других лиц, а равно осуществляемые независимо от согласия жертвы в целях ее эксплуатации или извлечения иной незаконной выгоды предложение, вербовка, перевозка, передача, укрывательство или получение человека с использованием принуждения, пленения и иные правонарушения в сфере торговли людьми [9].

Современное состояние торговли женщинами и детьми позволяет вычленить ее наиболее распространенные по целевому назначению формы:

- торговля в целях сексуальной эксплуатации, в том числе и для участия в изготовлении порнографических материалов и занятия проституцией;
- торговля для подневольного труда (отработки долговой зависимости);
- торговля для занятия принудительным трудом;
- торговля с целью незаконного усыновления/удочерения;
- торговля для трансплантации органов и тканей.

Все эти последствия торговли детьми заставляют всерьез задуматься о путях противодействия ей. Для решения этой международной проблемы необходимо принять определенные меры, которые следует осуществить по трем основным направлениям:

1. Совершенствование действующего национального законодательства.
2. Улучшение экономических, социальных и иных условий жизни и устранение условий, стимулирующих торговлю людьми.
3. Совершенствование деятельности правоохранительных органов, органов государственной власти, органов местного самоуправления в вопросах защиты прав, свобод и законных интересов женщин и детей.

В первую очередь любое государство должно стремиться к выполнению уже существующих международных конвенций и договоров (Конвенции о борьбе с торговлей людьми и с эксплуатацией проституции третьими лицами, Конвенции о правах ребенка и других актов), а также принимать дополнительные национальные законодательные акты, отвечающие существующим международным конвенциям и открывающие возможность более эффективного противодействия торговле людьми. Для успешного противодействия торговле женщинами и детьми необходимо принятие определенного комплекса социально-экономических, политических и информационно-психологических мер, которые направлены на снижение масштабов распространения данного международного преступления.

Анализ современного состояния и структуры транснациональной организованной преступности свидетельствует о том, что отдельные виды ее преступной деятельности развиваются довольно активно. Особое место в иерархии подобной деятельности занимает осуществление торговли людьми, которая в настоящее время превратилась в выгодный бизнес и составляет основной источник дохода транснациональных организованных преступных групп. Торговля людьми осуществляется во многих формах. Отметим, что преступления против личной свободы человека являются проблемой международного уровня, с которой активно борются международные организации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Международная конвенция о борьбе с торговлей белыми рабынями [Электронный ресурс] : [подписана 4 мая 1910 г.]. – Режим доступа: <http://xn--e1aajfpcds8ay4h.com.ua/pages/view/519>. – Дата доступа: 11.11.2018.

2. Конвенция о борьбе с торговлей женщинами и детьми [Электронный ресурс] : [заключена в г. Женева 30 сент. 1921 г.]. – Режим доступа: <http://sos-villages.by/mezhdunarodnaya-konvenciya-o-borbe-s-torgovley-zhenschinami-i-detmi>. – Дата доступа: 12.11.2018.

3. Конвенция о рабстве [Электронный ресурс] : [заключена в г. Женева 25 сент. 1926 г.]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/convention_slavery.shtml. – Дата доступа: 11.11.2018.

4. Конвенция о борьбе с торговлей людьми и с эксплуатацией проституции третьими лицами [Электронный ресурс] : одобр. резолюцией 317 (IV) Генер. Ассамблеи, 2 дек. 1949 г. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/trafficking_suppression.shtml. – Дата доступа: 11.11.2018.

5. Конвенция об упразднении принудительного труда [Электронный ресурс] : [заключена в г. Женева 5 июня 1957 г.]. – Режим доступа: <http://un.by/documents/humrights/slavtx5.html>. – Дата доступа: 11.11.2018.

6. Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющий конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности [Электронный ресурс] : принят резолюцией 55/25 Генер. Ассамблеи, 15 нояб. 2000 г.]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/protocol1. – Дата доступа: 11.11.2018.

7. Модельный Уголовный кодекс Содружества Независимых Государств [Электронный ресурс] : принят постановлением Межпарламент. Ассамблеи государств – участников СНГ, 17 февр. 1996 г., № 7-5. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/901781490>. – Дата доступа: 11.11.2018.

8. Модельный закон «Об оказании помощи жертвам торговли людьми» [Электронный ресурс] : принят постановлением Межпарламент. Ассамблеи государств – участников СНГ, 3 апр. 2008 г., № 30-12. – Режим доступа: <http://pravo.levonevsky.org/bazaby11/republic15/text787.htm>. – Дата доступа: 10.11.2018.

9. Модельный закон «О противодействии торговле людьми» [Электронный ресурс] : принят постановлением Межпарламент. Ассамблеи государств – участников СНГ, 3 апр. 2008 г., № 30-11. – Режим доступа: http://www.iacis.ru/upload/iblock/a86/post_19_a.pdf. – Дата доступа: 11.11.2018.

УДК 343.341.1

Е. Д. ГРИБАНОВ

Гомель, Международный университет «МИТСО»

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ УСТРАНЕНИЯ УСЛОВИЙ, НЕГАТИВНО ВЛИЯЮЩИХ НА РОСТ УРОВНЯ ПРЕСТУПНОСТИ СРЕДИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Преступность несовершеннолетних в современном мире в последние несколько лет привлекает к себе все больше внимания, что приводит к формированию уникальных для каждой из стран мира подходов в борьбе с данным явлением.

Безусловно, одним из важнейших факторов формирования поведения ребенка является семья, что приводит к логичному выводу о том, что корни противоправного поведения несовершеннолетнего следует искать именно в этом социальном институте. Также в последнее время отечественные правоохранители обеспокоены вопросами рецидивной преступности среди детей. Исходя из вышесказанного, считаю необходимым рассмотреть в данной статье вопросы проблемного воспитания и рецидивной преступности, так как они являются ключевыми факторами формирования подростковой преступности.

Меры по устранению неблагоприятных условий семейного воспитания детей – это меры, предусматривающие воздействие только на родителей или лиц, их заменяющих. Данная мера может быть и воспитательной, и принудительной и применяется на этапе ранней профилактики преступлений несовершеннолетних, когда появляется лишь отдельная угроза нравственному здоровью человека.

В Республике Беларусь к этим мерам можно отнести лишение родительских прав, закрепленное Декретом Президента Республики Беларусь № 18. Последствия, которые влечет за собой данная мера, указаны в ст. 82 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье: родители, лишённые родительских прав, теряют все права, основанные на факте родства с ребенком, в отношении которого они были лишены родительских прав, в том числе и право на получение содержания от него, право на пенсионное обеспечение после смерти ребенка и право наследования по закону. Родитель, лишённый родительских прав, не может быть опекуном, попечителем или усыновителем. Лишение родительских прав не освобождает родителей от обязанностей по содержанию детей.

Очевидно, что в вопросе борьбы с преступностью несовершеннолетних необходимо в первую очередь делать акцент на ранней профилактике, так как преступление лучше предотвратить, нежели бороться с его последствиями, как материальными, так и психологическими. Немаловажную роль в этом, помимо родителей, также играют учреждения образования. В школьной программе Республики Беларусь отсутствует

такой предмет, как «Основы права», а юридическая грамотность школьника строится только на нескольких параграфах курса «Обществоведение».

Логичным шагом в данной ситуации было бы по примеру США ввести в школьную программу предмет «Основы права»: квалифицированные юристы, адвокаты и сотрудники внутренних дел рассказывали бы школьникам не только об уголовной стороне юридической жизни гражданина, но и о гражданско-правовой, хозяйственной и др., тем самым не только внося вклад в профилактику правонарушений в подростковой среде, но и повышая правовую грамотность молодежи.

Конечно, воплощение данной инициативы в жизнь выглядит проблематичным: 1) внедрение нового предмета потребует расширить и так довольно объемную школьную программу; 2) для максимального эффекта преподавать курс «Основы права» в школе должны квалифицированные юристы, одновременно являющиеся педагогами и психологами.

В рамках пилотного проекта, дабы апробировать указанную систему, целесообразным было бы проведение таких курсов сотрудниками органов внутренних дел, юристами или студентами-старшекурсниками юридических специальностей под наблюдением преподавателей в рамках уже существующих предметов, например ОБЖ.

Также следует отметить, что основной причиной совершения несовершеннолетними правонарушений и пристрастия к вредным привычкам является отсутствие у указанных лиц досуга. Спортивные и творческие секции и кружки проводят свои занятия на коммерческой основе, и не у каждой семьи есть возможность определить своего ребенка в ту или иную секцию или кружок. Целесообразно было бы давать возможность детям из неполных, многодетных и/или малоимущих семей заниматься за государственный счет. Так, например, во Франции комиссия совместно с муниципалитетами подготовила и представила в январе 1983 г. в Совет Министров Французской Республики более 70 предложений по обеспечению безопасности и общественного порядка. Среди них можно выделить операции под названием «Лето – молодежь» и «Каникулы» по организации в летнее время досуга молодежи, не выезжающей на каникулы из города. С этой целью в существующих и вновь созданных молодежных лагерях инструкторами работают специально отобранные и прошедшие соответствующую психологическую и педагогическую подготовку у профессиональных педагогов сотрудники CRS – корпуса республиканской безопасности – мобильных сил французской полиции (наш аналог ОМОНа). Начиная с 1982 г. систематическое проведение подобных операций позволило существенно снизить уровень правонарушений среди молодежи, особенно относимых к категории «мелкой преступности».

Также целесообразным было бы проведение для школьников экскурсий в различные исправительные учреждения, наркологические диспансеры и т. п. В данный момент в некоторых школах существует такая практика, являющаяся частной инициативой родителей и преподавателей. Хорошим решением в данной ситуации была бы выработка республиканской программы, регламентирующей вышесказанное.

Целесообразно также отметить опыт Великобритании в данном вопросе, где все несовершеннолетние правонарушители классифицируются по группам в зависимости от тяжести правонарушения, повторяемости и прогноза на будущую социализацию подростка. Основной упор в системе ювенальной юстиции был сделан на профилактику преступлений. Исполнение законодательства было возложено на межведомственные комиссии по работе с несовершеннолетними правонарушителями (YOT).

Комиссии работают вместе с социальными работниками и преподавателями муниципальных служб, инспекторами по пробациям, полицейскими, а также психиатрами

и детскими наркологами. Таким образом, комиссии предоставляют ряд общественных услуг подросткам, находящимся в группе риска, включены в профилактическую работу и, наконец, готовят для суда доклад, включающий анализ поведения и жизни подростка, прогноз совершения им повторного преступления и рекомендуют наиболее эффективные условия надзора. Надзор за поведением несовершеннолетних правонарушителей также входит в функции комиссии.

Отметим также необходимость поддержки продукции массмедиа просветительной, разъяснительной и воспитательной направленности. Так, креативная видеопродукция, размещенная в сети Интернет на таких площадках, как YouTube, имеет куда больший эффект и охватывает более широкую прослойку молодежи, нежели трансляция подобных видеороликов в телевизионном эфире.

Интернет обладает исключительными возможностями в плане визуализации подаваемой информации. Как показывает практика, запущенные в сеть видеоролики, обладающие свойствами «вирусной» рекламы, способны обратить на себя внимание миллионов человек. Видеопродукция обладает способностью воздействовать на психоэмоциональные аспекты личности, тем самым усиливая эффект идеологического воздействия.

Указанная выше деятельность находится в компетенции специалистов отдела идеологической работы, культуры и по делам молодежи исполнительных комитетов местной администрации. Мы считаем, что привлечение частных инициатив в указанном вопросе также будет уместно. Материал, подготовленный частным лицом, возможно даже их ровесником, будет представлен менее формально, что может способствовать повышению интереса к нему и доверия со стороны несовершеннолетних. Стоит отметить, что сотрудничество компетентных государственных органов с блогерами, а также креативная продукция, размещенная в сети Интернет от различных ведомств, имеют большой успех. Например, МЧС регулярно выпускает разъяснительные ролики высокого качества, а также сотрудничает с одним из популярных блогеров в целях освещения повседневной работы спасателя. Также отличным примером силы указанной площадки является то, что мэр Екатеринбурга сотрудничал с одним из местных блогеров с целью привлечения волонтеров для постройки хосписа.

Указанная группа мер направлена на возвращение несовершеннолетних, отбывающих наказание в местах лишения свободы, в социум.

Попадая в места лишения свободы, несовершеннолетние преступники в силу незрелости психики, отсутствия устойчивых морально-этических установок и иных сдерживающих механизмов легко приобретают новые антиобщественные привычки и идеологию. Нередко после периода адаптации к новым условиям криминальная система ценностных ориентаций становится для подростков более привлекательной и кажется более справедливой, чем нормы, с которыми они сталкивались на свободе. Другие, не привыкшие к жизненным трудностям, к самостоятельному решению личностных проблем, потеряв реальные жизненные перспективы и поддержку семьи, легко ломаются под прессингом жестоких взаимоотношений и после периода безнадежности и отчаяния также начинают приспосабливаться к неформальным требованиям тюремной этики. Наибольшая опасность солидаризации с неформальной нормативно-ценностной системой криминальной субкультуры наблюдается у несовершеннолетних осужденных уже в силу естественных психофизиологических и психологических причин, особенно при недостаточно продуманных и адекватных мерах индивидуально-воспитательного воздействия.

Несовершеннолетние осужденные, испытывающие трудности в адаптации к условиям лишения свободы, проявляют высокую чувствительность по отношению

к действительной или ложно понимаемой несправедливости, отличаются неуверенностью в себе, тревожностью, нерешительностью. У них легко формируется враждебность, обуславливающая злопамятность и скрытую агрессивность. Они предпочитают ориентироваться на мнение референтной или значимой неформальной группы, избегают конфликтов, стремятся к одобрению со стороны окружающих. Кроме того, для них характерны проявления агрессивного и аутоагрессивного поведения, направленного на других и на себя, возникающие в ситуациях эмоционального отвержения со стороны значимых лиц, отсутствия близких родственников, рассогласования привычных образцов поведения, противоречащих текущему психоэмоциональному состоянию неожиданных поручений, при предъявлении необоснованных претензий, притеснении со стороны окружающих, при собственных неудачах. Для некоторых же подростков агрессивность, бравада, неповиновение выступают средством поднятия своего личного положения в ближайшем социальном окружении, демонстрацией уверенности.

Как утверждают некоторые исследователи, ресоциализация несовершеннолетних должна начинаться с того момента, когда указанными лицами заинтересовались государственные органы, хотя при должном подходе и материальном обеспечении следственных действий и производства по делам в судах, в которых фигурируют несовершеннолетние, указанный тезис можно практически исключить по той причине, что указанные действия уполномоченных органов не будут травмировать психику ребенка в тех масштабах, в которых это происходит сейчас. Поэтому целесообразно подробнее рассмотреть проблемы ресоциализации и пути их решения на пенитенциарной и постпенитенциарной стадиях, ведь около половины несовершеннолетних, побывавших в местах лишения свободы, возвращаются туда в будущем и только единицы адаптируются в обществе.

На данный момент исследователи выделяют несколько подходов в ресоциализации, обоснованных наличием или отсутствием ювенальной юстиции, правовой семьей, отношением к закрытым исправительным учреждениям и другими факторами.

Первый тип: юридические процедуры юстиции для несовершеннолетних и молодых приближены к общему ходу уголовного правосудия, а ресоциализация соотносится с основными тенденциями ювенальной политики (Нидерланды, Германия, Великобритания).

Второй тип: правовые механизмы ювенальной юстиции соотносятся с общими процедурами уголовного правосудия, но социальные сервисы для несовершеннолетних осужденных выделены в отдельную группу служб (США, Канада, Япония).

Третий тип: система ресоциализации встроена в действующую систему социальной защиты (Италия) или в действующую систему ювенальной юстиции и тесно связана с системой социальной защиты (Франция).

Четвертый тип: ювенальная юстиция отличная и от системы уголовного правосудия, и от социальной помощи. Для осужденных разрабатываются специальные программы (Польша, Румыния, Новая Зеландия).

По нашему мнению, для решения данной проблемы целесообразно обратиться к опыту Республики Польша, где существует несколько «ступеней» пенитенциарных учреждений, разграниченных по степени «закрытости», а также к опыту других зарубежных стран. Например, в США реализуется программа, по которой подростки совмещают работу с учебой, тем самым одновременно лично возмещают нанесенный ущерб, что не создает иллюзию безнаказанности, а также зарабатывают деньги для личных нужд.

В Республике Беларусь допускается заключение трудового договора с лицом, достигшим 16-летнего возраста (ст. 21 Трудового кодекса Республики Беларусь), а в некоторых случаях и 14-летнего возраста (ст. 272 Трудового кодекса Республики Беларусь), что позволяет реализовать указанную выше программу.

Согласно практике, наниматель не стремится принимать на работу несовершеннолетних, однако данный вопрос может решить предоставление налоговых льгот юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям, принявшим на работу несовершеннолетнего, проходящего ресоциализацию, а также привлечение указанной группы лиц к нетяжелым сезонным и муниципальным работам, перечень которых должен быть закреплен в Трудовом кодексе.

УДК 347.96:008(07)

Г. И. ЗАЙМИСТ

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина

КУЛЬТУРА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЮРИСТА (НЕОБХОДИМОСТЬ ФОРМИРОВАНИЯ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ)

Проблема профессиональной культуры специалиста вновь актуализировалась под воздействием современных факторов интернационализации и интеграции мировых процессов, которые определяют новые требования к современным профессионалам для их успешной самоактуализации и самореализации, к перечню их компетенций и компетентности. Какие компетентности специалиста сегодня наиболее востребованы на рынке труда – универсальные или узкоспециальные? Чем определяются и каковы компетентности профессионализма современного успешного специалиста? Эти вопросы в последние несколько десятилетий волнуют заинтересованную общественность на мировом и национальных уровнях.

Стратегия формирования ключевых (в нашем понимании универсальных) компетенций в процессе образования впервые была сформулирована экспертами Совета Европы в 90-е гг. XX в. в «Европейском проекте» по вопросам образования (Брюссель, 1994 г.) и на симпозиуме «Ключевые компетенции для Европы» (Берн, 1996 г.) [1]. В 2006 г. Парламент и Совет Европы сформулировали Рекомендации о ключевых компетенциях обучения в течение жизни «Ключевые компетенции для обучения в течение всей жизни – европейские рамочные установки» (18 декабря 2006 г.) [2]. В 2016 г. на Всемирном экономическом форуме в Давосе был составлен перечень ключевых навыков и компетенций для XXI в. Здесь были также названы 10 профессиональных навыков (компетенций), которые будут актуальны уже в ближайшее десятилетие [3]. Среди них следующие: 1. Комплексное многоуровневое решение проблем. 2. Критическое мышление. 3. Креативность в широком смысле. 4. Умение управлять людьми. 5. Взаимодействие с людьми. 6. Эмоциональный интеллект. 7. Формирование собственного мнения и умения принимать решения. 8. Клиентоориентированность. 9. Умение вести переговоры. 10. Гибкость ума.

На наш взгляд, в контексте этих стратегий следует понимать содержание профессиональной культуры современного специалиста. При глубокой узкопрофессиональной компетентности современный специалист должен обладать широким спектром универсальных компетенций, которые и ученые, и работодатели рассматривают сегодня как весомый фактор успешности специалиста, так как считается, что именно они

формируют его мультидисциплинарное, междисциплинарное и трансдисциплинарное видение ситуационных проблем и способствуют выбору оптимальных, инновационных и перспективных вариантов их решения.

С методологической точки зрения следует различать понятия «профессиональная культура специалиста» и «культура профессиональной деятельности специалиста». Профессиональная культура специалиста предполагает наличие у специалиста соответствующего уровня профессиональной компетентности, сформированность и развитость способности саморегуляции и самоконтроля на соответствующую деятельность, умения мобилизовать свой профессиональный (духовный, личностный и физический) потенциал на успешное решение поставленных задач в соответствующих условиях. Структуру профессиональной компетентности специалиста составляют:

1. Социальная компетентность, определяющая взаимодействие специалиста со средой.

2. Персональная компетентность, включающая уровень подготовленности специалиста.

3. Информационная подготовленность, т. е. профессиональная эрудиция специалиста.

4. Аксиологическая компетентность, включающая ценностные ориентации специалиста в социальной и профессиональной сферах.

5. Коммуникативная компетентность, связанная с владением современными средствами получения, сохранения и передачи информации (в том числе средствами иноязычной коммуникации, IT-технологий).

6. Организаторская компетентность (умение общаться, взаимодействовать, управлять социальными процессами и людьми).

В понятии «профессиональная культура специалиста» в первую очередь фиксируются требования к компетентностям личности специалиста, его соответствия для осуществления того или иного вида профессиональной деятельности. Тогда как понятие «культура профессиональной деятельности специалиста» отражает в первую очередь требования (компетентности) к специалистам *в процессе осуществления того или иного вида профессиональной деятельности*, предопределяемые целью, задачами и способами ее реализации в конкретном обществе, в решении конкретных профессиональных задач. Указанное разграничение понятий имеет особое значение в процессе подготовки специалистов к будущей профессиональной деятельности не только как носителей определенного набора компетентностей, но и способных успешно и креативно их применять в решении самых разнообразных профессиональных задач и ситуаций.

На наш взгляд, формирование культуры профессиональной деятельности специалиста в процессе обучения успешно решается на основе контекстного подхода, когда с помощью всех форм, методов и средств обучения моделируется предметное и социальное содержание усваиваемой профессиональной деятельности; контекстный подход реализуется посредством моделирования предметно-ситуационных, социокультурных, событийно-прогностических, практических ситуаций, в которых студенты погружаются в определенную профессиональную проблему, решение которой включает студента в контексты осваиваемой профессии; практические задания разрабатываются с учетом междисциплинарного характера культуры профессиональной деятельности специалиста и имитируют его будущую профессиональную деятельность, направлены на формирование практических навыков управления процессом профессионального роста, коммуникативного взаимодействия, работы с документами, выбора деонтологически верного варианта поведения и др.

Приведенные выше методологические положения применимы и к исследованию профессиональной культуры юриста, культуры профессиональной деятельности юриста, профессионально-юридической деятельности. Предмет нашего исследования в данной статье – культура профессиональной деятельности юриста. Однако следует заметить, что в специальных исследованиях нет достаточно четкого разграничения данных понятий, что зачастую приводит к смене акцентов исследования. Мы солидарны с Н. А. Абдеевой, определяющей культуру профессиональной деятельности юриста как интегрированное качество личности юриста, основывающееся на высокой общей и специальной юридической образованности, профессиональном опыте, способностях к саморазвитию и самосовершенствованию на базе общей культуры, а также умение эффективно применять личностные и профессиональные качества в процессе повседневной деятельности с учетом современных возможностей и условий информационного образования [4].

Структурный анализ культуры профессиональной деятельности юриста предполагает множество подходов и срезов исследования: образовательный, социологический, психологический, коммуникативный, компетентностный и т. п. В исследованиях последних десятилетий наиболее востребованным является компетентностный подход, на основе которого выделяют следующие структурные элементы культуры профессиональной деятельности юриста: профессиональную компетентность (профессионализм как личностная ценность юриста); ключевые (универсальные, надпрофессиональные) квалификации и компетенции (личностные и межличностные качества, способности, умения и навыки, которые обуславливают продуктивность деятельности юриста в многообразных ситуациях профессиональной жизни); информационные компетентности (читательская культура, юридическая информационная грамотность и осведомленность, владение информационно-коммуникационным обеспечением, умение использовать специальные сетевые интернет-технологии и др.).

Культура профессиональной деятельности юриста по своей направленности не однородна, в качестве определяющих компонентов могут быть и соответствующий профессиональный опыт, мастерство, и культурно-нравственные ценности и т. п. Представляется целесообразным в рамках данного исследования рассмотреть в составе культуры профессиональной деятельности юриста такого компонента, как профессиональная компетентность (профессионализм).

Профессионализм юриста может рассматриваться как структурный элемент культуры его профессиональной деятельности (как совокупность профессиональных компетентностей) и как оценочная ее сторона. Во втором значении профессионализм – это качество деятельности юриста, достигаемое им на основе следования правилам, выработанным и закрепленным в установленном порядке; соответствие требованиям нормативно-правового и профессионально-этического характера. Данный аспект понимания профессионализма юриста дает возможность фиксировать количественные и качественные параметры его деятельности.

К количественным параметрам обычно относят:

а) количество выполненных юристом операций, действий либо законченных производств;

б) время, затраченное на выполнение тех или иных операций либо на решение различных профессиональных задач в процессе юридической деятельности;

в) количество занятых в решении задач специалистов и объем материальных и финансовых ресурсов, затраченных на юридическую деятельность, включая объем чужого труда (полученные услуги в виде помощи, проведенных работ и т. п.);

г) временные и иные расходы адресатов юридической деятельности, в частности потери времени свидетеля, истца, участников переговоров, затраченное время в связи с замедлением скорости выполняемых работ. Эта группа параметров учитывалась наиболее полно криминологами при анализе эффективности профилактических мер.

Перечень количественных параметров, характеризующих профессионализм юриста, может быть продолжен и конкретизирован и по иным признакам [5].

Сложнее выделить качественные параметры профессионализма юриста, так как они отражают саму деятельность, степень ее сложности, выступают либо разграничительными, либо идентифицирующими признаками той или иной конкретной деятельности юриста, маркируют высокую степень его адаптации к решению креативных задач и действиям в нестандартных ситуациях. Качественные параметры отражают свойства именно и только деятельности, осуществляемой в разной степени сложности, требующей самых разнообразных навыков, умений и знаний, характеризующих универсализм юриста.

Именно такие количественные и качественные параметры положены в основу стимулирования и мотивации культуры профессиональной деятельности юристов в Республике Беларусь. Указанное утверждение можно проиллюстрировать на примере требований к номинантам различных профессиональных юридических конкурсов, проводимых в Республике Беларусь. Например:

1. В соответствии с постановлением Министерства юстиции Республики Беларусь с 2003 г. ежегодно проводится конкурс лучших информационных материалов на приз имени В. Д. Спасовича, выдающегося белорусского юриста, публициста, литературоведа [6].

2. С 2006 г. Белорусским республиканским Союзом юристов утверждена с целью повышения престижа юридической профессии премия «Фемида», которая является высшим знаком отличия за вклад в создание демократического общества и развитие институтов правового государства.

Звание лауреата Премии может быть присвоено белорусским и зарубежным юристам, государственным и общественным деятелям Республики Беларусь и других стран, авторским коллективам, коммерческим организациям и их подразделениям или объединениям, общественным организациям и творческим союзам [7].

3. Республиканская коллегия адвокатов ежегодно проводит конкурс на лучшее адвокатское образование, лучшего адвоката, осуществляющего адвокатскую деятельность индивидуально [8].

4. Белорусской нотариальной палатой проводится ежегодный конкурс в номинациях «Лучший нотариус», «Лучшая нотариальная контора» и «Лучшая территориальная нотариальная палата» с целью совершенствования профессионального мастерства нотариусов, дальнейшего повышения уровня правового обслуживания граждан, индивидуальных предпринимателей и юридических лиц.

Задача формирования культуры профессиональной деятельности юриста сформулирована в Концепции развития юридического образования в Республике Беларусь на период до 2025 года (далее – Концепция), определившей основные направления совершенствования юридического образования в условиях развивающейся политической и социально-экономической системы Республики Беларусь [9]. В частности, в ней указывается на необходимость:

– формирования высокого социально-нравственного профессионального облика юриста, обладающего гражданской зрелостью, правовой и политической культурой;

– воспитания у обучающихся патриотизма, уважения к общечеловеческим фундаментальным ценностям и этическим нормам;

– развития новых образовательных технологий, основанных на информационной трансформации образовательной среды, создании открытых образовательных ресурсов, применении облачных технологий, применении инновационных форм и методов обучения (Skype-лекции; партнерские занятия с привлечением ведущих практических работников; off-line и on-line занятия);

– модернизации форм, методов, технологий образовательного процесса на основе стратегий проблемно-исследовательского, активного, практико-ориентированного обучения и др.

Фактически в Концепции предусмотрена четкая программа формирования культуры профессиональной деятельности юриста в соответствии с возникшей потребностью современного общества в подготовке инновационного специалиста.

В последние годы в Республике Беларусь проведен ряд международных, республиканских, региональных, вузовских научно-практических и научно-методических конференций, посвященных актуальным проблемам юридического образования, на которых нашли отражение и вопросы формирования культуры профессиональной деятельности юристов (международная научно-методическая конференция «Актуальные проблемы юридического образования», Минск, 4 декабря 2017 г.; международная научно-практическая конференция «Юридическое образование в Республике Беларусь и в зарубежных странах», Витебск, 2–3 ноября 2018 г.; Ассоциацией развития юридического образования на юридическом факультете БГУ была организована конференция «Юридическое образование в Республике Беларусь: современное состояние и перспективы развития», Минск, 20 июня 2017 г., и др). Выступая на международной научно-методической конференции «Актуальные проблемы юридического образования» (Минск, 4 декабря 2017 г.), С. Я. Аземша, заместитель Председателя Следственного комитета Республики Беларусь, генерал-майор юстиции, подчеркнул, что необходимо в большей степени в процессе обучения уделять внимание воспитанию ответственности и преданности юридической профессии у курсантов и студентов – будущих следователей. По его мнению, юридическую деонтологию мало преподавать в вузе – она должна вращаться в жизнь учебного заведения, студенчества. Реализовать данную задачу можно только совместными усилиями педагогов и практиков. Сотрудник Следственного комитета должен быть прежде всего зрелым человеком, соотносящим свои решения и поступки с нормами морали, осознающим свою ответственность за порученное ему дело отыскания истины, реализацию справедливости и закона [10].

В Образовательном стандарте Республики Беларусь для получения высшего юридического образования последнего поколения (2013 г.), разработанном в соответствии с компетентностным подходом, предусмотрен перечень академических, социально-личностных и профессиональных компетенций для будущих юристов в контексте современных международных и национальных требований к культуре профессиональной деятельности юристов [11]. Однако, на наш взгляд, требуется их дополнение и уточнение в связи с возникшей потребностью современного общества в подготовке инновационного специалиста-юриста, необходимо определить ориентационные компетенции при подготовке юристов для работы в условиях инновационных производств и «индустрии – 4.0» и др.

В педагогической практике высшей школы Республики Беларусь используются две стратегии формирования у будущих специалистов компетенций культуры профессиональной деятельности. Одна из них основана на интегративно-модульном подходе, когда на различных этапах профессионализации формирование компетенций культуры профессиональной деятельности интегрируется и осуществляется в предметно-

дисциплинарных рамках. Другая стратегия предполагает организацию специального теоретического и практического обучения студентов компетентностям культуры профессиональной деятельности будущего специалиста. Как показывает практика, наибольший результат достигается при эффективном сочетании обеих стратегий.

На юридическом факультете Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина с 2015 г. реализуется специальный проект по академической и профессиональной преадаптации студентов младших курсов, который представляет собой систему аудиторных и внеаудиторных форм обучения будущих юристов культуре профессиональной деятельности. Важнейшей составной частью проекта является *специальное теоретическое и практическое обучение указанным компетенциям* в рамках как специальных дисциплин вузовского компонента, так и курсов по выбору или факультативов, среди которых «Методология учебной и научно-исследовательской деятельности студента», «Культура профессиональной деятельности юриста», «Техника юридического письма», «Профессиональные навыки в профессиональной деятельности юриста», «Школа правового просвещения» и др.

Преподавание указанных дисциплин осуществляется на основе контекстного подхода (сущность его определена в начале статьи), использования практико-ориентированных учебных площадок, ресурсов филиалов кафедр факультета, баз ознакомительной, судебно-прокурорской и преддипломной практик, активно приглашаются практические работники (в частности, выпускники факультета) сферы юриспруденции и правоохранительных органов.

Мониторинг мнения студентов старших курсов и выпускников юридического факультета Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина показал, что они высоко оценивают значение преподавания им как специальных дисциплин вузовского компонента, так и курсов по выбору или факультативов для ускоренной их адаптации на рабочем месте, успешного профессионального решения сложных и нестандартных юридических задач и ситуаций.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ключевые компетенции для Европы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://letopisi.org/index.php>. – Дата доступа: 14.08.2014.
2. Рекомендация Парламента и Совета Европы по ключевым компетенциям в сфере непрерывного образования от 18 декабря 2006 г. (2006/962/ЕС) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ec.europa.eu/education/lifelong-learning-policy/doc42_en.htm. – Дата доступа: 16.02.2018.
3. Всемирный экономический форум в Давосе – 2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.weforum.org/agenda/2016/01/the-10-skills-you-need-to-thrive-in-the-fourth-industrial-revolution>. – Дата доступа: 17.02.2018.
4. Абдеева, Н. А. Культура профессиональной деятельности будущего юриста, ее содержание и особенности формирования в условиях [Электронный ресурс] / Н. А. Абдеева. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/kultura-professionalnoy-deyatelnosti-buduschego-yurista-ee-soderzhanie-i-osobennosti-f>. – Дата доступа: 15.02.2019.
5. Юридическая деонтология и сферы ее распространения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://madrace.ru/uridicheskaya-deontologiya/kurs-uridicheskaya-deontologiya-i-sferi-ee-rasprostraneniya/kolichestvennie-parametri-deyatelnosti-iurista>. – Дата доступа: 15.02.2019.
6. Об учреждении приза имени В. Д. Спасовича и проведении ежегодного конкурса [Электронный ресурс] : постановление М-ва юстиции Респ. Беларусь, 24 февр.

2003 г., № 5. – Режим доступа: <http://newsby.org/documents/razn/pos10/postn10457.htm>. – Дата доступа: 20.01.2018.

7. Об утверждении Положения о высшей юридической премии «Фемида» [Электронный ресурс] : постановление Центр. Совета обществ. об-ния «Белорус. респ. союз юристов», 7 сент. 2017 г., № 6.1. – Режим доступа: <http://union.by/event/femida/pologenie/b73a3cbb2e880309.html>. – Дата доступа: 20.01.2018.

8. Инструкция о порядке проведения конкурса на лучшее адвокатское образование, лучшего адвоката, осуществляющего адвокатскую деятельность индивидуально [Электронный ресурс] : утв. постановлением М-ва юстиции Респ. Беларусь, 1 дек. 2015 г., № 203. – Режим доступа: http://www.pravo.by/upload/docs/op/W21530459_1450386000.pdf. – Дата доступа: 21.01.2018.

9. Концепция развития юридического образования в Республике Беларусь на период до 2025 года [Электронный ресурс] : Концепция М-ва образования Респ. Беларусь, 28 авг. 2017 г. – Режим доступа: http://www.brsu.by/sites/default/files/crimlow/28.08.2017_kontsepsiya_s_soglasovaniyami.doc. – Дата доступа: 18.02.2019.

10. Представители Следственного комитета приняли участие в обсуждении вопросов совершенствования юридического образования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sk.gov.by/special/ru/news-ru/view/predstaviteli-sledstvennogo-komiteta-respubliki-belarus-prinjali-uchastie-v-obsuzhdenii-voprosov-5568/>. – Дата доступа: 20.12.2018.

11. Образовательный стандарт Республики Беларусь. Высшее образование. Первая ступень. Специальность 1-24 01 02 Правоведение. Квалификация юрист : ОСВО 1-24 01 02-2013. – Введ. 30.08.2013. – Минск : М-во образования Респ. Беларусь, 2013. – 38 с.

УДК 343.9

И. А. ЗАРАНКА, О. А. БОЙКО

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина

ЛИЧНОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО КИБЕРПРЕСТУПНИКА: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ

В наш информационный век, когда компьютерные технологии развиваются стремительными темпами, «преступления, связанные с использованием компьютерной (вычислительной) техники», «высокотехнологичные» преступления, приобретают все большую актуальность как в нашем государстве, так и в мире в целом. В связи с этим закреплённая категория преступлений на законодательном уровне имеет огромное значение для исследования преступлений в сфере компьютерной информации.

«Киберпреступность» в современном мире является глобальной международной проблемой, о чем свидетельствуют принятые международные договоренности: Конвенция Совета Европы о киберпреступности № 185, Окинавская хартия глобального информационного сообщества, Бангкокская декларация «Партнерство во имя будущего», Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, предусматривающие совместную деятельность по борьбе с этим высокотехнологичным преступлением. Однако в национальном законодательстве не закреплено понятие «несовершеннолетний киберпреступник», что значительно затрудняет изучение данного вида преступности для дальнейшего проведения превентивных методов с киберпреступностью среди несовершеннолетних.

Для того чтобы более точно сформулировать понятие «несовершеннолетний киберпреступник», следует охарактеризовать непосредственно, что же означают такие понятия, как «несовершеннолетний», «правонарушение» и «преступление».

По законодательству Республики Беларусь несовершеннолетние – лица, не достигшие 18 лет. Законные интересы несовершеннолетних (полностью или частично) осуществляют их родители, иные законные представители, опекуны, попечители. По общему правилу, уголовной ответственности подлежат лица, достигшие 16-летнего возраста. За совершение отдельных преступлений, указанных в законе, ответственность может наступить и с 14 лет (убийство, изнасилование, разбой и другие тяжкие преступления). Исходя из анализа действующего белорусского законодательства, определение понятия «несовершеннолетний» можно сформулировать так: несовершеннолетние – это лица, не достигшие возраста, с которым закон связывает наступление полной дееспособности.

Правонарушение – противоправное виновное деяние лица, носящее общественно опасный характер, посягающее на установленный порядок общественных отношений противоправное, виновное действие или бездействие субъектов права.

Согласно Уголовному кодексу (далее – УК) Республики Беларусь, преступлением признается совершенное виновно общественно опасное деяние (действие или бездействие), характеризующееся признаками, предусмотренными УК Республики Беларусь, и запрещенное им под угрозой наказания.

Преступление в самом общем понимании – это правонарушение, совершение которого влечет применение к лицу мер уголовной ответственности. Преступления могут выделяться из общей массы правонарушений по формальному признаку (установление за них уголовного наказания, запрещенность уголовным законом), а также по материальному признаку (высокая степень опасности их для общества, существенность причиняемых ими нарушений правопорядка).

Также целесообразно дать определение киберпреступности для эффективного выявления противоправных деяний. В настоящее время термин «киберпреступность» зачастую отождествляют с термином «компьютерная преступность». К примеру, единственная глава в УК, предусматривающая ответственность за преступления, объектом которых является информация, называется «преступления против информационной безопасности», а в статьях упоминается компьютерная информация.

Действительно, данные термины очень близки друг к другу, но все же не синонимичны. Следует соотносить данные понятия для более точного отражения специфики такого явления, как преступность в информационном пространстве.

Таким образом, использование таких понятий, как «компьютерная преступность» и «киберпреступность», получило в научной литературе и практической деятельности правоохранительных органов Республики Беларусь довольно широкое распространение. Особенностью является то, что такое использование диктуется не наукой уголовного права Республики Беларусь, а преимущественно криминологическими и криминалистическими исследованиями в данной сфере. Однако, как уже было отмечено, в рамках международного сотрудничества в области уголовно-правовой борьбы с «высокотехнологичными» преступлениями использование данных понятий видится целесообразным, так как они обладают признаком универсальности употребления, а их содержание может передаваться через конкретные составы преступлений, закрепленные в том или ином международном договоре.

В связи с этим разделение преступности на «компьютерную» и «преступность в киберпространстве» имеет теоретическую и практическую значимость. Для более

четкого разграничения данных понятий следует определить их сущность. Относя различные составы гл. 31 УК Республики Беларусь к «компьютерным» преступлениям и «киберпреступлениям», следует делать оговорку об их соотношении, учитывая их специфические признаки, которые определяют исключительные моменты, помогающие разграничить данные понятия. Исходя из этого, формируется понятие термина «киберпреступность» – особый вид преступности, который представляет массовое социально-правовое явление, охватывающее совокупность общественно опасных деяний, предусмотренных УК Республики Беларусь, Конвенцией «о киберпреступности» и различными международно-правовыми актами.

Личность преступника – очень важный и один из главных аспектов в преступном деянии, являющийся неотъемлемой частью состава киберпреступления. Непосредственное изучение личности несовершеннолетнего киберпреступника помогает раскрыть мотивы киберпреступления, мировоззрение несовершеннолетнего киберпреступника, общие закономерности киберпреступлений. Установление мотивов совершения киберпреступления имеет важное значение для решения вопросов квалификации преступлений, назначения наказания и профилактики киберпреступности. Поэтому при рассмотрении типовых особенностей личности несовершеннолетних киберпреступников важно иметь в виду их мотивационную составляющую, чтобы определить признаки субъекта данной категории преступности.

Понятия личности в психологической и правовой науках не всегда совпадают по своему значению. В правовых исследованиях понятие «личность» обычно употребляется в более узком смысле. Когда юрист говорит о личности преступника, то имеет в виду прежде всего те черты, которые делают человека субъектом криминального поведения и которые для него типичны и существенны в соответствии с его правовым положением, абстрагируясь от остальных. Понятие личности преступника в большей мере условное, поскольку его действия преступными могут считаться только в зависимости от действующего законодательства.

Личность является объектом изучения многих наук. Например, философы исследуют общественные свойства личности: роль в обществе, взаимоотношения между личностью и обществом, особенности индивидуального и общественного сознания. Психологов интересует содержание всех психических процессов, свойств и состояний личности: сознания, ощущения, восприятия, характеристика мыслительного процесса, эмоциональные и волевые свойства и состояния, интересы, потребности, характер, темперамент, способности [1, с. 23]. Юристы исследуют личность в сфере возникновения и действия определенных правоотношений.

С. И. Ожегов, считает, что «личность» – это «...человек как носитель каких-нибудь свойств, лицо...» [2, с. 280]. В. И. Даль определяет личность как «лицо, самостоятельное, отдельное существо» [3, с. 601].

Как можно заметить, личность с позиции любой науки – это прежде всего любой человек, т. е. «человек со своими взглядами и убеждениями, проявляющий свою уникальную целостность, единство социально-психологических качеств в межличностных, общественных отношениях, сознательно участвующий в той или иной деятельности, понимающий свои действия и способный руководить ими» [4, с. 34].

Личность преступника, т. е. человека, который совершил преступление, изучается не только с позиции уголовного права, криминологии и криминалистики, но и представителями психологии.

В криминологии ученые дают самые различные определения личности преступника. По мнению Ф. Зелинского, личность преступника – это альфа и омега крими-

нальной психологии, ее краеугольный камень. Человек, который нарушил уголовный закон, является автором преступления, а его «дело» превращает гражданина в преступника [5, с. 15].

П. С. Дагель в уголовно-правовом смысле личность преступника определяет как «совокупность социально политических, психических и физических признаков лица, совершившего преступление, имеющая уголовно-правовое значение» [6, с. 13].

С точки зрения А. Алексева, «личность преступника представляет собой совокупность социально значимых свойств, которые в сочетании с внешними условиями (ситуацией) влияют на преступное поведение» [7, с. 318].

Профессор Ю. М. Антонян личность преступника определяет как «личность человека, который совершил преступление вследствие присущих ему психологических особенностей, антиобщественных взглядов, отрицательного отношения к нравственным ценностям и выбора общественно опасного пути для удовлетворения своих потребностей или непроявления необходимой активности в предотвращении отрицательного результата» [8, с. 120].

В. Н. Бурлаков и Н. М. Кропачев определяют личность преступника как «совокупность социально-психологических свойств, которая при определенных ситуативных обстоятельствах (или помимо них) приводит к совершению преступления» [9, с. 43].

Данные характеристики личности преступника не дают полного и достаточного отражения специфики личности несовершеннолетнего киберпреступника, данные подходы раскрывают ее в широком смысле, что существенно сказывается на деятельности правоохранительных органов. Без точного отражения специфики личности несовершеннолетнего киберпреступника, точнее без законодательно установленного понятия данного специального субъекта киберпреступлений, деятельность правоохранительных органов по раскрытию и предотвращению данной категории преступлений не будет продуктивна и не сможет совершенствоваться, что повлечет за собой неправильную квалификацию и оставление виновных безнаказанными, что недопустимо. Для того чтобы предотвратить и не допустить данный парадокс, следует вывести единое общее законодательно закрепленное понятие личности несовершеннолетнего киберпреступника.

Как известно, личность человека, виновно совершившего общественно опасное деяние, запрещенное законом под угрозой привлечения к уголовной ответственности, выражает его социальную сущность, сложный комплекс характеризующих его свойств, связей, отношений, его нравственный и духовный мир, взятые в развитии, во взаимодействии с социальными условиями, с психологическими особенностями, в той или иной мере повлиявшими на совершение им преступления [10, с. 28]. Для более точного определения понятия личности несовершеннолетнего киберпреступника следует выделить специфичные признаки, которые включают в себя, по мнению многих ученых, комплекс социально-демографических, социально-ролевых (или функциональных), психологических признаков, в определенной степени связанных с преступными действиями, характеризующих общественную опасность и объясняющих причины совершения преступления.

Таким образом, на основании приведенных выше определений, мнений, суждений ученых можно представить следующее понятие личности несовершеннолетнего киберпреступника. Личность несовершеннолетнего киберпреступника – это физическое лицо, которое обладает совокупностью социально-политических, психических и физических признаков, порождающих совершение преступления исключительно в киберпространстве, совершение которого влечет применение мер уголовной ответственности

к лицу, не достигшему возраста, с которого закон связывает наступление полной дееспособности. Данное определение личности, на наш взгляд, позволяет более продуктивно исследовать и изучать сложившуюся криминогенную ситуацию в области киберпреступности несовершеннолетних в Республике Беларусь, разрабатывать и применять превентивные методы борьбы с данной категорией преступности, в связи с чем, на наш взгляд, целесообразно законодательное закрепление данного определения личности несовершеннолетнего киберпреступника в методических разработках для правоохранительных органов, которые занимаются расследованием этой категории преступлений.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богословский, В. В. Общая психология / В. В. Богословский. – М. : Просвещение, 2002. – 383 с.
2. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. – М., 1984. – С. 280–281.
3. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. – М., 1994. – 667 с.
4. Романов, В. В. Юридическая психология / В. В. Романов. – М. : Юристъ, 1998. – 436 с.
5. Дагель, П. С. Учение о личности преступника в советском уголовном праве / П. С. Дагель. – М. : Владивосток, 1972. – 250 с.
6. Аванесов, Г. А. Личность преступника / Г. А. Аванесов. – М. : Юрид. лит., 1975. – 369 с.
7. Лазурский, А. Ф. Классификация личностей / А. Ф. Лазурский, М. Я. Басов, В. Н. Мясичев. – М. ; Пб. : Гос. изд-во, 1921. – 401 с.
8. Кудрявцев, В. Н. Криминология : учеб. пособие / В. Н. Кудрявцев, В. Г. Эминов. – Изд. 2-е. – М. : Юристъ, 1999. – 126 с.
9. Бурлаков, В. И. Криминология : учеб. пособие / В. И. Бурлаков, Н. М. Кропачев. – СПб. : СПбГУ, 2002. – 68 с.
10. Казакова, Ю. К вопросу о личности преступника, совершающего корыстно-насильственные преступления при оказании услуг по перевозке пассажиров / Ю. Казакова // Рос. следователь. – 2007. – № 7. – С. 28–30.

УДК 343

О. Н. ИВАНЧИНА

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ ИЗ РЕЛИГИОЗНЫХ УБЕЖДЕНИЙ

Актуальность темы. Преступления, совершаемые из религиозных убеждений, делают чрезвычайно актуальной проблему исследования религиозной безопасности человека и общества. Чтобы иметь адекватные возможности для реализации национальной безопасности, необходимо эксплицировать криминологические аспекты современной деструктивной религиозности, которая мотивирует человека на совершение преступлений. Наибольшая актуализация научных исследований преступлений, совершенных из религиозных убеждений, в русскоязычном пространстве произошла в 1990-е гг. в связи с импортом деструктивных религиозных организаций на территорию бывшего СССР. Этот период (90-е гг. XX в.) был одновременно «ренессансом» религиозности и пиковым взрывом преступности на постсоветском пространстве.

Историография. Преступления, совершаемые из религиозных убеждений, неоднократно исследовались в рамках российского уголовного права и криминологии [1–3]. Деструктивно-криминогенный потенциал некоторых религиозных организаций выявляли в своих работах В. Ю. Гадаев [4], С. В. Козлов [5], И. А. Тарасевич [6–8] и другие исследователи. Поскольку в мире деструктивная религиозность принесла криминальные плоды гораздо раньше (с 1950-х гг.), постольку процесс ее криминологического исследования начался за рубежом также раньше, чем на постсоветском пространстве.

В начале XXI в. на глобальном уровне стал заметен рост одного из наиболее опасных видов преступности – терактов, совершаемых из религиозных побуждений. Изучение преступлений, совершаемых из религиозных побуждений, осуществляется в настоящее время в рамках одного из современных направлений криминологии – криминотеологии. В сущности, все исследования такого рода выступают как междисциплинарные, потому что проводятся на стыке криминологии и сектоведения – раздела религиоведения, изучающего секты. Поэтому помимо юридических источников используется также религиоведческая и сектоведческая литература. Криминологическая характеристика преступлений, совершаемых из религиозных убеждений, базируется в равной степени как на теории уголовного права, так и на данных сектоведения.

Методология криминологического исследования преступлений, совершаемых из религиозных убеждений, опирается на следующие подходы и методы:

- *генетический подход*, позволяющий выявить формирование опасного состояния личности преступника в деструктивной религиозной организации;
- *компаративный анализ*, позволяющий выявлять отличия в мотивации различных преступлений, совершаемых из религиозных побуждений;
- *экстраполяция и аналогия*, которые позволяют переносить выводы с одной группы объектов на другие объекты, аналогичные первым;
- *сравнительно-правовой метод*, благодаря которому осуществляется сравнение норм права разных государств в отношении санкций к преступникам за уголовно наказуемые деяния, совершаемые из религиозных побуждений.

Виды преступлений, совершаемых из религиозных убеждений, чрезвычайно многообразны. Главное их отличие от всех иных преступных посягательств – наличие религиозного мотива и религиозно окрашенной цели (результата) в составе преступления (таблица 1).

Таблица 1 – Виды преступлений, совершаемых из религиозных убеждений

Виды преступлений	Деяния
Насильственные преступления	<ol style="list-style-type: none"> 1. Жертвоприношение. 2. Ритуалы очищения. 3. Доведение до самоубийства (склонение к суициду). 4. Отказ от медицинской помощи. 5. Ограничение свободы (информации, передвижения, общения, вступления в брак и т. д.). 6. Половые преступления (педофилия, изнасилование и др.). 7. Посягательства на свободу совести (психологическое давление и др.).
Корыстные (экономические) преступления	<ol style="list-style-type: none"> 1. «Добровольные» пожертвования (принуждение, манипуляции с психикой адептов и др.). 2. Мошенничество (вынуждение брать кредиты в банках на свое имя для использования религиозной общиной; «дарение» недвижимости общине и др.).

Криминология оперирует ставшими уже довольно типичными проявлениями деструктивности ряда религиозных конфессий. В Уголовном кодексе (далее – УК) Республики Беларусь такие проявления зафиксированы в виде значительного перечня деяний (таблица 2).

Таблица 2

Статья Уголовного кодекса	Конфессии, для адептов которых характерны указанные в Уголовном кодексе деяния, совершаемые из религиозных убеждений
Статья 130. Разжигание расовой, национальной, религиозной либо иной социальной вражды или розни.	Сатанизм, радикальные направления ислама.
Статья 139. Убийство.	«Народный храм», радикальные направления ислама, сатанизм, Международное общество сознания Кришны (далее – МОСК), неопятидесятничество.
Статья 145. Доведение до самоубийства.	Свидетели Иеговы, фалунгунь.
Статья 146. Склонение к самоубийству.	Сатанизм, фалунгунь, «Белое братство».
Статья 161. Неоказание медицинской помощи больному лицу.	Свидетели Иеговы (в связи с отказом от переливания крови; ранее имел место отказ от прививок).
Статья 168. Половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим 16-летнего возраста.	МОСК.
Статья 170. Понуждение к действиям сексуального характера.	«Ашрам Шамбалы», МОСК, «Семья любви».
Статья 171. Организация и (или) использование занятия проституцией либо создание условий для занятия проституцией.	«Семья любви».
Статья 181 ¹ . Использование рабского труда.	«Народный храм», МОСК.
Статья 193. Организация либо руководство общественным объединением, религиозной организацией, посягающими на личность, права и обязанности граждан.	«Ашрам Шамбалы», МОСК, «Семья любви», «Народный храм», «Богородичный центр», сатанизм, радикальные направления ислама и др.
Статья 127. Геноцид.	Сатанизм, радикальные направления ислама.
Статья 289. Акт терроризма. Статья 290. Угроза совершением акта терроризма. Статья 290 ⁴ . Создание организации для осуществления террористической деятельности либо участие в ней. Статья 290 ⁵ . Организация деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации. Статья 361-1. Создание экстремистского формирования. Статья 361-2. Финансирование деятельности экстремистского формирования.	Аум Синрикё, радикальные направления ислама.

Продолжение таблицы 2

Статья 346. Надругательство над историко-культурными ценностями.	Сатанизм, радикальные направления ислама.
Статья 347. Надругательство над трупом или могилой.	Сатанизм.

В определении убийства, хулиганства, вандализма и других деяний в УК Республики Беларусь не содержатся в качестве отдельных квалифицирующих признаков мотивы политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. В то время как в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) они отдельно прописаны по каждому виду деяния, которое может быть совершено из религиозных побуждений: геноцид (ст. 357 УК РФ), истязание (п. «з» ч. 2 ст. 117 УК РФ), надругательство над телами умерших и местами их захоронения (п. «б» ч. 2 ст. 244 УК РФ) и др. Это позволяет вести корректную систему учета преступлений, где мотивом и целью преступления являются религиозные убеждения [9]. Помимо этого, детальное уголовное законодательство определяет адекватную ответственность за совершенные деяния.

На наш взгляд, белорусский уголовный закон также нуждается в дополнении к определению ряда преступлений отягчающим мотивом – религиозным. Это позволит вести статистику по преступлениям, совершаемым из религиозных побуждений, хотя и несколько осложнит работу следствия: появится дополнительный аспект предмета доказывания. Отсутствие четко выявленного религиозного мотива преступления не позволяет правильно его квалифицировать, адекватно наказать и эффективно перевоспитывать преступника. Кроме того, невозможно грамотно осуществлять превенцию, если не выяснены истинные мотивы уголовно наказуемого деяния и его причины.

Личность преступника. Религиозные убеждения могут выступать не только как позитивные жизненные установки, но и как разрушительные идеологемы, как фобии и мании, как деструктивное «мессиянство», как сопровождающий фон для психических расстройств. Лица, совершающие преступления из религиозных убеждений, как правило, являются активными последователями деструктивных религиозных направлений. Все они являются совершеннолетними (нам не встречались данные о несовершеннолетних преступниках). В преступлениях, совершаемых из религиозных побуждений, чаще всего участвуют мужчины. Однако даже в таком «мужском» виде преступлений, как убийство, иногда замешаны женщины. В России «участница религиозной группы пятидесятников С. под влиянием религиозных проповедей руководителей объединения “после непрерывного трехдневного моления, во искупление грехов, доской убила 11-месячного внука” и пыталась убить второго (пятилетнего) внука» [Цит. по: 10, с. 46]. Среди убийц – адептов деструктивных организаций нередко фигурируют последователи радикального ислама, сатанизма, неопятидесятничества. Такие преступления нередко являются не чем иным, как отправлением религиозного ритуала (по приказу «свыше», для «очищения» и «искупления», в качестве жертвоприношения).

Личность преступника характеризуется глубокой религиозной верой, подпитывающей «сверхценные ценности», которые для адептов сект важнее, чем жизнь и здоровье человека. Человек, находящийся в опасном для общества состоянии, переживает спектр состояний и мировоззренческих установок:

– ощущение сепарации, отделения себя и своей общины от всего остального мира, противостояния: «Мы» («свои») и «Они» («чужие»);

– переживание избранности, элитарности из-за обладания «сверхценными ценностями» (духовными знаниями и практиками).

Такие состояния, доведенные до апогея, могут мотивировать верующего на разжигание вражды и ненависти с теми, кто мыслит иначе. Духовная нетерпимость к другому – это необходимый мировоззренческий аспект всех преступлений, совершенных из религиозных побуждений.

Мотивами преступника могут выступать религиозная ненависть или вражда, необходимость совершения религиозного ритуала (как проявление инструментальной агрессии), необходимость поддерживать «дисциплину» в религиозном объединении, выполнить приказ (распоряжение) религиозного лидера и др.

Личность потерпевшего. Как правило, характеристика потерпевшего зависит от конкретного вероучения. Так, от насильственных преступлений, совершенных сатанистами и радикально настроенными исламистами, страдают в первую очередь христиане. В 1993 г. в России в праздник православной Пасхи в Оптиной пустыни сатанист убил «по приказу дьявола» троих монахов. Ритуальное принесение в жертву человека сатанистами в XX–XXI вв. практиковалось не только в России, но и в Беларуси, Италии, Аргентине, Германии, Греции, Мексике, США и других странах.

Особую категорию убийств составляют «убийства чести», совершенные мужчинами в отношении женщин (чаще всего жен, сестер, дочерей), которые совершили «недостойный поступок». Исламское вероисповедание – это то, что объединяет и преступника, и его жертву. Мужчины, которые считают себя оскорбленными, не видят иного выхода, как уничтожить физически женщину, которая «неправильно себя ведет». По данным ООН, в мире ежегодно гибнет около 5 тыс. мусульманских женщин в результате «убийств чести». В других конфессиях такого явления в массовых масштабах не выявлено.

Среди потерпевших от разных насильственных преступлений немало детей, которые чаще всего связаны родственными отношениями с преступниками или находятся в иной зависимости от них.

Жертвами половых преступлений (из религиозных мотивов) становятся несовершеннолетние любого пола и женщины.

Кто является истинным виновником – лицо, совершившее уголовно наказуемое деяние, либо религия (секта), которая «обработала» человека, направила его на конкретный путь, сделала его моральным уродом? Принцип личной ответственности в уголовном праве не оставляет выбора: конечно же, физическое лицо, совершившее преступление. Но и сам «преступник» также может выступать духовной жертвой религии (секты), которая использовала его в своих целях, отняла у него свободу выбора, воздействуя на его сознание посредством различных незаконных средств (наркотики, электрический ток, техники суггестии и психологических манипуляций и т. д.). К сожалению, руководители деструктивных религиозных организаций нередко уходят от уголовной ответственности, хотя они, по сути, являлись организаторами и идейными вдохновителями для исполнителей.

Предупреждение преступлений, совершаемых из религиозных убеждений. К деятельности такого рода относят осуществление превентивных мер на общесоциальном, специальном и индивидуальном уровнях.

Общесоциальный уровень включает в себя:

- законодательное обеспечение религиозной безопасности граждан путем ограничения распространения деструктивной религиозности;
- информирование граждан о возможных потенциальных опасностях.

Специальный уровень включает в себя надзор за религиозными конфессиями, которые потенциально имеют в системе своего вероучения и идеологии криминологические риски.

Индивидуальный уровень включает в себя:

– медицинское обследование (в том числе психиатрическое и психологическое) лиц, которые находятся в опасном состоянии;

– медицинская и психологическая реабилитация лиц, пострадавших от деструктивной религиозности.

Так как после воздействия некоторых религиозных учений полная реабилитация психики человека невозможна на протяжении всей последующей жизни, то превентивные меры в данной области выступают важной составляющей программ здравоохранения и национальной безопасности.

Выводы. Для уголовного законодательства Республики Беларусь было бы полезно перенять опыт законодательства Российской Федерации, выражающийся в точной квалификации различных деяний с признаком «по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы». На наш взгляд, точная квалификация поможет: 1) корректно определять санкцию за совершенное деяние; 2) осуществлять грамотную превенцию в отношении преступлений, совершаемых из религиозных побуждений.

Поскольку для представителей неокультов уже сложились типичные криминальные проявления для каждого объединения, основанные на конкретных религиозных убеждениях, то возможно осуществление выявления, прогнозирования, характеристики преступлений такого типа и классификации личности преступника.

На наш взгляд, необходимость контроля за потоками информации требует самого внимательного аналитического исследования и уголовно-правового регулирования. Современные информационные войны продемонстрировали как значимость независимых источников информации, так и значимость критического и аналитического мышления. Необходима не только религиозоведческая экспертиза литературы, но и психолого-психиатрическая экспертиза личности преступника при расследовании преступлений, где мотив может быть детерминирован религиозной идеологией.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шевкопляс, Е. М. Уголовно-правовая охрана свободы совести в России : дис. ... канд. юрид. наук / Е. М. Шевкопляс. – Омск, 1999. – 194 л.
2. Демидов, А. В. Религиозные организации деструктивного характера и специфика предупреждения органами внутренних дел их криминальной деятельности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. В. Демидов. – М., 2010. – 24 с.
3. Димитрова, Е. А. Уголовная ответственность за организацию религиозного объединения, посягающего на личность и права граждан : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Е. А. Димитрова. – Красноярск, 2004. – 24 с.
4. Гадаев, В. Ю. Религиозная безопасность в контексте духовной безопасности / В. Ю. Гадаев // Теория и практика обществ. развития. – 2014. – № 10. – С. 13–16.
5. Козлов, С. В. Юридические механизмы обеспечения религиозной безопасности : дис. ... канд. юрид. наук / С. В. Козлов. – Ростов н/Д, 2007. – 138 л.
6. Тарасевич, И. А. Религиозная безопасность Российской Федерации: оценка влияния изменений, внесенных в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство в 2012–2013 годах / И. А. Тарасевич, Д. А. Кириллов // Вестн. Тюмен. гос. ун-та. – 2014. – № 3. – С. 27–34.

7. Тарасевич, И. А. Проблемы совершенствования уголовно-правовых и организационных средств религиозной безопасности в сфере противодействия религиозным объединениям деструктивной направленности / И. А. Тарасевич, Д. А. Кириллов // Бизнес в законе. – 2013. – № 6. – С. 60–66.

8. Тарасевич, И. А. Уголовно-правовые средства обеспечения религиозной безопасности Российской Федерации: об изменениях, внесенных в 2012–2013 годах в статьи 148, 239 Уголовного кодекса / И. А. Тарасевич, Д. А. Кириллов // Черные дыры в рос. законодательстве. – 2013. – № 5. – С. 50–56.

9. Казанцева, Н. В. Криминологическая характеристика преступлений, посягающих на свободу совести (по результатам эмпирического исследования) / Н. В. Казанцева // Вестн. Поволж. ин-та упр. – 2014. – № 4 (43). – С. 57–64.

10. Дмитриев, О. В. Сектанство: уголовно-правовые аспекты : учеб. пособие / О. В. Дмитриев, М. С. Фокин. – Омск : Омский гос. ун-т, 2002.

УДК 343.211

Л. В. ПАВЛОВА

Минск, Национальный центр законодательства и правовых исследований
Республики Беларусь

ПОНЯТИЯ «ПОТЕРПЕВШИЙ» И «ЖЕРТВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ» В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ, КРИМИНОЛОГИИ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Эффективное формирование отечественной уголовной политики, определение легальных альтернатив карательному воздействию, совершенствование законодательства и правоприменительной практики вряд ли возможны, если с позиций уголовного права не учитываются проблемы лица, которому преступлением причинен вред. В связи с этим для уголовного права объективной потребностью является уголовно-правовое познание потерпевшего. В ранее проведенных исследованиях нами рассмотрены вопросы соотношения потерпевшего в уголовном праве и уголовном процессе. Отмечено, что различия, имеющиеся в уголовно-правовых и уголовно-процессуальных характеристиках потерпевшего, позволяют говорить о неравнозначности понимания потерпевшего в уголовном праве и уголовном процессе. Более широкое представление о потерпевшем сложилось в уголовном праве. Такая нетождественность обусловлена включенностью потерпевшего в объект преступления, моментом возникновения уголовных и уголовно-процессуальных правоотношений, кругом лиц, приобретающих статус потерпевшего, их функциональную ролью [1, с. 338–343].

Вместе с тем для решения вопроса о терминологическом обозначении лица, в отношении которого совершено общественно опасное деяние, и формировании его определения необходимо рассмотреть соотношение понятия потерпевшего в уголовном праве с представлениями о жертве преступления, разработанными в криминологии, международно-правовых актах и законодательстве зарубежных стран.

В национальной правовой системе термин «жертва преступления» употребляется в криминологическом контексте. Его активное использование началось в 60-е гг. XX в., в том числе для раскрытия виктимологических характеристик лица, пострадавшего от преступления [2, с. 5–16]. В понятийном аппарате уголовного права и уголовного процесса данный термин практически не применяется.

По мнению известного советского криминолога Л. В. Франка, термины «потерпевший» и «жертва» являются синонимами: в качестве потерпевшего от преступления, а равно жертвы преступления ученый рассматривал человека или определенную общность людей в любой форме их интеграции, которым прямо или косвенно преступлением причинен вред [3, с. 8–9]. Некоторую дискуссионность сохраняет вопрос о круге лиц, которых необходимо рассматривать как жертв преступлений. До настоящего времени общепризнанного решения по данному поводу не выработано. Исключение составляет лишь подход, в соответствии с которым в качестве жертвы все исследователи рассматривают физическое лицо. Так, наиболее распространенным является представление о жертве как «человеке, понесшем физический, моральный или имущественный ущерб от преступления, независимо от того, признан ли он потерпевшим в установленном законом порядке либо оценивает себя таковым субъективно» [4, с. 107].

В противовес позиции о синонимичности терминов «жертва» и «потерпевший» ряд ученых полагают, что эти термины различны. Д. В. Ривман отмечал, что «для виктимологии как общей теории жертвы, предмет которой – пострадавшие в любых ситуациях некриминального характера (экологические катастрофы, стихийные бедствия, сбой в работе техники и т. п.), термина «жертва» вполне достаточно, хотя он обозначает пострадавшего, не детализируя механизма причинения вреда. Однако такая нивелировка не подходит, когда речь идет о лице, которому причинен вред непосредственно преступлением. ...Криминальной (криминологической) виктимологии необходим термин, учитывающий это обстоятельство, а именно «потерпевший». Отказ от его использования в виктимологии практически ставит знак равенства между жертвой любых проявлений жизнедеятельности человека и жертвой преступника, а в более узком плане – непосредственной и опосредованной, потенциальной и реальной» [5, с. 33–34].

Иными учеными также обращается внимание на необходимость учета прямой связи совершенного преступления и пострадавшего лица и обозначается правовая природа последнего. При этом отмечается, что во многих постсоветских странах термин «жертва преступления» не употребляется в юридическом смысле, для этого в праве используется термин «потерпевший» [6, с. 155]. Развивая данное положение, можно сказать, что «жертва преступления» обретает юридическое значение в правоотношениях и предстает в качестве потерпевшего.

В этой связи полагаем, что основное отличие между рассматриваемыми понятиями потерпевшего в уголовном праве и жертвой преступления в криминологическом контексте заключается в их функциональном назначении. Криминологическое понятие «жертва преступления» не связано напрямую с правовым статусом данного лица, а используется для выяснения виктимологических и иных характеристик лица, его роли в криминальной ситуации, предупреждении преступлений и т. п.

В уголовном праве термин «потерпевший» необходим для обозначения лица, в отношении которого совершено общественно опасное деяние, запрещенное уголовным законом, и формирования его правового статуса. Данное определение должно основываться на характеристиках потерпевшего как признака объекта преступления. Полагаем, что с позиций уголовного права в качестве потерпевшего следует рассматривать участника охраняемых уголовным законом общественных отношений, чьи права, свободы и законные интересы нарушены общественно опасным деянием, запрещенным указанным законом, в результате чего ему причинен вред либо создана угроза причинения такого вреда [7, с. 52–58].

Представленное определение потерпевшего применимо как к физическим, так и юридическим лицам и иным институциональным образованиям. В его основу положено

рассмотрение потерпевшего как участника охраняемых уголовным законом общественных отношений, и акцент сделан не на причинении ему вреда, а на предшествующем этому факте – нарушении охраняемых уголовным законом прав, свобод и законных интересов потерпевшего. Тем самым устраняется правовая неопределенность, связанная с дефиницией потерпевшего, предусмотренной в ст. 49 Уголовно-процессуального кодекса (далее – УПК) Республики Беларусь, о том, что потерпевшим является лицо, которому причинен реальный материальный ущерб, физический или моральный вред, поскольку в предлагаемом определении в качестве потерпевшего возможно рассматривать и лиц, в отношении которых уголовно наказуемым приготовлением либо покушением была создана угроза причинения вреда, а также лиц, претерпевших посягательства с формальным или усеченным составом (например, вымогательство (ст. 208 Уголовного кодекса (далее – УК) Республики Беларусь)).

Принципиально иная ситуация в части использования термина «жертва преступления» сложилась в международном законодательстве и правовых системах многих зарубежных стран. В международном праве определение термина «жертва» приведено в Декларации основных принципов правосудия для жертв преступления и злоупотребления властью № 40/34, утвержденной Генеральной Ассамблеей ООН 29 ноября 1985 г. [8, с. 510–518].

Согласно п. 1 р. А указанной Декларации, «под термином “жертвы” понимаются лица, которым индивидуально или коллективно был причинен вред, включая телесные повреждения или моральный ущерб, эмоциональные страдания, материальный ущерб или существенное ущемление их основных прав в результате действия или бездействия, нарушающего действующие национальные уголовные законы государств-членов, включая законы, запрещающие преступное злоупотребление властью». Далее отмечается, что «в соответствии с настоящей Декларацией то или иное лицо может считаться “жертвой” независимо от того, был ли установлен, арестован, предан суду или осужден правонарушитель, а также независимо от родственных отношений между правонарушителем и жертвой. Термин “жертва” в соответствующих случаях включает близких родственников или иждивенцев непосредственной жертвы, а также лиц, которым был причинен ущерб при попытке оказать помощь жертвам, находящимся в бедственном положении, или предотвратить виктимизацию» [8, с. 510–511].

Очевидно, что приведенное понятие «жертвы» включает в себя достаточно широкий круг лиц, которые вправе рассчитывать на защиту нарушенных прав, свобод и законных интересов. Однако опыт зарубежных стран свидетельствует о том, что с учетом рекомендательного характера приведенных норм, как правило, данные положения не получают прямой реализации, а имплементируются с учетом специфики национального законодательства. В США и ряде западноевропейских стран определение и правовой статус жертвы регламентированы отдельными правовыми актами, что свойственно государствам как имеющим, так и не имеющим кодифицированной системы права [9, с. 41, 94; 10; 11]. Например, легальная дефиниция жертвы закреплена в польской Хартии прав жертв, определяющей, что жертвой является физическое лицо, законные интересы которого были непосредственно нарушены или поставлены под угрозу совершенным преступлением [9, с. 67]. При этом наибольшие гарантии восстановления нарушенных прав, свобод и законных интересов предоставляются жертвам, отвечающим определенным требованиям, общими из которых являются следующие: причиненный ущерб должен быть прямым (исключения составляют случаи смерти непосредственных жертв, когда их права переходят к близким родственникам, и т. п.), жертва не должна иметь заинтересованности в совершенном преступлении, не провоцировать

правонарушителя, не уклоняться от дачи показаний, обосновать сумму ущерба и т. п. [9, с. 222; 12, с. 62].

Это позволяет предположить, что положение жертвы, права и обязанности которой закреплены в определенных правовых актах зарубежных государств (т. е. жертва как участник правоотношения), отличается от отечественного, сугубо криминологического понимания жертвы. Схожие выводы сделаны К. И. Кухтой и В. Н. Маховым, исследовавшими правовой статус жертвы преступления (потерпевшего) в уголовном процессе США. Ими отмечено, что «в законодательстве и других правовых актах США используется слово “жертва” преступления для обозначения лица, которое пострадало в результате совершения преступления и обладает рядом прав, обеспечивающих ее безопасность и возмещение вреда, причиненного преступлением» [12, с. 3].

Соответственно, в международном праве и в законодательстве ряда зарубежных стран, в отличие от отечественной юридической практики, термин «жертва» используется и в криминологическом, и в правовом значении, что в последнем случае выступает в качестве аналога отечественному термину «потерпевший».

Терминологическое наименование лица, которому преступлением причинен вред, по образцу западных государств (т. е. с внедрением в белорусское законодательство термина «жертва») полагаем нецелесообразным. В качестве оснований для подобного рода возражений можно привести многогранность характеристик и большую устойчивость данного термина именно в криминологии, а не в уголовном праве; также следует принять во внимание национально-культурологические различия и особенности языкового перевода.

Например, исследователь Г. П. Басс отмечает, что концепт «жертва» в русском языке является «носителем отрицательной оценочности, коннотаций вынужденности, нежелательности. Ряд английских лексем не содержат оценочного компонента и приобретают его только в контекстном употреблении» [13, с. 15]. На основании проведенного исследования ученым сделан вывод, что «исследуемый концепт «жертва» в русском и английском языках обладает признаками семантического и некоторого структурного подобия, однако обнаруженные различия не позволяют говорить о полном совпадении. При передаче репрезентантов русского концепта в английском языке... этнокультурная информация и специфические мировоззренческие представления утрачиваются» [13, с. 19]. Более того, навязанное признание лица жертвой, имеющее в русском языке по семантическому значению отрицательную заряженность, содержит в себе и психологический подтекст. В частности, запускает определенные психологические процессы, установки, которые формируют восприятие себя как жертвы, что не всегда может быть во благо для потерпевшего.

Таким образом, полагаем уместным для обозначения лица, пострадавшего от преступления, в уголовно-правовой сфере сохранить использование термина «потерпевший» и не вводить термин «жертва преступления». Подобный подход использован и в Концепции защиты жертв преступной деятельности. В частности, в данной концепции дано определение понятия «жертва преступления» на основании норм международного права и разъяснено, что «в дальнейшем в настоящей Концепции при изложении понятия “жертва преступления” будут употребляться термины “потерпевший от преступления”, “потерпевший от преступной деятельности” применительно к положениям, касающимся законодательства Республики Беларусь» [14]. К тому же термин «потерпевший» является основным и наиболее стабильным для уголовного права, подтверждением чему являются такие устоявшиеся выражения, как потерпевший как признак объекта преступления, латентный потерпевший, вина потерпевшего и др.

На основании проведенного исследования представляется возможным заключить следующее. В отечественной правовой традиции неравнозначны понятия «потерпевший» и «жертва». Первое используется для обозначения данного лица как участника правоотношения; второе – при выяснении виктимологических и иных характеристик физического лица, его роли в криминальной ситуации. Особое определение «жертвы» используется в международно-правовых актах и законодательстве зарубежных стран. Учитывая национально-культурологические особенности и сложившуюся юридическую практику, в уголовно-правовой сфере следует сохранить использование термина «потерпевший» и не вводить термин «жертва».

В уголовном праве в качестве потерпевшего следует рассматривать участника охраняемых уголовным законом общественных отношений, чьи права, свободы и законные интересы нарушены общественно опасным деянием, запрещенным указанным законом, в результате чего ему причинен вред либо создана угроза причинения такого вреда. Наличие уголовно-правового определения потерпевшего будет способствовать устранению многозначности и смешению понятий потерпевшего в уголовно-правовом и уголовно-процессуальном смысле и жертвы в криминологическом и международно-правовом понимании. При этом большее значение имеет не столько удобство использования термина-наименования, сколько точное отражение фактического положения лица, в отношении которого совершено преступление, что важно для формирования уголовно-правового статуса потерпевшего, развития уголовно-правовых средств, направленных на эффективное восстановление нарушенных прав, свобод и законных интересов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Павлова, Л. В. Сравнительное исследование уголовно-правовых и уголовно-процессуальных характеристик потерпевшего от преступления в контексте проблем правотворчества и правоприменения / Л. В. Павлова // Применение права в России и мире: теория и практика. Муромцевские чтения : сб. науч. тр. XVI Междунар. науч. конф., Москва, 21 апр. 2016 г. / Рос. гос. гуманитар. ун-т ; под ред. Н. И. Архиповой [и др.]. – М. : РГГУ, 2016. – С. 338–343.
2. Франк, Л. В. Некоторые теоретические вопросы становления советской виктимологии / Л. В. Франк // Потерпевший от преступления : сб. науч. тр. / Дальневост. ун-т ; под общ. ред. П. С. Дагеля. – Владивосток, 1974. – С. 5–16.
3. Франк, Л. В. Потерпевшие от преступления и проблемы советской виктимологии : дис. ... д-ра юрид. наук / Л. В. Франк. – М., 1978. – 138 л.
4. Криминология и профилактика преступлений : учеб. пособие / Е. А. Авраменко [и др.] ; под общ. ред. В. А. Кашевского ; М-во внутрен. дел Респ. Беларусь, УО «Акад. М-ва внутрен. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2011. – 428 с.
5. Ривман, Д. В. Криминальная виктимология / Д. В. Ривман. – СПб. : Питер, 2002. – 304 с.
6. Криминология : учеб. для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / А. И. Гуров [и др.] ; науч. ред.: Н. Ф. Кузнецова, В. В. Лунеев. – М. : Волтерс Клувер, 2005. – 640 с.
7. Павлова, Л. В. Потерпевший в уголовном праве Республики Беларусь: определение и уголовно-правовое значение / Л. В. Павлова // Право.by. – 2018. – № 5 (55). – С. 52–58.
8. Декларация основных принципов правосудия для жертв преступления и злоупотребления властью : [принята в г. Милане 29.11.1985 г.] // Права человека:

международно-правовые документы и практика их применения : в 4 т. / сост. Е. В. Кузнецова. – Минск : Амалфея, 2009. – Т. 1. – С. 510–518.

9. Возмещение материального вреда потерпевшим. Сравнительно-правовое исследование : науч.-практ. пособие / А. С. Автономов [и др.] ; Ин-т законодательства и сравн. правоведения при Правительстве Рос. Федерации ; отв. ред. С. П. Кубанцев. – М. : КОНТРАКТ, 2016. – 304 с.

10. Свод законов США: глава 112 раздела 42. О правах потерпевших и возмещении причиненного им вреда [Электронный ресурс] // Интернет-портал законодательства США. – Режим доступа: <http://law.justia.com/codes/us/2010/title42>. – Дата доступа: 20.08.2014.

11. Polska karta praw ofiary / Min. Sprawiedliwości. – Warszawa : Min. Sprawiedliwości, 1999. – 92 s.

12. Кухта, К. И. Правовой статус жертвы преступления (потерпевшего) в уголовном процессе США / К. И. Кухта, В. Н. Махов. – М. : Юрлитинформ, 2008. – 216 с.

13. Бас, Г. П. Концепт «жертва» в русском и английском языках (на материале романа Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго» и его английского перевода) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01, 10.02.19 / Г. П. Бас. – Калининград, 2010. – 24 с.

14. Концепция защиты жертв преступной деятельности [Электронный ресурс] : утв. постановлением Совета Министров Респ. Беларусь, 20 янв. 2006 г., № 74 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

УДК 343.9/328.185

В. И. РЕЗЮК, В. И. ГОЛОВАЧ

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина

ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ РАБОТА С НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ КАК СРЕДСТВО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ КОРРУПЦИИ

Коррупция является социально-правовым явлением, затрагивающим практически все сферы жизни общества. Только в 2017 г. за совершение коррупционных преступлений было осуждено 694 лица, что на 22 % больше, чем в 2016 г. (569 лиц). В первом полугодии 2018 г. 488 лиц осуждено за совершение преступлений коррупционной направленности (на 61,1 % больше, чем за аналогичный период 2017 г. (303 лица)) [1; 2]. Особенно показательно, что указанное наблюдается в условиях общего снижения преступности в Республике Беларусь, в том числе количества лиц, совершающих преступления [3].

Предусмотренная нормами Уголовного кодекса (далее – УК) Республики Беларусь ответственность за данную категорию преступлений достаточно строга, однако число лиц, совершающих коррупционные преступления, растет. Несмотря на широко и повсеместно реализуемые меры по противодействию коррупции, как показывает состояние коррупционной преступности, результаты по некоторым направлениям явно ниже ожидаемых. Таким образом, принимаемые меры предупреждения коррупции можно признать недостаточными. Указанное обозначает необходимость осуществления предупредительно-профилактической работы на качественно ином уровне.

В контексте стратегии борьбы с коррупцией – постоянном совершенствовании антикоррупционных мер, разработке и внедрение новых – необходимо предпринимать

к уже имеющимся мерам борьбы с коррупционной преступностью дополнительные [4, с. 175–176].

В. П. Шиенок отмечает, что центральным элементом любой преступности (коррупционная не исключение) является человек: «человека коррумпируют с раннего детства, призывая потреблять все больше материальных благ», и по мере взросления усиливаются негативные стороны человека. Проблемой также является стремление человека к максимальному получению удовольствия от жизни, чем обуславливается рост и распространенность многих антисоциальных явлений [5, с. 155–156; 6, с. 22].

Внутренняя коррупция (фактически моральное растрепление человека) начинается со лжи человека самому себе, когда внутренняя самооценка своих очевидно неблагоприятных (аморальных, противоправных) поступков, наоборот, является положительной. Побудительные мотивы подобного поведения могут быть различными (например, страх, тщеславие) [6, с. 23].

С учетом указанных позиций представляется, что до настоящего времени не реализован потенциал такой меры предупреждения коррупции, как воспитательная работа с несовершеннолетними. Преодоление выделенных проблем формирования личности возможно в результате качественной работы прежде всего с теми, у кого подобные установки не являются глубокими и устоявшимися. Не следует недооценивать эффективность воспитательных мероприятий: даже в отношении лиц, совершивших коррупционные преступления. По мнению Г. А. Василевича, эффективны такие меры, как публичное раскаяние в совершении коррупционного преступления и наказание стыдом [7].

Под воспитательной работой с несовершеннолетними следует понимать вид педагогической деятельности, направленный на организацию воспитательной среды и управления разнообразными видами деятельности несовершеннолетних с целью решения вопросов гармоничного развития их личности [8, с. 97].

В мировой практике уже отмечен потенциал антикоррупционного воспитания несовершеннолетних. По мнению отдельных российских специалистов социализации и воспитания, дошкольного, начального и дополнительного образования (И. В. Сафоновой, Г. Р. Хамитовой, И. М. Фокеевой, И. Т. Сагдеевой), понятие «антикоррупционное воспитание», целью которого является формирование у обучающихся неприятия коррупции как образа мысли и образа действий, негативного отношения к коррупции, можно включить в педагогический словарь [9, с. 3, 5].

Реализация соответствующих образовательных технологий просветительской деятельности в области превенции коррупции в общеобразовательных учреждениях, учреждениях профессионального образования позволяет интегрировать антикоррупционное воспитание в отдельные учебные предметы, а также внеурочную деятельность, а практические примеры в рамках дополнительного образования способны помочь лучше понять содержание антикоррупционного воспитания [10, с. 12].

Необходимо и важно воспитать в несовершеннолетних нетерпимость ко всем формам проявления коррупции, коррупционным правонарушениям (даже к таким, которые не квалифицируются как преступления) и правонарушениям, создающим условия для коррупции (в том числе непосредственно не содержащих признаков коррупции), к иным проявлениям – детерминирующим коррупцию началам [11, с. 87–93].

Вместе с тем, выделяя несовершеннолетних как объект воспитательной работы (фактически объект профилактики), его не следует рассматривать излишне узко, обособленно, как касающегося исключительно образовательного процесса или связанной с ним внеурочной (внеаудиторной) работы с участием несовершеннолетних.

В контексте оценки индивидуального преступного поведения следует рассматривать результат взаимодействия человека с внешней средой. Индивидуума следует воспринимать «как часть... внешней среды» и как «центр соответствующих ситуаций» [5, с. 156]. Это позволяет говорить о том, воспитательная работа с несовершеннолетними в рамках антикоррупционной деятельности должна быть направлена и на иные (кроме непосредственно несовершеннолетних) объекты, формирующие внешнюю среду, в которой пребывает несовершеннолетний: родителей, близких, друзей, знакомых (круг в быту, в семье, в повседневной жизни).

Очевидно, что результативность воспитательной работы как средства предупреждения коррупции зависит от качества предупредительно-профилактической работы иного содержания, касающейся лиц, формирующих среду, в которой пребывает несовершеннолетний. Более того, по мнению В. П. Шиенка, основным методом правового воспитания следует считать личный пример со стороны старшего поколения, построенный на исполнении и уважении к закону, что обеспечивает максимальный педагогический эффект [13, с. 170].

Воспитательная работа с несовершеннолетними как средство предупреждения коррупции соответствует таким направлением деятельности, входящими в систему мер борьбы с коррупцией, как проведение мероприятий по информированию населения, способствующих созданию атмосферы нетерпимости в отношении коррупции (антикоррупционное образование и воспитание) и непосредственно организация антикоррупционного обучения лиц, обучающихся в учреждениях образования [11; 12, с. 34–35]. Под воспитательной работой с несовершеннолетними следует понимать «комплексный многоуровневый процесс формирования индивидуального и группового сознания подрастающего поколения в соответствии со стратегическими целями и задачами общества, системой общественных отношений и нормами, их регулирующими, закрепленными в действующем законодательстве, культурными традициями, морально-нравственными нормами, чувствами и потребностями членов общества» [13, с. 170], направленный на предупреждение и профилактику коррупции.

Первостепенное значение при организации подобной деятельности имеет определение основных ее правил. Основными принципами воспитательной работы с несовершеннолетними как средства предупреждения коррупции являются следующие: законность; гласность; приоритет мер предупреждения коррупции среди иных антикоррупционных мер; гуманизм; соблюдение прав ребенка; охрана законных интересов детей; установление и обеспечение приоритета прав детей; доступность образования; качество образования и воспитательной работы; ответственность за несоблюдение законодательства.

Отдельные из выделенных принципов закреплены в Законе Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией», некоторые вытекают из законодательства о защите прав детей, иные – из законодательства о браке и семье и об образовании.

Принцип законности означает, что все вопросы, касающиеся регулирования антикоррупционной деятельности и непосредственно воспитательной работы с несовершеннолетними, регулируются исключительно в соответствии с законом (недопустимо регулирование согласно традициям, обычаям и т. п.). Принцип гласности заключается в том, что при осуществлении антикоррупционной деятельности необходимо обеспечение открытости деятельности государственных органов и иных организаций, осуществляющих воспитательную деятельность по соответствующему направлению. Принцип приоритета мер предупреждения коррупции определяет первостепенность предупредительно-профилактических мероприятий, которые делают невозможным

совершение правонарушений (возможность ответственности рассматривается в случае недостижения целей предупредительных мер). Принцип гуманизма заключается в выделении человека как главной ценности и обозначении необходимости создания условий для безопасного существования человека в обществе [11; 12, с. 31–33]. Принцип соблюдения прав ребенка, вытекающий из Закона Республики Беларусь «О правах ребенка», означает, что под особой защитой находятся права и законные интересы лиц до достижения ими возраста 18 лет (совершеннолетия), если по закону они раньше не приобрели гражданскую дееспособность в полном объеме, а правовое регулирование прав и обязанностей ребенка осуществляется с учетом возраста ребенка и его дееспособности [14].

Связанные с законодательством о браке и семье принципы охраны законных интересов детей, установления и обеспечения приоритета прав детей заключаются в защите интересов детей и их наилучшем обеспечении.

Принцип доступности образования заключается в соответствии форм, методов и содержания обучения и воспитания уровню развития обучаемого, его возрастным и иным особенностям. Принцип качества образования означает, что полученные знания, умения, приобретенные компетенции будут востребованы и необходимы после окончания обучения. Принцип ответственности за несоблюдение законодательства обозначает возможность применения мер дисциплинарной, административной, уголовной и иной ответственности к лицу, осуществляющему воспитательную работу с несовершеннолетним и совершившему правонарушение соответствующего вида.

Таким образом, необходимость выделения воспитательной работы с несовершеннолетними как средства предупреждения коррупции выглядит обоснованной и логичной. Для ее реализации на качественно высоком уровне необходима научно-практическая проработка отдельных вопросов, касающихся направления и содержания подобной государственно и общественно значимой деятельности с учетом требованиями прежде всего законодательства о правах несовершеннолетних (о правах ребенка), о семье, об образовании и о борьбе с коррупцией.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сведения за 2017 год о числе привлеченных к уголовной ответственности и мерах уголовного наказания по делам о коррупционных преступлениях [Электронный ресурс] // Верховный Суд Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://court.gov.by/ru/statistika1/113da1bbb2b2441c.html>. – Дата доступа: 01.11.2018.

2. Сведения за первое полугодие 2018 года о числе привлеченных к уголовной ответственности и мерах уголовного наказания по делам о коррупционных преступлениях [Электронный ресурс] // Верховный Суд Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://court.gov.by/ru/statistika1/80acde26b8e74a44.html>. – Дата доступа: 01.11.2018.

3. Общая статистика за 2018 год [Электронный ресурс] // Министерство внутренних дел Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://mvd.gov.by/main.aspx?guid=162163>. – Дата доступа: 08.01.2018.

4. Резюк, В. И. Коррупционная преступность: стратегия и тактика борьбы // В. И. Резюк, Д. С. Панько // Уголовная юстиция: законодательство, теория, практика : сб. материалов VII Респ. науч.-практ. конф. студентов, магистрантов и аспирантов, Брест, 4 нояб. 2016 г. / Брест. гос. ун-т им. А. С. Пушкина ; редкол.: О. Н. Иванчина (отв. ред.) [и др.]. – Брест : БрГУ, 2017. – С. 175–177.

5. Шиенок, В. П. Методологические проблемы современной криминологии / В. П. Шиенок // Очерки гуманистической методологии национальной юриспруденции :

монография. – 2-е изд., испр. и доп. – Минск : Междунар. ун-т «МИТСО», 2017. – С. 152–165.

6. Шиенок, В. П. Коррупция: методология проблемы, причины, ранняя диагностика / В. П. Шиенок // Предварит. расследование : науч.-практ. журн. – 2017. – № 1. – С. 19–24.

7. Мнение. Григорий Василевич. Как уменьшить коррупцию [Электронный ресурс] // TUT.BY. – Режим доступа: <https://m.tut.by/news/economics/409683.html>. – Дата доступа: 01.11.2018.

8. Шмырева, Н. А. Педагогические системы: научные основы, управление, перспективы развития : учеб. пособие / Н. А. Шмырева, М. И. Губанова, З. В. Крещан. – Кемерово : Кемер. гос. ин-т, 2002. – 120 с.

9. Антикоррупционное воспитание : метод. рекомендации по формированию и реализации системы антикоррупц. воспитания в дошк. и общеобразоват. орг. Респ. Татарстан / авт.-сост.: И. В. Сафронова [и др.]. – Казань : ИРО РТ, 2015. – 38 с.

10. Антикоррупционное воспитание в школе : метод. пособие для общеобразоват. и высш. учеб. учреждений / авт.-сост.: Э. Баконис, Д. Пянкаускене. – ЛР : Центр соврем. дидактик, 2006. – 312 с.

11. О борьбе с коррупцией [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г., № 305-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

12. Резюк, В. И. Коррупция и ее общественная опасность : электрон. учеб.-метод. комплекс / В. И. Резюк ; Брест. гос. ун-т им. А. С. Пушкина. – Брест : БрГУ, 2018. – 177 с.

13. Шиенок, В. П. Проблемы правового воспитания молодежи в современных условиях / В. П. Шиенок // Очерки гуманистической методологии национальной юриспруденции : монография. – 2-е изд., испр. и доп. – Минск : Междунар. ун-т «МИТСО», 2017. – С. 166–176.

14. О правах ребенка [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 19 нояб. 1993 г., № 2570-ХП : в ред. Закона Респ. Беларусь от 11.05.2016 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

5. Кодекс Республики Беларусь об образовании [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 13 янв. 2011 г., № 243-3 : принят Палатой представителей 2 дек. 2002 г. : одобр. Советом Респ. 22 дек. 2010 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.07.2016 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

УДК 343.85

В. А. РОБАК

Симферополь, Крымский юридический институт (филиал) Университета
прокуратуры Российской Федерации

МЕЖДУНАРОДНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В БОРЬБЕ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ ОРУЖИЯ

Криминальный рынок оружия в настоящее время достиг мировых масштабов, и область его распространения ввиду колоссальной доходности, к сожалению, ежегодно увеличивается. Кроме того, сегодня одним из основных факторов обеспечения

международного мира и безопасности, а также поддержания международного правопорядка становится предотвращение угроз, связанных с распространением оружия, в том числе оружия массового поражения. Данное обстоятельство не может не являться предметом взаимодействия разных стран, направленного на борьбу с данным явлением, поскольку международное сотрудничество является необходимой мерой борьбы с преступностью, в частности с криминальными рынками, в настоящее время.

Рассмотрим основные международные нормативные правовые акты, регламентирующие вопросы борьбы с криминальным рынком оружия.

Европейская Конвенция о контроле за приобретением и хранением огнестрельного оружия частными лицами, принятая 28 июня 1978 г. [1], регламентирует вопросы взаимной помощи через соответствующие административные органы в борьбе с незаконной торговлей огнестрельным оружием, поиске и обнаружении огнестрельного оружия, перемещенного с территории одного государства на территорию другого. В соответствии с указанным актом, все стороны берут на себя обязательства относительно уведомлений иных участников о любом перемещении оружия со своей территории на территорию иной страны, участника Конвенции, а также регламентируются права граждан на приобретение оружия на территории иной страны и его перемещение. Целесообразно указать, что в соответствии с указанным документом пневматическое оружие, оптические прицелы, глушители относятся к огнестрельному оружию.

Брюссельская конвенция о взаимном признании испытательных клейм ручного огнестрельного оружия от 1 июля 1969 г. [2] регламентирует создание Постоянной международной комиссии по испытаниям ручного огнестрельного оружия, задачами которой является решение вопросов относительно унификации приборов и методов измерения давления пороховых газов в огнестрельном оружии невоенного значения и боеприпасов к нему.

Конвенция о маркировке пластических взрывчатых веществ в целях их обнаружения от 1 марта 1991 г. [3] регламентирует обязанность всех государств-участников изготавливать и использовать только маркированные взрывчатые вещества и принимать меры по уничтожению имеющих место немаркированных указанных предметов. На основании данного документа создается Международная техническая комиссия по взрывчатым веществам, задачами которой является разработка вопросов, касающихся изготовления или обнаружения взрывчатых веществ или проведения соответствующих исследовательских разработок, в частности оценка технического прогресса в области изготовления, маркировки и обнаружения взрывчатых веществ.

Конвенция о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении от 13 января 1993 г. [4] предусматривает запрещение любых действий в отношении химического оружия (разработка, производство, приобретение, накапливание или хранение, применение, приготовление к применению) государствами-участниками, а также положения об уничтожении химического оружия, которое находится в собственности государств-участников или владении или которое размещено в любом месте под его юрисдикцией или контролем. В соответствии с данным документом, под химическим оружием понимаются токсические химикаты (любой химикат, который за счет своего химического воздействия на жизненные процессы может вызвать летальный исход, временный инкапацирующий эффект или причинить постоянный вред человеку или животным) и их прекурсоры (любой химический реагент, участвующий в любой стадии производства токсичного химиката каким бы то ни было способом), боеприпасы и устройства, специально предназначенные для смертельного поражения или причинения иного вреда за счет токсических свойств,

любое оборудование, специально предназначенное для использования непосредственно в связи с применением боеприпасов и устройств.

Конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма от 13 апреля 2005 г. [5] предусматривает действия государств-участников, направленные на принятие всех возможных мер по предотвращению подготовки деяний, характеризующих ядерный терроризм (любые действия с радиоактивным материалом, ядерным материалом, ядерным объектом, ядерным взрывным устройством с намерением причинить смерть или серьезное увечье или нанести существенный ущерб собственности или окружающей среде); обмен точной и проверенной информацией относительно координации административных и других мер, принимаемых, когда это необходимо, в целях выявления, предотвращения, пресечения и расследования указанных преступлений. В соответствии с данным документом государства-участники оказывают друг другу максимальную помощь в связи с расследованиями, уголовным преследованием или процедурами выдачи, начатыми в отношении указанных преступлений. Государство-участник обязано сообщать иным государствам-участникам информацию о выявленных предметах, а также предпринимать необходимые меры по их хранению и уничтожению.

Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении от 10 апреля 1972 г [6] регламентирует обязанность государств-участников не разрабатывать, не производить, не накапливать, не приобретать каким-либо иным образом и не сохранять микробиологические или другие биологические агенты или токсины, а также оружие, оборудование или средства доставки, предназначенные для использования таких агентов или токсинов во враждебных целях или в вооруженных конфликтах. Имеющиеся предметы государства-участники обязуются уничтожить или переключить на мирные цели.

Договор о запрещении размещения на дне морей и океанов и в его недрах ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения от 11 февраля 1971 г. [7] запрещает государствам-участникам размещать какое-либо ядерное оружие и оружие массового поражения в пределах территориальных морей и за его пределами.

Соглашение о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с незаконным изготовлением и оборотом огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств от 14 ноября 2008 г. [8] направлен на совершенствование сотрудничества государств-участников в борьбе с незаконным оборотом оружия, а именно совершенствование договорно-правовой базы, стратегии борьбы, механизмов взаимодействия компетентных органов, взаимодействия с международными организациями по указанным вопросам и создание совместного банка данных о транснациональных преступных группах. В соответствии с данным документом государства-участники осуществляют обмен информацией о готовящихся или совершенных преступлениях в указанной сфере, способах их совершения, новых методах предупреждения, выявления, пресечения и раскрытия фактов незаконного оборота оружия, взаимодействию при оперативно-разыскных мероприятиях, оказании помощи в подготовке кадров.

На основании указанного можно сделать вывод, что международно-правовая база противодействия незаконному обороту оружия представлена большим массивом норм, представляющих собой как международные договоры, так и решения международных организаций. Вместе с тем нормы международного права не закрепляют единого образного понятийного аппарата в отношении незаконного оборота. Также нормы международного права не дают четкого ответа на вопрос относительно того, кто и в какой мере может выступать субъектом данного правонарушения. Кроме того, существуют

проблемы правоприменения в части квалификации национальными правоохранительными органами конкретных действий в качестве незаконного оборота, в частности, оружия массового уничтожения. Для обеспечения международного мира и безопасности необходимо надлежащее, всестороннее и действенное взаимодействие государств как в рамках существующих организаций, так и путем заключения многосторонних договоров с учетом существующих реалий относительно форм и методов преступной деятельности, а также предметов, составляющих криминальный рынок оружия.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Европейская Конвенция о контроле за приобретением и хранением огнестрельного оружия частными лицами, принятая 28 июня 1978 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/2560781/4/>. – Дата доступа: 15.08.2017.
2. Брюссельская конвенция о взаимном признании испытательных клейм ручного огнестрельного оружия, принятая 1 июля 1969 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/2540692/>. – Дата доступа: 15.08.2017.
3. Конвенция о маркировке пластических взрывчатых веществ в целях их обнаружения, принятая 1 марта 1991 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/2540660/#text>. – Дата доступа: 15.08.2017.
4. Конвенция о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении, принятая 13 января 1993 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/2540387/>. – Дата доступа: 15.08.2017.
5. Конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма, принятая 13 апреля 2005 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=4231#0>. – Дата доступа: 15.08.2017.
6. Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении, принятая 10 апреля 1972 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/bacwwear.shtml. – Дата доступа: 15.08.2017.
7. Договор о запрещении размещения на дне морей и океанов и в его недрах ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения, принятый 11 февраля 1971 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/seabed_wmd_prohibition.shtml. – Дата доступа: 15.08.2017.
8. Соглашение о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с незаконным изготовлением и оборотом огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств, заключенное 14 ноября 2008 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/902227127>. – Дата доступа: 15.08.2017.

УДК 343

С. Н. ХОВРАТОВА, М. А. ВОЙТОВА

Могилев, Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ЗАЩИТЫ РЕСПУБЛИКАНСКОГО БАНКА ДАНЫХ ОБ УСЫНОВЛЕНИИ ДЕТЕЙ-СИРОТ И ДЕТЕЙ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ

Современный этап развития правовой защиты интересов детей-сирот характеризуется признанием на уровне государства необходимости создания и развития Дей-

ственной и мобильной системы, направленной на охрану интересов и психологической помощи детям, оставшимся без попечения родителей.

Международное усыновление ребенка постоянно проживающими за пределами Республики Беларусь гражданами Республики Беларусь, иностранными гражданами или лицами без гражданства допускается только в отношении ребенка, включенного в список детей, в отношении которых возможно международное усыновление, за исключением случаев международного усыновления ребенка родственниками либо отчимом (мачехой). В список детей, в отношении которых возможно международное усыновление, включаются сведения о детях-сиротах и детях, оставшихся без попечения родителей, не устроенных на воспитание в семье граждан Республики Беларусь, состоящих не менее года на централизованном учете в республиканском банке данных об усыновлении детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей (далее – республиканский банк данных). Порядок формирования республиканского банка данных об усыновлении (удочерении) детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и пользования им определяется Министерством образования Республики Беларусь.

Республиканский банк данных – организационно-техническая система, включающая совокупность сведений локальных баз данных управлений образования областных исполнительных комитетов и комитета по образованию Минского городского исполнительного комитета, отделов (управлений) образования городских (районных) исполнительных комитетов, местных администраций районов в городах, отдельных учреждений (домов ребенка, домов-интернатов, детских домов, детских деревень (городков), социально-педагогических центров, школ-интернатов для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, специализированных лицеев, средних школ – училищ олимпийского резерва, вспомогательных школ-интернатов, специальных общеобразовательных школ-интернатов, специальных учебно-воспитательных учреждений, специальных лечебно-воспитательных учреждений, учреждений профессионально-технического, среднего специального, высшего образования и иных учреждений, обеспечивающих условия для проживания и содержания детей), которые содержат документированную информацию о детях-сиротах, детях, оставшихся без попечения родителей, а также лицах из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Республиканский банк данных создается в целях обеспечения централизованного учета, накопления и систематизации документированной информации о детях-сиротах, детях, оставшихся без попечения родителей, а также лицах из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, которым предоставлено (ранее было предоставлено) государственное обеспечение; создания единого источника информирования республиканских органов государственного управления, местных исполнительных и распорядительных органов, иных государственных органов и иных организаций, оперативного предоставления персонифицированной информации по запросам государственных органов, иных организаций, уполномоченных законодательством Республики Беларусь осуществлять защиту прав и законных интересов детей, в том числе информации, необходимой для устройства на воспитание детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, в семьи граждан, воссоединения родных братьев и сестер в случаях, предусмотренных законодательством Республики Беларусь.

Обязательными требованиями к формированию республиканского банка данных и пользованию им являются: 1) полнота и достоверность документированной информации о детях, подлежащих усыновлению; 2) защита документированной информации о детях, подлежащих усыновлению, от утраты, искажения и несанкционированного доступа к ней. Сведения о лицах учетной категории вносятся в банк данных по единой

форме первичного учета – форме «Личная карточка ребенка, оставшегося без попечения родителей». Информация о лицах учетной категории подлежит хранению в республиканском банке данных на протяжении 75 лет.

Республиканский банк данных формируется из трех локальных баз данных: локальная база данных первого уровня – в отдельных учреждениях; локальная база данных второго уровня – в отделах (управлениях) образования городских (районных) исполнительных комитетов, местных администраций районов в городах (далее – районные (городские) отделы (управления) образования); локальная база данных третьего уровня – в управлениях образования областных исполнительных комитетов и комитете по образованию Минского городского исполнительного комитета [1].

Защита сведений, содержащихся в республиканском банке данных, – действия, направленные на предотвращение любого несанкционированного вмешательства в процесс ведения республиканского банка данных, в том числе попыток неправомерного доступа к этим сведениям, их блокирования, копирования, распространения и (или) предоставления, модификации (изменения), уничтожения, а также иных неправомерных действий в отношении данных сведений [2].

Под особой охраной должна находиться защита сведений, содержащихся в республиканском банке данных, от нежелательного посягательства, от копирования этих сведений до их уничтожения. В законодательстве нашей страны упомянута защита сведений банка данных, но нет ни слова про санкции за ее разглашение, все, что содержится в уголовном законодательстве Республики Беларусь, – это сохранение личной, служебной или государственной тайны. Возникает дилемма: защита сведений республиканского банка данных будет относиться к государственной или служебной тайне.

В ст. 373 Уголовного кодекса (далее – УК) Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. предусматривается следующая ответственность за умышленное разглашение сведений, составляющих государственную тайну: наказывается штрафом, или лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, или исправительными работами на срок до двух лет, или арестом, или ограничением свободы на срок до трех лет, или лишением свободы на тот же срок [3].

Согласно Закону Республики Беларусь от 19 июля 2010 г. № 170-З «О государственных секретах», к государственной тайне относятся сведения, в результате разглашения или утраты которых могут наступить тяжкие последствия для национальной безопасности Республики Беларусь [2].

Подробную квалификацию преступления, предусмотренного ст. 373 УК Республики Беларусь, констатирует Н. Ф. Ахраменка. По его мнению, непосредственный объект преступления умышленного разглашения государственной тайны – это общественные отношения, в которых реализуется порядок управления, обеспечивающий охрану государственных секретов. Предметом преступления являются сведения, составляющие государственную тайну, в данном случае сведения республиканского банка данных.

Объективная сторона преступления выражается в противоправном предании огласке сведений, составляющих государственную тайну, в результате чего они стали достоянием хотя бы одного постороннего лица.

Субъективная сторона разглашения характеризуется умышленной виной в виде прямого или косвенного умысла. При прямом умысле лицо сознает, что доводит государственную тайну до сведения постороннего лица, и желает совершить это деяние. Косвенный умысел имеет место, когда лицо сознает, что нарушает нормативные предписания по охране государственной тайны и допускает вследствие этого возможность ознакомления постороннего с такими сведениями либо безразлично относится к этой

возможности, хотя и не желает ознакомить последнего с подобной информацией (например, ведение громких переговоров по сотовому телефону в кафе). Умысел виновного должен относиться к факту ознакомления с государственной тайной постороннего лица, поскольку деяние определено законодателем как разглашение, которое по своему содержанию предполагает указанный результат. Субъект преступления специальный: им может быть лицо, достигшее 16-летнего возраста, которому государственная тайна была доверена или стала известна по службе или работе [4, с. 805].

Автор придерживается мнения, что разглашение государственной тайны совершается по различным мотивам, таким как хвастовство, ложно понятые интересы службы, месть своему руководству. В круг субъектов преступления включены также лица, которым тайна специально не доверена, но становится им известной в силу специфики службы или работы, занимаемой должности, определенного рода деятельности.

Таким образом, республиканский банк данных об усыновлении (удочерении) детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, – это сложноструктурированная система, включающая совокупность сведений локальных баз данных о детях. Под защитой сведений, содержащихся в республиканском банке данных, понимаются действия на предотвращение любого доступа в процесс ведения, а также недопущения попыток распространения информации и их блокирования. Сведения республиканского банка данных относятся к государственной тайне, поэтому автор предлагает: а) включить сведения республиканского банка данных о детях-сиротах и детях, оставшихся без попечения родителей, в ст. 14 Закона Республики Беларусь «О государственной тайне» от 19 июля 2010 г. № 170-З; б) ужесточить санкцию за разглашение сведений республиканского банка данных как государственной тайны по ст. 373 «Умышленное разглашение государственной тайны» УК Республики Беларусь, в следующей редакции: «умышленное разглашение сведений, составляющих государственную тайну, лицом, имеющим или имевшим доступ к этим сведениям, при отсутствии признаков измены государству или шпионажа – наказывается штрафом, или лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, или исправительными работами на срок до двух лет, или арестом, или ограничением свободы на срок до трех лет, или лишением свободы на тот же срок».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Об утверждении Положения о порядке формирования республиканского банка данных детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, и пользования им [Электронный ресурс] : постановление М-ва образования Респ. Беларусь, 2 окт. 2012 г., № 118 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

2. О государственных секретах [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 19 июля 2010 г., № 170-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 23.10.2014 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

3. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.07.2017 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

4. Ахраменка, Н. Ф. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н. Ф. Ахраменка. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2014. – 1007 с.

УДК 343.915

Е. А. ШАРКОВА

Минск, Военная академия Республики Беларусь

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА ИЗДЕРЖКИ ВОСПИТАТЕЛЬНО-ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Как показало проведенное исследование, у значительной части подростков, чье семейное воспитание было отрицательным, очень слабо выражена социальная роль учащегося, низкий образовательный уровень. Речь идет о детях, педагогически запущенных уже в младшем школьном возрасте. Разрыв между требованиями, связанными с учебной, и способностями таких детей может способствовать совершению ими правонарушений.

В настоящее время школа не может одна справиться с надлежащим развитием личности подростка. Педагоги, как бы часто они ни посещали неблагополучные семьи, не в состоянии снять основные проблемы таких семей – пьянство родителей, отсутствие жилья, работы, желания создавать благоприятные условия для учебы и воспитания собственных детей, чтобы не возникало причин для формирования у них преступных наклонностей.

Будучи специально предназначенной для выполнения функций обучения и воспитания подрастающего поколения, школа все-таки реализует их неполно, а главное, не компенсирует недостатки семейного воспитания и не противодействует негативным воздействиям криминогенной микросреды, в которой может находиться подросток из неблагополучной семьи. В идеале должна быть крепкая взаимосвязь, преемственность и дополнение воспитательной деятельности семьи и школы.

Семья в воспитании не может быть устранена школой, потому что школа только дополняет воздействие семьи и никогда ее не заменит [1, с. 178].

Вместе с тем анализ постановки дел в системе образования показывает, что существует ряд противоречий, влияющих на формирование личности несовершеннолетнего, например: между целостностью культуры и усвоением ее учащимся через множество учебных дисциплин; уровнем требований педагога и способностями учащегося им соответствовать; свободой развития личности и обязательными программами образования, предписанными учебными планами; жизненным опытом и знаниями всех участников образовательного процесса. По нашему мнению, указанные противоречия дополняются другими негативными факторами в системе образования: в Республике Беларусь фактически происходит переход от обязательного всеобщего среднего образования к неполному среднему образованию.

Однако и во времена обязательного всеобщего среднего образования далеко не все выпускники школ фактически обладали соответствующим уровнем знаний, поскольку получить среднее образование требовалось любым способом, и это являлось основным критерием оценки работы школы. Многим учащимся просто незаслуженно ставились удовлетворительные отметки, чтобы они окончили школу.

Затрудняет воспитание подростков и наблюдаемая коммерциализация образования. Возникает все больше платных школ, колледжей, университетов, что свидетельствует о наличии сословного образования и поляризует общество. Впрочем, расслоение в школе существовало всегда: состоятельные родители могли нанять своим детям репетиторов, делать педагогам подарки. Система спонсирования, по нашему мнению,

и поныне остается явным недостатком школы, выступает негативным фактором и содержит признаки коррупции.

Сегодня в школе существует проблема уменьшения объема преподавания гуманитарных дисциплин. Между тем изучение истории и литературы всегда имело огромное нравственное значение. Попытки введения в некоторых школах религиозных дисциплин не могут компенсировать этот недостаток. Изучение же произведений, признанных зарубежным сообществом, порой искажает прошлое Отечества, извращает историческую память.

Следует отметить и снижение профессиональной квалификации педагогов, пополнение их рядов специалистами не по призванию, а в силу возникших обстоятельств. К тому же среди претендентов на звание педагога наблюдается низкий образовательный уровень вследствие невысокого проходного балла в учреждении образования педагогического профиля (у некоторых абитуриентов в школе у самих была низкая успеваемость). В педагогических коллективах можно заметить и много других тревожных тенденций, например равнодушное отношение педагога к школьной жизни, отсутствие у части учителей личной культуры и интеллигентности.

Школа не в полной мере реализует свою воспитательную функцию. По нашему мнению, деятельность педагогических коллективов учреждений образования должна основываться на том постулате, что нравственное воспитание и профилактика противоправного поведения учащихся являются не только важнейшими составляющими учебно-воспитательного процесса, но и показателями, позволяющими определять в целом высокое качество образования.

Полагаем, что в учреждениях образования также имеется чрезмерная унификация обучения и воспитания. На протяжении десятилетий в педагогике шли к стандартизации средств обучения и воспитания, рассчитанных на усредненного человека. В настоящее время, на наш взгляд, образовательный и воспитательный процессы должны быть организованы в направлении индивидуализации.

Однако у педагога мало времени и возможностей для всестороннего изучения личности учащегося с целью подбора индивидуальных форм обучения. Часто наблюдается чисто техническое, бездуховное, поверхностное освоение учебной дисциплины. Термин «индивидуализация» давно используется в воспитательной работе школы, но, как показала практика, назрела необходимость его переосмысления. Небольшая беседа для отметки в специальном журнале сегодня уже не дает результатов.

Современное образование в Республике Беларусь и входящее в него обучение стремятся не ограничиваться только рациональной стороной. По нашему мнению, необходимо заменить существующую учебно-дисциплинарную модель взаимодействия педагога и обучающегося на лично ориентированную модель, утверждающую взгляд на ребенка как на личность. Личностно ориентированное образование заключается в отказе от жестких схем с установкой на запоминание готовых знаний. Педагогам надо активнее формировать доверительные отношения с учащимися, обстановку взаимопонимания и взаимоуважения.

Ошибки и издержки в процессе освоения подростком новых знаний неизбежны, естественно, что педагогу необходимо говорить об ошибках ученику, однако высказывания должны быть лишены отрицательной эмоциональной окраски. Полагаем, что более правильно сравнивать результаты деятельности обучающегося только с его собственными предыдущими достижениями, без оглядки на других, не задевая при этом личность, самолюбие воспитанника. На наш взгляд, важно сформировать у подростка понимание, что проблема заключается не в том, чтобы не совершать ошибок, а в правильном отношении к ним, т. е. ошибки должны анализироваться.

Следует заметить, что в педагогической науке неоднозначно трактуется роль учения и обучения в деле воспитания. Большинство ученых склоняются к тому, что учение в основном влияет на развитие познавательных способностей, понимание учебных дисциплин, обучение же больше влияет на становление личности, поэтому правильное воспитание есть продуманное обучение, когда человек свободно развивается как личность. Личность подростка не является пассивным объектом педагогического влияния, а выступает в качестве активного субъекта процесса воспитания. Воспитательная деятельность педагога, полагаем, должна быть направлена на организацию усвоения учащимися социального опыта, существующих законов.

Затрудняет работу с трудными подростками, по нашему мнению, отсутствие серьезной психологической службы-помощи в учреждениях образования. Это обуславливает наличие педагогических ошибок в организации и применении воспитательных средств, формирующих внутренний мир несовершеннолетних с девиантным поведением. Социальные педагоги и психологи в школах обычно занимаются с детьми из малообеспеченных, неполных семей, с детьми-сиротами, при этом на них часто возлагаются посторонние функции. Психолог и социальный педагог работают по прецеденту, не систематически, хотя должны не экстренно решать проблемы, а предупреждать их, предотвращая инциденты.

Повышение интереса учащихся к получению профессии в профильных классах, в учреждениях профессионально-технического образования, стремление к освоению производственного цикла способствуют появлению должной самооценки личности, улучшению взаимоотношений между учащимися и педагогами. В подобных случаях, несомненно, подросток позитивно оценивает роль учителя труда, мастера производственного обучения в приобретении им профессии. Воспитательный эффект будет более значительным, если личность мастера производственного обучения станет для учащихся примером для подражания, потому что, как было отмечено выше, подростку нужен живой, положительный пример, но мастера, как правило, слабее в вопросах педагогики, чем учителя общеобразовательных школ.

Применяемое воспитательно-принудительное воздействие пагубно сказывается на здоровье подростков. Однако многие родители, воспитатели, педагоги убеждены в том, что насильственные методы необходимы, эффективны и даже полезны. Они ссылаются на «традиции» народа, на опыт старших поколений. Вместе с тем практика доказывает, что кажущаяся эффективность таких наказаний на деле оказывается ложной. К имеющимся у подростка негативным качествам добавляются малодушие, трусость, желание отомстить даже в ущерб собственному здоровью, иногда и жизни.

В настоящее время, на наш взгляд, требуется воспитание, исключая авторитарное давление на подростка, психологическое насилие, вынуждающее его активно защищаться от педагогического диктата. В образовательном процессе существует необходимость положительного эмоционального подкрепления действий учащегося учителем как удовлетворение потребности в психологически комфортном состоянии, доброте и защищенности.

Обычно все попытки педагогического коллектива справиться с неуспеваемостью и недисциплинированностью учеников сводятся к методам так называемого воспитательно-принудительного процесса: к докучным нравоучительным беседам, взысканиям, оскорбительным проработкам в присутствии класса, наказаниям трудом (дополнительными дежурствами по уборке класса, территории). Все это не только не приносит позитивных результатов, но, наоборот, еще больше озлобляет и восстанавливает учащегося, подвергнутого наказанию, против педагогов, школы и учебы в целом.

Наиболее неблагоприятную роль в формировании личности несовершеннолетнего, полагаем, играет неоправданная дифференциация в школе учащихся на лучших и худших (об этом любят говорить на родительских собраниях). При этом часто оценки бывают необъективно одним завышены, а другим занижены, это уязвляет самолюбие подростков, ведь несправедливость возмущает. В результате у некоторых учащихся складываются конфликтные отношения с одноклассниками, что приводит к их изоляции в школе, они оказываются в отверженном положении, испытывают чувство одиночества и неполноценности, могут впасть в состояние глубокой депрессии.

Лишенный возможности положительно самоутвердиться из-за низкой успеваемости, подросток пытается завоевать определенный статус с помощью ярко выраженного неповиновения, немотивированного упрямства, демонстративной агрессивности, бравады отрицательными качествами (курение, употребление спиртных напитков, наркотических средств). Отрываясь от учебного коллектива, такие подростки ищут, чем заполнить свой досуг вне школы, в кругу случайных уличных знакомых, и легко попадают под пагубное влияние криминальных элементов [2, с. 147].

В отдельных случаях в роли предпосылок асоциального поведения несовершеннолетних могут выступать их различные физические недостатки, дефекты речи, внешняя непривлекательность, которые приводят к отчуждению, изоляции в коллективе. Устав терпеть оскорбления одноклассников, иногда даже учителей, обиженные издевательствами подростки могут вымещать накопленную агрессию, пополняя ряды преступников. Социальная адаптация несовершеннолетних правонарушителей с особенностями развития, равно как и профилактика асоциальных отклонений из-за различных внешних дефектов, по нашему мнению, должна осуществляться по особым программам в специальных лечебно-воспитательных учреждениях либо в особых классах учителями-дефектологами и специалистами-психологами.

Педагоги, как правило, не уделяют должного внимания ранней профилактике правонарушений, а индивидуально-предупредительную работу со стоящими на учете в инспекции по делам несовершеннолетних органов внутренних дел (осужденные с отсрочкой исполнения наказания или с условным неприменением наказания по ст. 77, 78 Уголовного кодекса (далее – УК) Республики Беларусь) считают посторонней функцией [3, с. 177]. Полагаем, что с особым контингентом подростков должны работать наиболее квалифицированные, подготовленные специалисты [4, с. 110].

Отдельное место в системе учреждений образования занимают специальные учебно-воспитательные учреждения. Располагая субъектами индивидуальной профилактики, они учитывают личностные поведенческие характеристики несовершеннолетних, но часто не обеспечивают полного их исправления и перевоспитания в силу рассогласованности многих важных позиций администрации учреждения и Министерства образования. Поэтому, возвратившись обратно в свои школы, эти подростки продолжают нарушать дисциплину и даже терроризировать одноклассников, демонстрируя свою неприкасаемость и бравируя принадлежностью к уголовной субкультуре.

Таким образом, анализ проблемы показал, что в настоящее время семья и школа не могут полностью исправить негативные моменты в сфере воспитания. На формирование личности несовершеннолетнего наиболее значительное влияние оказывает психологическая обстановка в семье. Важный криминогенный семейный фактор – отрицательный пример родителей, ведущих аморальный образ жизни и совершающих преступления, хотя они редко сознательно внушают детям негативные взгляды. Криминализация личности несовершеннолетнего, как правило, осуществляется не за счет механизмов внушения, а в результате подражания. В связи с этим из-за эмоциональной

неудовлетворенности, в которой пребывают подростки в неблагополучной семье, при упущении педагогического коллектива, вследствие издержек воспитательно-принудительного процесса несовершеннолетние включаются в неформальные группы, дающие им возможность почувствовать свою значимость, принадлежность к особой культуре, выделяющей их из толпы. Анонимность действий подростков в таких группах влечет размывание их личной вины, они стараются снять накопившийся негатив, совершая противоправные действия.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тихомиров, Л. А. Личность, общество и Церковь / Л. А. Тихомиров. – Минск : Белорус. Православ. Церковь, 2010. – 480 с.
2. Стаценко, В. Г. Криминология : учеб. пособие / В. Г. Стаценко. – Минск : Амалфея, 2011. – 336 с.
3. Шиханцов, Г. Г. Криминология : учебник / Г. Г. Шиханцов. – Минск : Изд-во Гревцова, 2009. – 296 с.
4. Кашуба, Ю. А. Система индивидуального предупреждения преступного поведения несовершеннолетних в России : монография / Ю. А. Кашуба. – Рязань : Акад. права и упр. Минюста России, 2004. – 168 с.

УДК 343.54

Л. О. ШЕРАЙЗИНА

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина

ЭВОЛЮЦИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОХРАНЕ ОТНОШЕНИЙ УСЫНОВЛЕНИЯ (УДОЧЕРЕНИЯ) НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ

Усыновление (удочерение) является древнейшим институтом. В. П. Шахматов приводит интересные сведения о существовании обычаев усыновления (удочерения) у папуасов Новой Гвинеи [1, с. 42]. На островах Гильберта дети не росли в семьях своих родителей. На других островах для укрепления дружбы между семьями и родами, изучения языков существовал обмен детьми. Мальчиков, уже хорошо владеющих родным языком и достаточно юных, чтобы они могли легко овладеть чужим языком, на несколько лет отдавали в другое племя по договору. В это время такой мальчик считался сыном людей, в доме которых жил. Их собственный сын в это время жил у родителей приемного сына. Хотя они и возвращались к себе домой, но навсегда оставались сыновьями своих вторых родителей и братьями всех людей в их племени. Вследствие этого они никогда и ни при каких обстоятельствах не могли поднять против них оружие [1, с. 50].

С появлением государства и права, а также моногамной семьи зарождается и правовой институт усыновления (удочерения). Усыновление как «искусственное сыновство», как «вхождение стороннего в состав семьи» совершалось в Древней Руси еще во времена язычества. С принятием христианства усыновление осуществлялось церковью «посредством особого акта, исходящего от церковной власти. Оно освящалось особым церковным обрядом сынотворения» [2, с. 18].

Первые законодательные акты, регулирующие отношения усыновления (удочерения), были приняты в начале царствования Александра I. 11 (23) октября 1803 г. был принят Указ, который позволил бездетным дворянам усыновлять только ближайших законнорожденных родственников «через передачу им при жизни фамилии, герба и оставление им после смерти в наследство недвижимого имущества». Усыновленные

дети признавались родными «во всех наследственных линиях и не могли быть отчуждаемы от прав, присвоенных общими узаконениями равным степеням родства» [3].

Законодательство предусматривало ряд мероприятий для предотвращения всякого рода злоупотреблений. Так, действовало следующее правило: «в отвращение подлога, могущего быть при принятии сирот на воспитание, как в сокрытии известного происхождения сироты, который по своему происхождению не должен был быть приписан к семейству изъясляющего на то желание воспитателя, общество наделялось правом наблюдать за установленным порядком усыновления» [4, с. 8].

Указ от 16 (28) ноября 1817 г. предоставлял усыновителям право усыновлять нескольких лиц с присовокуплением своего имени, фамилии, лишь бы усыновляемые имели равные права на наследство и не был бы обойден ближайший наследник, который по закону мог иметь преимущественное перед другим право на получение недвижимого имущественного имущества [3].

Фактически с этого периода начинается активная разработка законодательства, регулирующего условия, процедуру усыновления (удочерения), а также отношения между усыновителями и усыновленными. С этого периода изменяется цель усыновления – «служить на пользу усыновленному» [4, с. 7].

В середине XIX в. появились специальные законодательные акты, посвященные усыновлению. Разработка норм об усыновлении нашла отражение в Уставе гражданского судопроизводства 1864 г. (ст. 1460–1461) и в Своде законов гражданских (ст. 145–151) Свода законов Российской империи. Заметной вехой в законодательстве об усыновлении стал Закон от 12 марта 1891 г. «О детях усыновленных и узаконенных», который разделил усыновление на несколько категорий: усыновление по обещанию – самое ценное усыновление; усыновление ребенка привязавшейся к нему кормилицей; усыновление за награду [3].

Несмотря на довольно обширную правовую базу, созданную в дореволюционный период, процедура усыновления (удочерения) носила сословный характер. Сословность накладывала свой отпечаток на содержание требований, касающихся воспитания. Передача потомственным дворянином своей фамилии усыновленному была возможна только с разрешения императора. Усыновленный не освобождался от обязанностей по отношению к его природным родителям и сохранял право наследования после них. Для каждого сословия существовали свои условия, что отражалось на процедуре усыновления и требовании его дальнейшей демократизации с изменением статуса усыновленного и создания паритета равноправия среди законно- и незаконнорожденных.

Необходимо отметить, что принимаемые в этот период ограничения для процедуры усыновления (удочерения), сопровождающиеся четкой регламентацией, направлены на охрану интересов ребенка. Однако сам процесс остается открытым.

После революции 1917 г. были приняты декреты ВЦИК и СНК РСФСР «О гражданском праве, о детях и о ведении книг актов гражданского состояния» (26) от 18 декабря 1917 г. и «О расторжении брака» (27) от 19 декабря 1917 г. Отныне вводилась регистрация рождений. При рождении внебрачных детей отцовство в их отношении также могло быть зарегистрировано. При возникновении спора вопрос решался в судебном порядке [5, с. 14–15].

22.10.1918 ВЦИК Совета РСФСР был принят Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве. Статья 183 содержала следующее положение: «Усыновленные, приемыши, приймаки и их потомство по отношению к усыновителям и усыновители по отношению к усыновленным, приемышам, приймакам и их потомству приравниваются к родственникам по происхождению.

С момента вступления в силу настоящего закона не допускается усыновление ни своих родных, ни чужих детей» [6]. Усыновление (удочерение) было запрещено, поскольку предполагалось, что при отсутствии должного контроля со стороны органов местной власти, кулацкими и мелкобуржуазными семьями будут эксплуатироваться сироты и беспризорные дети. Кроме того, усыновление (удочерение) могло быть использовано для сохранения частной собственности путем отнесения формально усыновленных (удочеренных) к ближайшим родственникам и передачи им имущества по наследству.

В голодные 20-е гг. произошел огромный рост детской беспризорности. Запретив усыновление (удочерение), государство не смогло устроить всех беспризорных детей в детские дома [5, с. 15]. 19 ноября 1926 г. был принят Кодекс законов о браке, семье и опеке РСФСР [7]. В нем снова содержалась глава об усыновлении (удочерении). «Усыновление допускается только в отношении малолетних и несовершеннолетних и исключительно в интересах детей» [7]. «Главная идея усыновления состояла в том, чтобы поместить ребенка в условия, где бы наравне с материальным обеспечением он получал правильное физическое и духовное развитие, постоянно ощущал положительное влияние семьи и чувствовал родительскую заботу» [8].

В период 1926–1940 гг. развитие законодательства союзных республик по вопросу усыновления шло разными путями. В одних республиках (например, Украинской ССР, Грузинской ССР) изменения в законодательстве об усыновлении происходили вслед за изменениями в семейном законодательстве РСФСР, вносились дополнения и поправки во многом идентичные Кодексу законов о браке, семье и опеке РСФСР 1926 г. В других союзных республиках (например, Узбекской ССР, Казахской ССР) влияние российского законодательства об усыновлении практически не сказывалось, и местное семейное законодательство развивалось очень медленно вплоть до Великой Отечественной войны. В некоторых республиках СССР (например, Молдавской ССР) на практике применялось не национальное семейное законодательство, а законодательство другой союзной республики [8].

В мае 1935 г. детские трудовые колонии, а также приемники-распределители передали под юрисдикцию НКВД. Некоторые специалисты считают, что появление в дальнейшем тайны усыновления было следствием периода сталинских репрессий, когда огромное число детей осталось сиротами. Многих из них передавали в детские дома с прочерками вместо сведений о родителях в документах, многим меняли фамилии, братьев и сестер разделяли. От детей требовали отказаться от своих родителей и забыть о них. В детдомах над детьми «врагов народа» издевались, поэтому нередко они сбегали и пополняли ряды беспризорников. В 1938 г. НКВД все же разрешил передавать детей репрессированных родителей в семьи благонадежных родственников [9].

Во время Великой Отечественной войны много детей осталось без надлежащего надзора. 8 сентября 1943 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об усыновлении» [10, с. 365]. Усыновителю (удочерителю) было предоставлено право присваивать свою фамилию и отчество по своему имени. Усыновленные (удочеренные) дети приравнивались к родным.

Кодексом о браке и семье РСФСР 1969 г. впервые введен ряд понятий: «удочерение», «тайна усыновления (удочерения)», «отмена усыновления (удочерения)». Статья 110 Кодекса о браке и семье РСФСР 1969 г. указывала, что «тайна усыновления охраняется законом» [11]. Целью усыновления стало создание подлинных родственных отношений между усыновителем и усыновленным, стабильность усыновления облегчала воспитание ребенка.

В Кодексе о браке и семье РСФСР 1969 г. были предусмотрены гарантии обеспечения тайны усыновления (удочерения): разрешалось изменять место рождения

усыновленного ребенка, в исключительных случаях дату его рождения, но не более чем на шесть месяцев, запрещалось без согласия усыновителей, а в случае их смерти без согласия органов опеки и попечительства сообщать какие-либо сведения об усыновлении, а также выдавать выписки из книг регистрации актов гражданского состояния, из которых было бы видно, что усыновители не являются кровными родителями усыновленного. Также указывалось о возможности привлечения к ответственности лиц, разгласивших тайну усыновления (удочерения). В таком же виде была принята норма о сохранении тайны усыновления (удочерения) и в Кодексе о браке и семье БССР [12].

21 мая 1970 г. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР в Уголовный кодекс РСФСР [13] была введена ст. 124.1, в которой предусматривалась уголовная ответственность за разглашение тайны усыновления против воли усыновителя. За преступление назначалось наказание в виде исправительных работ на срок до одного года или штрафа до 50 рублей либо общественного порицания. Уже 26 августа 1970 г. подобная норма включена в Уголовный кодекс БССР [14]. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 3 декабря 1982 г. [15] изменена санкция данной статьи. Увеличен срок исправительных работ до двух лет и штраф до 200 рублей.

Таким образом, именно в начале 70-х гг. в СССР формируется законодательство об уголовно-правовой охране отношений усыновления. Однако большее внимание стало уделяться охране самой процедуры усыновления (удочерения) и совершенствованию семейного законодательства.

Действующий в Республике Беларусь Уголовный кодекс является новым витком в правоприменительной деятельности, вобрав в себя положительную многолетнюю практику применения аналогичных «советских» законов. Кроме того, в положениях законов об усыновлении (удочерении) нашли отражение принципы и нормы международных конвенций и соглашений. Первоначальная редакция Уголовного кодекса Республики Беларусь 1999 г. [16] содержала норму об ответственности за разглашение тайны усыновления. Законом Республики Беларусь от 14 июля 2003 г. № 220-3 «О внесении дополнений и изменений в некоторые законодательные акты Республики Беларусь» [17] было введено понятие «удочерение».

В конце 80-х – начале 90-х гг. в большинстве стран был сформирован подход к национальному усыновлению (удочерению), развивалась практика усыновления (удочерения) с перемещением ребенка в другие страны. Именно в это время нормы об уголовно-правовой охране ребенка при усыновлении (удочерении) начинают носить конвенционный характер. Это было вызвано «многочисленными злоупотреблениями прав усыновляемых детей, усыновителей, возникших из-за несовершенства правовой базы, а также в связи с мотивами, которыми руководствовались агентства, частные посредники при оказании помощи в усыновлении ребенка. Их заботило не благополучие ребенка-сироты, а извлечение прибыли из процесса усыновления. Итогом подобной деятельности стали выявленные факты «покупки детей семейными парами на зарубежных “рынках” типа Румынии, Парагвая, Китая» [18, с. 102].

Принимаются Декларация о социальных и правовых принципах, касающихся защиты и благополучия детей, особенно при передаче на воспитание и их усыновлении (удочерении) на национальном и международном уровнях, 1986 г., Декларация о защите всех лиц от насильственных исчезновений 1992 г., Конвенция по защите детей и сотрудничеству в отношении международного усыновления 1993 г., Факультативный протокол к конвенции о правах ребенка, касающийся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии, 2000 г. и др.

С принятием 9 июля 1999 г. Кодекса Республики Беларусь о браке и семье, а также Положения о порядке усыновления (удочерения) детей и установления опеки,

попечительства над ними иностранными гражданами, лицами без гражданства и гражданами Республики Беларусь, постоянно проживающими за пределами Республики Беларусь, от 28 ноября 1999 г. был введен новый порядок усыновления – судебный, который имеет преимущества перед ранее существовавшим административным. Преимущества судебного порядка усыновления виделись в том, что суд независим и подчиняется только закону, судья не связан узковедомственными интересами, судья профессионально сведущ в вопросах права, судебный порядок усыновления существует во всех цивилизованных странах мира. Учитывая отсутствие у судей практического опыта в рассмотрении дел об установлении усыновления, в целях обеспечения правильного применения законодательства при рассмотрении дел этой категории Пленум Верховного Суда Республики Беларусь принял постановление от 20 декабря 2000 г. № 9 «О судебной практике по делам об усыновлении (удочерении)». Постановление обращало внимание судов на неукоснительное и единообразное применение норм законодательства, в частности правил, установленных § 10 гл. 30 Гражданского процессуального кодекса, служащими основой для рассмотрения дел данной категории.

Признавая важность проведения процедуры усыновления (удочерения) с точным соблюдением норм семейного законодательства, страны принимают нормы об уголовной ответственности за незаконное усыновление (удочерение). Так, Законом Республики Беларусь от 14 июля 2003 г. № 220-З «О внесении дополнений и изменений в некоторые законодательные акты Республики Беларусь» Уголовный кодекс Республики Беларусь был дополнен ст. 177¹ «Незаконные действия по усыновлению (удочерению) детей». Данная норма была изменена Законом Республики Беларусь от 5 января 2015 г. № 241-З [19] и дополнила санкцию статьи дополнительным наказанием в виде штрафа.

Таким образом, древнейший институт усыновления за свою многовековую историю претерпевал всевозможные изменения, но он всегда был обусловлен временем и своеобразием того или иного отрезка истории. В современных условиях требуется усовершенствование норм об уголовно-правовой охране отношений усыновления (удочерения) в соответствии с уголовно-правовой политикой государства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шахматов, В. П. Усыновление, опека и попечительство / В. П. Шахматов. – Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1979. – 56 с.
2. Кепова, Н. Г. Усыновление в системе форм устройства детей, оставшихся без попечения родителей : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Н. Г. Кепова ; ФГБОУ ВПО «Рос. гос. акад. интеллектуал. собственности». – М., 2012. – 27 с.
3. Карибян, С. О. Становление института усыновления в дореволюционной России [Электронный ресурс] / С. О. Карибян // КиберЛенинка : науч. электрон. б-ка. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/stanovlenie-instituta-usynovleniya-v-dorevoljucionnoy-rossii>. – Дата доступа: 05.11.2018.
4. Летова, Н. В. Усыновление в Российской Федерации. Правовые проблемы / Н. В. Летова. – М. : Изд-во Волтерс Клувер, 2006. – 101 с.
5. Джандарбек, Б. А. Усыновление (удочерение) в семейном праве Республики Казахстан / Б. А. Джандарбек. – Алматы : Қазақ университеті, 2007. – 182 с.
6. Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве [Электронный ресурс] : принят ВЦИК 16.09.1918 г. // Исторические материалы. – Режим доступа: <http://istmat.info/node/31624>. – Дата доступа: 05.11.2018.
7. Кодекс законов о браке, семье и опеке РСФСР [Электронный ресурс] : принят ВЦИК 19.11.1926 г. – Режим доступа: <http://pravo.levonevsky.org/baza/soviet/sss/6679.htm>. – Дата доступа: 05.11.2018.

8. Фабричная, Т. Б. Эволюция института усыновления в российском праве XVIII–XX вв.: историко-правовое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Т. Б. Фабричная ; Владимир. юрид. ин-т Федер. службы исполнения наказаний. – Владимир, 2010. – 22 с.

9. Трубицкая, М. История вопроса [Электронный ресурс] / М. Трубецкая // Православный портал о благотворительности. – Режим доступа: <https://www.miloserdie.ru/article/bolshoj-sekret-dlya-malenkoj-pochemu-ne-rabotaet-zakon-o-tajne-usynovleniya/>. – Дата доступа: 05.11.2018.

10. Об усыновлении [Электронный ресурс] : Указ Президиума Верхов. Совета СССР, 8 сент. 1943 г. // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. – июль 1956 г. / под ред. Ю. И. Мандельштам. – М. : Гос. изд-во юрид. лит., 1956. – 531 с.

11. Кодекс о браке и семье РСФСР [Электронный ресурс] : утв. Верхов. Советом РСФСР 30.07.1969 г. // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. – Режим доступа: <http://legalacts.ru/kodeks/kodeks-o-brake-i-seme-rsfsr-utv/>. – Дата доступа: 05.11.2018.

12. Кодекс о браке и семье Белорусской ССР [Электронный ресурс] : утв. Верхов. Советом БССР 13.06.1969 г. // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: http://pravo.by/ImgPravo/pdf/sm_full.aspx_guid=1710031479396440.pdf. – Дата доступа: 05.11.2018.

13. Уголовный кодекс РСФСР [Электронный ресурс] : утв. Верхов. Советом РСФСР 27.10.1960 г. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2950/. – Дата доступа: 05.11.2018.

14. Уголовный кодекс Белорусской ССР [Электронный ресурс] : принят Верхов. Советом БССР 29.12.1960 г. // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: http://pravo.by/ImgPravo/pdf/UK_BSSR_1960.pdf. – Дата доступа: 05.11.2018.

15. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР [Электронный ресурс] : Указ Президиума Верхов. Совета РСФСР, 3 дек. 1982 г. // Гарант : информ.-правовой портал. – Режим доступа: <http://ivo.garant.ru/#/document/1308249/paragraph/297:0>. – Дата доступа: 06.11.2018.

16. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2018 г. // Консультант-Плюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

17. О внесении дополнений и изменений в некоторые законодательные акты Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 14 июля 2003 г., № 220-З // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

18. Буянова, Е. В. Процедура усыновления по законодательству зарубежных стран : монография / Е. В. Буянова. – Оренбург : Университет, 2013. – 247 с.

19. О внесении дополнений и изменений в Уголовный, Уголовно-процессуальный, Уголовно-исполнительный кодексы Республики Беларусь, Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях и Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 5 янв. 2015 г., № 241-З // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

УДК 343

В. Ю. ЯЦКЕВИЧ, А. И. ЗАБЕЙВОРОТА

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина

ФИШИНГ КАК СПОСОБ СОВЕРШЕНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА В ГЛОБАЛЬНОЙ СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Современные компьютерные технологии играют все более активную роль в экономической деятельности Республики Беларусь. Как результат – появление и развитие нового вида преступных посягательств против собственности, ранее не известных отечественной юридической науке и практике, связанных с использованием средств компьютерной техники и информационных обрабатывающих технологий – компьютерных мошенничеств. Процесс компьютеризации общества приводит к увеличению количества компьютерных мошенничеств, возрастанию их удельного веса по размерам похищаемых сумм в общей доле материальных потерь от обычных видов преступлений.

Данные зарубежной правоохранительной практики свидетельствуют о том, что, например, в Германии с использованием компьютеров похищается до 4 млрд марок ежегодно, во Франции – до 1 млрд франков, в США – до нескольких млрд долларов. Годовой мировой ущерб от компьютерных мошенничеств составляет более 5 млрд долларов [1]. Официальные статистические данные по количеству совершаемых в Республике Беларусь интернет-мошенничеств на настоящий момент отсутствуют.

В данной статье проводится анализ фишинга – одного из самых распространенных способов совершения мошенничества в сети Интернет.

Фишинг (англ. *phishing*, от *fishing* – рыбная ловля, выуживание) – вид интернет-мошенничества, целью которого является получение доступа к конфиденциальным данным пользователей – логинам и паролям. Это достигается путем проведения массовых рассылок электронных писем от имени популярных брендов, а также личных сообщений внутри различных сервисов, например, от имени банков или внутри социальных сетей. После того как пользователь попадает на поддельную страницу, мошенники пытаются различными психологическими приемами побудить пользователя ввести на поддельной странице свои логин и пароль, которые он использует для доступа к определенному сайту, что позволяет мошенникам получить доступ к аккаунтам и банковским счетам [2].

В ходе мошеннических действий используются массовые интернет-рассылки писем по электронной почте от имени популярных фирм, банков, сервисов (Mail, Rambler) или внутри социальных сетей.

Способ совершения интернет-мошенничества может быть следующий: интернет-пользователь получает по электронной почте письмо с указанием, что в целях безопасности пользователя его профиль в системе интернет-банкинга был заблокирован из-за попыток несанкционированного доступа к счету, и предложением перейти по ссылке для разблокировки счета. Сайт, на который попадает по ссылке интернет-пользователь, копирует внешний вид (дизайн) сайта банка. На данной «копии» сайта банка пользователя просят ввести логин, пароль, данные о кредитной карточке, включая PIN-код, номер удостоверения социального страхования и иные данные. Для получения данных мошенники используют различные психологические приемы. Впоследствии полученные таким образом данные используются преступниками для получения денежных средств на реальном сайте банка со счета обманутого пользователя.

Для получения необходимых персональных данных могут быть использованы данные интернет-пользователя, выложенные им в социальных сетях.

Возможны и несколько измененные варианты данного способа. Так, например, в письме от «банка» может быть предложение по установке на компьютер пользователя программы, улучшающей сервис интернет-банкинга, и «необходимое» программное обеспечение или ссылка на сайт, содержащий соответствующее программное обеспечение. Как ссылка, так и прикрепленный файл обеспечивают установку вируса или шпионской программы на компьютер пользователя с последующим получением мошенниками необходимой им информации.

Другим вариантом является создание поддельных платежных систем. Для реализации данного способа мошенничества преступники регистрируют домены или сайты с адресами, схожими с адресами известных платежных систем. Пользователю присылается письмо о необходимости верификации – это процедура подтверждения личности пользователя. Для прохождения последней предлагается щелкнуть по предлагаемой ссылке и ввести ряд необходимых данных.

Сегодня фишинг выходит за пределы интернет-мошенничества, а поддельные веб-сайты стали лишь одним из множества его направлений. Письма, которые якобы отправлены из банка, могут сообщать пользователям о необходимости позвонить по определенному номеру для решения проблем с их банковскими счетами. Эта техника называется вишинг (голосовой фишинг). Позвонив на указанный номер, пользователь заслушивает инструкции автоответчика, которые указывают на необходимость ввести номер своего счета и PIN-код. К тому же фишеры могут сами звонить жертвам, убеждая тех, что они общаются с представителями официальных организаций, используя фальшивые номера. В итоге человека попросят сообщить его учетные данные.

Набирает свои обороты и SMS-фишинг, также известный как смшинг (англ. SMiShing – от «SMS» и «фишинг»). Мошенники рассылают сообщения, содержащие ссылку на фишинговый сайт. Входя на него и вводя свои личные данные, жертва аналогичным образом передает их злоумышленникам. В сообщении также может говориться о необходимости позвонить мошенникам по определенному номеру для решения «возникших проблем». Встречается и следующий вид SMS-фишинга: на подставном сайте для получения какой-либо услуги просят отправить SMS на предложенный номер или ввести свой номер сотового телефона, чаще всего это фэйки файлообменных сервисов. В первом случае с телефонного счета абонента списывается крупная (возможно, максимальная предусмотренная контрактом) сумма, во втором случае номер добавляется в базу адресов рассылки SMS-спама и может использоваться для дальнейших фишинговых действий [2].

Конечно, описанное выше деление фишинга по способу совершения данного преступления является достаточно условным в силу ряда причин, в том числе непрерывного совершенствования преступниками способов совершения преступления и существования способов, являющихся промежуточными между описанными выше или их комбинацией.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев, А. Компьютерная преступность – очень прибыльный и быстро развивающийся бизнес [Электронный ресурс] / А. Алексеев. – Режим доступа: <http://www.crime-research.ru/articles/cybercrime20104/>. – Дата доступа: 20.09.2018.

2. Лэнс, Дж. Фишинг. Техника компьютерных преступлений [Электронный ресурс] / Дж. Лэнс. – Режим доступа: <http://melnyca.ru/fishing/>. – Дата доступа: 22.09.2018.

РАЗДЕЛ 3

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

УДК 343.1

Л. Г. ДЖИДЖАВАДЗЕ, А.Б. ИВАНОВ

Ярославль, Ярославский государственный университет имени П. Г. Демидова

ИНСТИТУТ МИРОВЫХ СУДЕЙ В ПРОЕКТАХ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ 1864 ГОДА

Мировой суд является органом, рассматривающим уголовные и гражданские дела по существу. Институт мировых судей в России впервые был учрежден в 1864 г. в ходе проведения судебной реформы Александра II. У нашей страны не было опыта проведения такого рода преобразований, поэтому развернулась дискуссия со стороны составителей проектов судебных уставов 1864 г. и иных лиц, принимавших участие в обсуждении по различным вопросам деятельности органов мировой юстиции. При этом зачатки идеи создания подобного рода учреждения существовали еще в первой половине XIX в.

Еще в среде декабристов обсуждалась идея создания мирового суда. Н. М. Муравьев в рамках проекта своей конституции предлагал, чтобы судебная система строилась по территориальному признаку. Согласно проекту в уездах учреждались уездные совестные суды. Должность совестного судьи была выборной, несменяемой, не могла быть совместима с выполнением других обязанностей, кандидат должен был соответствовать определенным цензам. Совестные суды должны были рассматривать гражданские тяжбы и незначительные уголовные дела. Очевидно, что в совестных судах проявляется прообраз будущего мирового судьи, о чем писали русский историк либерально-народнического направления В. И. Семевский и юрист Р. Х. Яхин. По мнению С. В. Лонской, предложения Н. М. Муравьева относительно судеустройства, и в частности мирового суда, были востребованы при подготовке судебной реформы 1864 г. [1, с. 37].

В 1859 г. С. И. Зарудный (русский правовед и переводчик, один из творцов судебной реформы 1860-х, создал школу практической юриспруденции; исполняющий должность статс-секретаря Государственного совета; был членом образованной при государственной канцелярии новой комиссии для выработки правил о введении в действие судебных уставов, а именно председателем отделения гражданского судопроизводства), который был сторонником патриархальной концепции, в работе «О значении мирового суда и словесного порядка гражданского судопроизводства», основываясь на опыте стран Запада, выдвигает вопрос об учреждении должности мирового судьи, теоретически обосновывает его целесообразность и необходимость. «Отец и душа судебной реформы» обращает особое внимание на то, что самостоятельность мирового судьи при принятии решения, отсутствие заинтересованности в исходе дела, независимость от норм власти, использование местных обычаев и этических норм позволят ему оперативно осуществлять правосудие.

Прагматическая концепция была отражена в работе выдающегося российского правоведа и экономиста М. А. Багульянского «Рассуждение об учреждении губерний» [2, с. 21]. Он обращал внимание на то, что полиция не может выполнять роль суда

даже при рассмотрении малозначительных дел. М. А. Багульянский видел мировой суд низшей инстанцией, рассматривающей мелкие тяжбы и преступления.

Государственная канцелярия при анализе составленных в разное время и не согласованных между собой проектов судебной реформы испытывала трудности, о которых сообщил в записке государственный секретарь В. П. Бутков. Он предложил в первую очередь определить основные начала судеустройства и возглавил работу по их составлению. С января по апрель 1862 г. лучшие юристы того времени: С. И. Зарудный, Н. А. Буцковский, Д. А. Ровинский, Н. И. Стояновский, К. П. Победоносцев, А. М. Плавский, П. Н. Даневский, Д. П. Шубин, А. П. Вилинбахов – работали над проектом, результатом явились «соображения» в том числе и по вопросам судеустройства и судепроизводства с участием мировых судей. Предполагалось, что мировой суд установится как низшая судебная инстанция, первое звено судеустройства. Он в связи с «условиями гражданской жизни обширного государства, требующими суда на месте, не может соединять в себе условия коллегиальности, участия прокурора и содействия вспомогательных чинов судебного ведомства» (концепция С. И. Зарудного) [3]. По всем делам, которые мировой судья не мог решить окончательно, в качестве второй инстанции планировалось установить окружной суд.

При обсуждении проектов судебных уставов возник спор по поводу того, какой суд будет составлять вышестоящую инстанцию. Чиновники Государственной канцелярии (действительный статский советник П. Н. Даневский, статский советник Д. П. Шубин и экспедитор Государственной канцелярии А. П. Вилинбахов), а за ними и 8 членов комиссии по доработке проекта судебной реформы 1864 г. (А. В. Кочубей, М. А. Корф, Ф. Литке, Н. И. Бахтин, А. С. Норов, А. Л. Гофман, И. М. Толстой, Н. А. Муханов) предлагали наделить такими полномочиями окружной суд [4, с. 34, 37, 41, 42]. В защиту данной позиции в примечании к ст. 162 Устава гражданского судепроизводства Российской империи 1864 г. приводились следующие аргументы:

– суд апелляционной инстанции должен состоять из более профессиональных юристов, чем суд первой, а мировой съезд не отвечал этим требованиям, так как формировался из самих мировых судей;

– рассмотрение жалоб мировым съездом противоречило бы принципу, закрепленному в основных началах и касавшемуся того, что судья, выносивший решение, не должен принимать участие в его апелляции;

– дела будут рассматриваться по-разному, что не будет способствовать единой практике.

Данные аргументы опровергли принц Ольденбургский, князь П. П. Гагарин и граф В. Н. Панин, сторонники идеи закрепления мирового съезда в качестве апелляционной инстанции [4, с. 41]. Они утверждали, что первый аргумент имеет место быть только в отношении общих судебных мест, а не мировых судебных установлений, так как последние рассматривают дела не в формальном судебном порядке, который требует специального юридического образования. Вторым недостатком, указанным оппонентами, устраняется с помощью способа формирования института мировых судей и порядком рассмотрения дел. Ведь на должность мирового судьи назначаются лица, пользующиеся общественным доверием. Кроме того, в съезде мировых судей принимают участие почетные мировые судьи, среди которых находятся опытные высшие государственные чиновники. Заседание проходит гласно, что является одной из гарантий беспристрастного рассмотрения дела. Третий аргумент вообще не может касаться мировых судей, так как они решают споры в соответствии с местными обычаями, которые на обширной территории Российской империи отличаются друг от друга (примечание

к ст. 162 Устава гражданского судопроизводства Российской империи 1864 г. [5]). В итоге вышестоящей инстанцией по отношению к мировым судам был установлен съезд мировых судей.

Еще дискуссионным был вопрос, касающийся того, какие решения мирового судьи будут окончательными. «Титулярный советник Петухов» [2, с. 21] предложил считать не подлежащими обжалованию решения мирового судьи до 1 000 руб. В записке председателя Государственного совета В. П. Кочубея предлагалось признать таковыми решения до 100 руб. В итоге законодатель установил планку в 30 рублей.

Готовый проект «Основных положений преобразования судебной части в России» был направлен на рассмотрение соединенных департаментов законов и гражданского Государственного совета. К числу наиболее дискуссионных вопросов относился способ назначения мировых судей от правительства или по выборам. Министр юстиции В. Н. Панин предложил назначать их из юридически образованных людей, однако ввиду нехватки таковых предложение было отвергнуто. Более актуальным стало выборное начало мировых судей, разработанное ранее главноуправляющим II отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии, членом Государственного совета и председателем его департамента законов Д. Н. Блудовым. Подчеркивая особенное значение мирового суда, Государственный совет считал необходимым «к поддержанию достоинства и силы данного учреждения» принять следующие требования для кандидатов в мировые судьи:

- возраст не менее 25 лет;
- неопороченность по суду или общественному приговору;
- не состоять под следствием и судом;
- имущественный ценз (владение «недвижимой собственностью, приносящую годового дохода не менее 300 рублей»);
- образовательный (наличие окончанного среднего образования) или служебный ценз (служба «преимущественно по судебной части не менее трех лет»).

Кроме того, составители проекта предложили установить безвозмездное звание почетных мировых судей по выбору сословий для помощи участковым судьям, что вызвало недовольство представителей высшей бюрократии (например, министра внутренних дел П. А. Валуева), стремившихся видеть в мировом суде проводника дворянского влияния.

Несмотря на теорию и практику судебных институтов государств Европы, видевшей гарантии независимости судей в их несменяемости, решение избирать мировых судей на определенный срок, а именно на три года, Государственный совет объяснил его новизной в России. Это предложение впоследствии одобрил и император.

Так как к ведомству мировых судей предполагалось отнести только несложные дела, то для быстрого рассмотрения таких дел предполагались следующие отступления от обычного судопроизводства: освобождение от письменной формы, от строгого формального производства, от судебных сборов. «Производство у мирового судьи освобождается от употребления гербовой бумаги и всяких пошлин и происходит публично, на словах, с расспросом судьей тяжущихся или их поверенных и свидетелей» [4, с. 44]. Подчеркивалось, что в первую очередь мировой судья должен примирить тяжущихся.

В проекте «Основных положений преобразования судебной части в России» [6, с. 145–173] ведомству мировых судей в гражданском судопроизводстве предполагалось отнести:

- иски по личным обязательствам и договорам и о движимости не свыше 500 руб.;

- иски о вознаграждении за ущерб и убытки, когда их количество не превышает 500 рублей, или же во время предъявления иска не может быть положительно известно;
- иски о личных обидах и оскорблениях;
- дела о восстановлении нарушенного владения, когда с нарушением не соединяется, основанного на формальном акте, спора о самом праве на владение [7, с. 76, 77].

Относительно компетенции по уголовным делам: 1) дела о менее важных преступлениях и проступках, за которые в законе определены выговоры, замечания, внушения, денежные взыскания не более 300 руб., арест до 3 месяцев; 2) дела о преступлениях и проступках, производство по которым начинается по жалобам лиц обиженных или потерпевших вред и может быть прекращено примирением; 3) дела о краже, мошенничестве, лесных порубках, присвоении найденных вещей и других преступлениях, за которые назначается наказание заключением в рабочий дом.

Некоторые дискуссионные вопросы были решены императором следующим образом:

- по вопросу, кто будет составлять вторую инстанцию, когда первой инстанцией является мировой суд, – это будет съезд мировых судей округа;

- по вопросу о пределах власти мирового судьи в окончательном решении подсудных ему дел – «приговоры мирового судьи, которыми определяются внушения, замечания и выговоры, денежные взыскания не свыше 15 рублей серебром с одного лица и арест до трех дней или заменяющие оный наказания, считаются окончательными и не могут быть обжалованы; на все прочие приговоры допускаются отзывы» [8, с. 35, 36, 39].

Большинство участников заседаний Общего собрания Государственного совета пришли к мнению, что мировой суд – одна из ступеней общего суда, отличающаяся сокращением судебного производства, меньшинство отстаивало самобытность мировой юстиции. В целом участники посчитали мировой суд важнейшим институтом судебной реформы.

После опубликования в прессе «Основных положений преобразования судебной части в России» множество поступивших замечаний и предложений касалось проектов судопроизводства с участием мировых судей. Они все были обработаны и учтены членами комиссии при Государственной канцелярии, но не оказали существенного влияния на ход дальнейшей работы над законодательством. По воспоминаниям А. Ф. Кони, «мировые судьи сразу приобрели себе популярность и доверие в местном населении», а их присутствие стало «не только местом отправления доступного народу правосудия, но и школой порядочности и уважения к человеческому достоинству» [9, с. 288, 289], сформировав новую для России гражданственность.

Хочется отметить, что при решении широкого круга вопросов составители судебных уставов опирались на нормативно-правовые акты и судебную практику западноевропейских стран. Так, согласно комментарию к ст. 174 Устава уголовного судопроизводства Российской империи 1864 г. [10], нормы французского и итальянского законодательства использовались для формирования перечня оснований, необходимых для кассации уголовных решений мирового судьи. Анализируя ст. 408, 413 Устава уголовного судопроизводства Франции [11], а также статистические данные, составители уставов пришли к выводу, что четко определить все возможные случаи обжалования вступивших в законную силу приговоров мирового суда невозможно, поэтому они должны быть сформулированы общими словами, чтобы практика смогла их конкретизировать, не противореча при этом нормам права.

Таким образом, существовало множество проектов института мирового суда, что создавало сложность при работе Государственной канцелярии. Мнения по тем или иным вопросам различались в зависимости от того, какой позиции придерживались лица – консервативной (желали ограничения власти мирового судьи и выступали за его назначение) или либеральной (поддерживали идею выборности мирового суда, который должен пользоваться широкими полномочиями и иметь авторитет среди населения). В обсуждениях судебных уставов принимали участие лица различных чинов, начиная от советников и заканчивая императором. Свои предложения вносили и простые подданные. Все вышеперечисленное доказывает, что российское общество XIX в. уже созрело в нравственном смысле к проведению судебной реформы и учреждению мирового суда.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лонская, С. В. Мировая юстиция в России : монография / С. В. Лонская. – Калининград, 2000. – 215 с.
2. Лонская, С. В. История мировой юстиции в России в ракурсе конкуренции концептуальных подходов / С. В. Лонская // Вестн. Омского ун-та. Сер. «Право». – 2012. – № 3 (32). – С. 19–24.
3. Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны [Электронный ресурс]. – 2-е изд. – СПб., 1867. – Ч. 3. – С. X–XI. – Режим доступа: <http://www.prlib.ru/item/372592>. – Дата доступа: 09.10.2018.
4. Мировая юстиция в России: создание, деятельность, историческая миссия : монография / под ред. А. Д. Поповой, С. В. Лонской. – М., 2016. – 288 с.
5. Устав гражданского судопроизводства Российской империи 1864 г. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2018.
6. Высочайше учрежденные основные положения преобразования судебной части в России [Электронный ресурс] // Полное собрание законов Российской империи. Собр. II. Т. XXXVII. Отд-ние II. № 38761. – Режим доступа: <https://www.runivers.ru/bookreader/book9938/#page/146/mode/1up>. – Дата доступа: 08.11.2018.
7. Основные положения преобразования судебной части в России. Ч. III. Гражданское судопроизводство [Электронный ресурс]. – М. : Тип. В. Готье, 1863. – Режим доступа: <http://www.prlib.ru/item/355355>. – Дата доступа: 15.10.2018.
8. Основные положения преобразования судебной части в России. Ч. II. Уголовное судопроизводство [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.prlib.ru/item/355356>. – Дата доступа: 15.10.2018.
9. Кони, А. Ф. Собрание сочинений : в 8 т. / А. Ф. Кони. – М. : Юрид. лит., 1966. – Т. 1 : Из записок судебного деятеля. – 541 с.
10. Устав уголовного судопроизводства Российской империи 1864 г. // Российское законодательство X–XX веков / под общ. ред. О. И. Чистякова. – М., 1991. – Т. 8. – С. 120–251.
11. Устав уголовного судопроизводства Франции [Электронный ресурс] / пер. с фр. Н. Неклюдова // Журн. М-ва юстиции. Т. 6. – СПб. : Тип. Правительствующего Сената, 1860. – 131 с. – Режим доступа: <http://jurytrial.ru/library/item/8897>. – Дата доступа: 11.11.2018.

УДК 348.014

Н. С. ИЩЕНКО

Гомель, Международный университет «МИТСО»

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВА ЛИЧНОСТИ НА СВОБОДУ И НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ В РАМКАХ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

В демократическом правовом государстве, каковой провозглашена Республика Беларусь, высшей ценностью являются права и свободы индивида, его честь и достоинство. Их признание, обеспечение соблюдения и защита в сфере уголовного процесса – обязанность государства, его правоохранительных органов. В связи с реализацией данного конституционного требования особую актуальность приобретает проблема правомерного ограничения права на свободу и личную неприкосновенность лиц, вовлекаемых в производство по уголовному делу.

Согласно ст. 3 Всеобщей декларации прав человека (1948) каждый человек имеет право на жизнь, на свободу и на личную неприкосновенность. Аналогичное положение закреплено в ст. 5 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (1950), ст. 9 Международного пакта о гражданских и политических правах (1966), ст. 25 Конституции Республики Беларусь (далее – Конституция).

Вместе с тем право на свободу и личную неприкосновенность не является абсолютным. Никто в соответствии с нормами международного права не может быть подвергнут ограничению свободы и личной неприкосновенности иначе, как на таких основаниях и в соответствии с такой процедурой, которые установлены законом. Данными правилами руководствуется в своих решениях и Европейский суд по правам человека. В законодательстве Беларуси сформулировано аналогичное требование в Конституции.

Установление события преступления, изобличение виновных в его совершении происходят в условиях вынужденного стеснения, а в некоторых случаях – и существенного ограничения свободы и личной неприкосновенности лиц, вовлекаемых в производство следственных и иных процессуальных действий. Несмотря на ярко выраженный правоограничительный характер уголовно-процессуальной деятельности, такие ограничения признаются законом правомерными.

Одним из важнейших объектов государственной защиты является право человека и гражданина на свободу и личную неприкосновенность. Гарантией обеспечения этого права служит конституционное положение о том, что ограничение или лишение личной свободы возможно в случаях и порядке, установленных законом (ст. 25 Конституции). В уголовном судопроизводстве личная неприкосновенность означает, что никто не должен задерживаться, лишаться свободы не иначе как на таких основаниях и в соответствии с таким порядком, которые предусмотрены Уголовно-процессуальным кодексом (далее – УПК) Республики Беларусь. Совокупность закрепленных в ст. 11 УПК Республики Беларусь норм именуется принципом неприкосновенности личности, который определяет основания и условия ограничения свободы человека в уголовном судопроизводстве, а также круг процессуальных гарантий от произвольного нарушения права на личную свободу и неприкосновенность. Этот принцип также устанавливает, что ограничение свободы допускается лишь на строго определенный срок, по истечении которого лицо должно быть немедленно освобождено.

Одной из процессуальных гарантий обеспечения свободы, неприкосновенности и достоинства личности является судебная проверка законности и обоснованности применения к подозреваемому, обвиняемому мер пресечения в виде заключения под

стражу, домашнего ареста или продления срока их действия (ст. 144 УПК Республики Беларусь). Регламентируя в уголовном судопроизводстве такую проверку, как самостоятельное судебное производство, осуществляемое наряду с основным производством по уголовному делу и параллельно ему, законодатель однозначно обозначил ее предназначение: проверить законность и обоснованность применения к подозреваемому, обвиняемому этих мер пресечения или продления их срока действия; обеспечить право личности на свободу и неприкосновенность.

Верховным Судом Республики Беларусь изучена практика рассмотрения судами жалоб на применение мер пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста или продление срока их действия. По данному вопросу 23 декабря 2010 г. Пленум Верховного Суда Республики Беларусь принял постановление № 12 [1].

Ограничения в уголовно-правовых и уголовно-процессуальных правоотношениях возможны лишь в целях достижения задач уголовного судопроизводства – раскрытия преступлений и изобличения лиц, виновных в их совершении, – и лишь в объеме, сопоставимом достижению этих целей. По данным судебной статистики, в 2010 г. судами было рассмотрено 688 жалоб на применение мер пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста или продление срока их действия, при этом оставлено без удовлетворения 620 (90 %) [1].

Основания для заключения под стражу делятся на общие и специальные.

Общие имеются тогда, когда собранные по делу доказательства дают достаточные основания полагать, что подозреваемый/обвиняемый может:

- скрыться от органа уголовного преследования или суда;
- воспрепятствовать предварительному расследованию уголовного дела или рассмотрению его судом, в том числе путем оказания незаконного воздействия на лиц, участвующих в уголовном процессе, сокрытия или фальсификации материалов, имеющих значение для дела, неявки без уважительных причин по вызовам органа, ведущего уголовный процесс;
- совершить предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние;
- противодействовать исполнению приговора (ч. 1 ст. 117 УПК Республики Беларусь).

УПК прямо не указывает, что на общие основания применения мер пресечения распространяется процесс доказывания. Вместе с тем в ч. 2 ст. 126 УПК Республики Беларусь подчеркивается необходимость в постановлении (определении) о применении меры пресечения в виде заключения под стражу изложения оснований и мотивов, в силу которых возникла необходимость в ее избрании. Любое постановление судьи, следователя, лица, производящего дознание, должно быть законным, обоснованным и мотивированным. На практике широко распространенной ошибкой является вынесение немотивированных постановлений об избрании заключения под стражу, в которых следователи и судьи ограничиваются лишь перечислением общих оснований, отраженных в ч. 1 ст. 117 УПК Республики Беларусь, о возможном нарушении подозреваемым, обвиняемым своих обязанностей.

Самым главным специальным основанием для заключения под стражу является максимальная санкция статьи Особенной части Уголовного кодекса, предусматривающая ответственность за инкриминируемое подозреваемому/обвиняемому преступление. Кроме того, принимаются во внимание категория и объект преступления, личность подозреваемого либо обвиняемого и его посткриминальное поведение.

Заключение под стражу в качестве меры пресечения согласно ч. 1 ст. 126 УПК Республики Беларусь применяется в отношении подозреваемого/обвиняемого в совер-

шении преступления, за которое законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше двух лет. Акцентируем внимание на том, что большинство санкций в нормах Особенной части Уголовного кодекса в качестве альтернативы включают лишение свободы на указанный срок. Одновременно ч. 1 ст. 126 УПК Республики Беларусь содержит запрет на применение заключения под стражу к лицам, подозреваемым/обвиняемым в совершении менее тяжких преступлений против порядка осуществления экономической деятельности (за исключением легализации средств, полученных преступным путем, контрабанды, незаконного экспорта или передачи в целях экспорта объектов экспортного контроля).

К лицам, подозреваемым/обвиняемым в совершении тяжкого либо особо тяжкого преступления против мира и безопасности человечества, государства, преступления, сопряженного с посягательством на жизнь и здоровье человека, военного преступления, мера пресечения в виде заключения под стражу может быть применена лишь по тяжести преступления. В исключительных случаях эта мера пресечения может быть применена в отношении подозреваемого/обвиняемого по делам о менее тяжких преступлениях против порядка осуществления экономической деятельности либо о преступлениях, за которые законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до двух лет, если они не имеют постоянного места жительства на территории Республики Беларусь либо не установлена их личность. К лицам, скрывшимся от органов уголовного преследования либо суда, данная мера пресечения применяется независимо от совершенного преступления и предусмотренного за него наказания.

Можно присоединиться к мнению экспертов, полагающих, что специальные основания применения данной меры пресечения и установленные при ее избрании исключения и запреты сформулированы законодателем весьма широко и достаточно противоречиво. В результате органы уголовного преследования и суд используют предоставленное им право на применение заключения под стражу относительно существенного числа подозреваемых/обвиняемых в совершении преступлений различной степени тяжести. И хотя такое решение является абсолютно законным, вряд ли оно является достаточно обоснованным.

Возможности обжалования в суд обоснованности заключения под стражу, предоставленные в УПК Республики Беларусь, не привели к повышению эффективности судебного контроля за применением данной меры пресечения в Беларуси. Судебная практика показывает, что в подавляющем большинстве 90–95 % жалоб на применение меры пресечения в виде заключения под стражу или продление срока ее действия остаются без удовлетворения. Рассматривая жалобы, судьи испытывают трудности в определении предмета и пределов судебного контроля и ограничиваются лишь проверкой критерия законности. Сегодня жизненно важно установить в законе предел уголовного наказания, за которым избрание в качестве меры пресечения заключения под стражу не допускалось бы, что явилось бы существенной гарантией законных интересов личности. Логичным (а право не должно быть алогичным) был бы алгоритм «лицу не угрожает серьезное наказание – нет необходимости заключать под стражу» при условии отсутствия доказательств его ненадлежащего поведения в будущем. Мера пресечения не может быть строже грозящего наказания.

Следовательно, мера пресечения в виде заключения под стражу должна избираться не потому, что совершенное преступление является тяжким или особо тяжким, а потому, что подозреваемый, обвиняемый по имеющимся объективным данным, может совершить неправомерные деяния по противодействию расследованию либо уже их совершает.

В Республике Беларусь в последние годы наблюдается позитивная тенденция к снижению доли заключения под стражу среди иных мер пресечения, применяемых в отношении подозреваемых/обвиняемых. Так, эта мера в 2016 г. была санкционирована в отношении 24,4 %, что на 16,4 % меньше относительно таких лиц в 1999 г. 75 % всех обвиняемых находилось под подпиской о невыезде и надлежащем поведении. Такие новые и прогрессивные меры пресечения, как залог и домашний арест, которые должны были бы стать альтернативами заключению под стражу, применялись не более чем в отношении 1 % всех обвиняемых.

Довольно широкое применение заключения под стражу является, полагаем, опасением (порой и оправданным) органов, ведущих уголовный процесс, что подозреваемый/обвиняемый, находясь на свободе, скроется. В связи с этим следователи и прокуроры считают, что лучше перестраховаться, избрав меру пресечения строже, чтобы их потом нельзя было ни в чем упрекнуть и, соответственно, наказать. Представляется, что именно это обстоятельство определяет то, что альтернативные меры почти не применяются: в современной практике применения мер пресечения из всего существующего арсенала мер пресечения реально применяются лишь две – подписка о невыезде и заключение под стражу. Данное сужение спектра применяемых мер пресечения и реализация лишь двух из них приведут к искаженному представлению о степени эффективности существующих мер пресечения, не позволят выявить позитивные возможности иных средств.

Разумной минимизации применения меры пресечения в виде заключения под стражу должно способствовать следующее (причем очередность принимаемых мер, полагаем, должна быть такой же):

- соблюдение установленных международными договорами Республики Беларусь правил содержания заключенных в следственных изоляторах и норм их наполняемости;
- передача суду права давать органам уголовного преследования санкцию на заключение под стражу и продление его срока;

- изложение в постановлении о применении данной меры принуждения фактических данных, обосновывающих необходимость ее избрания в отношении подозреваемого/обвиняемого (ч. 1 ст. 119, ч. 2 ст. 126 УПК Республики Беларусь);

- повышение эффективности судебной проверки обоснованности применения данной меры пресечения и продления ее срока (ст. 143 УПК Республики Беларусь).

На изучение судебной практики в Верховный Суд Республики Беларусь поступило 381 производство суда первой инстанции, из них 380 – по проверке законности и обоснованности заключения под стражу, продления срока содержания под стражей и лишь одно – по проверке применения домашнего ареста. В подавляющем большинстве жалобы судьями оставлены без удовлетворения – 363 (95,3 %), лишь в отношении 18 лиц (4,7 %) мера пресечения в виде заключения под стражу отменена и применена иная мера пресечения (подписка о невыезде – в отношении 14 лиц, домашний арест – трех лиц, залог – в отношении одного лица). В ходе обобщения установлено, что суды в основном своевременно разрешают поступающие к ним жалобы. Вместе с тем в практике судов имеются ошибки и недостатки, которые сказываются на эффективности судебного контроля. Основная проблема заключается в *формальной проверке* обоснованности заключения под стражу, домашнего ареста в качестве меры пресечения. Отдельные судьи полагают, что обжалование постановления (определения) суда о применении меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста должно осуществляться в порядке ст. 377 УПК Республики Беларусь. Такой подход является ошибочным и не основанным на законе. В ст. 119 УПК Республики Беларусь регламентирован

общий порядок применения, изменения и отмены меры пресечения, названы субъекты, уполномоченные применять заключение под стражу, домашний арест. При этом ст. 144 УПК Республики Беларусь установлен единый процессуальный порядок рассмотрения жалобы или протеста на заключение под стражу, домашний арест в качестве меры пресечения или продление срока ее действия, причем независимо от того, каким из уполномоченных законом субъектов принято обжалуемое решение. Свое разъяснение по этому вопросу Пленум Верховного Суда Республики Беларусь сформулировал в п. 2 постановления. Судьи оставляют без внимания, что необходимость применения таких мер должна основываться на объективных и достоверных данных уголовного дела. Так, судья суда Жлобинского района, оставляя жалобу С. без удовлетворения, пришел к выводу о законности и обоснованности заключения под стражу лишь на том основании, что нормы уголовно-процессуального закона при применении меры пресечения не нарушены. Между тем такая проверка не отвечает требованиям ст. 144 УПК Республики Беларусь, устанавливающей обязанность суда проверить не только законность, но и обоснованность применения органом, ведущим уголовный процесс, мер пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста или продления срока их действия. Пленум Верховного Суда Республики Беларусь на это обстоятельство обратил внимание в п. 3 постановления, разъяснив, что следует понимать под критериями «законность» и «обоснованность». В целях предупреждения возможных ошибок при осуществлении судебной проверки Пленум также в п. 3 постановления разъяснил судам, что при рассмотрении жалобы вопросы виновности подозреваемого, обвиняемого, доказанности выдвинутых подозрений или обвинений разрешению не подлежат. Следует обратить внимание, что нечеткость формулировок жалобы (например, просьба об изменении или отмене меры пресечения без ссылки на незаконность или необоснованность ее применения или продления срока действия) не освобождает суд от обязанности проверить законность и обоснованность заключения под стражу, домашнего ареста или продления срока содержания под стражей, домашнего ареста. При осуществлении судебной проверки законности и обоснованности заключения под стражу, домашнего ареста или продления их срока судам также необходимо иметь в виду, что законодатель в ч. 5 ст. 144 УПК Республики Беларусь четко определил пределы судебного контроля. При этом он однозначно назвал нарушения закона, при установлении которых суд обязан немедленно освободить лицо из-под стражи, домашнего ареста. К ним относятся нарушения требований ст. 125, 126 УПК Республики Беларусь или права подозреваемого, обвиняемого на защиту; несоответствие предъявленного обвинения содержанию постановления о применении меры пресечения в виде заключения под стражу [1].

Генеральной прокуратурой Республики Беларусь проанализирована судебно-прокурорская практика рассмотрения в 2016 г. гражданских дел по искам граждан о возмещении вреда, причиненного неправомерными действиями органов, ведущих уголовный процесс. Право на возмещение вреда гарантировано гражданам Конституцией Республики Беларусь. В соответствии с ч. 2 ст. 60 в целях защиты прав, свобод, чести и достоинства граждане вправе взыскать в судебном порядке как имущественный вред, так и материальное возмещение морального вреда. Условия и порядок возмещения вреда, причиненного незаконными деяниями органов уголовного преследования и суда, регламентируются нормами гл. 58 Гражданского кодекса Республики Беларусь, гл. 48 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь и гл. 131 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях.

Вред, причиненный гражданину в результате незаконного задержания, содержания под стражей и домашнего ареста, временного отстранения от должности, помеще-

ния в психиатрический стационар, осуждения, применения принудительных мер безопасности и лечения, привлечения в качестве обвиняемого и применения меры пресечения в виде подписки о невыезде, возмещается государством в полном объеме.

Не рассматривается вопрос о возмещении вреда в следующих случаях:

- если уголовное преследование прекращено по нереабилитирующим основаниям;
- при отмене обвинительного приговора либо его изменении ввиду принятия акта амнистии;
- при отмене закона, устраняющего уголовную ответственность;
- при добровольном самооговоре в совершении преступления.

Вместе с тем в случае самооговора под воздействием насилия, угроз и иных незаконных мер иск о компенсации морального вреда подлежит удовлетворению. Так, судом Мозырского района рассмотрено гражданское дело по иску Х., который был незаконно осужден и находился под стражей 2 года и 3 месяца [2]. Суд первой инстанции вынес решение об отказе в удовлетворении иска о взыскании компенсации морального вреда, мотивируя это тем, что в процессе производства по уголовному делу истец добровольно оговорил себя. Однако суд кассационной инстанции отменил данное решение и удовлетворил заявленные требования, усмотрев факты фальсификации материалов оперативно-розыскных мероприятий, применение незаконных методов в отношении истца, в силу чего пришел к выводу о праве на возмещение вреда [2, с. 27].

Решением суда Московского района г. Минска удовлетворен иск Х. о взыскании компенсации морального вреда. Приговором суда Дубровенского района Х. осужден по ч. 2 и ч. 3 ст. 328 УК Республики Беларусь к 8 годам лишения свободы. Постановлением президиума Витебского областного суда данный приговор в части осуждения Х. по ч. 3 ст. 328 УК отменен в связи с отсутствием в его действиях состава преступления. Окончательно к отбыванию осужденному назначено наказание в виде 5 лет лишения свободы. Однако на этот момент истец уже находился в местах лишения свободы 6 лет, в связи с чем в пользу истца было взыскано 10 млн рублей. При определении размера компенсации морального вреда учитывается характер причиненных истцу нравственных страданий, которые оцениваются судом с учетом фактических обстоятельств причинения вреда, и индивидуальных особенностей истца.

В силу сложившейся практики в зависимости от объема неблагоприятных для истца последствий взыскивается от 600 до 10 тыс. денонмированных рублей. В то же время единые подходы к определению размера такой компенсации не выработаны. Так, решением суда Новобелицкого района г. Гомеля в пользу К., который был задержан на трое суток и к которому применена мера пресечения в виде подписки о невыезде в течение 4 месяцев, в счет денежной компенсации морального вреда взыскано 20 млн неденонмированных рублей. При этом решением суда Московского района г. Минска в пользу С., который находился под стражей один месяц, а в последующем мера пресечения изменена на подписку о невыезде в течение 7 месяцев, взыскано только 8 млн неденонмированных рублей [2, с. 27].

Таким образом, в соответствии с вышеизложенным в ближайшее время следовало бы трансформировать существующее законодательство, практику судов активизировать в направлении применения альтернативных мер пресечения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. О практике рассмотрения судами жалоб на применение мер пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста или продление срока их действия (по материалам обзора) // Суд. весн. – 2011. – № 1. – С. 10–17.

2. Абрамович, С. О возмещении вреда, причиненного гражданину незаконным привлечением к ответственности / С. Абрамович // Законность и правопорядок : правовой науч.-практ. журн. – 2017. – № 4 (44). – С. 24–27.

УДК 343.132.1

И. М. КНЯЗЕВ, М. Д. ДРАГУН

Минск, Институт национальной безопасности Республики Беларусь

ВОПРОСЫ ПРОИЗВОДСТВА ОСМОТРА И ДОПРОСА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О СОЗДАНИИ ЭКСТРЕМИСТСКОГО ФОРМИРОВАНИЯ И ФИНАНСИРОВАНИИ ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Уголовный кодекс (далее – УК) Республики Беларусь [1] предусматривает ответственность за создание экстремистского формирования (ст. 361-1) и финансирование его деятельности (ст. 361-2). Данные составы преступлений введены Законом Республики Беларусь от 20 апреля 2016 г. № 358-З [2]. Практический опыт возбуждения и расследования уголовных дел об указанных преступлениях в Республике Беларусь отсутствует, малоисследованной является данная проблема и в теории отечественного уголовного процесса и криминалистики. Однако такой опыт, а также соответствующие научные разработки имеются в Российской Федерации, других зарубежных государствах, что должно учитываться в правоприменительной деятельности белорусских правоохранительных органов, а также при проведении научных исследований по указанной проблематике в нашей стране.

Предварительное расследование включает в себя производство следственных действий, направленных на собирание и проверку доказательств. Процессуальный порядок производства данных действий, регламентированный нормами Уголовно-процессуального кодекса (далее – УПК) Республики Беларусь [3], является единым и не имеет какой-либо специфики при расследовании уголовных дел о создании экстремистского формирования и финансировании его деятельности. Вместе с тем в ходе производства по уголовным делам об указанных преступлениях следственные действия имеют определенные особенности организационно-тактического плана. Остановимся на таких особенностях при производстве осмотра и допроса.

Одним из наиболее распространенных видов осмотра по делам рассматриваемой категории является осмотр предметов и документов. Из числа *осмотра предметов* в настоящее время весьма актуальными представляются осмотр ПЭВМ и осмотр мобильного телефона (смартфона).

Полагаем, что осмотр ПЭВМ целесообразно проводить с обязательным участием специалиста, сведущего в информационных технологиях. При осмотре ПЭВМ специалист помогает лицу, производящему следственное действие, правильно описать осматриваемые объекты, подбирает программное обеспечение для доступа к осматриваемой информации, ее интерпретации, при необходимости проводит ее конвертацию к удобному для просмотра формату записи, оказывает помощь в распечатывании или копировании искомой информации на машинные носители однократной записи (диски CD-R, DVD-R и др.), помогает сформулировать вопросы для последующего назначения и проведения компьютерно-технической экспертизы (если она необходима) в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона [4, с. 36].

Первоначально необходимо произвести внешний осмотр ПЭВМ (внешнее описание с указанием маркировок, фирменных обозначений, особых отметин, устройств для опечатавания на системных блоках, наличия имеющихся на них повреждений с отражением этих действий в протоколе, а также портов, разъемов и кабелей, входящих в комплектацию).

В ходе осмотра включенного компьютера следует:

1. Определить, какие программы выполняются в данный момент. Для этого изучается изображение на экране монитора, которое детально описывается в протоколе. При необходимости может осуществляться фотографирование или видеозапись изображения на экране.

2. Остановить исполнение программы и зафиксировать в протоколе результаты своих действий, отразить изменения, произошедшие на экране монитора.

3. Определить наличие у компьютера внешних устройств – накопителей информации на жестком диске, на съемных жестких дисках, наличие виртуального диска, отразив полученные данные в протоколе.

4. Скопировать программы и файлы данных, созданные на виртуальном диске (если он имеется), на флэш-карту либо иной носитель. Если эту операцию не сделать вовремя, существует вероятность, что при повторном включении компьютера виртуальный диск окажется защищен паролем, и информацию невозможно будет извлечь.

5. Запустить программу индексирования содержимого жесткого диска. Например, можно использовать программу «Архивариус-3000», предназначенную для быстрого поиска документов на персональном компьютере, в локальной сети и на съемных дисках. Поиск документов осуществляется по ключевым словам или с помощью формального запроса аналогично тому, как это делается в поисковых системах сети Интернет. При поиске автоматически учитываются все формы слов, обеспечивая смысловой поиск документов на десяти языках. Программа извлекает и хранит полную информацию о документах. Даже если документ физически недоступен, «Архивариус-3000» практически мгновенно находит его по ключевым словам и указывает, где находится разыскиваемый файл.

6. Извлечь иную доступную информацию, имеющую значение для дела.

В процессе осмотра выключенного компьютера необходимо:

– установить и отразить в протоколе местонахождение компьютера и его периферийных устройств, назначение каждого устройства, марку, модель, серийный номер, наличие соединения с локальной вычислительной сетью или сетями телекоммуникаций;

– если в ходе осмотра и изъятия компьютерной техники возникает необходимость включения компьютера, его запуск следует осуществлять с заранее подготовленного загрузочного диска, исключив тем самым запуск программ пользователя.

Осмотр мобильного телефона (смартфона) практически не отличается от осмотра иных электронных носителей, однако имеет некоторые особенности. В частности, при осмотре данного объекта следует:

– определить международный идентификатор мобильного оборудования (International Mobile Equipment Identity – IMEI). IMEI присваивается телефону во время его изготовления на заводе. Он служит для идентификации устройства в Сети и хранится в программном обеспечении аппарата. Как правило, IMEI указывается в четырех местах: в самом аппарате (в большинстве случаев его можно вывести на экран набором символов *#06# на клавиатуре), под аккумуляторной батареей, на упаковке и в гарантийном талоне;

– извлечь устройство флэш-памяти;

– извлечь sim-карту. Sim-карта характеризуется номером IMSI (International Mobile Subscriber Identity) – международный идентификатор мобильного абонента (индивидуальный номер абонента), ассоциированный с каждым пользователем мобильной связи стандарта GSM, UMTS или CDMA [4, с. 158].

Вышеуказанные характеристики телефона, флэш-памяти и sim-карты (марка, модель, номера) указываются в протоколе осмотра.

В отношении флэш-памяти и sim-карты при осмотре, как правило, производится извлечение:

- сведений о звонках, включая удаленные;
- телефонной книги;
- фото-, видео- и аудиозаписей;
- SMS-сообщений, включая удаленные.

Осмотр документов. Документы могут быть осмотрены как в процессе производства других следственных действий (выемки, обыска и т. д.), так и в качестве самостоятельного следственного действия. Проведение последнего наиболее характерно как необходимое условие для приобщения документа к делу в качестве вещественного доказательства.

Осмотр документов производится по принципу от общего к частному – от наименования и внешнего вида документа до его реквизитов и тщательного исследования той его части (содержания), которая имеет (или может иметь) значение для уголовного дела [5, с. 146]. В протоколе осмотра документа фиксируется все обнаруженное, а та часть содержания документа, которая имеет доказательственное значение, при необходимости может быть изложена в протоколе осмотра дословно.

В ходе осмотра к документам необходимо относиться крайне аккуратно, сохраняя их в неизменном виде, оберегая от каких-либо повреждений. Категорически запрещается делать на осматриваемых документах какие-либо пометки: подчеркивание отдельных слов, подписей, цифр, расстановку «галочек», вопросительных либо восклицательных знаков и т. п. [5, с. 147].

Определенную специфику имеет осмотр электронного документа (документа в электронном виде). При осмотре электронного документа следует зафиксировать и отразить в протоколе:

- технические средства, применяемые при осмотре (ПЭВМ, принтер, программное обеспечение) и их признаки;
- наименование файла, его местонахождение (путь к файлу) и формат;
- количество страниц, абзацев, символов, а также дату создания, дату последнего редактирования файла;
- какими словами начинается и заканчивается данный документ;
- наиболее значимую информацию, содержащуюся в электронном документе.

Файл с электронным документом распечатывается и приобщается к протоколу осмотра, а подлинность данной распечатки и ее соответствие осматриваемому электронному документу заверяется подписями участников следственного действия.

Кроме того, целесообразно скопировать файл на электронный носитель (CD-R) и также приобщить к протоколу, о чем делается запись в протоколе осмотра.

Допрос. Планируя допрос лиц, состоящих в экстремистском формировании, нельзя забывать, что состав и структуру экстремистской группы отличает повышенная сплоченность, обеспечиваемая реальной или мнимой идеологической подоплекой, которая обосновывает или оправдывает необходимость совершения преступлений экстремистского характера.

При допросе подозреваемых, обвиняемых (организаторов, руководителей формирования) необходимо выяснить:

1. Форму организации и численный состав формирования:

- в течение какого времени функционировало экстремистское формирование;
- каким способом оно было организовано (волевым, функционально-договорным, формальным);
- с какой целью было создано формирование (для осуществления какой деятельности);
- какова его организационная структура (организация, группа и т. д.) и иерархия (высший уровень – руководящие звенья, средний уровень – организационно-контрольные звенья и группы безопасности, низший уровень – исполнительные звенья);
- сколько лиц и кто именно состоял в формировании (в каждом из его уровней);
- какова техническая оснащенность экстремистского формирования, каким образом приобретались технические средства;
- что (кто) является источником финансирования.

2. Функциональные роли организатора формирования:

- кто непосредственно проявил инициативу в создании формирования;
- кто разрабатывал его структуру, функциональную направленность и общую линию действий, систему подчиненности и управления;
- кто занимался комплектованием и материально-техническим обеспечением формирования;
- кто назначал «руководителей» среднего и низшего звена;
- кто занимался подысканием и вовлечением лиц в формирование;
- кто доводил требования, предъявляемые к дисциплине, мерам конспирации и т. д.

3. Функциональные роли руководителя формирования:

- кто ставил перед участниками формирования конкретные задачи и осуществлял контроль за их исполнением;
- каков характер распоряжений, требований, указаний участникам формирования;
- кто обучал способам маскировки в целях сокрытия деятельности формирования.

В ходе допроса участников экстремистского формирования в качестве свидетелей выяснению подлежат следующие обстоятельства:

- кто и с какими мотивами вошел в состав формирования добровольно;
- каково место допрашиваемого в структуре формирования;
- кто из участников формирования обладал наибольшим преступным опытом, организаторскими способностями, сильным характером;
- кому особенно доверяли организатор (руководитель) формирования;
- кому поручались наиболее ответственные поручения;
- кто давно был знаком с организатором (руководителем) формирования, являлся его родственником;
- кто и какие меры применял для конспирации экстремистского формирования, защиты его участников от разоблачения;
- кто был втянут в преступную организацию и каким образом;
- кто отличался слабохарактерностью и склонностью к подчинению;
- кто выполнял наиболее простые поручения и меньше всего участвовал в деятельности формирования;
- кто высказывал намерение прекратить деятельность в составе формирования (кто вышел из его состава);
- существовала ли система поощрений и наказаний.

С целью выявления ложных показаний следует обращать внимание на противоречия, пропуски, неточности, непоследовательность изложения обстоятельств в ходе свободного рассказа допрашиваемого, а также знать комплекс вербальных (речевых) и невербальных (неречевых) сигналов неискреннего поведения человека. При этом следует учитывать, что многие поведенческие проявления обмана могут контролироваться подозреваемым (обвиняемым).

К вербальным сигналам – признакам неискренности (лжи) могут быть отнесены:

– паузы и речевые ошибки: междометия («гм», «ну», «э-э»), повторы («я, я имею в виду...»), лишние слоги («мне очень по-понравилось»);

– склонность к использованию не прямых ответов (неоткровенных, уводящих от сути дела);

– заминки перед словами;

– возвращения к сказанному, повторы, уточнения, детализация, частые переспрашивания;

– уменьшение числа слов, относящихся к самому говорящему, таких как «я», «меня», «мое»;

– склонность давать более короткие ответы (небольшая продолжительность высказывания, минимальное количество произнесенных слов).

В качестве невербальных сигналов – признаков неискренности (лжи) могут рассматриваться:

– нервозность в поведении (периодическая прочистка голоса; покашливание, ерзанье на стуле, потирание ладоней, почесывание головы);

– защита рта рукой (рука прикрывает рот, большой палец прижат к щеке; несколько пальцев у рта или кулак);

– потирание века (мужчины, как правило, энергично протирают веко, иногда отводят взгляд в сторону, обычно в пол; женщины – проводят пальцем под глазом, при этом, отводя глаза в сторону, они смотрят в потолок);

– потирание затылочной части шеи ладонью – «шею ломит» (сопровождается отведением глаз в сторону и в пол);

– легкая снисходительная улыбка, при которой собеседник напрягается и нижние веки его не поднимаются;

– «бегаящий взгляд» (человек с трудом «держит» взгляд собеседника, отводит глаза в сторону);

– прищуривание, сужение глаз при ответах на вопросы;

– микронапряжение лицевых мышц, когда в момент лживого высказывания по лицу как бы пробегает тень;

– вегетативные реакции (покраснение лица; подергивание губ; учащение дыхания; расширение или сужение зрачков; повышенное потоотделение; тремор кистей рук, ног) [6].

Следует обратить внимание, что для оценки достоверности показаний ранее допрошенного лица возможен его опрос с использованием полиграфа. Порядок проведения опроса с использованием полиграфа регламентирован ведомственными (МВД, КГБ и др.) нормативными правовыми актами. При этом необходимо учитывать, что опрос с использованием полиграфа проводится при добровольном согласии опрашиваемого лица, а его результаты имеют вероятностный характер (ориентирующее значение) и не могут использоваться в качестве доказательств.

В заключение представляется возможным сделать вывод о том, что в ходе расследования уголовных дел о создании экстремистского формирования и финанси-

вании его деятельности производство осмотра предметов и документов, а также допроса имеет особенности организационно-тактического характера. Полагаем, что учет данных особенностей и сформулированных на их основе рекомендаций будет способствовать повышению эффективности доказывания, осуществляемого органами уголовного преследования по делам об указанных преступлениях.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : с изм. и доп. по сост. на 17 июля 2018 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

2. О внесении дополнений и изменений в некоторые законы Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 20 апр. 2016 г., № 358-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : с изм. и доп. по сост. на 17 июля 2018 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

4. Холодцов, Д. В. Рекомендации по назначению компьютерно-технических экспертиз / Д. В. Холодцов // Актуальные проблемы деятельности органов государственной безопасности как органов дознания : материалы ведомств. науч.-практ. семинара, Минск, 24 апр. 2018 г. / Ин-т нац. безопасности Респ. Беларусь ; редкол.: В. И. Сидорович (гл. ред.) [и др.]. – Минск : ИНБ Респ. Беларусь, 2018. – С. 33–39.

5. Баев, О. Я. Тактика следственных действий : учеб. пособие / О. Я. Баев. – М. : Юрлитинформ, 2013. – 456 с.

6. Власова, Н. А. Тактика допроса лиц, подозреваемых в причастности к организации незаконного вооруженного формирования или участия в нем, с учетом их психологических особенностей [Электронный ресурс] / Н. А. Власова, И. Е. Реуцкая // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2018.

УДК 343.13

Е. А. КОМАРОВА

Симферополь, Крымский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации

СОБЛЮДЕНИЕ ПРАВ И СВОБОД УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ПРИ ИЗБРАНИИ И ПРИМЕНЕНИИ ДОМАШНЕГО АРЕСТА

Соблюдение прав и свобод участников уголовного судопроизводства при избрании и применении мер пресечения, применяемых по решению суда, играет важную роль в обеспечении конституционных гарантий прав личности. Это обусловлено тем, что домашний арест относится к мерам пресечения, существенным образом ограничивающим права и свободы граждан, провозглашенных Конституцией Российской Федерации 1993 г.

Для поддержания состояния законности, выполнения положений Конституции Российской Федерации и действующих на ее территории законов прокуратура наделена

в соответствии с положениями Федерального закона от 17.01.1992 «О прокуратуре Российской Федерации» [1] и другими нормативно-правовыми актами средствами прокурорского надзора – эффективным набором способов реагирования на нарушения прав и свобод человека и гражданина. В целом прокуроры уделяют должное внимание соблюдению прав и свобод участников уголовного судопроизводства при избрании и применении мер пресечения, применяемых по решению суда. Тем не менее в надзорной деятельности на данном участке работы имеется ряд проблем, которые ослабляют правозащитную деятельность прокуратуры и требуют своего решения [2].

С помощью мер пресечения компетентные органы и должностные лица обеспечивают надлежащее поведение со стороны участников уголовного судопроизводства. Разумное применение данных мер, содействуя раскрытию преступления, выявлению и изобличению его участников, в то же время предупреждает совершение новых преступлений со стороны этих лиц, не дает им возможности уклониться от ответственности.

Своевременное, взвешенное применение мер пресечения обеспечивает возможность раскрытия преступлений, изобличение виновных лиц, тогда как бесосновательное неприменение может привести к утрате доказательств по делу, возможности уничтожения следов преступления, направления следствия по ложному пути и т. д.

Одной из мер пресечения, существенным образом ограничивающей права и свободы обвиняемого (подозреваемого) и в связи с этим избираемой по решению суда, является домашний арест. По замыслу законодателя домашний арест является альтернативой мере пресечения в виде заключения под стражу. Она предназначена для уменьшения количества лиц, содержащихся в следственных изоляторах. При этом на протяжении нескольких лет законодателем предпринимаются попытки ее усовершенствования путем устранения проблем, возникающих в правоприменительной практике. Например, Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ в ст. 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) внесены изменения, регламентирующие процессуальный порядок применения меры пресечения в виде домашнего ареста [3]. Кроме того, дополнительные разъяснения даны в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» [4]. Предпринятые в этом направлении усилия, в том числе законодательные, привели к увеличению за последние несколько лет случаев избрания домашнего ареста от общего количества избранных мер пресечения.

При избрании такой меры пресечения, как домашний арест, необходимо учитывать, во-первых, основания, указанные в ст. 97 УПК РФ [5], в частности возможность обвиняемого (подозреваемого) скрыться от дознания, предварительного следствия или суда; продолжать заниматься преступной деятельностью; угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу. Во-вторых, обстоятельства, указанные в ст. 99 УПК РФ, а именно: тяжесть преступления, сведения о личности подозреваемого или обвиняемого, его возраст, состояние здоровья, семейное положение, род занятий и другие обстоятельства. И в-третьих, дополнительные условия, наличие которых необходимо для применения домашнего ареста, в частности нахождение подозреваемого (обвиняемого) в изоляции от общества в жилом помещении, в котором он проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях, с возложением запретов и осуществлением за ним контроля. С учетом состояния здоро-

вья подозреваемого или обвиняемого местом его содержания под домашним арестом может быть определено лечебное учреждение (ст. 107 УПК РФ).

Верховный Суд Российской Федерации в своем постановлении от 19.12.2013 № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» указал, что домашний арест может быть избран в качестве меры пресечения в случае невозможности применения другой, более мягкой меры пресечения [6].

Порядок принятия решения об избрании домашнего ареста аналогичен порядку избрания в качестве меры пресечения заключения под стражу (ч. 3 ст. 107 УПК РФ), т. е. домашний арест в качестве меры пресечения в соответствии с УПК РФ избирается по судебному решению. В Республике Беларусь эта мера пресечения может быть применена не только по решению суда, но и по решению прокурора или его заместителя, Председателя Следственного комитета Республики Беларусь, Председателя Комитета государственной безопасности Республики Беларусь или лицами, исполняющими их обязанности (ст. 125 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь [7]).

При этом условия, связанные с видом и размером наказания, которые установлены ч. 1 ст. 108 УПК РФ для применения в качестве меры пресечения заключения под стражу, на домашний арест не распространяются, поскольку они не предусмотрены ст. 107 УПК РФ.

В решении об избрании в качестве меры пресечения домашнего ареста суд должен указать вид и пределы налагаемых на лицо ограничений и (или) запретов. Необходимо точно определить: 1) место, в котором будет проживать подозреваемый, обвиняемый; 2) периоды времени, в течение которых ему разрешается находиться вне этого места; 3) места, которые подозреваемому, обвиняемому разрешено посещать (ч. 9 ст. 107 УПК).

Одновременно с учетом данных о личности подозреваемого, обвиняемого, других обстоятельств дела суд вправе в зависимости от тяжести предъявленного обвинения и фактических обстоятельств дела запретить ему и (или) ограничить: 1) общение с определенными лицами; 2) отправку и получение почтово-телеграфных отправлений; 3) использование средств связи и информационно-телекоммуникационной сети Интернет (ч. 7 ст. 107 УПК РФ) либо некоторые из них (ч. 8 ст. 107 УПК РФ). При этом суду необходимо учитывать данные о личности подозреваемого или обвиняемого. Суд не вправе подвергать подозреваемого или обвиняемого запретам и (или) ограничениям, не предусмотренным ч. 7 ст. 107 УПК РФ.

Подозреваемый и обвиняемый не могут быть ограничены в праве использования телефонной связи для вызова скорой медицинской помощи, сотрудников правоохранительных органов, аварийно-спасательных служб в случае возникновения чрезвычайной ситуации, а также для общения с контролирующим органом и со следователем. О каждом таком звонке подозреваемый, обвиняемый информирует контролирующий орган (ч. 8 ст. 107 УПК РФ).

Если накладывается ограничение, связанное с выходом за границы жилого помещения, суд перечисляет случаи, когда лицо имеет возможность покидать пределы жилого помещения (например, для прогулки, для посещения учебного заведения), и указывает временной промежуток, в течение которого лицу разрешается находиться вне места исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста (например, для посещения школы во время учебных занятий, для прогулки в определенное время), и (или) случаи, в которых лицу запрещено покидать пределы жилого помещения (например, в ночное или иное время, при проведении массовых мероприятий или некоторых

из них). Накладывая подобные запреты, суд должен указать данные, позволяющие идентифицировать этих лиц.

В случае применения данного запрета необходимо определиться с пониманием жилого помещения. В этом случае законодатель использует понятие, которое дано в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога», несмотря на то, что в п. 10 ст. 5 УПК РФ закреплено понятие «жилище». Таким образом, под жилым помещением в этом случае понимается любое жилое помещение независимо от формы собственности, входящее в жилищный фонд и используемое для постоянного или временного проживания, а равно иное помещение или строение, не входящее в жилищный фонд, но используемое для проживания (например, дача), если оно отвечает требованиям, предъявляемым к жилым помещениям. На практике такое помещение может располагаться в другом муниципальном образовании, что создает определенные сложности в процессе применения домашнего ареста, но не исключает его при условии, что данное обстоятельство не будет служить препятствием осуществлению производства по уголовному делу в разумные сроки.

При ограничении подозреваемого или обвиняемого в использовании информационно-телекоммуникационной сети Интернет суду следует указать случаи, в которых лицу разрешено использование этой сети (например, для обмена информацией между лицом и учебным заведением – если подозреваемый или обвиняемый является учащимся этого заведения). Однако данный запрет можно признать недостаточно эффективным, поскольку на современном этапе развития средств связи и Интернета создать контроль за поведением подозреваемого, обвиняемого, подсудимого представляется затруднительным. Также необходимо обратить внимание на то, что для данного ограничения не требуется вынесения дополнительного судебного решения, предусмотренного в порядке, установленном ст. 165 УПК РФ.

Срок домашнего ареста начинает исчисляться в день вынесения судебного решения об избрании этой меры пресечения. В постановлении об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста или о продлении срока действия данной меры необходимо указывать продолжительность срока и дату его окончания. В срок домашнего ареста засчитывается время содержания лица под стражей. Если в разное время к подозреваемому или обвиняемому применялись и домашний арест, и заключение под стражу, совокупный срок указанных мер пресечения независимо от того, в какой последовательности они применялись, не должен превышать предельный срок, установленный ст. 09 УПК РФ для содержания под стражей.

Контроль за соблюдением указанной меры пресечения возложен на федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий правоприменительные функции, функции по контролю и надзору в сфере исполнения уголовных наказаний в отношении осужденных, т. е. на органы Федеральной службы исполнения наказаний. При этом в целях осуществления контроля могут использоваться технические средства, порядок применения которых определен постановлением Правительства Российской Федерации от 18 февраля 2013 г. № 134 [8].

Вместе с тем необходимо заметить, что в соответствии с УПК РФ домашний арест, также как и заключение под стражу, применяется по решению суда, и по замыслу законодателя эти меры пресечения можно рассматривать как альтернативные. Однако, рассматривая меры пресечения в целом, необходимо констатировать, что домашний арест так и не стал реальной альтернативой заключению под стражу. В процентном

соотношении за 2015–2017 гг. доля ходатайств об избрании домашнего ареста в общей массе ходатайств об избрании мер пресечения, удовлетворенных судами, не превысила 4 % (за 2010–2014 гг. – 2,43 %). В 2017 г. с ходатайством следователя об избрании заключения под стражу в качестве меры пресечения суды согласились в 113 260 случаях, залога – в 113, домашнего ареста – в 644 [9].

В апреле 2018 г. появилась новая для российского уголовно-процессуального законодательства мера пресечения – «запрет определенных действий» [10]. Это четвертая мера пресечения, применение которой возможно только по решению суда. Следует отметить, что новая мера пресечения в виде запрета определенных действий является модифицированным вариантом ст. 107 УПК РФ (домашний арест). Введение этой меры пресечения не что иное, как очередная попытка законодателя оптимизировать применение мер пресечения, не связанных с изоляцией от общества. При этом в качестве одной из целей авторы законопроекта указывают экономию средств федерального бюджета, затрачиваемых на содержание лиц в следственных изоляторах, а также обеспечение прав личности.

Таким образом, важной процессуальной гарантией прав участников уголовного судопроизводства является требование УПК РФ о том, что избрание и применение ряда мер пресечения, таких как запрет определенных действий, залог, домашний арест и заключение под стражу, производятся только на основании судебного решения. Решение о применении мер пресечения должно быть обосновано конкретными фактическими обстоятельствами, проверенными в ходе судебного заседания.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. О прокуратуре Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон, 17 янв. 1992 г., № 2202-1 : в ред. от 11.10.2018 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2018.

2. Парфенова, М. В. Прокурорский надзор за соблюдением прав и свобод участников уголовного судопроизводства при избрании и применении мер пресечения, применяемых по решению суда / М. В. Парфенова // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2014. – № 1. – С. 67–73.

3. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федер. закон, 7 дек. 2011 г., № 420-ФЗ // Рос. газ. – 2012. – 14 февр.

4. О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации, 19 дек. 2013 г., № 41 // Бюл. Верхов. Суда Рос. Федерации. – 2014. – № 2.

5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 18 дек. 2001 г., № 174-ФЗ : в ред. от 30.10.2018 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2018.

6. О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации, 19 дек. 2013 г., № 41 : в ред. от 24.05.2016 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2018.

7. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-З : с изм. и доп. по состоянию на 17 июля 2018 г. – Режим доступа: http://online.zakon.kz/document/?doc_id=30414958.

8. О порядке применения аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля, которые могут использоваться в целях осуществления контроля

за нахождением подозреваемого или обвиняемого в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением им наложенных судом запретов и (или) ограничений [Электронный ресурс] : постановление Правительства Рос. Федерации, 18 февр. 2013 г., № 134 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2018.

9. Основные статистические показатели судов общей юрисдикции за 2017 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cdep.ru>. – Дата доступа: 20.10.2018.

10. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста : Федер. закон, 18 апр. 2018 г., № 72-ФЗ // Рос. газ. – 2018. – 20 апр.

УДК 343

Е. В. РОМАНЮК

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина

ВЫБОР ТАКТИЧЕСКИХ ПРИЕМОВ ДОПРОСА В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ПОЛА И ТЕМПЕРАМЕНТА ДОПРАШИВАЕМОГО

В криминалистической тактике допроса не придается большого значения полу и типу темперамента допрашиваемого. Вместе с тем некоторые ученые изучили вопрос об особенностях поведения в процессе допроса лиц разного пола и типа темперамента.

Исторически сложилось так, что отношение к показаниям мужчины и женщины было разным. «Краткое изображение процессов» 1715 г. гласило, что свидетель мужского пола лучше женского. Восприятие показаний женщины в качестве худших, несовершенных закреплено и в других исторических правовых актах. Немецкий психолог В. Штерн, который является одним из первых исследователей психологии допроса, осуществил ряд экспериментов по психологии формирования свидетельских показаний. Совместно с Г. Гроссом он в 1903–1906 гг. издавал журнал «Доклады по психологии показаний». В своих опытах Штерн пришел к выводу, что показания женщины менее достоверны, чем показания мужчины [1].

Результаты исследований показали, что представители мужского пола обладают более высокой скоростью концентрации внимания, наблюдательностью, легче ориентируются в пространстве. Однако в связи с тем что они склонны одновременно делать только одно дело, предпочитают разговор по существу, ценят точность терминов и определений, при допросе лиц мужского пола допрашивающему целесообразно более четко формулировать вопросы и структурировать свою речь, т. е. использовать в речи свойственные мужчинам короткие, прямые, раскрывающие суть дела предложения. В связи с тем что мужчины более объективны, при оценке событий опираются на реальные факты, их показания могут быть более точными [2].

Преимуществом женщины является быстрота запоминания материала. Для мужского интеллекта характерно обратное явление. Его слабость в более медленном по сравнению с женщиной запоминании материала, что имеет, с другой стороны, и определенные преимущества, т. е. женщины быстрее забывают наблюдаемые процессы, а мужчины – наоборот. Женщины отличаются более развитыми языковыми способностями, беглостью речи. Им не всегда свойственна точность речевых формулировок, при передаче смысла высказывания они больше полагаются на интонацию, мимику и жестикуляцию, выражающие эмоции; склонны высказывать свои мысли в форме наме-

ков, часто используют преувеличения. Поэтому для понимания смысла высказываний женщин допрашивающему необходимо иметь развитую интуицию, понимать невербальные реакции человека. В частности, отмечается, что женщины испытывают потребность в поддержке и положительной оценке другими людьми, для активизации их ответов на допросе целесообразно использовать тактику активного слушания. При оценке показаний представительниц женского пола целесообразно учитывать, что им свойственна повышенная субъективность и впечатлительность [3].

Данную проблему исследовала кандидат юридических наук К. А. Исаева. Она выработала следующие рекомендации по поводу особенностей допроса женщины в конфликтной ситуации. Если обвиняемая (подозреваемая) в условиях допроса в конфликтной ситуации без строгого соперничества не дает показания о событии, которое интересует следствие, необходимо дать ей максимально широкую возможность рассказать обо всех известных ей обстоятельствах, связанных с событием, интересующим следствие. К. А. Исаева пришла к выводу, что так как отличительными особенностями женского мышления являются его конкретика, повышенная аналитическая способность, интуитивность, то при сложившейся на допросе конфликтной ситуации со строгим соперничеством весьма эффективным будет обращение к имеющимся доказательствам и установленным следствием обстоятельствам. При допросе эффективными будут такие приемы: постепенное предъявление проверенных доказательств, между которыми требуется установить связь; предъявление доказательств с нарастающим итогом от меньшего к большему; предъявление главного доказательства; демонстрация следственных и научно-технических, экспертных возможностей установления скрываемых обстоятельств независимо от показаний обвиняемой. Этот же автор отмечает весьма важное, на наш взгляд, обстоятельство, заключающееся в том, что женщина значительно дольше живет под впечатлением пережитого, поэтому необходимо производить повторные допросы, побуждая обвиняемую к активной мыслительной работе и мобилизации волевых усилий, чем можно добиться припоминания забытого. Представляется, если у следователя есть основания предполагать возможные ошибки в показаниях женщины, то целесообразно проведение допроса на месте происшествия, что приведет к оживлению ассоциаций обвиняемой, к более точному, чем в кабинете, воспроизведению ею обстоятельств, составляющих предмет допроса; проведение следственного эксперимента [4].

Сказанное позволяет нам утверждать, что можно использовать различия по половому признаку для выбора определенной тактики допроса.

Теперь рассмотрим, как влияет выбор тактических приемов допроса в зависимости от темперамента допрашиваемого.

Сам термин «темперамент» был введен античным медиком Клавдием Галеном. Характеристики определенного типа темперамента можно использовать при выборе тактических приемов допроса. Следовательно важно уметь определить темперамент свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого. Темперамент проявляется в различных видах деятельности людей, о которых следователь может получить сведения путем опроса знакомых, коллег, истребования характеристик и личных наблюдений. Изучая, сопоставляя собранные данные, он делает вывод о свойственном допрашиваемому темпераменте [5].

В зависимости от характеристики лиц с разным типом темперамента можно предложить определенные тактические приемы допроса.

Исследования М. Э. Червякова показали, что при допросе лиц с холерическим темпераментом эффективна комбинация приемов логического и эмоционального «воз-

действия», что достигается применением «главного» доказательства, форсированным темпом допроса, а флегматическим – предъявлением доказательств по «нарастающей» в течение нескольких допросов, что сочетается с демонстрацией противоречий и убеждением в неправильности занятой позиции. При допросе лиц с меланхолическим темпераментом эффективен прием предъявления совокупности доказательств, а для сангвиника – неожиданного для него доказательства [6].

Мы считаем целесообразным рекомендовать при допросе сангвиника в конфликтных ситуациях применять следующие приемы: вызов, внезапность, форсированный темп допроса, пресечение лжи, инерция. При допросе холериков к продуктивному результату могут привести такие тактические приемы, как допущение легенды, внезапность, создание напряжения, отвлечение внимания, форсированный темп, создание определенного представления об осведомленности следователя, повторность. При допросе сангвиников или холериков ритм, темп допроса и его напряженность могут быть довольно высокими, переход между темами допроса может осуществляться без подготовки. Допрашиваемому меланхолику нужно организовать спокойное место для допроса. При поддержке и размеренном ритме допроса они способны вспомнить мелочи события, но будут болезненно переживать любую сложную психологическую ситуацию. Тонко чувствующие меланхолики очень восприимчивы и наблюдательны. Здесь целесообразно применить следующие тактические приемы допроса: последовательность, замедленный темп, использование «слабых мест», повторность. Меланхолик более чувствительно, чем обладатели других типов нервной системы, реагирует на порицание или похвалу в свой адрес. При высоких темпах допроса в сопровождении с напряженностью может появиться состояние апатии и вялости. К флегматикам применимы следующие приемы: последовательность, форсированный темп, инерция, использование положительных свойств личности, повторность. При допросе флегматика необходимо учитывать медлительность, сочетающуюся с силой нервных процессов. Динамика допроса флегматика характеризуется сравнительно большой вводной частью, медленным переходом от обсуждения одного эпизода к другому, относительно замедленным ритмом беседы.

Многие ученые писали о необходимости учитывать тип темперамента допрашиваемого при выборе тактических приемов допроса.

И. Ф. Пантелеев и Н. А. Селиванов считают, что особенности эмоциональной возбудимости и общей подвижности человека не только влияют на восприятие и запоминание, но должны учитываться и в момент воспроизведения факторов и явлений при допросе. С меланхоликом следует быть особенно терпеливым и настойчивым. Быстрая смена настроений у сангвиника позволяет избрать наиболее благоприятный момент для выяснения интересующих следователя вопросов. Склонность к быстрым взрывам у людей с холерическим темпераментом обязывает допрашивающего быть внимательным и предупредительным [7, с. 391].

М. И. Еникеев указывает, что тип темперамента влияет и на способность запоминать и воспроизводить информацию. Чаще всего ошибки допускаются при поспешных ответах, даваемых, как правило, людьми холерического и сангвинического темперамента. Во избежание автоматических ошибок можно напомнить допрашиваемому, что следует внимательно прослушать вопрос, уяснить его и лишь после этого отвечать, проверяя ответ, относясь к нему критически [8].

Г. Г. Доспулов и В. Л. Васильев считают, что по темпераменту следователь может составить представление об уравновешенности свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого, о степени их реакции на воздействие, о степени подвижности

или инертности в деятельности, о степени замкнутости или общительности. Учитывая, что темперамент сказывается на поведении допрашиваемого, можно сделать некоторые рекомендации об индивидуальном подходе к допрашиваемому. Холерика и сангвиника целесообразно побуждать быть внимательным, сосредоточенным, неторопливым, а когда это необходимо, замедлять темп допроса, проявляя большую тщательность в выяснении интересующего факта. Флегматика не следует торопить с ответом, ему нужно дать возможность хорошо подумать. К меланхолику надо проявить исключительную чуткость и предупредительность, стараться расположить его к себе и тем самым помочь ему избавиться от замкнутости, подозрительности, неуверенности, напряженности. Резкое требование, иногда допустимое в отношении сангвиника и тем более флегматика, вызывает взрыв негодования у холерика и состояние угнетенности у меланхолика [5; 9].

Вышеизложенное позволяет полагать, что, выяснив тип темперамента допрашиваемого, следовательно с большой вероятностью может прогнозировать его поведение, следовательно, сможет более тщательно подготовиться к следующему этапу допроса. Знания о выборе тактических приемов допроса в зависимости от типа темперамента допрашиваемого могут успешно применяться на практике.

Таким образом, чтобы успешно провести допрос, к нему необходимо тщательно подготовиться. Создание информационной базы допроса является одной из главных задач, стоящих перед допрашивающим. Особенно это важно на стадии предварительного расследования. Изучая личность допрашиваемого, следовательно, лицо, производящее дознание, устанавливает социально положительные и социально негативные личностные качества, выполняемые им социальные роли и его социальный статус; при возможности выясняет особенности темперамента, которые дают возможность судить о динамике поведения лица (эмоциональная устойчивость или неустойчивость, уравновешенность, общительность, замкнутость и т. д.). Все это необходимо учитывать, готовясь к допросу и планируя его.

Изложенное выше указывает на то, что изучение типа темперамента допрашиваемого помогает определить особенности, которые приобретает у него процесс формирования показаний, предположить, какова будет его линия поведения на допросе и выработать нужную тактику допроса с использованием тех или иных психологических приемов. Изучение поведения допрашиваемых разного пола также помогает определить особенности, которые приобретает у них процесс формирования показаний, предположить, какова будет линия поведения допрашиваемых на допросе и выработать нужную тактику допроса с использованием тех или иных психологических приемов.

На наш взгляд, дальнейшее глубокое изучение психологических процессов формирования показаний и личностных особенностей допрашиваемых разного пола и типа темперамента совместными усилиями психологов и криминалистов во многом способствовало бы дальнейшей научной разработке криминалистического учения о допросе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Краткое изображение процессов или судебных тяжб / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.history.ru/content/view/1276/87/>. – Дата доступа: 17.09.2018.
2. Бандурка, А. М. Юридическая психология : учебник / А. М. Бандурка, С. П. Бочарова, Е. В. Землянская. – Харьков : Изд-во Нац. ун-та внутрен. дел, 2002. – 596 с.
3. Реуцкая, И. Е. Психологические особенности допроса несовершеннолетних / И. Е. Реуцкая, О. И. Бродченко / Прикладная юрид. психология. – 2008. – № 3. – С. 55–68

4. Исаева, К. А. Тактические особенности допроса женщин-подозреваемых и обвиняемых [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / К. А. Исаева. – М., 1995. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/takticheskie-osobennosti-doprosa-zhenshchin-podozrevaemykh-i-obvinyaemykh#ixzz2a9GVi0WX>. – Дата доступа: 17.09.2018.

5. Васильев, В. Л. Юридическая психология [Электронный ресурс] : учебник / В. Л. Васильев. – М., 1991. – Гл. IV, § 7 : Темперамент и характер. – Режим доступа: <http://lawdiss.org.ua/books/018.doc.html>. – Дата доступа: 11.09.2018.

6. Червяков, М. Э. Тактика допроса обвиняемого (подозреваемого) при расследовании краж личного имущества, грабежей и разбойных нападений [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / М. Э. Червяков. – М., 2001. – Режим доступа: <http://law.edu.ru/book/book.asp?bookID=101597>. – Дата доступа: 11.09.2018.

7. Пантелеев, И. Ф. Криминалистика : учебник / И. Ф. Пантелеев, Н. А. Селиванов. – М. : Юрид. лит., 1993. – 592 с.

8. Еникеев, М. И. Юридическая психология [Электронный ресурс] / М. И. Еникеев. – М., 1999. – Режим доступа: <http://www.yurpsy.fatal.ru/files/xrest/2/52.htm>. – Дата доступа: 11.10.2018.

9. Доспулов, Г. Г. Психология допроса на предварительном следствии [Электронный ресурс] / Г. Г. Доспулов. – М. : Юрид. лит., 1976. – Гл. IV : Психологические аспекты индивидуального подхода. – Режим доступа: <http://lawdiss.org.ua/books/a1762.doc.html>. – Дата доступа: 15.10.2018.

УДК 343.132

Е. В. РОМАНЮК, А. Р. ГЛУШКОВА

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина

УЧАСТИЕ СТАТИСТА-ДЕМОНСТРАТОРА В СЛЕДСТВЕННОМ ЭКСПЕРИМЕНТЕ

В Уголовно-процессуальном кодексе (далее – УПК) Республики Беларусь в гл. 7 закреплен процессуальный статус иных участников уголовного процесса. К ним относятся: свидетель, адвокат свидетеля, эксперт, специалист, переводчик, понятой. Также к иным участникам относят секретаря судебного заседания (секретаря судебного заседания – помощника судьи), процессуальный статус которого закреплен в ст. 291 УПК Республики Беларусь. Институт иных участников уголовного процесса является необходимым средством решения задач уголовного процесса, выполнения государством функции защиты общества от преступных посягательств, выявления и наказания виновных в совершении преступления, обеспечения надлежащего выполнения отдельных следственных действий.

Иные участники уголовного процесса характеризуются тем, что не имеют никакой заинтересованности в исходе дела, т. е. они не защищают ни свои законные права и интересы, ни права и законные интересы других лиц. Также они не являются должностными лицами, ведущими уголовный процесс. Их участие носит вспомогательный характер. Иные участники обладают информацией, имеющей значение для дела, или специальными знаниями в области, необходимой лицу, ведущему уголовный процесс. Но, вступая в уголовно-процессуальные правоотношения, граждане наделяются статусом участника уголовного процесса.

Иные участники вовлекаются в уголовный процесс для выполнения эпизодических задач по оказанию помощи в предварительном расследовании или судебном разбирательстве уголовных дел, а также в разрешении отдельных процессуальных вопросов, возникающих в стадии исполнения приговора.

Эффективность деятельности органа, ведущего уголовный процесс, находится в прямой зависимости от совершенства не только регламентирующих ее законов, но и от механизма их реализации. Поэтому все моменты, характеризующие производство по уголовным делам, должны быть четко регламентированы.

Институт статиста-демонстратора представляет особый интерес особенно в контексте производства отдельных следственных действий. На протяжении длительного периода развития уголовного судопроизводства эти субъекты так и не нашли отдельного процессуального закрепления, хотя такие лица фактически известны еще на дореволюционном этапе развития уголовного процесса. Органы уголовного преследования обращаются к помощи статистов при производстве некоторых следственных действий, когда нужно что-то показать или проверить при помощи живого человека.

В УПК Республики Беларусь четко не сказано, кто может являться статистом, более того, прямо не говорится, что вообще должен присутствовать статист. Однако анализ отдельных норм УПК Республики Беларусь позволяет сделать вывод, что «некое лицо» помогает следователю, органу, производящему дознание, совершить следственные действия для более четкой и ясной картины преступления.

Обычно статисты нужны при производстве проверки показаний на месте, следственного эксперимента и предъявления для опознания лиц. Среди перечисленных следственных действий законодательно обязательное участие статистов предусмотрено только при опознании лица.

Как назвать лиц, оказывающих такую помощь? В обиходе сотрудников правоохранительных органов существует понятие «статист-демонстрант» или «демонстратор». Выясним, какой термин является более подходящим.

Большая советская энциклопедия определяет «статиста» следующим образом: статист (нем. Statist, от греч. statos – стоящий) – актёр, исполняющий роли без слов (или состоящие из нескольких слов), участник массовых сцен [1, с. 760].

Понятие «демонстратор» содержится в Большом словаре иностранных слов: демонстратор (лат. demonstrator – указатель, показатель) – лицо, занимающееся наглядным показом, демонстрированием чего-либо [2, с. 102].

Согласно «Словарю русского языка» С. И. Ожегова, демонстрировать – показать наглядным способом [3, с. 154], а статист – в театре исполнитель второстепенной роли без слов [3, с. 754].

Термин «демонстрант» все указанные словари трактуют как «участник демонстрации».

Таким образом, исходя из выполняемых функций (участие в наглядном демонстрировании, показывании) и из определений, которые дают словари, логично будет называть изучаемого участника «статист-демонстратор». Тем не менее УПК Республики Беларусь не содержит отдельной статьи, посвященной данному субъекту. Следует отметить, что из смысла ч. 1 ст. 224 УПК Республики Беларусь вытекает термин статист «лицо, по возможности сходное по внешности с опознаваемым». Однако выполнение данного условия носит вероятностный характер в случае отсутствия такой возможности. Но это законодатель предусмотрел только для такого следственного действия, как предъявление для опознания [4, ст. 224].

Сотрудники правоохранительных органов отмечают трудности в поиске статистов. Подобрать лиц с абсолютно схожими необходимыми признаками практически невозможно. Причиной является банальное нежелание граждан сотрудничать с правоохранительными органами. Хорошо, если потерпевший или свидетель, проходящие по другому уголовному делу, согласятся выступить в качестве статиста-демонстратора. Еще часто гражданин отказывается участвовать в опознании, так как боится, что опознающий укажет на него как на лицо, совершившее преступление.

Зачастую обращаются к руководству юридических факультетов с просьбой выделить в качестве статистов-демонстраторов студентов определенного роста, комплекции, с определенным цветом волос. В спешке не всегда удается найти статистов с требуемыми параметрами. Например, для опознания лица восточной внешности тяжело найти статистов такой же национальности, поэтому подбирают просто лиц с темными волосами и бородой. Известны случаи, когда родители не отпускают своих детей-студентов участвовать в качестве демонстратора, опасаясь, что обвиняемый может покалечить случайно или умышленно их детей.

Также возникают дискуссии по поводу внешности статиста-демонстратора и ее роли при производстве следственного эксперимента. Понятие «внешность» является довольно обширным и может включать в себя огромное количество критериев, половозрастных характеристик. Конкретно не определено, скольким из них необходимо придавать значение. Нечеткость позиции по данному вопросу провоцирует трудности в определении относимости и допустимости доказательств, полученных в ходе проведения следственного действия.

При проведении следственного эксперимента встает проблема привлекать живого человека или использовать манекен. В частности, в случаях моделирования опасных ситуаций, которые угрожают причинением вреда жизни и здоровью живого человека, например при демонстрации подозреваемым нанесения ударов потерпевшему (острым или тупым предметом), необходимо использовать манекен, хотя на практике зачастую привлекают живых лиц.

В случае проведения следственного эксперимента, где нужно проверить факторы, воспринимаемые органами чувств, без присутствия живого человека не обойтись. Например, при расследовании преступления, связанного с дорожно-транспортным происшествием, целесообразным будет привлечь живого человека. Это поможет видеть возможность (невозможность) совершения определенных действий (возможность водителя затормозить, увидеть (не увидеть) идущего человека в темное время суток, а также возможность потерпевшего отскочить от машины либо вовремя заметить приближающийся автомобиль). А для демонстрирования механизма нанесения ударов или в целях определения положения потерпевшего в момент совершения преступления вполне можно обойтись манекеном.

Безусловно, возникает вопрос обеспечения безопасности статиста-демонстратора, так как при производстве следственного действия могут возникнуть неподвижные ситуации. Например, при проведении следственного эксперимента по делу о нанесении телесных повреждений или об убийстве лицо, демонстрирующее действия, умышленно или по неосторожности нанесет статисту телесные повреждения при демонстрации определенных действий. Также возможны случаи, когда риск опасности может возникнуть и по вине самого статиста. На наш взгляд, в этих ситуациях роль могут сыграть эмоции или неопытность данного лица, т. е. его несоответствие выполняемым действиям.

Согласно принципу уважения чести и достоинства личности, закрепленному в ст. 12 УПК Республики Беларусь, при производстве по материалам и уголовному делу запрещаются действия и решения, унижающие честь и умаляющие достоинство либо создающие опасность для жизни и здоровья участников уголовного процесса, т. е. при производстве по уголовному делу орган, ведущий уголовный процесс, обязан принять меры по защите жизни участников от любых противоправных посягательств [4, ст. 12].

Таким образом, важным критерием успешности следственного эксперимента является тщательно подобранный статист. Это требование не всегда выполняется. Отсюда вытекает масса проблемных моментов, которые, безусловно, стоит преодолеть.

Несомненно, для качественного выполнения уголовно-процессуальных задач целесообразно ввести ограничительную норму, не позволяющую использовать в качестве статистов лиц, находящихся в каких-либо взаимоотношениях (родственных, иных отношениях) с участниками следственного действия. Это позволит исключить фактор заинтересованности. Недопустимо, чтобы статисты, руководствуясь своими интересами, влияли на исход уголовного дела [5, с. 16].

Также необходимой мерой является подбор лица, который бы соответствовал всем необходимым базовым внешним критериям (пол, возраст), физическим характеристикам (рост, полнота, острота зрения, слуха) и контексту самого следственного мероприятия, был психологически готов выполнить поставленные задачи следственного эксперимента, несмотря на влияние различных факторов.

Кроме того, уместно очертить круг прав, обязанностей и ответственности статистов, которыми они, как и любой другой субъект уголовного судопроизводства, должны быть наделены.

В связи с этим предлагаем дополнить УПК Республики Беларусь статьей следующего содержания:

«Статья 64¹. Статист-демонстратор

1. Статистом-демонстратором является не заинтересованное в исходе уголовного дела совершеннолетнее лицо, оказывающее помощь в производстве следственного действия.

2. Статист-демонстратор имеет право:

1) знать, в проведении какого следственного действия он участвует, кто руководит и кто участвует в его производстве;

2) делать по поводу следственного действия заявления и замечания, подлежащие занесению в протокол;

3) знакомиться с протоколом следственного действия, в котором он участвовал;

4) подписывать протокол следственного действия лишь в той части, которая отражает его личное участие;

5) получать возмещение понесенных им расходов, связанных с участием в производстве следственных действий.

3. Статист-демонстратор обязан:

1) являться по вызовам органа уголовного преследования;

2) сообщать по требованию органа уголовного преследования сведения об отношениях с лицами, участвующими в производстве по материалам и уголовному делу;

3) удостоверить своей подписью в протоколе следственного действия факт производства этого действия, его ход и результаты;

4) соблюдать порядок при производстве следственных действий;

5) подчиняться законным распоряжениям органа уголовного преследования;

б) не разглашать сведения об обстоятельствах дела или иные данные, ставшие ему известными в связи с участием в производстве по уголовному делу, если он был предупрежден об этом органом уголовного преследования.

4. За разглашение данных предварительного расследования без разрешения органа уголовного преследования статист-демонстратор несет ответственность в соответствии со ст. 407 УК Республики Беларусь.

5. Статист-демонстратор может быть допрошен в качестве свидетеля об обстоятельствах, связанных с производством следственного действия, в котором он участвовал.

6. Запрещается участие статиста-демонстратора в следственных действиях, создающих опасность для его жизни и здоровья либо унижающих честь и умаляющих достоинство статиста-демонстратора».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Большая Советская Энциклопедия / ред. О. Ю. Шмидт. – М. : Совет. Энцикл., 1992. – 921 с.

2. Большой словарь иностранных слов. – М. : ИДДК, 2007. – 740 с.

3. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. – Изд. 7-е, стер. – М. : Совет. Энцикл., 1968. – 900 с.

4. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-3 : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2018 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

5. Денисюк, Е. В. Закрепление правового статуса статиста-демонстранта как участника уголовного процесса / Е. В. Денисюк, К. Н. Завацкая // Актуальные проблемы права и экономики : сб. материалов XVI Респ. науч.-практ. конф. студентов, магистрантов и аспирантов, Брест, 24 апр. 2015 г. : в 2 ч. / Брест. гос. ун-т им. А. С. Пушкина ; редкол.: В. В. Лосев, Т. С. Силук. – Брест : БрГУ, 2015. – Ч. 2. – С. 15–16.

УДК 343

С. В. РЫБАК

Минск, Международный университет «МИТСО»

ДИСКУССИОННОЕ ОСНОВАНИЕ ВСТУПЛЕНИЯ ПОДОЗРЕВАЕМОГО В ПРОИЗВОДСТВО ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Уголовно-процессуальный кодекс (далее – УПК) Республики Беларусь 1999 г. внес коренные изменения в регламентацию статуса подозреваемого, отразив множество прогрессивных моментов в данной области. Подозреваемый стал полноправным участником процесса, наделенным совокупностью прав и гарантий для осуществления функции защиты. Закон определил понятие подозреваемого, основания появления и прекращения участия в производстве по уголовному делу. В то же время следует признать, что действующий УПК Республики Беларусь не смог в полной мере урегулировать весь спектр правоотношений, возникающих в связи с участием подозреваемого в производстве по материалам и уголовным делам.

Одной из наиболее уязвимых областей правового регулирования положения подозреваемого с точки зрения обоснованности критических высказываний, по моему мнению, являются основания его возникновения в уголовном процессе, регламентиро-

ванные ст. 40 УПК Республики Беларусь. Особый интерес в этом плане вызывает такое основание, как вынесение постановления о применении меры пресечения до вынесения постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого. В данном случае, помимо наделения статусом подозреваемого, лицо подвергается существенным ограничениям прав и свобод личности, в то время как приоритетной задачей уголовного процесса в соответствии с ч. 1 ст. 7 УПК Республики Беларусь является защита данных прав и свобод.

Мера пресечения представляет собой один из видов уголовно-процессуального принуждения. На общетеоретическом уровне уголовно-процессуальное принуждение – это разновидность государственного принуждения, характеризующаяся спецификой его проявления, задачами, формой, субъектами [1, с. 219]. В теории права под государственным принуждением понимается внешнее воздействие на поведение людей, основанное на организованной силе государства в целях подчинения воли и поведения людей государственной власти [2, с. 16]. Принуждение является необходимым элементом в процессе взаимодействия государства и личности, но возникает оно лишь в определенных случаях и реализуется с определенной целью. Изначально между личностью и государством складываются определенные правоотношения, в ряде случаев порождающие необходимость властного воздействия на личность с целью надлежащего исполнения ею своих обязанностей и обеспечения порядка осуществления указанных правоотношений. Меры пресечения в уголовном процессе и являются средством такого воздействия. Однако применить эти средства можно далеко не ко всем его участникам.

Так, в соответствии с ч. 1 ст. 116 УПК Республики Беларусь меры пресечения – это принудительные меры, применяемые к *подозреваемому* или *обвиняемому* для предотвращения совершения ими общественно опасных деяний, предусмотренных уголовным законом, или действий, препятствующих производству по уголовному делу, а также для обеспечения исполнения приговора. В данной норме, как и в иных статьях гл. 13 УПК Республики Беларусь, законодатель дает исчерпывающий перечень субъектов, к которым возможно применение мер пресечения, включающий лишь подозреваемого и обвиняемого. Иными словами, сначала в деле должен появиться подозреваемый как полноправный участник производства, как самостоятельная процессуальная фигура, а уже затем к нему может быть применена мера пресечения.

В то же время по смыслу п. 1 ч. 1 ст. 40 УПК Республики Беларусь применение меры пресечения возможно и в отношении лица, еще не надленного статусом подозреваемого и обвиняемого. Налицо коллизия норм уголовно-процессуального закона. Причины такого противоречия видятся прежде всего в смешении в рамках действующего УПК Республики Беларусь пережитков старого законодательства, не отвечающего современным правовым реалиям, с новыми прогрессивными взглядами на подозреваемого и его сущность в уголовном процессе.

Так в ст. 85 Уголовно-процессуального кодекса БССР 1960 г. говорилось о том, что «в исключительных случаях мера пресечения может быть применена в отношении лица, подозреваемого в совершении преступления, и до предъявления ему обвинения» [3]. В содержании этой статьи речь идет не об участнике уголовного процесса, обладающем статусом подозреваемого, а о лице, лишь мысленно заподозренном органом уголовного преследования в совершении преступления, так как указанный закон вообще не регламентировал подозреваемого среди субъектов уголовного процесса, не выделял его как процессуально самостоятельную фигуру. Поэтому меры пресечения применялись лишь к обвиняемому и лицу, в отношении которого у органа уголовного преследования имелось подозрение о причастности к совершению преступления. Официально ни процессуальный статус этого лица, ни понятие подозрения в законе закрепле-

ны не были. В УПК Республики Беларусь 1999 г. законодатель дал определение подозреваемого, наделил его правами и обязанностями, систематизировал их, т. е. сделал подозреваемого полноправным участником производства по делу, но в то же время, по нашему мнению, не учел вопрос о несовместимости отдельных взглядов и норм старого законодательства с новыми прогрессивными демократическими преобразованиями в правовой области, направленными на усиление защиты и соблюдения прав и свобод личности. Одним из плодов этого и явилась коллизия норм, регламентирующих понятие меры пресечения и основания появления в деле подозреваемого. Необходимо признать, что существование такого основания появления в деле подозреваемого, как вынесение постановления о применении меры пресечения до вынесения соответствующего решения о привлечении лица в качестве обвиняемого, и является пережитком старых взглядов на роль и место подозреваемого в уголовном процессе. Прийти к такому выводу возможно при детальном анализе соотношения применения мер пресечения с наделением лица процессуальным статусом.

Думается, начать необходимо с исследования оснований возникновения интересующего нас субъекта уголовного процесса в деле. Так, законодатель наделил орган уголовного преследования правом определять момент появления подозреваемого по собственному усмотрению, предусмотрев для этого принятие процессуальных решений, предусмотренных ст. 40 УПК Республики Беларусь. Но произвольная и бесконтрольная реализация данного права может повлечь за собой существенное злоупотребление участием подозреваемого в уголовном процессе – необоснованное придание лицу указанного статуса или необоснованное лишение его такового. Во избежание подобного негативного явления, по нашему мнению, УПК Республики Беларусь должен четко и однозначно регламентировать наряду с процессуальным и материальное основание появления подозреваемого в уголовном деле. Последним является наличие у органа уголовного преследования обоснованного «подозрения» как совокупности вероятностных данных, указывающих на то, что лицо причастно к совершению преступления. Мы солидарны с Р. Х. Якуповым, который под вероятностными знаниями понимает «...предположительные знания, допускающие двузначное истолкование выводов о реальности, одно из которых является истинным, а другое истолкование – ложным, заблуждением» [4, с. 163].

«Подозрение» по своей сути являет познавательную неопределенность, т. е. ту или иную степень вероятного знания, не позволяющего сразу предъявить обвинение человеку, против которого обращено уголовное преследование [5, с. 34]. Вместе с тем для реального функционирования обозначенного нами материального основания появления в деле подозреваемого, придания подозрению концептуальной обоснованности, системности и завершенности представляется необходимым на законодательном уровне очертить грань между возникновением подозрения и его отсутствием, т. е. сформулировать достаточную совокупность данных, при наличии которых можно будет считать, что у органа уголовного преследования существует обоснованное подозрение

о причастности того или иного лица к совершению уголовно наказуемого деяния [6, с. 220–221]. Причем необходимо учитывать и то, что подозрение в нашем случае отличается от субъективного предположения лица, осуществляющего уголовное преследование. По данному поводу Л. М. Карнеева отмечала: «... до тех пор, пока оно (имеется в виду подозрение. – С. Р.) является только субъективной точкой зрения следователя, не нашедшей выражения в соответствующем процессуальном документе, и не затрагивает интересов заподозренного лица, нельзя ставить вопрос о наделении послед-

него определенными процессуальными правами, ибо у него не возникает необходимости в защите от этого подозрения» [7, с. 36].

С другой стороны, определяя момент трансформации подозрения в подозреваемого, необходимо также учитывать, что лицо, вовлеченное в производство по материалу или уголовному делу, реально приобретает предусмотренные УПК Республики Беларусь права и гарантии с момента наделения его соответствующим процессуальным статусом. До принятия указанного решения участник процесса не может в полной мере реализовать права субъекта уголовно-процессуальной деятельности, в том числе и конституционное право на защиту. С целью максимально быстрого предоставления лицу возможности реализации указанных прав наличие материального основания (обоснованного подозрения при условии, что оно затрагивает интересы лица, т. е. в отношении лица реально осуществляется уголовное преследование) должно незамедлительно порождать вынесение процессуального документа, наделяющего лицо статусом подозреваемого, что можно выразить логической связкой «подозрение – подозреваемый». Временной разрыв между элементами связки должен быть минимальным. Таким образом, взаимосвязь между материальными и процессуальными основаниями следует охарактеризовать как «причину и следствие»: только при наличии первых могут возникнуть вторые; при отсутствии первых появление вторых – незаконно. Для вовлечения лица в процесс в качестве подозреваемого необходимо наличие обоих.

Материальные основания применения мер пресечения, в отличие от оснований появления в деле подозреваемого, регламентированы нормами уголовно-процессуального закона. Их можно разделить на общие и специальные. Так, ст. 117 УПК Республики Беларусь устанавливает перечень общих оснований применения мер пресечения. Последние применяются в случае, когда собранные по уголовному делу доказательства указывают на то, что подозреваемый или обвиняемый могут: 1) скрыться от органа уголовного преследования и суда; 2) воспрепятствовать предварительному расследованию уголовного дела или рассмотрению его судом, в том числе путем оказания незаконного воздействия на лиц, участвующих в уголовном процессе, сокрытия или фальсификации материалов, имеющих значение для дела, неявки без уважительной причины по вызовам органа, ведущего уголовный процесс; 3) совершить предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние; противодействовать исполнению приговора. Помимо общих, в ст. 120–126 УПК Республики Беларусь перечислены специальные основания для применения каждой меры пресечения. Только при наличии общих и специальных оснований возможно применить ту или иную меру пресечения. Процессуальным же основанием применения указанной меры будет являться постановление о ее применении.

Таким образом, материальное основание признания лица подозреваемым и применения в отношении данного лица меры пресечения различны по своей природе. Их наличие должно подтверждаться разными сведениями, имеющими доказательственное значение. Если для появления в деле подозреваемого необходимо наличие *достаточных данных*, указывающих на причастность лица к совершению преступления, которые по своей природе носят в большей мере вероятностный характер, то для применения меры пресечения необходимо наличие *«доказательств, дающих достаточное основание полагать...»* (ст. 117 УПК Республики Беларусь). Не вызывает серьезных дискуссий в научном мире утверждение о том, что данные и доказательства соотносятся как общее и частное. Данные могут быть получены процессуальным и непроцессуальным, в том числе и оперативным, путем, носить вероятностный, предположительный характер. Они становятся доказательствами при условии, если собраны, проверены и оценены

в соответствии с установленными УПК Республики Беларусь правилами, выражают глубокий уровень истины, абсолютной по форме и объективной в содержании [8, с. 33–34].

Таким образом, применяя меру пресечения до принятия решения, ставящего лицо в положение обвиняемого, как процессуальное основание надления лица статусом подозреваемого, мы сталкиваемся с коллизией:

1. С одной стороны, основываясь лишь на наличии данных, дающих основание предполагать о причастности лица к совершенному преступлению (материальное основание появления в деле подозреваемого), законно и обоснованно ставим лицо в положение подозреваемого, но незаконно применяем меру пресечения, не имея на это соответствующего материального основания.

2. При ином подходе, добывая в ходе расследования не только достаточные данные, дающие материальное основание фигурирования в деле подозреваемого, но и доказательства, являющиеся материальным основанием для применения меры пресечения, мы незаконно оттягиваем момент надления лица процессуальным статусом, тем самым препятствуя реализации соответствующих процессуальных прав, главным из которых на данном этапе является право на защиту.

Законодатель предусмотрел единый процессуальный акт для появления в деле подозреваемого и применения к лицу меры пресечения, но упустил то обстоятельство, что указанные процессуальные решения должны приниматься при наличии различных по своей природе материальных оснований. Их смешивание противоречит, на наш взгляд, системе логического построения норм УПК Республики Беларусь. Нелогичность связи «принуждение – подозрение» ранее также отмечалась в юридической литературе некоторыми авторами. Так, Н. А. Якубович критикует ситуацию, при которой «...лицо подвергается указанным мерам процессуального принуждения потому, что оно подозревается в совершении преступления, а подозреваемым оно становится потому, что задержано или к нему применена мера пресечения» [9, с. 33].

Существенные отличия между применением меры пресечения и приданием лицу статуса подозреваемого содержатся непосредственно в целях и правовых последствиях данных решений.

Наделение лица процессуальным статусом – это действие, направленное на появление нового участника процесса. Применение мер пресечения, в свою очередь, хотя и вносит изменения в правовой статус лица, но не порождает его, во всяком случае, не должно порождать. Их цель и назначение имеют превентивный характер, направленный на создание условий для нормального, безопасного ведения расследования. Выявление обстоятельств, уличающих или оправдывающих лицо, путем применения этих мер не производится.

Кроме того, осуществление задержания или применение меры пресечения, в отличие от признания подозреваемым, – это право, а не обязанность органов предварительного расследования. Существенное значение при принятии соответствующего решения играют мотивы их применения, не имеющие никакого отношения к необходимости придания лицу статуса подозреваемого.

Подозреваемый «нужен» в деле для выявления его отношения к сформировавшемуся подозрению, проверки выдвигаемых им версий и доводов, и только при наличии соответствующих материальных оснований к нему, как к уже сформировавшемуся участнику уголовного процесса, могут быть применены меры пресечения. Поэтому основания применения данных мер носят производный, вторичный характер, о них имеет смысл говорить только уже при наличии подозреваемого: лицо подвергается мерам пресечения потому, что оно уже является подозреваемым, но никак не наоборот.

Таким образом, напрашивается вывод о необходимости разграничения появления в деле подозреваемого с применением в отношении него меры пресечения.

Представляется единственно возможным вариантом решения данной проблемы – исключить из текста ч. 1 ст. 40 УПК Республики Беларусь п. 1, что, по нашему мнению, будет способствовать логическому построению системы норм Уголовно-процессуального закона, устраняя их внутреннюю сложность и противоречивость в теоретическом осмыслении и многовариантность практической реализации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кукреш, Л. И. Уголовный процесс. Общая часть : учеб. пособие / Л. И. Кукреш. – Минск : Тесей, 2005. – 352 с.

2. Кудин, Ф. М. Принуждение в уголовном судопроизводстве / Ф. М. Кудин. – Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1985. – 135 с.

3. Об утверждении Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 29 дек. 1960 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.10.2000 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

4. Якупов, Р. Х. Уголовный процесс : учеб. для вузов / Р. Х. Якупов ; под ред. В. Н. Галузо. – М. : ЗЕРЦАЛО, 1998. – 448 с.

5. Рыбак, С. В. Подозреваемый в уголовном процессе Республики Беларусь / С. В. Рыбак ; учреждение образования «Акад. М-ва внутрен. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2014. – 142 с.

6. Рыбак, С. В. Проблемы прекращения участия подозреваемого в уголовном процессе Республики Беларусь / С. В. Рыбак // Теоретические и прикладные проблемы уголовного процесса, криминалистики и оперативно-розыскной деятельности : сб. материалов науч.-практ. конф., Минск, 18 мая 2006 г. / М-во внутрен. дел Респ. Беларусь, Акад. МВД ; редкол.: Н. И. Минич [и др.]. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2006. – С. 220–224.

7. Карнеева, Л. М. Подозреваемый в советском уголовном процессе / Л. М. Карнеева // Социалист. законность. – 1959. – № 4. – С. 35–38.

8. Рыбак, С. В. Проблема истины в философии и уголовном процессе / А. А. Козел, С. В. Рыбак // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2006. – № 2 (12). – С. 32–36.

9. Якубович, Н. А. Укрепление процессуального статуса подозреваемого – важная гарантия реализации конституционных принципов права на защиту и неприкосновенности личности. Охрана прав граждан в уголовном судопроизводстве / Н. А. Якубович. – М., 1989. – С. 32–40.

УДК 343.16

С. В. СТРАХОВА

Симферополь, Крымский юридический институт (филиал) Университета
прокуратуры Российской Федерации

ПРОБЛЕМЫ УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ИНСТИТУТА ОСОБОГО ПОРЯДКА СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА ПРИ СОГЛАСИИ ОБВИНЯЕМОГО С ПРЕДЪЯВЛЕННЫМ ОБВИНЕНИЕМ

В целях оптимизации и приведения отечественного уголовно-процессуального законодательства в соответствие с мировыми стандартами в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) в 2001 г. включен новый институт –

особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением (гл. 40 УПК РФ).

Введение данного института обусловлено общемировой тенденцией оптимизации и рационализации уголовного судопроизводства путем использования новых методов разрешения криминальных конфликтов, которые направлены на достижение в кратчайшие сроки смягчения враждебности сторон и социального умиротворения, а также достижение процессуальной экономии ресурсов судебной системы.

С момента принятия УПК РФ прошло 15 лет, правоприменителями данный институт был принят положительно, однако несовершенство его нормативной правовой регламентации порождает проблемы соблюдения условий его применения, а вынесение приговора без проведения судебного следствия – проблемы обеспечения гарантий прав граждан в уголовном процессе.

Среди принципиальных недостатков правового регулирования особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением следует отметить противоречивость формулировок, которые применяет законодатель в нормах ст. 314, 316 УПК РФ, что приводит к рассогласованию понятийного аппарата. Так, раздел X называется «Особый порядок судебного разбирательства». Заметим, что в п. 2 ч. 5 ст. 217, ч. 4 ст. 219 УПК РФ речь также идет о ходатайстве обвиняемого о применении особого порядка судебного разбирательства в порядке, предусмотренном ст. 314 УПК РФ. Глава 40 получила название «Особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением», а ст. 314 УПК РФ – «Основания применения особого порядка принятия судебного решения». Норма же ч. 1 ст. 314 УПК РФ содержит указание о том, что обвиняемый имеет право ходатайствовать о постановлении приговора без судебного разбирательства. В ч. 1 ст. 316 УПК РФ указывается, что судебное заседание проводится без судебного разбирательства в порядке, установленном в том числе гл. 35 УПК РФ «Общие условия судебного разбирательства».

Исходя из анализа сути и смысла ст. 316 УПК РФ, можно прийти к выводу о том, что судебное разбирательство все-таки проводится, но без исследования и оценки доказательств (судебного следствия) в общем порядке. При этом могут быть исследованы обстоятельства, характеризующие личность подсудимого, а также обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание [1].

С учетом сказанного унификации используемой в статьях гл. 40 УПК РФ терминологии, на наш взгляд, способствовало бы следующее обозначение ходатайства обвиняемого (подсудимого): «ходатайство обвиняемого (подсудимого) о применении особого порядка принятия судебного решения при согласии с предъявленным обвинением».

Рассматривая вопрос о категориях уголовных дел, которые могут рассматриваться в особом порядке при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением, отметим, что, согласно проекту УПК РФ, указанный порядок предлагалось применять к преступлениям, наказуемым не более чем тремя годами лишения свободы. В принятом в 2001 г. УПК РФ этот срок был увеличен до пяти лет, а в редакции Федерального закона от 4 июля 2003 г. № 92-ФЗ – до 10 лет.

В этой связи следует подчеркнуть, что в сравнении с уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации применение упрощенных форм уголовного судопроизводства в странах континентальной Европы в большей степени ограничено сроками наказания за преступления. Так, в Испании процедура *conformidad* («согласие») применяется по уголовным делам о преступлениях, наказуемых менее чем шестью годами лишения свободы [2, с. 8]. Содержание процедуры составляет согласие

с предъявленным обвинением, квалификацией содеянного и предлагаемым стороной обвинения наказанием [3, с. 122–123].

Французское *reconnaissance préalable de culpabilité* («предварительное признание вины») применимо к преступлениям, наказуемым не более чем пятью годами лишения свободы (ст. 495-7 Уголовно-процессуального кодекса Франции) [2, с. 12–14; 3, с. 122].

Итальянская процедура *patteggiamento* («ходатайство о наказании по просьбе сторон») (ст. 444–448 Уголовно-процессуального кодекса Италии) была первоначально ограничена преступлениями, наказуемыми не более чем тремя годами, т. е. в первоначальной версии *patteggiamento* суд мог заменить тюремное заключение на штраф, а также мог приговорить подсудимого не более чем к двум годам лишения свободы после уменьшения наказания на одну треть. В 2003 г. законодатель распространил ее действие на преступления, наказуемые сроком до пяти лет. Нынешняя версия позволяет лишение свободы сроком до пяти лет после снижения наказания на одну треть, т. е. может быть применима к преступлениям с существенно большим сроком наказания [2, с. 9, 11–12; 3, с. 121]. Нетрудно подсчитать, что указанная процедура распространяется на уголовные дела о преступлениях, наказание за которые не превышает 7,5 лет лишения свободы.

К сожалению, тенденция к расширению диапазона применимости упрощенной процедуры уголовного судопроизводства распространилась и на российское уголовно-процессуальное законодательство, где процедура особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением смоделирована, как известно, по итальянской процедуре *patteggiamento*.

Особую обеспокоенность вызывает широкое распространение процедуры особого порядка. Так, анализ статистических данных Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации свидетельствует о том, что в 2017 г. судами первой инстанции из рассмотренных по существу уголовных дел (без учета уголовных дел частного обвинения) в особом порядке (ст. 316 УПК РФ) 70 % дел. Наибольшую долю среди них составляют уголовные дела о преступлениях небольшой тяжести – 62 %. Вместе с тем практически каждое седьмое уголовное дело (14 %) – о тяжких преступлениях [4]. В Республике Крым за аналогичный период судами первой инстанции в особом порядке рассмотрено 49 % уголовных дел [5].

В отношении данного вопроса, по нашему мнению, следует принять во внимание позицию, высказанную О. В. Качаловой: возможность самоговора обвиняемого полностью исключена быть не может, как и случаи принуждения обвиняемого к даче показаний под воздействием психического или физического насилия, свидетелей, потерпевших – к даче ложных показаний; чем более тяжкое совершено преступление, чем суровее возможное наказание, тем больший объем процессуальных гарантий должен быть предоставлен обвиняемому [3, с. 21–22, 152–153].

С учетом вышесказанного, на наш взгляд, применение особого порядка целесообразно лишь по уголовным делам о преступлениях небольшой и средней тяжести.

Рассматривая достоинства упрощенного порядка уголовного судопроизводства, в литературе отмечают не только достижение кратчайшим путем смятения враждебности сторон в конфликтных ситуациях и экономию ресурсов судов органов обвинения для использования их по сложным делам, но и реализацию одной из главных функций суда – социального умиротворения [6, с. 83]. Представляется, что достичь социального умиротворения возможно только в случае, когда в ходе уголовного судопроизводства соблюдаются права не только обвиняемого, но и потерпевшего.

Соблюдаются ли в реальности права потерпевшего при применении процедуры особого порядка принятия судебного решения?

Заметим, что в гл. 40 законодатель изначально предусмотрел согласие потерпевшего в качестве условия применения особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением (ч. 4 ст. 314 УПК РФ). При этом свое отношение к заявленному ходатайству подсудимого о постановлении приговора без судебного разбирательства по смыслу чч. 4, 6 ст. 316, ч. 4 ст. 219 УПК РФ потерпевший может высказать лишь в суде.

Верховный Суд Российской Федерации в п. 11 постановления Пленума от 05.12.2006 № 60 «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел» (далее – постановление Пленума Верховного Суда РФ № 60) указал, что в судебном заседании следует удостовериться в отсутствии у потерпевшего, надлежащим образом извещенного о месте и времени судебного заседания, в том числе посредством СМС-сообщения в случае его согласия на уведомление таким способом и при фиксации факта отправки и доставки СМС-извещения адресату, возражений против заявленного обвиняемым ходатайства о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства в общем порядке [7]. Вместе с тем обязательного участия потерпевшего в таких случаях законодатель не предусматривает. Поэтому на практике, как отмечает Ю. В. Кувалдина, к выяснению мнения потерпевшего судьи подходят формально: накануне судебного заседания судьи (их помощники) зачастую либо отбирают у него письменное заявление о согласии на рассмотрение уголовного дела в особом порядке, либо получают такое согласие по телефону [8, с. 71]. В такой ситуации особенности процедуры особого порядка остаются не разъясненными потерпевшему.

Поскольку согласно норме ч. 4 ст. 316 УПК РФ судья выясняет у потерпевшего его отношение к ходатайству подсудимого после разъяснения последнему порядка и последствий постановления приговора без проведения судебного разбирательства, в указанных выше условиях проверить добровольность и осознанность дачи потерпевшим согласия на рассмотрение дела в особом порядке невозможно.

Введение нормы ч. 4 ст. 219 УПК РФ не исправило сложившегося положения: если обвиняемым заявлено ходатайство о применении особого порядка судебного разбирательства в случаях, предусмотренных ст. 314 УПК РФ, следователь лишь уведомляет о заявленном ходатайстве потерпевшего и разъясняет ему право представить в суд возражения (после поступления уголовного дела в суд). Заметим, что речь не идет о разъяснении потерпевшему порядка и последствий применения особого порядка принятия судебного решения.

С учетом сказанного логично было бы, на наш взгляд, дополнить ч. 4 ст. 219 УПК РФ положениями о том, что если при ознакомлении с материалами уголовного дела обвиняемым заявлено ходатайство о применении особого порядка принятия судебного решения при согласии с предъявленным обвинением, следователь уведомляет о заявленном ходатайстве потерпевшего, разъясняет ему порядок и последствия постановления приговора в соответствии со ст. 316 УПК РФ, а также его право представить в суд свои возражения (после поступления уголовного дела в суд).

Принимая во внимание положения нормы ч. 4 ст. 314 УПК РФ, а также разъяснения, которые дает Верховный Суд Российской Федерации в п. 11 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 60, для рассмотрения уголовного дела в особом порядке достаточно отсутствия возражений против этого потерпевшего. На наш взгляд, только в случае выполнения вышеуказанной обязанности следователем, при неявке потерпевшего в суд отсутствие его возражений относительно ходатайства обвиняемого о

применении особого порядка принятия судебного решения можно рассматривать в качестве согласия потерпевшего с данным ходатайством.

Однако согласие потерпевшего реальных гарантий восстановления его прав, нарушенных преступлением, по нашему мнению, не обеспечивает. Закон не предусматривает ускоренного возмещения вреда потерпевшему взамен его согласия на ускоренную процедуру судебного разбирательства и соответствующие последствия такой процедуры. Вместе с тем такая процедура предусматривает реальное смягчение наказания подсудимому: срок или размер наказания, назначаемого лицу, уголовное дело в отношении которого рассмотрено в порядке, предусмотренном гл. 40 УПК РФ, не может превышать две трети максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление (ч. 5 ст. 62 Уголовного кодекса Российской Федерации, ч. 7 ст. 316 УПК РФ).

Заметим, что согласно п. 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 60, заявляя ходатайство о применении особого порядка судебного разбирательства в случаях, предусмотренных ст. 314 УПК РФ, обвиняемый соглашается в том числе с характером и размером вреда, причиненного противоправным деянием. Таким образом, если обвиняемый не согласится с основаниями или объемом предъявленного гражданского иска, его ходатайство о постановлении приговора без судебного разбирательства удовлетворению не подлежит. При этом существующий механизм возмещения вреда не является эффективным: даже если суд удовлетворяет гражданский иск в полном объеме, далеко не всегда подсудимый в состоянии выплатить потерпевшему всю сумму, и при наличии небольшого заработка возмещение вреда потерпевшему производится минимальными суммами в течение длительного времени.

Более того, как справедливо отмечает О. В. Качалова, при существующей правовой регламентации особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением согласие потерпевшего с заявленным ходатайством может быть лишь безусловным. В частности, согласиться с указанным порядком принятия судебного решения лишь в том случае, если подсудимый возместит вред, причиненный преступлением, потерпевший не может в силу того, что особый порядок не является сделкой и не предполагает изменения условий судебной процедуры в зависимости от воли сторон [3, с. 177].

По нашему мнению, в таких компромиссных процедурах, как особый порядок принятия решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением, согласие потерпевшего должно быть детерминировано возмещением ему вреда, причиненного преступлением. В этой связи уместно привести замечание Ю. В. Кувалдиной о том, что по смыслу ч. 2 ст. 315 УПК РФ такое возмещение может состояться до назначения судебного заседания [8, с. 72]. А. Гричаниченко рассматривает такое возмещение в качестве своеобразной «платы» за согласие потерпевшего на рассмотрение дела в особом порядке, где наказание подсудимому не может превышать $\frac{2}{3}$ максимального срока или размера наиболее строгого наказания [9]. При этом заметим, что в данном случае речь идет о добровольном возмещении вреда. Представляется, что указанный порядок возмещения вреда способствовал бы реализации цели восстановления социальной справедливости.

По этому поводу О. А. Тарнавский, в частности, отмечает, что подобный порядок реализован в уголовно-процессуальном законодательстве Германии, где при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве решается вопрос о возложении на обвиняемого обязанности по возмещению вреда в добровольном порядке как непременном условии смягчения наказания [10, с. 226–230].

Рассматривая проблемы обеспечения гарантий прав граждан в уголовном процессе в связи с применением особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением, нельзя обойти вниманием вопрос участия прокуроров в рассмотрении уголовных дел судами в особом порядке. По данному поводу мы разделяем мнение А. С. Степаняна: прокуроры в данном случае не приобретут навыков работы в состязательном процессе, не научатся определять тактику представления доказательств, вести допрос, опровергать ходатайства стороны защиты о признании доказательств недопустимыми, выступать в судебных прениях. Упрощенная форма судопроизводства нередко порождает упрощенческий подход к расследованию дел, надзирающие за следствием прокуроры тоже зачастую изучают такие дела поверхностно. В результате, когда после поступления дела в суд подсудимый вдруг заявляет о нежелании рассмотрения дела в особом порядке и несогласии с предъявленным обвинением, выясняется, что доказывать его вину нечем. Среди вступивших в законную силу и никем не обжалованных приговоров можно найти приговоры с заниженной квалификацией либо, что еще страшнее, приговоры в отношении согласившихся с обвинением лиц, не совершавших преступлений. Для того чтобы выявить такие дела без непосредственного исследования доказательств в суде, нужно иметь большой опыт работы, а он есть не у многих прокуроров. Поэтому крайне важно, чтобы процент участия начинающих государственных обвинителей в судопроизводстве в упрощенной форме был минимальным [11, с. 30–31].

Подытоживая сказанное, следует отметить, что положения уголовно-процессуального закона, которые регламентируют применение особого порядка судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением, нуждаются в существенной доработке в части усовершенствования понятийного аппарата, условий применения данного института, усиления гарантий прав личности. Для обеспечения гарантий прав личности в уголовном процессе и принятия судами законных, обоснованных решений целесообразно поручать поддержание государственного обвинения в суде в особом порядке лишь наиболее опытным прокурорам.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 18 дек. 2001 г., № 174-ФЗ // Гарант : информ.-правовой портал. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/12125178/>. – Дата доступа: 05.10.2018.
2. Тейман, С. Упрощенное производство или согласованное заявление о виновности? [Электронный ресурс] / С. Тейман // Параграф : информ. система. – Режим доступа: <http://pravo.zakon.kz/158025-uproshhennoe-proizvodstvo-ili.html>. – Дата доступа: 07.10.2018.
3. Качалова, О. В. Ускоренное производство в российском уголовном процессе : дис. д-ра юрид. наук : 12.00.09 / О. В. Качалова. – М., 2016. – 482 л.
4. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 2017 год [Электронный ресурс] // Сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. – Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4476>. – Дата доступа: 08.11.2018.
5. Статистические отчеты прокуратуры Республики Крым за 2017 год [Электронный ресурс] // Сайт прокуратуры Республики Крым. – Режим доступа: <http://rkproc.ru/ru/content/statisticheskie-otchety-prokuratury-respubliki-krym-za-2017-god>. – Дата доступа: 08.11.2018.

6. Рустамов, Х. Ц. Уголовный процесс. Формы / Х. Ц. Рустамов. – М. : ЮНИТИ, 1998. – 304 с.

7. О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации, 5 дек. 2006 г., № 60 // КонсультантПлюс. Россия. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64549/. – Дата доступа: 06.10.2018.

8. Кувалдина, Ю. В. Обеспечение прав потерпевшего в особых порядках принятия судебного решения (главы 40, 40.1, 32.1 УПК РФ) / Ю. В. Кувалдина // Вектор науки ТГУ. Сер.: Юрид. науки. – 2014. – № 2 (17). – С. 70–74.

9. Гричаниченко, А. Разрешение гражданского иска при рассмотрении уголовного дела в особом порядке [Электронный ресурс] / А. Гричаниченко. – Режим доступа: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/22648-razreshenie-grazhdanskogo-iska-rassmotrenii-ugolovno-go-dela-osobom>. – Дата доступа: 02.10.2018.

10. Тарнавский, О. А. Возмещений вреда потерпевшему: взгляд на российские проблемы через призму опыта зарубежных стран / О. А. Тарнавский, А. В. Курбатова // Пробелы в рос. законодательстве. – 2011. – № 6. – С. 226–230.

11. Степанян, А. С. Актуальные вопросы участия прокурора в рассмотрении судами уголовных дел в особом порядке судебного разбирательства / А. С. Степанян // Криминалисть. – 2015. – № 1 (16). – С. 30–33.

УДК 343.98.067

С. М. ХРАМОВ

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина

МЕТОДИКА ГЕНЕРИРОВАНИЯ ВЕРСИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ

При расследовании преступлений, совершенных в условиях неочевидности, на первоначальном этапе выдвигаются различные версии произошедшего. Версия является только предположением об обстоятельствах исследуемого события и «сама по себе еще не содержит достоверного знания, она лишь выступает логическим средством формирования истины по делу» [1, с. 81]. От того, насколько полными и имеющими отношение к делу будут выдвинутые версии, зависит дальнейший ход и результативность расследования.

В криминалистической методологии существует раздел, посвященный версиям. В данном разделе хорошо изучены понятийные аспекты версионного мышления, даны подробные классификации версий по различным основаниям. Как указывают М. В. Савельева и Л. Б. Смушкин, «криминалистическая версия – это выдвинутое определенным субъектом предположение, объясняющее расследуемое событие или его отдельные факты, имеющее под собой основание и значение для расследования и служащее целям установления истины» [2, с. 29].

Версии относятся к логическим инструментам познавательной деятельности уполномоченного субъекта уголовного преследования о произошедших ранее криминальных событиях. Однако методика генерирования версий при расследовании уголовных дел в явном виде в литературе не описана. Утверждение о том, что «надежным компасом в оценке жизненных явлений и ситуаций служат правовые, моральные... воззрения следователя» [3, с. 25] не приближает к решению задачи по генерированию версий.

Решением проблемы мог бы стать алгоритмический порядок действий по выдвижению, проверке и оценке версий. В связи с этим предлагается алгоритм SKH (аббревиатура алгоритма состоит из первых букв имени и фамилии автора данной статьи). В общем виде

алгоритм представляет собой набор заранее предусмотренных шагов, содержанием которых является определенный порядок необходимых для достижения результата действий.

В криминалистике алгоритмы традиционно строятся для расследования определенных видов преступлений (краж, убийств и т. д.), в рамках типовых следственных ситуаций. Следование таким алгоритмам ускоряет процесс поиска информации и установления истины по делу.

Особенностью алгоритма SKH является то, что он охватывает все возможные поисковые ситуации, которые могут возникнуть в процессе предварительного расследования. При этом в зависимости от сложности стоящей задачи решение может быть найдено на любом шаге. Алгоритм SKH построен так, что каждый последующий шаг страхует от ошибки на предыдущем.

Следует отметить, что алгоритм SKH сформулирован впервые. Предыдущие попытки других авторов (например, И. Н. Якимова) не были удачными, так как в них смешивались различные сферы и решаемые задачи. Например, какие вопросы задавать при допросе, какие экспертизы проводить, как квалифицировать и т. д.

Алгоритм SKH отвечает критериям дискретности, детерминированности, автономности, многократности, динамичности, сходимости, проверяемости и результативности.

Дискретность обеспечивается делением алгоритма на 7 основных этапов, каждый из которых имеет свои более мелкие составляющие. Например, этап № 5 (также называется Шагом № 5) включает в себя 19 основных приемов установления обстоятельств преступления.

Свойство детерминированности алгоритма состоит в том, что все шаги алгоритма инструментально описаны и их выполнение не требует дополнительной подготовки.

Свойства автономности и многократности означают, что алгоритм SKH может применяться без участия его автора неограниченное количество раз к различным поисковым ситуациям, связанным с необходимостью выдвижения и проверки версий.

Динамичность алгоритма SKH проявляется в том, что он направлен на выяснение обстоятельств не только самого преступления, но и того, что ему предшествовало и что следовало после события.

Сходимость обеспечивается достижением результата посредством выдвижения достаточного количества обоснованных версий, одна из которых гарантированно будет соответствовать обстоятельствам расследуемого преступления.

Результативность алгоритма SKH проверяема в процессе решения как практических, так и теоретических задач в сфере криминалистики.

Основная идея предлагаемой методики заключается в том, что фактические данные о любом событии могут быть обработаны с помощью алгоритма SKH с целью генерирования и проверки версий и в конечном итоге решения стоящей задачи. При расследовании преступлений эта задача связана с установлением истины по делу. Авторский алгоритм SKH (таблица) разработан в 2017–2018 гг. и прошел успешную апробацию.

Таблица – Авторский алгоритм SKH

Шаг 1	Факты без эмоций о событии	Шаг 2	Гипотеза / Антигипотеза
Шаг 3	Чек-лист Ганса Гросса	Шаг 4	Сухой остаток
Шаг 5	19 приемов	Шаг 6	Версии
Шаг 7	РЕШЕНИЕ = СОБЫТИЕ		

Этапы алгоритма направлены на генерирование версий, проверка которых в итоге позволяет установить, каким образом произошло событие (пункты 6–7). Все шаги в совокупности представляют новую авторскую методику.

Перед применением алгоритма необходимо сформулировать задачу: какое именно неизвестное обстоятельство необходимо установить?

Итак, алгоритм SKH состоит из 7 последовательных шагов.

Шаг № 1. Наиболее достоверная информация на первоначальном этапе может быть вычленена из фактов. Поэтому ошибкой будет искать источник недостающей информации в эмоциях, связанных с исследуемым событием (происшествием, преступлением).

Не всегда достоверная информация содержится в показаниях и свидетельствах. Анализируя такого рода информацию, необходимо помнить, что она должна быть подтверждена не только словами.

Пример. Проверяется заявление об обнаружении в своей квартире трупа пенсионера. На первоначальном этапе сразу выявлены три очевидных факта:

Факт 1. На месте происшествия со следами побоев обнаружен труп пенсионера.

Факт 2. В квартире вместе с пенсионером проживает его сын.

Факт 3. Сын потерпевшего в квартире отсутствует.

Из изложения этих трех фактов сразу же может быть выдвинута очевидная версия: произошло убийство, которое совершил сын пенсионера.

Шаг № 2. Разделить поисковую область на две сферы – факт был или факта не было. Такой подход является дихотомическим.

Целесообразно начать с исследования той сферы, которая требует наименьших затрат ресурсов (времени, интеллектуальных усилий, материальных ресурсов).

Так как шаг № 2 предполагает всего два возможных исхода, один из них в любом случае будет верным. Еще до нашей эры Аристотель по этому поводу верно указал: «Доказывается либо то, либо другое» [4, с. 241].

Исследуя выбранную поисковую область, необходимо стремиться охватить ее в целом, не вдаваясь в детали. Попытаться установить обстоятельство по аналогии с ранее решенными задачами.

Если на первоначальном этапе расследования наряду с основной, наиболее очевидной версией не выдвигается и не рассматривается противоположная, исследуются не все возможные варианты события. Проверка только одной версии, игнорируя все остальные, может привести к ошибке. Даже если остальные версии кажутся маловероятными.

Шаг № 3. Чек-лист Ганса Гросса – условное название. Перечень вопросов, о которых пойдет речь, был приведен в систему еще в первом веке нашей эры.

Основатель криминалистике Ганс Гросс в своей книге «Руководство для судебных следователей как система криминалистики» писал: «С. (следователь. – С. Х.) при первом обнаружении серьезности или сложности работы составляет для себя такой листок, причем выполнение его пунктов должно идти шаг за шагом, для важнейших же моментов следствия должны иметься отдельные графы. Эти графы для каждого дела должны заключать следующие вопросы: кто, что, где, какими средствами, каким образом и когда?» [5, с. 71–72].

Кроме того, из собственной практики известно, что полезно задать дополнительные вопросы «Кого? / У кого?» и «С какой целью?».

Последовательные ответы на вопросы по чек-листу позволяют установить не только обстоятельства событий, но и мотивы, которые привели к ним. О наличии умысла может свидетельствовать продуманность действий, их подготовленность.

Шаг № 4. В алгоритме SKH использован ассоциативный термин «сухой остаток», который иногда применяется в ходе общения специалистов. «Сухой остаток» обозначает концентрированный результат цепочки предыдущих действий. От «сухого остатка» цепочку можно условно «размотать» обратно. Приведенное определение сформулировано автором. В словарях термин отсутствует.

Шаг № 5. Если после прохождения шагов 1–4 задача остается нерешенной, следует систематизировать полный объем достоверно установленных фактов, относящихся к исследуемому событию, усилить детализацию поисковой области и последовательно «прогнать» задачу через основные приемы установления обстоятельств до ее решения.

Один из таких приемов – «принцип дробления», предполагающий следующее:

а) разделить установленные по делу обстоятельства на незначительные части и проанализировать их по схеме «до – во время – после»;

б) усилить степень дробления установленных по делу обстоятельств по той же схеме;

в) установить пару «действие – следствие». При этом «следствие» должно быть сконцентрировано в «сухом остатке»;

г) предположить мотив действия;

д) выдвинуть и проверить версию о лице, совершившем преступление.

Шаг № 6. Версии.

А. Сформулировать возможные версии. Проверить их. Исключить неподтвердившиеся версии.

Б. После установления искомого обстоятельства или выявления инсценировки выявить причинно-следственные связи с исследуемым событием.

Речь идет уже о наиболее вероятных, приоритетных версиях. К шестому шагу в идеале все ошибочные версии и альтернативные должны быть отработаны и исключены. Как отмечает в академическом курсе по криминалистике И. В. Александров, «подтвердившаяся типовая версия детализируется и конкретизируется, преобразуясь в специфическую» [6, с. 100].

Шаг № 7. Решение = событие.

А. Дать квалификацию ситуации с учетом выявленного обстоятельства.

Б. Проверить, не повлекла ли выявленная ситуация каких-либо значимых последствий для других отношений, нарушив права или (и) причинив ущерб.

На заключительном этапе на основании всесторонней проверки приоритетной версии делается достоверный вывод, ведущий к решению. Это сформулированное решение позволяет выявить все искомые обстоятельства либо их отсутствие.

Таким образом, алгоритм SKH увеличивает вероятность успешного решения класса задач, связанного с раскрытием неочевидных преступлений. По мере нарастания фактов (шаг № 1 алгоритма SKH) и выведения «сухого остатка» (шаг № 4) схема уточняется, развивается. От «сухого остатка» цепочку действий «размотать» обратно до установления «мотива». Например, если в качестве «сухого остатка» выявлена задержка самолета, то в качестве мотива звонившего можно будет предположить именно задержку с определенной целью. В результате алгоритм SKH выводит на решение, равное исследуемому событию (шаг № 7).

Дальнейшее развитие настоящего исследования связано с созданием компьютерной программы, которая на выходе (шаг № 7 алгоритма SKH) генерировала бы версии и предлагала решения в зависимости от исходных данных. Алгоритм SKH может быть использован и в других сферах деятельности. Например, в административном, хозяйственном и гражданском праве, кадровой работе, в деятельности по обеспечению техники безопасности. Данный перечень сфер деятельности, в которых может быть применен алгоритм SKH, не является исчерпывающим.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Смирнова, И. Г. Уголовный процесс и криминалистика: роль версии в установлении истины / И. Г. Смирнова, О. А. Егерова // Вестн. Том. гос. ун-та. Право. – 2015. – № 4. – С. 80–89.
2. Савельева, М. В. Криминалистика : учеб. пособие / М. В. Савельева, Л. Б. Смушкин. – Ростов н/Д : Феникс, 2017. – 286 с.
3. Якушин, С. Ю. Тактические приемы при расследовании преступлений : монография / С. Ю. Якушин. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1983. – 102 с.
4. Аристотель. Аналитики первая и вторая : пер. с греч. / Аристотель. – Ленинград : Гос. изд-во полит. лит., 1952. – 438 с.
5. Гросс, Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики / Г. Гросс. – Новое изд., перепеч. с изд. 1908 г. – М. : ЛексЭст, 2002. – 1088 с.
6. Криминалистика : учеб. для бакалавриата и магистратуры / под ред. И. В. Александрова. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Юрайт, 2018. – 376 с.

РАЗДЕЛ 4

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР В СИСТЕМЕ МЕР ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

УДК 347.963

А. А. БИЛЬДЕЙКО

Брест, прокуратура Брестской области

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ПРАВЕ ГРАЖДАН НА ТИШИНУ И ПОКОЙ

Согласно ст. 25 Конституции Республики Беларусь, государство обеспечивает свободу, неприкосновенность и достоинство личности. В соответствии со ст. 53 Основного закона страны, каждый обязан уважать достоинство, права, свободы, законные интересы других лиц. Из данных норм вытекает право гражданина на тишину и покой.

Реализация на практике гарантированных Конституцией положений во многом зависит от нормативных правовых актов, принятых в их развитие.

Прокуратура не занимается непосредственно нормотворчеством, не обладает правом законодательной инициативы. Ее задача – обеспечить надзор за точным и единообразным исполнением актов законодательства на территории страны. Однако она не лишена права на нормотворчество. Именно в результате прокурорских проверок выявляется несовершенство актов законодательства, наличие пробелов, противоречий, неопределенности и других дефектов [1, с. 170].

Результаты осуществления органами прокуратуры надзора за законностью принимаемых решений по заявлениям и сообщениям о нарушении соседями правил пользования жилыми помещениями, связанными с шумами, позволяют сделать вывод о том, что в Республике Беларусь не разработан действенный механизм взаимодействия государственных органов и иных организаций, направленный на обеспечение защиты прав граждан на тишину и покой.

Во многом проблема обусловлена тем, что основной правовой нормой, регламентирующей защиту прав граждан от шумных соседей, является подп. 7.10 п. 7 Правил пользования жилыми помещениями, содержания жилых и вспомогательных помещений, утвержденных постановлением Совета Министров от 21.03.2013 № 399 (далее – Правила пользования жилыми помещениями), которым предусмотрено, что граждане обязаны пользоваться телевизорами, радиоприемниками, магнитофонами и другими громкоговорящими устройствами лишь при условии уменьшения слышимости до степени, не нарушающей покоя других граждан в жилом доме. С 23 до 7 часов не должны совершаться действия, создающие вибрацию и шум (в том числе посредством игры на музыкальных инструментах, громкой речи и пения, применения пиротехнических средств, выполнения бытовых (ремонтных) работ, проведения ручных погрузочно-разгрузочных работ, резкого закрытия дверей, содержания домашних животных и других действий).

Согласно пп. 2 и 16 ч. 1 ст. 3.30 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – ПИКоАП Республики Беларусь), правом составления протоколов об административных правонарушениях, предусмотренных ч. 1 ст. 21.16 Кодексом Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП Республики Беларусь), а именно за нарушения

правил пользования жилыми помещениями, имеют право только должностные лица сельских, поселковых, районных, городских и областных исполнительных комитетов, администраций районов в городах, а также организаций, осуществляющих эксплуатацию жилищного фонда и (или) предоставляющих коммунальные услуги.

Таким образом, фактически функции борьбы с нарушителями спокойствия граждан возложены на органы, которые в ночное время, когда данные нарушения совершаются, согласно режиму работы вообще не функционируют. На место происшествия по факту заявления (сообщения) о громких шумах со стороны соседей прибывают сотрудники милиции (так как в ночное время никакой другой государственной орган или организация не могут это сделать), однако после оформления первоначальных процессуальных документов направляют материалы проверки в органы, уполномоченные на составление протоколов об административных правонарушениях по ч. 1 ст. 21.16 КоАП Республики Беларусь.

Так, в 2017 г. по 89,7 % поступивших в органы внутренних дел Брестской области заявлений граждан и сообщений о нарушении соседями правил пользования жилыми помещениями (шумах, скандалах, громкой музыке) приняты решения о направлении по компетенции в организации жилищно-коммунального хозяйства (далее – организации ЖКХ), в том числе товарищества собственников, жилищно-строительные потребительские кооперативы, по 6,2 % – решения не принимались, материалы списаны в дело, по 2,5 % – составлены протоколы об административном правонарушении (ст. 9.1, 17.1 КоАП Республики Беларусь), по остальным 1,6 % – дела об административном правонарушении прекращены.

По поступившим в организации жилищно-коммунального хозяйства Брестской области заявлениям (сообщениям) протоколы об административном правонарушении, предусмотренном ч. 1 ст. 21.16 КоАП Республики Беларусь, составлены по 14,5 % сообщений. По 58 % сообщений проведены не предусмотренные ПИКоАП Республики Беларусь профилактические беседы (либо направлены предписания, письменные предупреждения), по 22 % приняты решения о прекращении дел об административном правонарушении, по остальным 5,5 % решения фактически не принимались.

В целом по республике ситуация практически аналогичная. По поступившим в органы внутренних дел, организации ЖКХ, местные органы власти в 2017 г. 40 325 заявлениям и сообщениям о нарушении соседями правил пользования жилыми помещениями, связанными с шумами, к административной ответственности по ч. 1 ст. 21.16 КоАП Республики Беларусь привлечено лишь 5 117 лиц (12,8 %) [2, с. 28]. Следует отметить, что несколько лет назад ситуация была еще хуже. Из такого же количества жалоб граждан данной категории в 2013 г. к административной ответственности привлечено 3 512 лиц [3, с. 412].

Изложенное свидетельствует о том, что значительная часть граждан, чей покой был нарушен шумными соседями, не получили необходимой защиты.

Руководители организаций ЖКХ небезосновательно высказываются, что их работники должны выполнять свою задачу – обслуживать жилищный фонд, а успокаивать дебоширов – не их дело. Действительно, огромное количество ненадлежащим образом разрешенных заявлений (сообщений) в отношении шумных соседей обусловлено крайне низкой квалификацией сотрудников организаций ЖКХ в сфере применения норм КоАП Республики Беларусь и ПИКоАП Республики Беларусь. В результате органами прокуратуры регулярно выявляются как факты полного бездействия, так и «перегибов». Например, гражданин пожаловался на соседей, которые по ночам скандалят, роняют на пол тяжелые предметы. В итоге работники организации ЖКХ без проведе-

ния разбирательства составили протоколы на всех зарегистрированных в квартире жильцов: женщину-инвалида, ее сына, дочь и двухмесячную внучку [4].

Подобная ситуация не может считаться нормальной и требует скорейшего разрешения на законодательном уровне.

Вместе с тем сотрудникам государственных органов и иных организаций, вовлеченных в настоящее время в процесс рассмотрения заявлений (сообщений) о нарушении соседями правил пользования жилыми помещениями, связанными с шумами, необходим алгоритм действий, для того чтобы в условиях несовершенства законодательства обеспечить максимальную защиту права граждан на покой и тишину. В данной ситуации скоординировать совместную деятельность вышеуказанных органов и организаций могут только органы прокуратуры.

Согласно п. 6 Положения о деятельности координационного совещания по борьбе с преступностью и коррупцией, утвержденного Указом Президента Республики Беларусь от 17.12.2007 № 644 (далее – Положение), председателями координационных совещаний являются Генеральный прокурор Республики Беларусь и нижестоящие прокуроры территориальных и специализированных прокуратур. Согласно п. 16 вышеуказанного Положения, решения координационного совещания являются обязательными для выполнения государственными органами, осуществляющими борьбу с преступностью и коррупцией, государственными органами и иными организациями, участвующими в борьбе с преступностью и коррупцией, субъектами профилактики правонарушений и их должностными лицами.

По результатам анализа имеющихся проблем при разрешении заявлений (сообщений) данной категории решением координационного совещания по борьбе с преступностью и коррупцией Брестской области от 18.04.2018 утвержден Порядок рассмотрения и разрешения заявлений и сообщений граждан и должностных лиц о бытовых шумах, нарушениях правил пользования жилыми помещениями (далее – Порядок).

Порядком установлено, что поступившие в органы внутренних дел заявления и сообщения граждан и должностных лиц, информация о бытовых шумах, нарушениях правил пользования жилыми помещениями подлежат приему, регистрации и рассмотрению в соответствии с Инструкцией о порядке приема, регистрации, рассмотрения и учета органами внутренних дел заявлений и сообщений о преступлениях, административных правонарушениях и информации о происшествиях, утвержденной постановлением Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 10.03.2010 № 55. Органы внутренних дел обеспечивают незамедлительное выбытие сотрудника органа на место правонарушения (происшествия) в любое время суток.

Если в действиях правонарушителя усматриваются признаки административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 21.16 КоАП Республики Беларусь, органы внутренних дел после проведения первоначальных проверочных действий в течение трех дней обязаны направить заявление (сообщение) в организацию ЖКХ, сельские, поселковые, городские либо районные исполнительные комитеты, администрации г. Бреста в соответствии с компетенцией для дальнейшей проверки.

Во исполнение решения координационного совещания по борьбе с преступностью и коррупцией Брестской области от 18.04.2018 в настоящее время в каждом городе, районе области определены должностные лица организаций, осуществляющих эксплуатацию жилищного фонда и (или) предоставляющих коммунальные услуги (жилищно-эксплуатационные службы районных предприятий ЖКХ, жилищно-строительные кооперативы, товарищества собственников), полномочные на составление протоколов об административных правонарушениях и подготовку дел об административных

правонарушениях, предусмотренных ч. 1 ст. 21.16 КоАП Республики Беларусь, к рассмотрению, с охватом всего жилого фонда, включая частный сектор в городах. Данное решение позволило получить защиту права на тишину и спокойствие жильцам домов, расположенных в частном секторе, так как органы ЖКХ из-за отсутствия права на составление протоколов об административных правонарушениях (не осуществляют обслуживание жилых помещений данного жилого фонда) по поступающим им заявлениям (сообщениям) данной категории фактически ничего не делали, а в исполнительные комитеты из органов внутренних дел такие заявления (сообщения) не направляли.

Принятые прокуратурой Брестской области, государственными органами и иными организациями меры позволили повысить эффективность защиты прав граждан на тишину и спокойствие. Однако, как указывалось выше, построение реально действенной системы защиты возможно только путем совершенствования законодательства. В связи с этим предлагаются различные варианты действий, наиболее интересным из которых представляется вариант, предложенный Генеральной прокуратурой Республики Беларусь:

- ввести в ст. 17.1 КоАП Республики Беларусь ч. 2, предусматривающую ответственность правонарушителя либо собственника (нанимателя) жилого помещения за совершение действий, нарушающих покой граждан в ночное время, с предоставлением органам внутренних дел прав на составление соответствующих протоколов;

- Совету Министров скорректировать Правила пользования жилыми помещениями, сохранить у работников организаций ЖКХ, руководителей товариществ собственников, жилищно-строительных кооперативов лишь полномочия на привлечение к ответственности по ч. 1 ст. 21.16 КоАП Республики Беларусь за нарушение правил ведения бытовых (ремонтных) работ, содержания домашних животных и т. д. [2, с. 28–29].

По поводу первого предложения следует отметить, что вывод Генеральной прокуратуры о том, что действия, нарушающие покой граждан в ночное время, не должны находиться в гл. 21 КоАП Республики Беларусь, предусматривающей в первую очередь административную ответственность за правонарушения в области архитектурной, градостроительной и строительной деятельности, является правильным. Действительно, сам факт создания шума никоим образом не нарушает порядок осуществления указанной деятельности (не создает угрозы обрушения конструкций и т. д.), он становится проблемой только тогда, когда нарушает чье-либо право на отдых, тишину и покой. В связи с тем, что данная норма «уходит» из гл. 21 КоАП Республики Беларусь, соответственно, совершенно справедливым является предложение о возложении обязанности составления протоколов об административных правонарушениях по делам данной категории на сотрудников органов внутренних дел.

Вместе с тем предложение объединить в одной ст. 17.1 КоАП Республики Беларусь действия, умышленно нарушающие общественный порядок (ныне действующая редакция данной статьи) и действия, нарушающие такой порядок не умышленно (нынешняя ч. 1 ст. 21.16 КоАП Республики Беларусь), не является бесспорным. Правоприменителями будет потеряно понимание «классического» мелкого хулиганства, сформировавшегося за многие десятилетия.

Более того, дискуссионным является вопрос о том, должна ли находиться данная норма в гл. 17 КоАП Республики Беларусь (административные правонарушения против общественного порядка). Здесь важно еще раз подчеркнуть, что само по себе создание шума в ночное время не является сейчас и не должно являться административным правонарушением до того момента, пока «не нарушен покой других граждан» (об этом прямо указано в ч. 1 подп. 7.10 п. 7 Правил пользования жилыми помещениями).

Следовательно, новая норма об ответственности за создание шума в ночное время должна быть сконструирована по принципу материальной, в качестве общественно вредного последствия будет выступать нарушение покоя как минимум одного лица.

Для того чтобы понять, в какой главе КоАП Республики Беларусь разместить данную новую норму, следует разобрать пример. Гражданин ночью спит и не слышит, как находящаяся в другой комнате его собака громко пролаяла, чем разбудила соседа, нарушила сон и, соответственно, покой последнего. В данном случае представляется очевидным, что о нарушении общественного порядка говорить практически невозможно. Однако право соседа на покой нарушено, он действительно не смог спокойно отдохнуть. Таким образом, для данного правонарушения объектом посягательства являются права и свободы человека и гражданина. Следовательно, исходя из объекта правонарушения, его необходимо разместить в гл. 9 КоАП Республики Беларусь.

Немаловажным доводом в пользу того, что данное правонарушение следует размещать в гл. 9 КоАП Республики Беларусь, является то, что при составлении протоколов об административном правонарушении как по ч. 1 ст. 21.16 КоАП Республики Беларусь, так и по ст. 17.1 КоАП Республики Беларусь за мелкое хулиганство граждане, пожаловавшиеся на шум со стороны соседей, в подавляющем большинстве случаев не признаются потерпевшими с устной мотивировкой о том, что данные правонарушения посягают на общественные отношения в области пользования жилыми помещениями либо на общественный порядок соответственно. Имея только статус свидетеля, данная категория граждан ограничена в возможностях обжалования принятых по делу решений. Очевидно, что подобный подход противоречит положениям ч. 1 ст. 4.2 ПИК КоАП Республики Беларусь, согласно которым потерпевшим является физическое лицо, которому административным правонарушением причинены вред жизни или здоровью либо имущественный или моральный вред. Однако быстро и эффективно искоренить данную, годами сложившуюся неправильную практику можно путем помещения данного правонарушения в гл. 9 КоАП Республики Беларусь, в результате чего в протоколе об административном правонарушении необходимо будет прямо указывать, чьи права нарушены в результате совершения действий, нарушающих спокойствие и тишину, и, соответственно, признавать таких граждан потерпевшими.

Если гражданин, создающий шум, понимает, что он создает существенные неудобства соседям, на замечания не реагирует, то в данном случае он умышленно нарушает общественный порядок и показывает явное неуважение к окружающим (и обществу в целом), за что должен нести ответственность по ст. 17.1 КоАП Республики Беларусь за мелкое хулиганство, а не по ч. 1 ст. 21.16 КоАП Республики Беларусь.

Например, в отношении Я. сотрудником милиции составлен протокол об административном правонарушении по ст. 17.1 КоАП Республики Беларусь за то, что на протяжении 15 дней, предварительно настроив устройство для прослушивания музыки на автоматический режим, громко включал музыку в своей части частного дома, чем нарушал спокойствие бывшей жены и двух несовершеннолетних детей, проживающих в другой части указанного дома. В ходе рассмотрения дела в суде Я. заявлял о том, что любит слушать громкую музыку, хулиганского мотива у него не было, с бывшей супругой у него давно сложились неприязненные отношения, и в случае доказанности вмененных ему действий они могут быть квалифицированы по ч. 1 ст. 21.16 КоАП Республики Беларусь. Вместе с тем из показаний бывшей супруги и детей, их родственников, сотрудников милиции, представителей школы, райисполкома, центра гигиены и эпидемиологии следовало, что Я. в своей части дома, которую редко посещает, на протяжении длительного периода времени включал музыку настолько громко, что делал

невыносимым нахождение во второй половине дома бывшей жены и детей. Из протоколов испытания уровня шума и уровня вибрации от звука, проведенных в половине дома, принадлежащей бывшей жене, усматривается, что в доме имело место значительное превышение допустимых параметров уровня шума и вибрации в жилых помещениях. Также установлено, что Я. игнорировал просьбы потерпевшей и требования должностных лиц государственных органов прекратить противоправное поведение, несмотря на то что в отношении него уже был начат административный процесс по аналогичным фактам. Данные действия Я. продолжал систематически совершать до задержания и водворения в изолятор временного содержания. Действия Я. свидетельствовали о неуважении к окружающим лицам, носили демонстративный характер и были умышленно направлены на нарушение прав и законных интересов бывшей жены и его детей. Судом признаны несостоятельными доводы Я. о том, что он действовал не из хулиганских побуждений, а из-за сложившихся неприязненных отношений с бывшей супругой, так как данные действия были направлены не только против интересов супруги, но и против интересов двух несовершеннолетних детей, которые личными неприязненными отношениями с Я. не имели. С учетом собранных доказательств постановлением суда Пружанского района от 07.04.2016 Я. признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ст. 17.1 КоАП Республики Беларусь. Брестским областным судом и прокуратурой Брестской области его жалобы признаны необоснованными. Несмотря на то что действия Я. формально являются нарушением подп. 7.10 п. 7 Правил пользования жилыми помещениями, в данном случае они систематически нарушали общественный порядок и посягали на покой других граждан в жилом доме, и этими действиями выражено явное неуважение к ним. Следует отметить, что первоначально протокол в отношении Я. был составлен по ч. 1 ст. 21.16 КоАП Республики Беларусь, однако суд вернул его для устранения недостатков, указав на неверную квалификацию хулиганских действий нарушителя [5].

Подобная позиция разграничения правонарушений исходя из направленности умысла поддерживается научными работниками [6]. Справедливо отмечается, что правильная квалификация – вопрос не формальный, а принципиальный. Далекое не безразлично, как будет официально оценен именно данный проступок, за что именно будет назначено конкретное воздействие. В целях общей превенции и предупреждения уголовно наказуемого хулиганства мелких хулиганов нужно исправлять и перевоспитывать именно как мелких хулиганов, а не как иных нарушителей [7, с. 8].

Что касается предложения Генеральной прокуратуры о необходимости корректировки Правил пользования жилыми помещениями, то следует отметить, что действительно они содержат множество недостатков в части регламентации обязанностей граждан соблюдать тишину. Однако следует предпринимать более кардинальные меры по защите прав граждан на тишину и спокойствие. Регламентация данного важного вопроса должна осуществляться не Советом Министров в Правилах пользования жилыми помещениями, а в нормативном правовом акте большей юридической силы – законе.

Интересен опыт правового регулирования данных правоотношений в Украине. Статья 24 Закона Украины «Об обеспечении санитарного и эпидемиологического благополучия населения» предусматривает обязанности организаций и граждан по обеспечению защиты населения от вредного влияния шума [8]. Таким образом, одним из вариантов решения проблемы является установление таких обязанностей по соблюдению тишины и спокойствия в Законе Республики Беларусь «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения».

Другим вариантом, используемым в законодательстве ряда стран, является установление перечня ограничений и требований соблюдения тишины непосредственно в кодифицированном законе, регламентирующем вопросы административной ответственности, например ст. 333 Кодекса Республики Казахстан об административных правонарушениях [9], ст. 357 Кодекса Республики Молдова о правонарушениях [10]. Данный вариант представляется наиболее рациональным: для понимания сути правонарушения не будет необходимости обращаться к специальному законодательству.

Следующей проблемой, требующей обсуждения, является необходимость нормативной регламентации предельного уровня шума, обусловленного жизнедеятельностью людей в жилом помещении. Иногда отмечается, что законодательством Республики Беларусь оценки уровня такого шума не предусмотрено [11], что не совсем верно, так как согласно п. 1 Санитарных норм, правил и гигиенических нормативов «Шум на рабочих местах, в транспортных средствах, в помещениях жилых, общественных зданий и на территории жилой застройки», утвержденных постановлением Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 16.11.2011 № 115, данный нормативный правовой акт устанавливает классификацию шумов, нормируемые параметры и предельно допустимые уровни шума на рабочих местах, в транспортных средствах, допустимые уровни шума в помещениях проектируемых, строящихся, реконструируемых и эксплуатируемых жилых, общественных зданий и на территории жилой застройки.

Нечеткость указанных правовых предписаний создает определенную проблему правоприменителям, так как вопрос нарушения тишины и спокойствия определенными действиями, которые совершают соседи, является крайне оценочным. В Российской Федерации в 2013 г. был подготовлен законопроект, согласно которому максимальный уровень звука в жилых комнатах квартир не должен превышать в дневное время 55 дБ, в ночное время – 45 дБ, а продолжительный эквивалентный уровень звука – соответственно 40 и 30 дБ. Разграничение уровней ночного и дневного шума необходимо, во-первых, по причине устоявшегося режима рабочего времени, когда в дневное время люди чаще всего находятся на работе, а в ночное время отдыхают; во-вторых, в ночное время основным органом восприятия становятся ушные раковины и уровень восприимчивости шума повышается примерно на 10–15 дБ [12, с. 15]. Данный законопроект не был одобрен депутатами. В научной литературе высказываются мнения в поддержку подобного предложения, законодателю предлагается выработать однозначное понятие шума или того, что является нарушением тишины и покоя граждан, а также четко закрепить необходимость измерения уровня шума, нарушающего тишину и покой, регламентировать процедуру его измерения и данные нормы включить в закон в виде императивной нормы для правоприменителя [13, с. 121].

Установление на законодательном уровне максимально допустимого уровня шума представляется не совсем верным. Данное обстоятельство потребует от должностных лиц, наделенных правом вести административный процесс по делам данной категории (в ночное время этим вопросом, кроме участкового инспектора милиции, никто не сможет заниматься), в обязательном порядке производить замеры уровня звука в квартире, что существенно ограничит возможности доказывания вины нарушителей тишины. К моменту прибытия на место происшествия участкового инспектора милиции зачастую шум уже прекращен либо не настолько интенсивен, как на момент звонка соседей в дежурную часть. В настоящее время факт громкого шума в квартире может быть подтвержден свидетельскими показаниями, а в случае установления нормативных пределов допустимого уровня шума основным доказательством станет протокол измерения шума. В случае прекращения шума к моменту прибытия сотрудник милиции

не сможет составить такой протокол. Кроме того, возникнет вопрос, связанный с обеспечением участковых инспекторов милиции приборами для измерения шума, обучением правилам пользования ими, оформлением результатов исследования.

Именно для таких случаев в законодательстве и существуют «оценочные термины» – понятия, конкретное содержание которых обусловлено мировоззренческими принципами человека, его менталитетом, нравственностью, а у юристов – еще и так называемым «правовым чутьем», пониманием и максимально глубоким усвоением общеправовых, отраслевых и межотраслевых принципов [14, с. 81].

Важным вопросом является полнота регламентации действий, которые запрещаются законодательством с целью недопущения нарушения права граждан на тишину и спокойствие.

В Российской Федерации определение перечня вышеуказанных действий, а также установление ответственности за такие действия отнесены к компетенции субъектов Федерации. В каждом из них индивидуально подходят к установлению запретов, поэтому для исследователей имеется обширный материал для изучения, выявления наиболее эффективных правовых норм и внесения предложений белорусскому законодателю. Например, достаточно обстоятельно сформулирован перечень наказуемых действий (бездействий), повлекших нарушение тишины и покоя граждан, в ст. 2.4 Закона Архангельской области Российской Федерации «Об административных правонарушениях»:

- использование телевизоров, радиоприемников, магнитофонов и других звуковоспроизводящих и звукоусиливающих устройств, в том числе установленных на транспортных средствах, объектах мелкорозничной торговли (киоски, павильоны, лотки и другое), в летних ресторанах, кафе, дискотеках;
- игра на музыкальных инструментах, крики, свист, пение, а также иные действия, сопровождающиеся звуками;
- применение пиротехнических средств;
- производство ремонтных, строительных, погрузочно-разгрузочных работ, действия механических средств и технических устройств;
- непринятие водителем мер по отключению звуковых сигналов сработавшей охранной сигнализации автомобиля (транспортного средства);
- непринятие владельцем домашнего животного мер по прекращению лая, воя или другого шума, исходящего от домашнего животного [15].

Вместе с тем единого подхода к формированию этого перечня нет. При всем множестве вариантов запретов, ни в одном из законов субъектов Российской Федерации не охватываются все возможные способы причинения вреда покою и отдыху [16, с. 47]. Установление закрытого перечня действий, которые могут нарушить спокойствие граждан, представляется нецелесообразным, так как на практике могут возникать различные жизненные ситуации, в результате которых создаются шумовые эффекты в соседних жилых помещениях, в том числе обусловленные научно-техническим прогрессом, однако правоприменители до внесения изменения в законодательство будут лишены возможности защитить право граждан на отдых.

Не менее важным является определение периода времени, когда не допускается совершать действия, нарушающие тишину и покой граждан. В связи с этим необходимо отметить очередное очевидное несовершенство нашего законодательства (как уже отмечалось выше, данный период определен с 23 до 7 часов). Однако следует задаться некоторыми вопросами. Являются ли «нормальными» шумы в 7 часов 1 минуту в выходной день? Представляется, что нет. Большинство людей в это время отдыхают.

Являются ли «нормальными» шумы в 23 часа 1 минуту 31 декабря? Представляется, что да. Большинство людей в это время празднуют Новый год, и отрицать на законодательном уровне данную традицию является лукавством, так как правоприменительная практика складывается с учетом данной традиции. Очевидно, что для выходных и праздничных дней должен быть разный временной период для реализации права граждан на тишину и спокойствие.

Следует отметить, что предложения об изменении временного режима, запрещающего нарушение тишины и покоя граждан в выходные и нерабочие праздничные дни, отдельными авторами признаются малообоснованными. В качестве доводов приводятся мнения ученых-медиков, которые залогом здоровья, высокой производительности труда и хорошей успеваемости считают соблюдение режима дня, при котором человек каждый день в одно и то же время ложится спать и в одно и то же время встает. В субботу многие работают или учатся, а также у граждан должен быть хотя бы один день для осуществления неотложного текущего ремонта своего жилища, поэтому в изменении в этот день временного режима, запрещающего нарушение тишины и покоя граждан, нет необходимости [17, с. 16].

Данный вывод представляется недостаточно аргументированным. Подавляющее большинство граждан в субботу имеют день отдыха, поэтому им должна быть представлена возможность выспаться в этот день. Наличие у отдельной (незначительной в общей массе) категории граждан иного графика работы (учебы) не может являться основанием для ограничения прав большинства, значительная часть из которых желают иметь спокойное утро в выходной и праздничный день.

Такое понимание права на отдых находит отражение в законодательстве наших соседей. Например, в ст. 24 Закона Украины «Об обеспечении санитарного и эпидемиологического благополучия населения» определено, что в жилых помещениях запрещается проведение ремонтных работ, которые сопровождаются шумом, в рабочие дни с 21 часа 00 минут до 8 часов 00 минут, а в праздники и нерабочие дни – круглосуточно [8].

Согласно пп. 1 и 2 ст. 2 Закона Московской области «Об обеспечении тишины и покоя граждан на территории Московской области», не допускается нарушение тишины и покоя граждан:

– до 8 часов 00 минут и с 21 часа 00 минут в будние дни (с понедельника по пятницу включительно);

– до 10 часов 00 минут и с 22 часов 00 минут в выходные (суббота, воскресенье) и установленные в соответствии с законодательством нерабочие праздничные дни [18].

Также представляется прогрессивной в плане защиты прав малолетних детей, престарелых, болеющих граждан норма о запрете шума в отдельные часы в дневное время. Справедливо, чтобы данные социально уязвимые категории граждан, да и все другие, желающие вздремнуть после обеда, четко знали, в какой период они это могут спокойно сделать, не опасаясь громкой музыки или сверления стены.

Так, п. 3 ст. 2 вышеуказанного Закона Московской области «Об обеспечении тишины и покоя граждан на территории Московской области» не допускается нарушение тишины и покоя граждан с 13 часов 00 минут до 15 часов 00 минут ежедневно в квартирах и помещениях общего пользования в многоквартирных домах, жилых домах, жилых помещениях и помещениях общего пользования в общежитиях [18].

Таким образом, в законодательстве стран-соседей имеются многочисленные нормы, защищающие право граждан на тишину и спокойствие. Данные нормы за период длительного применения совершенствовались и к настоящему времени доказали свою эффективность. Результаты анализа правоприменительной практики Республики

Беларусь, в том числе и выявляемых в ходе осуществления прокурорского надзора нарушений, свидетельствуют о необходимости скорейшего совершенствования нашего законодательства, в противном случае немалая часть граждан зачастую будет оставаться невыспавшейся и неотдохнувшей, а любители пошуметь – безнаказанными.

Что касается наказуемости, то следует предусмотреть, что за совершение повторного правонарушения в течение года после наложения административного взыскания ответственность наступает по ч. 2 предлагаемой к принятию статьи КоАП Республики Беларусь. Если дебошир или любитель громкой музыки по ночам после первого взыскания в виде предупреждения либо штрафа не сделал для себя должных выводов, продолжает мешать отдыхать соседям, полагаем, что для него должна быть предусмотрена возможность наложения судом административного взыскания в виде ареста. По сложившейся практике, данное взыскание применяется достаточно редко, однако его наличие в санкции статьи об ответственности за нарушение права граждан на тишину и покой само по себе будет являться серьезной предупредительной мерой.

Таким образом, по результатам обобщения практики прокурорского надзора за соблюдением законодательства о праве граждан на тишину и покой можно сформулировать следующие выводы:

1. Административная ответственность за нарушение права граждан на тишину и спокойствие должна быть предусмотрена в отдельной статье КоАП, которая должна располагаться в гл. 9 данного кодекса.

2. Право составления протоколов об административном правонарушении по делам данной категории предоставить сотрудникам органов внутренних дел.

3. Перечень ограничений и требований по соблюдению тишины и покоя целесообразно регламентировать непосредственно в статье КоАП Республики Беларусь, предусматривающей ответственность за их нарушение.

4. Период времени, когда запрещается создавать шум в жилых помещениях, в выходные дни должен быть более длительным, чем в будние дни.

5. В дневное время должен быть период времени, в течение которого у гражданина имеется право на покой и тишину (с 13 до 15 часов ежедневно).

6. Повторное правонарушение в течение года после наложения взыскания за нарушение права граждан на тишину и покой должно влечь более строгую ответственность, в том числе в виде административного ареста.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Василевич, Г. А. Совершеннее законодательство – эффективнее прокурорский надзор / Г. А. Василевич // Некоторые аспекты применения уголовного и уголовно-процессуального законодательства: идеи, предложения, критический взгляд / Г. А. Василевич. – Минск : Право и экономика, 2013. – С. 169–179.

2. Попова, М. Об инициативах Генеральной прокуратуры по совершенствованию законодательства в сфере противодействия домашнему насилию и бытовому хулиганству / М. Попова // Законность и правопорядок. – 2018. – № 2. – С. 27–31.

3. Информационное письмо о принятии дополнительных мер к обеспечению соблюдения правил пользования жилыми помещениями // Надзор за исполнением законодательства и законностью правовых актов : сб. норматив. актов и док. / сост.: А. М. Лашин [и др.] ; под общ. ред. А. В. Конюка. – Минск : Белорус. Дом печати, 2014. – С. 411–415.

4. Замминистра ЖКХ: составлять протоколы на шумных соседей должна милиция [Электронный ресурс] // TUT.BY : информ.-сервис. интернет-портал. – Режим доступа: <https://news.tut.by/society/438089.html>. – Дата доступа: 06.11.2018.

5. Архив суда Пружанского района за 2016 г. – Дело об административном правонарушении № 6-179а/2016.

6. Шилин, Д. В. Что включает в себя ответственность за нарушение правил пользования жилыми помещениями? [Электронный ресурс]: [по состоянию на 26.02.2014 г.] / Д. В. Шилин // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

7. Гаврильченко, Л. К. Криминологические проблемы борьбы с мелким хулиганством: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.07 / Л. К. Гаврильченко; Ростов. гос. ун-т. – Ростов на/Д, 1974. – 28 с.

8. Про забезпечення санітарного та епідемічного благополуччя населення [Електронний ресурс]: Закон Респ. Україна, 24 февр. 1994 г., № 4004-ХІІ: в ред. Закона от 06.09.2018 г. // Інтернет-версія ІАС «Парус-Консультант». – Режим доступу: <http://consultant.parus.ua/?doc=0B8TT76F7A>. – Дата доступу: 11.11.2018.

9. Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях [Электронный ресурс]: Закон Респ. Казахстан, 5 июля 2014 г., № 235-V // Параграф: информ. система. – Режим доступа: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31577399#pos=6320;-41. – Дата доступа: 11.11.2018.

10. Кодекс Республики Молдова о правонарушениях [Электронный ресурс]: Закон Респ. Молдова, 24 окт. 2008 г., № 218 // Государственный регистр правовых актов Республики Молдова. – Режим доступа: <http://lex.justice.md/ru/330333/>. – Дата доступа: 11.11.2018.

11. Шум в квартире: что нельзя и когда? [Электронный ресурс]: [по состоянию на 14.03.2017 г.] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

12. Гусев, А. В. Некоторые вопросы развития законодательства об административной ответственности за нарушение тишины и покоя граждан / А. В. Гусев // Вестн. Урал. юрид. ин-та МВД России. – 2017. – № 1. – С. 14–18.

13. Лаптев, С. А. Административная ответственность в сфере нарушения тишины и покоя граждан в Приморском крае: теория и практика / С. А. Лаптев, М. А. Беловош // Территория новых возможностей: вестн. Владивосток. гос. ун-та экономики и сервиса. – 2017. – № 2. – С. 115–125.

14. Федотов, А. В. Фикция «среднего» человека в российском уголовном праве: в 2 ч. / А. В. Федотов. – М.: Юрлитинформ, 2012. – Ч. 1. – 576 с.

15. Об административных правонарушениях [Электронный ресурс]: Закон Архангел. области, 3 июня 2003 г., № 172-22-ОЗ XII: в ред. Закона от 26.10.2018 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2018.

16. Кивич, Ю. В. Объекты защиты административно-деликтного законодательства в сфере общественного порядка и общественной безопасности, не обусловленные нормативно установленными правилами / Ю. В. Кивич // Вестн. экон. безопасности. – 2016. – № 3. – С. 46–51.

17. Алексеева, А. П. Оценка некоторых законодательных инициатив в сфере установления запрета на совершение действий, нарушающих тишину и покой российских граждан / А. П. Алексеева // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 5, Юриспруденция. – 2013. – № 3. – С. 15–19.

18. Об обеспечении тишины и покоя граждан на территории Московской области [Электронный ресурс]: Закон Моск. области, 20 февр. 2014 г., № 9/79-П: в ред. Закона от 18.07.2018 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2018.

УДК 343.341

Л. О. ВАВРЕНЮК

Симферополь, Крымский юридический институт (филиал) Университета
прокуратуры Российской Федерации

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПОЛНОМОЧИЙ ПРОКУРОРА ПРИ РАССМОТРЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В СУДЕ

Участие прокурора в рассмотрении уголовных дел судами является одной из важнейших функций прокуратуры. Основными нормативными актами, регулирующими указанную функцию, являются Закон о прокуратуре, приказ Генпрокурора Российской Федерации № 465 от 25.12.2012 «Об участии прокуроров в стадиях уголовного судопроизводства». В то же время п. 1 ст. 35 Закона о прокуратуре указывает, что прокуроры участвуют в рассмотрении дел судами, когда случаи предусмотрены процессуальным законодательством Российской Федерации. Таким образом, основной нормативной базой данного участия прокуроров в уголовном процессе является Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ).

В уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации полномочия прокурора в ходе судебного разбирательства определены в достаточном объеме, однако как в науке, так и на практике данный вопрос является дискуссионным, и с точки зрения законодателя проблемные вопросы полномочий прокурора в уголовном процессе остаются актуальными. Обратившись к п. 2 ст. 37 УПК РФ, можно увидеть, что полномочия прокурора в ходе досудебного производства описаны достаточно развернуто и подробно, чего нельзя сказать о полномочиях, касающихся участия прокурора в ходе судебного производства [1].

Статус прокурора в уголовном процессе является отраслевым правовым статусом, который состоит из его прав и обязанностей, в совокупности позволяющих осуществлять возложенные на него функции и достичь поставленной перед ним цели, которая, по нашему мнению, заключается в обеспечении верховенства закона, единства и укреплении законности, защите прав и свобод человека, а также интересов общества и государства, которые охраняются законом. Л. Грицаенко справедливо отмечает, что права и обязанности прокуроров составляют сердцевину конституционно-правового статуса прокуратуры [2, с. 118].

По мнению В. М. Корнукова, уголовно-процессуальное положение каждого лица, участвующего в деле, базируется на конституционном статусе гражданина, который является основой всего правового статуса лица, определяет исходные принципы отраслевого уголовно-процессуального статуса [3, с. 9–12].

Итак, в основе правового статуса прокурора в уголовном процессе лежат конституционные нормы, которые имеют принципиальное значение для определения правового статуса прокурора отраслевым законодательством.

Динамическое изменение общественных отношений обуславливает необходимость выработки новых концептуальных подходов к определению правового статуса прокурора в уголовном процессе. Если в советское время он традиционно считался обвинителем в суде, который одновременно осуществлял надзор за соблюдением закона во всех стадиях уголовного процесса, в том числе и в суде, то сейчас его процессуальное положение существенно отличается: если на досудебном производстве он осуществляет функции уголовного преследования и надзора за соблюдением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и досудебное следствие, и в связи с этим наделен достаточно широкими полномочиями, то в суде

он сторона обвинения, которая имеет такие же процессуальные права, как и сторона защиты, так как это обусловлено состязательностью судебного процесса. Как отмечает И. Л. Петрухин, прокурор является лишь стороной в процессе, он – государственный обвинитель. Поэтому он не должен осуществлять надзор за законностью действий суда и других участников процесса и давать заключения. Как и защитник, он должен обращаться в суд с ходатайствами. Прокурор утверждает обвинительное заключение и тем самым выражает намерение разоблачить подсудимого перед судом, поэтому с самого начала судебного разбирательства прокурор выполняет функцию обвинения и только обвинения. Он не скрывает своей односторонности в ходе судебного следствия, зная, что интересы другой стороны надежно защищены адвокатом (другим защитником) [4, с. 80].

Таким образом, процессуальный статус прокурора в различных стадиях уголовного процесса определяется по-разному исходя из тех функций, которые он осуществляет на данном этапе производства по уголовному делу. Этим он существенно отличается от других субъектов уголовно-процессуальной деятельности, правовой статус которых является единственным и только испытывает определенную специфику в отдельных стадиях уголовного судопроизводства.

Определенной спецификой отмечается и процессуальный статус прокурора в судебных стадиях, поскольку в каждой из них прокурор имеет соответствующие полномочия, позволяющие ему эффективно реализовать возложенные на него функции. В суде первой инстанции прокурор поддерживает государственное обвинение, в связи с чем наделяется совокупностью процессуальных средств, направленных на реализацию этой функции. При обжаловании решения суда в апелляционном или кассационном порядке его процессуальный статус остается неизменным, однако он дополняется новыми процессуальными правами и обязанностями, которые дают возможность эффективно действовать в целях решения возложенных на прокурора задач.

Учитывая особенность процессуального статуса прокурора, которая заключается в том, что он не может быть единственным, поскольку прокурор в различных стадиях уголовного процесса осуществляет несколько функций, считаем необходимым, кроме процессуального статуса прокурора, урегулировать в Уголовно-процессуальном кодексе также процессуальный статус государственного обвинителя, четко определив его полномочия с учетом специфики функции поддержания государственного обвинения.

Одним из основных пробелов, по нашему мнению, является недостаточность правового урегулирования полномочий прокурора при приостановлении производства по уголовному делу на стадии предварительного слушания.

Предварительное рассмотрение дела судьей рассматривается в науке как самостоятельная стадия уголовного судопроизводства. Ее сущность заключается в проверке всех материалов досудебного расследования с целью установления необходимых юридических и фактических оснований для рассмотрения дела в суде. Следует отметить, что предварительное рассмотрение дела является важной самостоятельной стадией уголовного процесса, на которой судья обязан в сроки, определенные в гл. 34 УПК РФ, на основании тщательного изучения материалов дела проверить, достаточно ли оснований для назначения дела к судебному разбирательству.

На этой стадии процесса, которая является промежуточным этапом между досудебным следствием и судебным рассмотрением уголовного дела, предусмотрено решение двух групп вопросов, связанных: а) с проверкой и контролем правильности проведения досудебного следствия; б) с подготовкой дела и судьи непосредственно к судебному разбирательству.

Стадия предварительного рассмотрения дела судьей была предметом исследования многих юристов и вызывала научный интерес еще в дореволюционные времена. В частности, С. И. Викторский отмечал, что это производство необходимо для решения вопроса, является ли обвинение обоснованным степени высокой вероятности, т. е. можно ли назначить дело к рассмотрению. Цель этой процедуры сводится к охране лица заподозренного путем предоставления ему новой гарантии, что обвинение против него будет проверено раньше, чем обвиняемый станет подсудимым, со всеми моральными страданиями, и, кроме того, к сохранению общественных интересов, поскольку выявленные в суде недоказанности обвинения наносят удар по авторитету правосудия страны [5, с. 370].

В соответствии с п. 3 ст. 37 УПК РФ, в ходе судебного производства по уголовному делу прокурор поддерживает государственное обвинение, обеспечивая его законность и обоснованность. Таким образом, на стадии предварительного слушания дело уже находится в суде, а значит, участие в данной стадии уже принимает государственный обвинитель. Если говорить о полномочиях государственного обвинителя в ходе судебного разбирательства, то они сформулированы законодателем достаточно поверхностно. Так, они кратко изложены лишь в пп. 3–5 ст. 37 и ст. 246 УПК РФ.

В соответствии с ч. 2 ст. 238 УПК РФ, судья приостанавливает производство по уголовному делу в случае, когда обвиняемый скрылся и его место пребывания не известно; если совершил побег обвиняемый, содержащийся под стражей, уголовное дело возвращается прокурору и ему поручается обеспечение розыска обвиняемого; если скрывается обвиняемый, не содержащийся под стражей, ему избирается мера пресечения в виде заключения под стражу, а прокурору поручается обеспечить его розыск.

Таким образом, первым возникает вопрос, почему законодатель все еще использует термин «обвиняемый», если сама норма ст. 238 УПК РФ расположена в гл. 34 «Предварительное слушание» [1].

Уголовно-процессуальное законодательство связывает появление подсудимого только в судебном процессе – на стадии подготовки дела к судебному разбирательству, на которой не решается вопрос о виновности обвиняемого и привлечении его к уголовной ответственности, а осуществляется проверка достаточных оснований и доказательств для рассмотрения уголовного дела в судебном заседании, а также не ущемлены ли права участников уголовного процесса, в том числе и обвиняемого.

На стадии подготовки дела к судебному заседанию судья при наличии оснований для рассмотрения уголовного дела в судебном заседании выносит постановление о назначении судебного заседания. Таким образом, если судебное разбирательство по уголовному делу начинается без проведения предварительного слушания, с этого момента обвиняемый и становится подсудимым.

В связи с этим остается неопределенным, почему обвиняемый не имеет статуса подсудимого, если по уголовному делу утверждено обвинительное заключение (акт) и по делу не проводится предварительное слушание. В период действия Уголовно-процессуального кодекса РСФСР положения ст. 46 предусматривали, что обвиняемый, дело в отношении которого принято к производству судом, именуется подсудимым [6]. После принятия УПК РФ данная стадия уголовного процесса была изменена. Так, согласно ч. 2 ст. 47 УПК РФ подсудимым именуется обвиняемый по уголовному делу, в отношении которого назначено судебное разбирательство [1].

В соответствии с ч. 1 ст. 227 УПК РФ, по поступившему уголовному делу судья принимает одно из следующих решений: 1) о направлении уголовного дела по подсудности; 2) о назначении предварительного слушания; 3) о назначении судебного заседания.

Также ч. 2 ст. 238 УПК РФ устанавливает, что, если скрылся обвиняемый, не содержащийся под стражей, суд избирает ему меру пресечения в виде заключения под стражу и поручает прокурору обеспечить его розыск.

Возникает второй вопрос: каким образом суд устанавливает факт о том, что обвиняемый скрылся, по уголовному делу, по которому в связи с отсутствием оснований для проведения предварительного слушания принято решение о назначении судебного заседания?

Судебная практика показывает, что суды, руководствуясь ч. 2 ст. 238 УПК РФ, принимают решения о возвращении уголовных дел прокурору для обеспечения розыска, не на предварительном слушании, а со стадии судебного разбирательства. Так, постановлением мирового суда судебного участка № 5 Первомайского судебного района г. Мурманска от 24.05.2017 по делу № 1-33/2017 уголовное дело возвращено прокурору на основании ч. 2 ст. 238 УПК РФ со стадии судебного разбирательства, несмотря на то что данная норма содержится в главе о предварительном слушании.

Таким образом, необходимо обратить внимание на то, что в соответствии со ст. 246 УПК РФ в судебном разбирательстве по уголовному делу принимает участие государственный обвинитель, а дело возвращают прокурору с поручением обеспечить розыск обвиняемого.

Понятие «розыск», несмотря на многократное упоминание, уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации не определено. Вместе с тем в п. 38 ст. 5 УПК РФ дано понятие розыскных мер, к которым относятся меры, принимаемые дознавателем, следователем, а также органом дознания по поручению дознавателя или следователя для установления лица, подозреваемого в совершении преступления.

Согласно ст. 7 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», поручение или требование прокурора о розыске обвиняемого к числу оснований для проведения оперативно-розыскных мероприятий не относится.

Также, исследовав положения Закона о прокуратуре, Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также приказа Генерального прокурора № 33 от 15.02.2011 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов при осуществлении оперативно-розыскной деятельности», можно прийти к выводу, что прокурор – государственный обвинитель, как участник уголовного судопроизводства, не наделен полномочиями по обеспечению розыска обвиняемого.

Таким образом, ни прокурор, ни государственный обвинитель, получив уголовное дело, по которому обвиняемый скрылся и не является в суд, не располагает какими-либо полномочиями поручить органам дознания и предварительного следствия розыск и лишен возможности контролировать ход этого розыска, и, возвращая уголовное дело прокурору, суд своим решением вынуждает прокурора выходить за рамки предоставленных ему полномочий.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 18 дек. 2001 г., № 174-ФЗ. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/. – Дата доступа: 10.10.2018.

2. Грицаенко, Л. Элементы конституционно-правового статуса прокуратуры / Л. Грицаенко // Право Украины. – 2008. – № 8. – С. 115–123.

3. Корнуков, В. М. Теоретические и правовые основы положения личности в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / В. М. Корнуков. – Харьков, 1987. – 35 с.

4. Петрухин, И. Л. Теоретические основы реформы уголовного процесса в России / И. Л. Петрухин. – М. : ТК Велби, 2004. – Ч. 1. – 220 с.

5. Викторский, С. И. Русский уголовный процесс / С. И. Викторский. – 2-е изд. – М. : Тип. Императ. Моск. ун-та, 1912. – 422 с.

6. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР : в ред. от 27.10.60 г. // Ведомости Верхов. Совета РСФСР. – 1960. – № 40. – Ст. 592.

УДК 347.96

Л. В. ПОТАПОВА

Симферополь, Крымский юридический институт (филиал) Университета
прокуратуры Российской Федерации

ПРАВОВОЙ СТАТУС ПРОКУРОРА В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В соответствии с российским законодательством прокурор является одним из ключевых участников гражданского процесса. Основная цель такого участия заключается в обеспечении полноценной реализации основополагающих принципов законности, состязательности и равноправия сторон, а также достижения справедливости [1].

Действующий Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – ГПК РФ) неясно определяет роль и процессуальное положение прокурора, вместе с тем правильное разрешение данного вопроса имеет не только теоретическое, но и практическое значение, поскольку способствует пониманию правовой природы участия прокурора в гражданском процессе в целом.

Правовую основу участия прокуроров в рассмотрении гражданских дел составляют Конституция Российской Федерации, международные договоры Российской Федерации, Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации», Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, приказы Генерального прокурора Российской Федерации, другие нормативные правовые акты. Отметим, что до сегодняшнего дня в доктрине гражданского процесса и прокурорского надзора не сложился единый подход к пониманию процессуального статуса прокурора в гражданском процессе. Нечеткость в вопросе определения правового положения прокурора в гражданском процессе вызвана большим количеством различных точек зрения на этот счет.

Так, например, В. Похмелкин и М. В. Савицкий полагают, что участие прокурора в рассмотрении гражданских дел является «юридическим атавизмом» [2, с. 23]: оно было необходимо в социалистическом государстве, а на сегодняшний день в посредничестве прокуратуры в сфере защиты прав и законных интересов граждан, предприятий и организаций нет необходимости, поскольку для этого можно прибегнуть к помощи различных юридических служб, адвокатских бюро и коллегий [3].

В соответствии с гражданским процессуальным законодательством, а именно ст. 34 ГПК РФ, прокурор является лицом, принимающим участие в деле. Отнесение прокурора к участникам дела обусловлено прежде всего его юридической заинтересованностью в защите субъективных прав и охраняемых законом интересов граждан и организаций. Однако, как справедливо отмечают В. Г. Бессарабов и К. А. Кашаев, «эта заинтересованность иного рода, чем заинтересованность сторон и третьих лиц, заявителей и жалобщиков по неисковым делам» [4, с. 359]. Свою позицию данные авторы обосновывают тем, что указанные выше лица лично заинтересованы в исходе дела в отличие от прокурора, который от имени Российской Федерации осуществляет надзор

за исполнением действующих на ее территории законов. А поэтому заинтересованность прокурора, с чем мы вполне согласны, является государственно-правовой.

Основываясь на государственно-правовом характере заинтересованности прокурора в исходе дела, можно сделать вывод о том, что в гражданском судопроизводстве он выступает самостоятельно и независимо от других участников дела, так как его заинтересованность в процессе вытекает из его полномочий, которые закреплены нормативно. Однако при этом законодатель не наделяет прокурора полномочиями по надзору за деятельностью судов при отправлении правосудия, поскольку это противоречило бы конституционному принципу независимости судей, закрепленному в ст. 120 Конституции Российской Федерации, которые в своей деятельности должны руководствоваться только Конституцией Российской Федерации и федеральными законами. Указанную точку зрения поддерживает и Л. А. Туманова, которая отмечает, что, поскольку в ГПК РФ отсутствуют нормы о прокурорском надзоре в гражданском судопроизводстве, можно сделать вывод о том, что прокуратура осуществляет функцию не надзорную при рассмотрении гражданских дел, а функцию участия при их рассмотрении [5, с. 97].

Другие авторы считают, что прокурор, предъявивший иск, является истцом только в процессуальном смысле, поскольку в его пользу суд ничего не присуждает, а его распорядительные права имеют лишь процессуальный характер. Следующие авторы высказывали мнение о том, что прокурор никогда не является стороной в процессе и всегда занимает положение представителя государства, осуществляющего надзор за законностью [6, с. 6].

Говоря о роли прокурора в гражданском судопроизводстве, необходимо отметить, что некоторые авторы ошибочно полагают, что участие прокурора в суде обусловлено исключительно необходимостью защиты социально уязвимых граждан, публичных интересов или интересов неопределенного круга лиц. Как отмечают Г. Ю. Насонов и В. С. Выскуб, «одной из особенностей роли прокурора в гражданском процессе является то, что при обращении гражданина к нему с просьбой о защите своих социальных прав его доводы подвергаются проверке, и только по ее результатам возможно направление в суд заявления (искового заявления)» [7, с. 53]. В пользу данного суждения свидетельствует и тот факт, что Конституционным Судом Российской Федерации определено: положения ч. 1 ст. 45 ГПК РФ во взаимосвязи со ст. 26, 27, 35 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» не предполагают возможности произвольного решения прокурором вопроса об обращении в суд с заявлением в защиту прав и свобод граждан. Такое решение принимается по результатам всесторонней проверки обращения гражданина [8]. Если доводы заявителя ошибочны, то прокурор вправе отказать ему со ссылкой на конкретные нормы закона, а также установленные обстоятельства дела.

Особенность правового статуса прокурора в гражданском судопроизводстве выражается прежде всего в возможности его участия в рассмотрении и разрешении любого гражданского дела. Именно это отличает его от иных государственных органов и органов местного самоуправления, которые при участии в гражданском процессе ограничены функциональными полномочиями. Прокуроры принимают участие в гражданском процессе исходя из актуальности рассматриваемых гражданских дел, их сложности, общественного и социального значения, состояния законности в том или ином регионе. В своей деятельности прокурор должен основываться на строгом соблюдении действующего законодательства, способствовать укреплению законности, предупреждению правонарушений, защите прав и свобод граждан, государственных и общественных интересов.

На наш взгляд, правильной является позиция по этому поводу Т. В. Ярошенко, в соответствии с которой прокурор, вступая в гражданский процесс, имеет свой особый правовой статус [9, с. 47]. Прежде всего это обусловлено тем, что, являясь представителем государства, он наделяется практически всеми процессуальными правами и обязанностями истца. Однако, вступая в процесс или давая заключение, прокурор всегда выступает представителем государства. Поэтому мы можем судить о том, что прокурор, как участник гражданского процесса, осуществляющий защиту прав и свобод человека, имеет особый статус.

Исходя из вышеизложенного, полагаем, что анализируемые точки зрения в части определения процессуального положения прокурора в гражданском процессе не позволяют раскрыть сущность деятельности прокурора в гражданском процессе, поэтому вся используемая процессуальная терминология в данном случае обречена на неудачу, так как не применяется на практике. Например, в подаваемых прокурором исковых заявлениях в защиту прав, свобод и законных интересов граждан Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований используется единственный термин «прокурор». Понятие «прокурор», которое используется в законодательных нормах о прокуратуре, продолжает употребляться и в гражданско-процессуальном законодательстве (ст. 34, 45, 131 ГПК РФ и т. д.), характеризуя этим прокурора как лицо, участвующее в деле, и тем самым придавая этому термину уже не должностное, а процессуальное положение.

Таким образом, при определении процессуально-правового статуса прокурора предлагаем внести в действующее гражданское процессуальное законодательство такую правовую норму, которая бы в полном объеме отражала статус прокурора как представителя государства, определяла круг его прав и обязанностей, не схожий с другими участниками гражданского процесса, чтобы в будущем избежать возникновения дискуссий и различного рода упрощений.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гелиева, И. Н. Проблемы, связанные с участием прокурора в гражданском процессе / И. Н. Галиева, Е. С. Диденко // Общество: Политика. Экономика. Право. – 2017. – № 2.
2. Похмелкин, В. Участие прокурора в рассмотрении гражданских дел – юридический атавизм / В. Похмелкин // Рос. юстиция. – 2001. – № 5. – С. 23–27.
3. Савицкий, В. М. Организация судебной власти в Российской Федерации : учеб. для вузов / В. М. Савицкий. – М. : БЕК, 1996. – 320 с.
4. Бессарабов, В. Г. Защита российской прокуратурой прав и свобод человека и гражданина / В. Г. Бессарабов, К. А. Кашаев. – М. : Городец, 2007. – 464 с.
5. Гражданский процесс : учеб. для студентов вузов, обучающихся по специальности 030501 «Юриспруденция» / Л. В. Туманова [и др.] ; под ред. Л. В. Тумановой, Н. Д. Амаглобели. – 7-е изд., перераб. и доп. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2013. – 575 с.
6. Артамонова, Е. Новый ГПК: статус прокурора / Е. Артамонова // Законность. – 2003. – № 3.
7. Насонов, Г. Ю. Участие прокурора в гражданском процессе с правовых позиций Европейского Суда по правам человека / Г. Ю. Насонов, В. С. Выскуб // Вестн. Акад. Генер. прокуратуры Рос. Федерации. – 2014. – № 4 (42). – С. 52–58.
8. Определение Конституционного Суда РФ от 20.02.2014 г. № 402-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Черношейкина Сергея Николаевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 45 Гражданского

процессуального кодекса Российской Федерации и пунктом 4 статьи 27 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/70617316/>.

9. Ярошенко, Т. В. Актуальные вопросы участия прокурора в гражданском процессе / Т. В. Ярошенко // Вестн. РГУ им. И. Канта. Сер.: Экон. и юрид. науки. – 2008. – Вып. 9. – С. 47–54.

УДК 347.963

А. В. ТИТАРЕНКО

Симферополь, Крымский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ УЧАСТИЯ ПРОКУРОРА В ДОСУДЕБНОЙ СТАДИИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Одним из основных и приоритетных направлений деятельности органов прокуратуры является прокурорский надзор за исполнением законов органами дознания и предварительного следствия. Данная отрасль прокурорского надзора нашла свое правовое отражение в ст. 29 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации», согласно которой предметом надзора является соблюдение прав и свобод человека и гражданина, установленного порядка разрешения заявлений и сообщений о совершенных и готовящихся преступлениях, проведения расследования, а также законность решений, принимаемых органами дознания и предварительного следствия [1]. Качественное осуществление указанного направления надзора напрямую способствует реализации основных принципов назначения уголовного судопроизводства, а именно защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений; защиты личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

Сегодня, согласно Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (далее – УПК РФ), прокурор обладает урезанной системой полномочий, что затрудняет осуществление им надзора в полном объеме.

В соответствии с п. 2 Рекомендации № R (2000) 19 Комитета министров Совета Европы «О роли прокуратуры в системе уголовного правосудия», к исключительной компетенции прокурора должен быть отнесен вопрос о возбуждении уголовного дела или продолжении уголовного преследования [2, с. 750]. В связи с этим наблюдаются противоречия национального законодательства международным правовым актам.

Так, согласно УПК РФ, на стадии возбуждения уголовного дела прокурор на сегодняшний момент наделен следующими процессуальными полномочиями:

– в случае обнаружения признаков преступления выносить мотивированное постановление о направлении соответствующих материалов в следственный орган или орган дознания для решения вопроса об уголовном преследовании;

– отменять незаконное либо необоснованное постановление органа дознания, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания, дознавателя, руководителя следственного органа, следователя об отказе в возбуждении уголовного дела;

– в срок не позднее 5 суток с момента получения материалов проверки сообщения о преступлении отменять незаконное постановление руководителя следственного органа, следователя об отказе в возбуждении уголовного дела;

– отменять незаконное или необоснованное постановление руководителя следственного органа, следователя, дознавателя о возбуждении уголовного дела.

Так, в соответствии с п. 4 ч. 1 ст. 140 УПК РФ одним из поводов по возбуждению уголовного дела служит мотивированное постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании [3]. Однако органы дознания и предварительного следствия не торопятся возбуждать уголовные дела по результатам проведенных прокурорских проверок, проверки сообщений о преступлении не проводятся, и взаимодействие между органами прокуратуры и предварительного расследования превращается в «ведомственный поединок» [4, с. 26].

Согласно статистическим данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, российскими прокурорами ежегодно отменяется в среднем около 2,5 млн постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела. Число возбужденных уголовных дел по отмененным прокурорами постановлениям об отказе в возбуждении уголовного дела достаточно мало, в среднем это 7 % от общего числа отмененных постановлений.

Согласно нормам УПК РФ, прокурор не вправе возбудить уголовное дело в случае отмены им постановления об отказе в возбуждении уголовного дела даже при наличии достаточных данных, указывающих на признаки преступления, являющихся основанием для возбуждения уголовного дела. С целью обеспечения защиты прав участников уголовного судопроизводства, а также достижения целей и задач уголовного судопроизводства считаем, что необходимо внести в действующий уголовно-процессу-

альный закон Российской Федерации изменения, предоставив прокурору полномочия по возбуждению уголовных дел в связи с отменой постановления об отказе в возбуждении уголовного дела при наличии достаточных данных, указывающих на признаки преступления.

После возбуждения уголовного дела, с целью осуществления надзора за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия прокурор обладает полномочиями, перечисленными в ст. 37 УПК РФ, которые условно можно разделить на средства выявления нарушений закона и на средства прокурорского реагирования.

К средствам выявления нарушений закона необходимо отнести следующие полномочия прокурора:

– давать согласие дознавателю на возбуждение перед судом ходатайства об избрании, отмене или изменении меры пресечения либо о производстве иного процессуального действия, которое допускается на основании судебного решения;

– истребовать и проверять законность и обоснованность решений следователя или руководителя следственного органа об отказе в возбуждении, приостановлении или прекращении уголовного дела и принимать по ним решение в соответствии с УПК РФ;

– рассматривать ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве и постановление следователя о возбуждении перед прокурором ходатайства о заключении с подозреваемым или обвиняемым досудебного соглашения о сотрудничестве, выносить постановление об удовлетворении такого ходатайства либо об отказе в его удовлетворении, заключать досудебное соглашение о сотрудничестве, выносить постановление об изменении или о прекращении действия такого соглашения в порядке и по основаниям, предусмотренным УПК РФ, а также выносить представление об особом порядке проведения судебного заседания и вынесения судебного решения по

уголовному делу в отношении обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве;

- рассматривать представленную руководителем следственного органа информацию следователя о несогласии с требованиями прокурора и принимать по ней решение;

- участвовать в судебных заседаниях (при рассмотрении ходатайств дознавателя, следователя об избрании в отношении подозреваемого, обвиняемого меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога; при решении вопросов о продлении сроков содержания обвиняемого под стражей или домашним арестом; при рассмотрении ходатайств о производстве следственных и иных процессуальных действий, которые допускаются на основании судебного решения; при рассмотрении жалоб на действия и решения дознавателя, следователя);

- разрешать отводы, заявленные дознавателю, а также его самоотводы;

- утверждать постановление дознавателя о прекращении производства по уголовному делу.

В систему средств прокурорского реагирования входят следующие полномочия прокурора:

- требовать от органов дознания и следственных органов устранения нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе дознания или предварительного следствия;

- давать дознавателю письменные указания о направлении расследования, производстве процессуальных действий;

- отменять незаконные или необоснованные постановления нижестоящего прокурора, а также незаконные или необоснованные постановления органа дознания, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания и дознавателя;

- отстранять дознавателя от дальнейшего производства расследования, если им допущено нарушение требований уголовно-процессуального законодательства;

- изымать любое уголовное дело у органа дознания и передавать его следователю с обязательным указанием оснований такой передачи;

- передавать уголовное дело или материалы проверки сообщения о преступлении от одного органа предварительного расследования другому (за исключением передачи уголовного дела или материалов проверки сообщения о преступлении в системе одного органа предварительного расследования) в соответствии с правилами, установленными ст. 151 УПК РФ;

- изымать любое уголовное дело или любые материалы проверки сообщения о преступлении у органа предварительного расследования федерального органа исполнительной власти (при федеральном органе исполнительной власти) и передавать его (их) следователю Следственного комитета Российской Федерации с обязательным указанием оснований такой передачи [3].

Следует отметить, что объем полномочий прокурора к органам дознания значительно шире, нежели по отношению к органам следствия, что явилось реализованной в 2007 г. концепцией отстранения прокурора от руководства расследования [5, с. 71].

При использовании вышеперечисленных полномочий прокурора наибольшие трудности возникают при осуществлении надзора за производством предварительного расследования в форме следствия. Так, в соответствии с ч. 6 ст. 37 УПК РФ, в случае несогласия руководителя следственного органа либо следователя с требованиями прокурора об устранении нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе предварительного следствия, прокурор вправе обратиться с требованием об устранении указанных нарушений к руководителю вышестоящего следственного органа. В случае несогласия руководителя вышестоящего следственного органа с указанными требова-

ниями прокурора прокурор вправе обратиться к Председателю Следственного комитета Российской Федерации или руководителю следственного органа федерального органа исполнительной власти (при федеральном органе исполнительной власти). В случае несогласия Председателя Следственного комитета Российской Федерации или руководителя следственного органа федерального органа исполнительной власти (при федеральном органе исполнительной власти) с требованиями прокурора об устранении нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе предварительного следствия, прокурор вправе обратиться к Генеральному прокурору Российской Федерации, решение которого является окончательным [3].

Таким образом, на сегодняшний день существует сложный и длительный механизм исполнения требований прокурора. Указанные обстоятельства создают ситуацию, при которой нарушения законодательства, допускаемые следователями, продолжительное время не устраняются, что отражается на обеспечении прав, свобод и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

Вместе с тем следует обратить внимание на формальный подход к рассмотрению актов прокурорского реагирования, а также направления соответствующей информации прокурорам. При наличии нарушений, в том числе грубых, в досудебном производстве вопрос о привлечении к дисциплинарной ответственности должностных лиц остается без внимания руководителей следственных органов ввиду соответствующего «права», а не «обязанности» работодателя привлекать к дисциплинарной ответственности.

Одним из важных направлений прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования является надзор за законностью и обоснованностью избрания меры пресечения в отношении подозреваемого, обвиняемого. Так, согласно п. 5 ч. 2 ст. 37 УПК РФ, прокурор уполномочен давать согласие дознавателю на возбуждение перед судом ходатайства об избрании, отмене или изменении меры пресечения либо о производстве иного процессуального действия, которое допускается на основании судебного решения [3]. Как видим, вышеуказанное полномочие распространяется исключительно в отношении дознавателя.

Полномочие прокурора давать согласие следователю на возбуждение перед судом ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу передано руководителю следственного органа.

В соответствии с п. 1.6 приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 28.12.2016 № 826 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия», прокурору, участвующему в судебном заседании, необходимо составлять письменное заключение об обоснованности заявленного ходатайства об избрании меры пресечения, которое согласовывается с соответствующим руководителем либо его заместителем. Таким образом, формой участия прокурора по ходатайствам следователя об избрании меры пресечения является вступление в процесс, начатый другими лицами [6]. Сложившаяся ситуация лишает прокурора возможности в полной мере ознакомиться с материалами дела, предоставить объективную оценку заявленному ходатайству, а также его соответствие уголовно-процессуальному закону.

Таким образом, считаем необходимым наделить прокурора полномочиями по даче согласия следователю на возбуждение ходатайства об избрании меры пресечения, по которым судебное решение является обязательным.

Подводя итог, следует отметить, что в Российской Федерации создан действенный механизм прокурорского надзора за органами предварительного расследования. Однако в процессе реформирования системы правоохранительных органов часть полномочий органов прокуратуры Российской Федерации была упразднена.

Генеральный прокурор Российской Федерации Ю. Я. Чайка, выступая 27 апреля 2011 г. на заседании Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, отметил, что конституционные права граждан повсеместно нарушаются следственными органами, поэтому предупреждение и устранение нарушений прав и свобод участников уголовного судопроизводства, включая избрание и применение мер пресечения, является в настоящее время одним из важнейших направлений деятельности прокуроров [7].

Учитывая вышеизложенное, а также то, что прокуратура Российской Федерации – единая централизованная система органов, осуществляющая от имени Российской Федерации надзор за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина, необходимо расширить объем полномочий прокурора путем внесения соответствующих изменений в действующее законодательство Российской Федерации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. О прокуратуре Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон, 17 янв. 1992 г., № 2202-1 : в ред. от 03.08.2018 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2018.

2. О роли прокуратуры в системе уголовного правосудия : Рекомендация № R (2000) 19 Комитета министров Совета Европы : принята 06.10.2000 г. на 724-м заседании представителей министров // Совет Европы и Россия : сб. док. – М. : Юрид. лит., 2004. – С. 746–779.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 18 дек. 2001 г., № 174-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2018.

4. Буланова, Н. В. Деятельность прокурора по осуществлению уголовного преследования : пособие / Н. В. Буланова, Д. И. Ережипалиев. – М. : Акад. Генер. прокуратуры Рос. Федерации, 2011. – 116 с.

5. Стрёмовский, В. А. Участники предварительного следствия в советском уголовном процессе / В. А. Стрёмовский. – Ростов н/Д : Изд-во Рост. ун-та, 1966. – 260 с.

6. Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия [Электронный ресурс] : приказ Генер. прокуратуры Рос. Федерации, 28 дек. 2016 г., № 826 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2018.

7. Доклад Генерального прокурора Российской Федерации Чайки Ю. Я. на заседании Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 27 апреля 2011 г. [Электронный ресурс] // Генеральная прокуратура Российской Федерации. – Режим доступа: https://genproc.gov.ru/smi/interview_and_appearances/appearances/71822/. – Дата доступа: 07.10.2018.

УДК 347.963

В. А. ТЮНИН

Симферополь, Крымский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации

ВОПРОСЫ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ПРАВ И СВОБОД СОЦИАЛЬНО НЕЗАЩИЩЕННЫХ КАТЕГОРИЙ НАСЕЛЕНИЯ

Общепризнанно, что к числу основных функций правового государства, каковым согласно ч. 1 ст. 1 Конституции Российской Федерации является современная

Россия, относятся гарантирование, охрана, защита и реализация основных прав и свобод человека и гражданина.

Одним из наиболее важных заданий общества является построение демократического государства, способного на надлежащее гарантирование и исполнение указанных прав и свобод. В соответствии со ст. 39 Конституции Российской Федерации, право на социальное обеспечение является закреплением важнейших гарантий для лиц, относящихся к незащищенным категориям населения нашей страны.

Каждому гарантируется социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, для воспитания детей и в иных случаях, установленных законом.

Государственные пенсии и социальные пособия устанавливаются законом.

Конституционные положения раскрыты и закреплены в Гражданском кодексе Российской Федерации (часть вторая), Трудовом кодексе Российской Федерации, Семейном кодексе Российской Федерации, Жилищном кодексе Российской Федерации.

Более детально вопросы защиты прав ветеранов, инвалидов, пенсионеров конкретизированы в федеральных законах от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», от 05.04.2003 № 44-ФЗ «О порядке учета доходов и расчета среднедушевого дохода семьи и дохода одиноко проживающего гражданина для признания их малоимущими и оказания им государственной социальной помощи», от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», от 17.12.2001 № 173-ФЗ «О трудовых пенсиях в Российской Федерации», от 15.12.2001 № 166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации», от 17.07.1999 № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи», от 16.07.1999 № 165-ФЗ «Об основах обязательного социального страхования», от 24.10.1997 № 134-ФЗ «О прожиточном минимуме в Российской Федерации», от 24.11.1995 № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации», от 02.08.1995 № 122-ФЗ «О социальном обслуживании граждан пожилого возраста и инвалидов», от 12.01.1995 № 5-ФЗ «О ветеранах»; законах Российской Федерации от 15.05.1991 № 1244-1 «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС», от 12.02.1993 № 4468-1 «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей», от 19.04.1991 № 1032-1 «О занятости населения в Российской Федерации».

Конкретные механизмы реализации положений федеральных законов определены в Указе Президента Российской Федерации от 06.05.2008 № 685 «О некоторых мерах социальной поддержки инвалидов», постановлениях Правительства Российской Федерации от 20.10.2010 № 847 «Об индексации норм расходов денежных средств на погребение и увековечение памяти погибших (умерших) защитников Отечества», от 12.10.2010 № 813 «О сроках индексации предельного размера стоимости услуг, предоставляемых согласно гарантированному перечню услуг по погребению, подлежащей возмещению специализированной службе по вопросам похоронного дела, а также предельного размера социального пособия на погребение», от 07.04.2008 № 240 «О порядке обеспечения инвалидов техническими средствами реабилитации и отдельных категорий граждан из числа ветеранов протезами (кроме зубных протезов), протезно-ортопедическими изделиями», от 30.11.2005 № 708 «Об утверждении Правил обеспечения инвалидов собаками-проводниками, включая выплату ежегодной денежной

компенсации расходов на содержание и ветеринарное обслуживание собак-проводников», от 15.10.2005 № 614 «Об утверждении Правил предоставления субвенций из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на реализацию передаваемых полномочий Российской Федерации по обеспечению жильем ветеранов, инвалидов и семей, имеющих детей-инвалидов», от 17.04.2002 № 244 «О плате за стационарное обслуживание граждан пожилого возраста и инвалидов», от 24.06.1996 № 739 «О предоставлении бесплатного социального обслуживания и платных социальных услуг государственными социальными службами», от 08.06.1996 № 670 «Об утверждении Примерного положения об учреждении социальной помощи для лиц без определенного места жительства и занятий», от 15.04.1996 № 473 «О порядке и условиях оплаты социальных услуг, предоставляемых гражданам пожилого возраста и инвалидам государственными и муниципальными учреждениями социального обслуживания», от 17.07.1995 № 710 «О порядке и нормах льготного обеспечения лекарственными средствами и изделиями медицинского назначения инвалидов войны и других групп населения в соответствии с Федеральным законом “О ветеранах”», от 15.04.1995 № 338 «О развитии сети специальных домов-интернатов для престарелых и инвалидов» и др.

Кроме этого, меры социальной поддержки ветеранов труда определяются законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации.

Российская прокуратура уделяет значительное внимание надзору за исполнением законодательства, регулирующего вопросы социальной защиты прав инвалидов и престарелых граждан. Выявление и пресечение нарушений законодательства о социальной защите и социальной поддержке пенсионеров, ветеранов и инвалидов, реализация их возможностей наравне с другими гражданами в осуществлении гражданских, экономических, политических и других прав и свобод является одной из приоритетных задач органов прокуратуры. В Российской Федерации в настоящее время насчитывается около 13 млн инвалидов, что составляет 8,8 % населения страны. Однако до настоящего времени определение «социально незащищенные категории граждан» не имеет легального закрепления и понимается хоть и стандартно, но неопределенно широко [1].

На основе анализа российского законодательства можно сделать вывод, что к социально незащищенным категориям населения относятся граждане и семьи, обладающие низким уровнем дохода и накопленного богатства, а также лица, оказавшиеся в трудной жизненной ситуации по не зависящим от них причинам и не имеющие возможности самостоятельно реализовывать свои права и законные интересы. В основном к ним относятся пожилые одинокие люди, инвалиды, многодетные и неполные семьи, а также семьи, потерявшие кормильца, лица, имеющие доходы ниже прожиточного минимума, и т. д.

Так как вышеназванные категории граждан пребывают в наиболее уязвимом социальном положении и нередко не могут отстаивать свои права и законные интересы самостоятельно, защита их прав и охраняемых законом интересов правовыми средствами, которые имеет прокуратура, в современных условиях ставится в число основных направлений работы органов прокуратуры. Выявление и пресечение нарушений законодательства о защите и социальной поддержке пенсионеров, ветеранов, инвалидов, детей-сирот, других категорий, нуждающихся в особой защите государства, реализация их возможностей на равных условиях с иными гражданами при реализации гражданских, экономических, политических и других прав и свобод – одна из приоритетных задач органов прокуратуры.

Практика прокурорского надзора свидетельствует о том, что обеспечение законности в сфере защиты прав незащищенных категорий населения является недостаточным.

Часто органами государственной власти и местного самоуправления допускаются нарушения жилищных и пенсионных прав инвалидов, прав на санаторно-курортное оздоровление (лечение), на обеспечение их комплексной безопасности в связи с проживанием в специализированных учреждениях социальной защиты, здравоохранения, техническими средствами реабилитации, создание условий для их беспрепятственного доступа к объектам транспорта и социальной инфраструктуры и т. д.

К примеру, по результатам проверки прокуратурой г. Евпатории исполнения требований законодательства о пенсионном обеспечении ветеранов был установлен факт нарушения прав местной жительницы – ветерана Великой Отечественной войны 1925 года рождения, инвалида 1-й группы в результате военной травмы, полученной в период Великой Отечественной войны. Прокуратурой была установлена неправомерность решения проведенной медико-социальной экспертизы, назначенной Управлением Пенсионного фонда Республики Крым в г. Евпатории, внесено соответствующее представление прокурора. По результатам его рассмотрения заявительнице установлена 1-я группа вследствие военной травмы и начислена пенсия по инвалидности как участнику Великой Отечественной войны [5] .

Вопрос доступа инвалидов и других маломобильных групп к объектам социальной инфраструктуры и транспорту стал актуальным и для прокуратуры г. Севастополя. По данным проверок, проведенных прокуратурой в первом полугодии 2015 г., выявлены многочисленные нарушения требований законодательства по социальной защите лиц указанной категории. По результатам проведенных проверок исполнения законодательства о социальной защите инвалидов прокурорами внесено 17 представлений об устранении допущенных нарушений законодательства, из которых 7 рассмотрены, 6 должностных лиц привлечены к дисциплинарной ответственности. По фактам нарушения законодательства о социальной защите инвалидов прокурорами вынесено и направлено в суд 9 постановлений о возбуждении дел об административных правонарушениях [4] .

Прокуроры активно используют свои полномочия по защите интересов социально незащищенных граждан в судебном порядке, что позволяет увеличить действенность принимаемых мер и достичь реального восстановления нарушенных прав. Так, славянский межрайонный прокурор обратился в Славянский городской суд в интересах гражданина Ж., который относится к категории нуждающихся в улучшении жилищных условий Славянского района по списку детей-сирот, по факту непредоставления администрацией муниципального образования Славянского района жилого помещения для проживания. По результатам рассмотрения дела, решением Славянского городского суда искивые требования прокурора удовлетворены в полном объеме, права гражданина Ж. восстановлены в полном объеме [9] .

Наибольшее число исков в интересах детей, лишенных родительской заботы, – 330 по итогам 2014 г. – было направлено прокурорами Ульяновской области, подавляющее большинство из которых было удовлетворено [6] .

Большую социальную значимость приобрел в последние годы процесс обеспечения жильем ветеранов Великой Отечественной войны (далее – ветераны ВОВ).

В Указе от 07.05.2008 № 714 «Об обеспечении жильем ветеранов Великой Отечественной войны 1941–1945 годов» в связи с празднованием 65-летия Победы в Великой Отечественной войне, отдавая дань глубокого уважения ветеранам войны, Президент Российской Федерации постановил считать необходимым завершить обеспечение жильем нуждающихся в улучшении жилищных условий ветеранов ВОВ, членов семей погибших (умерших) инвалидов и участников Великой Отечественной войны, имею-

щих право на соответствующую социальную поддержку согласно Федеральному закону от 12 января 1995 г. № 5-ФЗ «О ветеранах».

Во исполнение вышеназванного Указа Президента Российской Федерации федеральными законами о федеральном бюджете предусматривались бюджетные ассигнования на предоставление субвенций бюджетам субъектов Российской Федерации на обеспечение жильем нуждающихся в улучшении жилищных условий отдельных категорий граждан. Распоряжениями Правительства Российской Федерации от 31.03.2010 № 472-р и от 03.03.2011 № 352-р направлялись бюджетные ассигнования Министерству регионального развития Российской Федерации. Органы местного самоуправления принимали меры по обеспечению ветеранов ВОВ и членов их семей жильем в установленном порядке.

В настоящее время органами прокуратуры совместно с региональными и муниципальными органами власти довольно успешно решается проблема обеспечения ветеранов ВОВ собственным жильем: проводится комплексный мониторинг ситуации, включая проверки публикаций в СМИ, по его результатам прокуроры активно обращаются в суды с исковыми заявлениями. К примеру, прокурор Приморского края в судебном порядке оспорил незаконные решения администрации Артемовского городского округа об отказе в принятии на жилищный учет 11 участников Великой Отечественной войны. Суд поддержал позицию прокурора, все иски удовлетворены.

Но этим не ограничивается деятельность прокуратуры в сфере защиты прав граждан. Закон Республики Крым от 24.06.2014 № 24-ЗРК «О квотировании и резервировании рабочих мест для инвалидов и граждан, нуждающихся в социальной защите» был разработан именно прокуратурой республики. Данная инициатива была обусловлена необходимостью защиты трудовых прав инвалидов, которые нередко ущемляются нежеланием работодателей приспособлять рабочие места к потребностям людей с ограниченными возможностями. Вышеуказанный закон закрепляет категории граждан, для которых устанавливаются квоты. Также законом определены условия, порядок и размер предоставления квот [8].

Выявив нарушения законов, установив обстоятельства, способствующие их совершению, прокурор принимает меры к их устранению и недопущению в будущем, а также привлечению к ответственности виновных лиц. Меры ответственности за нарушения прав инвалидов, ветеранов и иных социально незащищенных категорий граждан, наложение которых может инициировать прокурор, являются достаточно разносторонними и предусмотрены трудовым, гражданским, административным, уголовным законодательством.

Прокурор, выбирая меры реагирования, решает, какие из них наиболее эффективны для устранения выявленных нарушений законодательства, будут способствовать реальному восстановлению нарушенных прав инвалидов и пенсионеров, направлены на привлечение к ответственности должностных лиц, допустивших ущемление прав социально незащищенных категорий граждан [10].

В актах прокурорского реагирования следует излагать правовую сущность выявленных нарушений, указывать конкретные правовые нормы, послужившие основанием для принятия прокурором соответствующих мер, а также негативные последствия нарушений закона, причины и условия, которые этому способствовали, ставить вопрос об их устранении и ответственности виновных лиц. В целях повышения результативности актов реагирования целесообразно предлагать рассматривать их с участием представителя прокуратуры. При этом прокурорам необходимо контролировать фактическое устранение нарушений законов [10].

Таким образом, важно помнить, что стратегическая цель работы органов прокуратуры – реальное устранение нарушений социальных прав граждан, измеряемое существенным улучшением состояния законности в этой сфере правоотношений. Достижение поставленной цели невозможно без упреждающего надзора и последовательного контроля за исполнением вносимых актов прокурорского реагирования.

Прокурорский надзор за соблюдением прав социально незащищенной категории граждан, являясь составной частью надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, в современных условиях становится все более самостоятельным и, безусловно, приоритетным, востребованным отдельными индивидами, обществом и государством направлением всей правозащитной деятельности органов и учреждений отечественной прокуратуры.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. О прокуратуре Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон, 17 янв. 1992 г., № 2202-1. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/popular/prosec/>.
2. Асачева, М. В. О легальном определении понятия «социально незащищенные категории граждан» [Электронный ресурс] / М. В. Асачева. – Режим доступа: <http://отрасли-права.рф/article/826>.
3. В Севастополе инвалидов лишают прав на социальную защиту [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.giscrimea.com/news/?id=321>.
4. Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://genproc.gov.ru/special/smi/news/news-796414/>.
5. Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-530775/>.
6. Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1000527/>.
7. Официальный сайт прокуратуры Республики Крым [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rkproc.ru/uk/node/3656>.
8. Прокурорский надзор : метод. указания / сост. О. П. Копылова. – Тамбов : Изд-во Тамб. техн. ун-та, 2010. – 100 с.
9. Прокурорский надзор в Российской Федерации : учеб. для бакалавров / под науч. ред. Е. Р. Ергашева. – М. : Юрайт, 2014. – 392 с.
10. Прокурорский надзор за соблюдением социальных прав граждан : сб. метод. материалов / под общ. ред. первого зам. Генер. прокурора Рос. Федерации, гос. советника юстиции 1-го кл., заслуж. юриста Рос. Федерации А. Э. Буксмана. – М., 2013. – 560 с.

УДК 347.963

И. А. ШАДРИН

Симферополь, Крымский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации

РОЛЬ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

В соответствии со ст. 10 Конституции Российской Федерации, государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе ее разделения на законодательную, исполнительную и судебную. При этом имеется в виду разграничение компетенции и предметов ведения соответствующих государственных структур [3].

Прокуратура Российской Федерации законодателем определена как единая федеральная централизованная система органов, осуществляющих от имени Российской Федерации надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением действующих на территории Российской Федерации законов.

При этом особенно необходимо отметить, что прокуратура Российской Федерации представляет собой самостоятельный правовой институт, который никак не может относиться ни одной из имеющихся ветвей власти. В Конституции Российской Федерации соответствующие нормы о прокуратуре нашли отражение в гл. «Судебная власть и прокуратура» [1], однако уже только из самого содержания ст. 129 Основного закона становится ясно, что прокуратура никакого отношения к судебной власти не имеет.

Данная норма конкретно предопределяет особенное положение прокуратуры Российской Федерации во всей системе органов государственной власти, закрепив, что прокуратура Российской Федерации составляет единую централизованную систему с подчинением нижестоящих прокуроров вышестоящим и Генпрокурору Российской Федерации. Одновременно, согласно Закону о прокуратуре, прокуратура Российской Федерации представляет единую федеральную централизованную систему органов, осуществляющих вместе с другими функциями в первую очередь надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением действующих на территории Российской Федерации законов. Безусловно, именно компетенция прокуратуры, конкретное содержание ее полномочий по реализации и исполнению возложенных на нее функций являются основными параметрами, определяющими ее место в государственном правовом механизме.

Конституция Республики Беларусь закрепляет положения о прокуратуре республики в отдельной главе «Прокуратура» и определяет ее как единую и централизованную систему, независимую в осуществлении своих полномочий, призванную осуществлять надзор за точным и единообразным исполнением законов, декретов, указов и иных нормативных актов министерствами и другими подведомственными Совету Министров органами, местными представительными и исполнительными органами, предприятиями, организациями и учреждениями, общественными объединениями, должностными лицами и гражданами [7].

По мнению Н. В. Ереминой, современная прокуратура не входит и не может входить ни в одну из ветвей власти. Ее роль заключается непосредственно в том, что она представляет собой особый необходимый механизм в рамках существующей и формирующейся системы разделения власти и является наиболее важным элементом системы сдержек и противовесов в государстве. Независимость прокуратуры – это вынужденное и необходимое условие для более успешного ее функционирования в сфере надзора за исполнением и соблюдением законов. Достижение законности и правообеспечения возможно только при наличии независимого, неангажированного и централизованного внешнего органа власти, наделенного достаточными полномочиями для выявления всех категорий нарушений и влияния на процесс их устранения [5].

Констатация особого и исключительного положения прокуратуры Российской Федерации содержится и в некоторых других нормах Конституции Российской Федерации: ст. 71 относит этот орган к предмету ведения исключительно Российской Федерации; ст. 83 определяет особые полномочия Президента Российской Федерации в имеющейся процедуре назначения на должность и освобождения от должности в том числе Генерального прокурора Российской Федерации; в ст. 72 указывается также на нахождение в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов кадров правоохранительных органов.

Эти озвученные положения Конституции Российской Федерации дают полные основания сделать решительный вывод о том, что российская прокуратура является централизованным, самостоятельным федеральным органом, учреждаемым и регулируемым на высшем конституционном правовом уровне [6].

В настоящее время прокуратура Российской Федерации представляет собой сложную иерархическую, системную организацию по осуществлению властных полномочий. В этом учреждении находят свое выражение индивидуальные, групповые и государственные интересы. Прокуратуре присущи безусловная дисциплина и профессионализм в работе сотрудников, индивидуальная инициатива. Поэтому прокуратура России имеет свой облик, профессиональную культуру и репутацию [9].

Осуществляемая прокуратурой деятельность по реализации своих полномочий способствует наиболее правильному функционированию всех государственных органов и действующих традиционных ветвей власти в полном соответствии с имеющейся Конституцией Российской Федерации и действующими федеральными законами.

Создание органов прокуратуры России произошло при Петре I, и в соответствии с его Высочайшим Указом от 12 января 1722 г. реализовалось ее закрепление в составе Российской Империи в качестве особого надзорного органа, осуществляющего свою основную деятельность в большей части в отношении действий сената. Перечень вмененных полномочий, а также основные задачи в деятельности особого надзорного органа расширялись, детализировались и регламентировались в зависимости от изменявшегося законодательства и указов, однако надзор осуществляется и по сей день от имени государства [4].

Закон о прокуратуре Российской Федерации устанавливает и конкретизирует общий состав субъектов, на деятельность которых распространяется надзорная компетенция органов прокуратуры. В целях обеспечения верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства прокуратура Российской Федерации осуществляет надзор за исполнением законов и соблюдением прав и свобод человека и гражданина федеральными органами исполнительной власти, представительными (законодательными) и исполнительными органами субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, органами военного управления, органами контроля, их должностными лицами, субъектами осуществления общественного контроля за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и содействия лицам, находящимся в местах принудительного содержания, органами управления и руководителями коммерческих и некоммерческих организаций, а также за соответствием законам издаваемых ими правовых актов [3].

Согласно положениям Закона, предметом надзора являются: соблюдение Конституции Российской Федерации и исполнение действующих на территории Российской Федерации законов существующими федеральными органами исполнительной власти, Следственным комитетом Российской Федерации, исполнительными и представительными (законодательными) органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, органами контроля, органами военного управления, их должностными лицами, субъектами осуществления общественного контроля за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и содействия лицам, находящимся в местах принудительного содержания, а также органами управления и руководителями коммерческих и некоммерческих организаций; соответствие законам правовых актов, издаваемых указанными органами и должностными лицами [2].

Законом на прокуратуру возложен также надзор за исполнением законов:

- администрациями мест содержания задержанных и заключенных под стражу, администрациями органов и учреждений, исполняющих наказание и применяющих назначаемые судом меры принудительной характера;
- судебными приставами;
- органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие.

Прокуратура осуществляет в том числе уголовное преследование в соответствии с установленными уголовно-процессуальным законодательством полномочиями, принимает участие в рассмотрении дел судами, ведет координацию деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью.

Вышеперечисленные функции и имеющиеся полномочия по их реализации, круг субъектов, на которых распространяется надзор прокуратуры, определяют основные параметры и характеристики взаимоотношений прокуратуры со всеми органами государственной власти. В большей части это касается ее отношений с правоохранительными, а также контролирующими органами [3].

Функции, возложенные на прокуратуру Республики Беларусь Законом Республики Беларусь «О прокуратуре Республики Беларусь» от 8 мая 2007 г. № 220-З, практически тождественны и также отражают многогранность задач, поставленных государством перед надзорным ведомством [8].

Одним из наиболее приоритетных направлений прокурорского надзора является защита прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государств. Подтверждая изложенное, достаточно вспомнить многочисленные документы реагирования прокуратуры – представления, протесты, иски, внесенные прокуратурой в суд, различные государственные и иные органы в целях охраны и защиты прав и законных интересов граждан и интересов государства.

Прокурорский надзор, как ни одна другая властная функция государства, охватывает максимальный комплекс используемых гражданами прав и свобод, предусмотренных Конституцией Российской Федерации. Указанные конституционные права и свободы условно можно разделить на три группы.

Первую из них и наиболее многочисленную составляют личные права и свободы, такие как право на жизнь, защиту своей чести, достоинства и доброго имени; право на свободу и личную неприкосновенность; право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений; право на неприкосновенность жилища; право на указание своей национальной принадлежности; право на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества; право на свободное передвижение внутри страны, выбор места пребывания и жительства; право на свободный выезд за пределы Российской Федерации и право на беспрепятственное возвращение в Российскую Федерацию; свобода совести и свобода вероисповедания; свобода мысли и слова; право свободного поиска, получения, передачи, производства и распространения информации.

К этой же группе относят также комплекс прав человека в сфере правосудия: право на судебную защиту прав и свобод; право на рассмотрение дела судом, к подсудности которого оно относится; право обвиняемого на рассмотрение его дела судом присяжных; право на получение квалифицированной юридической помощи; презумпция невиновности; право на пересмотр приговора вышестоящим судом; право просить о помиловании или смягчении приговора; право не свидетельствовать против себя

самого, своего супруга и своих близких родственников; право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или должностных лиц.

Вторая группа прав и свобод – политические права и свободы. Это право на объединение, включая право создавать профессиональные союзы; свобода мирных собраний, митингов, демонстраций, шествий и пикетирования; право избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления, право на участие в референдуме, право на равный доступ к государственной службе, право на участие в отправлении правосудия; право на индивидуальные и личные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления.

В следующую группу целесообразно объединить экономические, социальные, культурные права. Это право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности (свобода экономической деятельности); право иметь имущество, в том числе в частной собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами; право наследования; право на свободный труд; право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены, на вознаграждение за труд без какой бы то ни было дискриминации и не ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда, право на защиту от безработицы; право на индивидуальные и коллективные трудовые споры; право на отдых; право на социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, для воспитания детей и в иных случаях, установленных законом; право на жилище; право на охрану здоровья и медицинскую помощь; право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением; право на образование; свобода литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, преподавания [1].

Формулируя цель предусмотренного законодателем прокурорского надзора, можно определить ее как задачу по достижению такого состояния соблюдения прав и свобод граждан, когда их безусловно признают и гарантируют все действующие органы государственной власти и их должностные лица, когда граждане уверены в том, что их интересы и закрепленные законом права реализуются в полном объеме и не нуждаются в постоянной защите, а в случае нарушения этих прав и свобод граждане могут быть уверены в полноценной и полномерной помощи со стороны соответствующих государственных органов, в том числе органов прокуратуры.

Безусловно, достижение такого положения вещей требует постоянной и системной работы по воспитанию высокого уровня ответственности со стороны всех органов государственной власти и учреждений, их должностных лиц, с деятельностью которых неразрывно связано существование современного общества. Только возможность применения максимального спектра специальных полномочий, конкретно определенных для эффективного достижения данной цели, а также особый порядок взаимоотношений этих органов и надзорного ведомства могут гарантировать высокую вероятность приведения существующих правоотношений по соблюдению прав и свобод граждан к наиболее идеальному результату.

Именно с указанной целью законодатель, определяя функции прокурора, наделил его достаточно широкими специальными полномочиями. Прокурору при осуществлении возложенных на него функций предоставлено право по предъявлении служебного удостоверения беспрепятственно входить на территории и в помещения вхо-

дящих в перечень субъектов надзора, иметь доступ к их документам и материалам, проверять исполнение законов в связи с поступившей в органы прокуратуры информацией о фактах нарушения закона; требовать от руководителей и других должностных лиц указанных органов представления необходимых документов и материалов или их копий,

статистических и иных сведений, выделения специалистов для выяснения возникших вопросов, проведения проверок по поступившим в органы прокуратуры материалам и обращениям, ревизий деятельности подконтрольных или подведомственных им организаций; вызывать должностных лиц и граждан для объяснений по поводу нарушений законов; прокурор возбуждает производство об административном правонарушении, требует привлечения лиц, нарушивших закон, к иной установленной законом ответственности, предостерегает о недопустимости нарушения закона.

В случае установления факта нарушения закона поднадзорными органами и должностными лицами, прокурор освобождает своим постановлением лиц, незаконно подвергнутых административному задержанию на основании решений несудебных органов; опротестовывает противоречащие закону правовые акты, обращается в суд или арбитражный суд с требованием о признании таких актов недействительными; вносит представление об устранении нарушений закона [2].

Кроме того, при осуществлении возложенных на него функций прокурор рассматривает и проверяет заявления, жалобы и иные сообщения о нарушении прав и свобод человека и гражданина; разъясняет пострадавшим порядок защиты их прав и свобод; принимает меры по предупреждению и пресечению нарушений прав и свобод человека и гражданина, привлечению к ответственности лиц, нарушивших закон, и возмещению причиненного ущерба.

При наличии оснований полагать, что нарушение прав и свобод человека и гражданина имеет характер преступления, прокурор принимает меры к тому, чтобы лица, его совершившие, были подвергнуты уголовному преследованию в соответствии с законом.

В случаях когда нарушение прав и свобод человека и гражданина имеет характер административного правонарушения, прокурор возбуждает производство об административном правонарушении или незамедлительно передает сообщение о правонарушении и материалы проверки в орган или должностному лицу, которые полномочны рассматривать дела об административных правонарушениях.

При нарушении прав и свобод человека и гражданина, защищаемых в порядке гражданского и административного судопроизводства, когда пострадавший по состоянию здоровья, возрасту или иным причинам не может лично отстаивать в суде или арбитражном суде свои права и свободы или когда нарушены права и свободы значительного числа граждан либо в силу иных обстоятельств нарушение приобрело особое общественное значение, прокурор предъявляет и поддерживает в суде или арбитражном суде иск в интересах пострадавших.

Реализация такого широкого круга функций требует определенного, особенного реагирования, которое осуществляется путем внесения специальных документов, именуемых актами прокурорского реагирования или актами прокурорского надзора. К ним, согласно положениям Закона о прокуратуре Российской Федерации, относятся: протест прокурора, представление прокурора, постановление прокурора, предостережение о недопустимости нарушения закона.

Законодателем Республики Беларусь, помимо аналогичных актов прокурорского реагирования, применяемых прокуратурой России, предусмотрен особенный документ – предписание.

Таким образом, предоставленные прокурору полномочия и цели, поставленные перед прокурором законодателем, в полной мере раскрывают сущность и подчеркивают значимость надзорного ведомства, призванного выступать гарантом реализации декларированных правовыми нормами прав и свобод граждан и интересов государства. Ни один другой орган, учреждение и организация не выполняют таких функций, не влияют на восстановление нарушенной законности, что и обуславливает специфический статус прокуратуры и ее обособленность в системе органов государственной власти.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.constitution.ru/>.
2. О прокуратуре Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон, 17 янв. 1992 г., № 2202-1 : с изм. и доп. по состоянию на 03.08.2018 г. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102014157>.
3. Прокурорский надзор [Электронный ресурс] : учебник / под. общ. ред. С. Г. Кехлерова, О. С. Капинус ; науч. ред. А. Ю. Винокурова. – М. : Юрайт, 2013. – Режим доступа: http://urss.ru/PDF/add_ru/198820-1.pdf.
4. Якупов, З. Р. Роль прокуратуры в механизме государственной власти современной России [Электронный ресурс] / З. Р. Якупов // Право: современные тенденции : материалы IV Междунар. науч. конф., Краснодар, февраль 2017 г. – Краснодар : Новация, 2017. – С. 95–98. – Режим доступа: <https://moluch.ru/conf/law/archive/225/11641/>.
5. Иващенко, М. А. Место и роль прокуратуры в системе органов государственной власти [Электронный ресурс] / М. А. Иващенко // Молодой ученый. – 2014. – № 8. – С. 675–677. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/67/11170/>. – Дата доступа: 14.09.2018.
6. Кошлевский, В. Д. Место и роль прокуратуры в механизме российского государства : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / В. Д. Кошлевский. – Саратов, 2008. – 207 л.
7. Конституция Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/>.
8. О прокуратуре Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 8 мая 2007 г., № 220-З. – Режим доступа: <http://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H10700220>.
9. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации Президента России В. В. Путина [Электронный ресурс] // Рос. газ. – 2007. – 27 апр. – Режим доступа: <https://rg.ru/2007/04/27/poslanie.html>.

СОДЕРЖАНИЕ

Слово к читателю	3
------------------------	---

Раздел 1

Актуальные вопросы уголовного и уголовно-исполнительного права на современном этапе

Бородулькина Е. С. Институт освобождения от наказания в уголовном законодательстве отдельных стран СНГ	5
Василевич Г. А. Коррупционное правонарушение как основание дисциплинарной ответственности	10
Василевич Д. Г. Противодействие преступности в сфере здравоохранения	14
Вовк М. З. Уголовно-правовая характеристика возраста, с которого может наступать уголовная ответственность	16
Гундериц Г. А. Проблемы, связанные с концепцией компьютерных преступлений в уголовном законодательстве Российской Федерации	22
Денисюк Е. В., Забейворота А. И. Проблемы квалификации незаконной предпринимательской деятельности по законодательству Республики Беларусь	28
Дрозд А. Н. Момент начала и окончания преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов: дискуссионные вопросы	31
Дутко А. А. Ответственность за уклонение от уплаты алиментов на содержание детей по законодательству Украины и европейских стран	37
Заранка И. А. Убийство матерью новорожденного ребенка по законодательству Республики Беларусь: уголовно-правовой аспект исследования	42
Караваева В. А. Квалифицирующие признаки преступлений против интересов службы: проблемы законодательной техники	46
Касьяник А. И., Манец В. Э. Проблемы определения предмета взятки по действующему уголовному законодательству Республики Беларусь	51
Козылева А. А., Полякова Л. Г. Зарубежный опыт применения наказаний, не связанных с лишением свободы	55
Коротич Е. А., Лисоцкая И. Г. Уголовная ответственность за нарушение прав пациента: опыт Республики Беларусь и отдельных зарубежных стран	64
Кузьмичев С. А., Ищенко Н. С. Вопросы декриминализации статей 415–419 Уголовного кодекса Республики Беларусь	68
Кулькина Н. И. Уголовная ответственность медицинских работников в Республике Беларусь и некоторых зарубежных странах	71
Марчук В. В. О понимании содержания уголовной противоправности в процессе квалификации новых преступлений против природной среды	74
Мороз Д. Г. Применение в Республике Беларусь опыта зарубежных государств в уголовно-правовой регламентации противодействия коррупции	81
Мосиянчик Е. В. Заведомо ложный донос: квалификация и разграничение со смежными преступлениями	87
Нарбутович О. А. Уклонение от уплаты таможенных платежей – преступление, посягающее на национальную безопасность Республики Беларусь	90
Овчинников Р. Д. Организованная группа, преступная организация: вопросы квалификации преступлений, совершенных организованными группами и преступными организациями	96

Пантелеева Н. В., Шелягина А. Ю. Уголовная ответственность за незаконную предпринимательскую деятельность.....	98
Резюк В. И. Объективные признаки хищения путем злоупотребления служебными полномочиями.....	103
Робак В. А., Тылько А. В. Жертва преступления в беспомощном состоянии: вопросы законодательства и правоприменительной практики	107
Савич А. В. Освобождение от уголовной ответственности в Литовской Республике и Республике Беларусь: сравнительно-правовой анализ.....	111
Ситдикова Т. З., Травникова Е. В. Убийство матерью новорожденного ребенка: сравнительный анализ уголовно-правового закона Российской Федерации и Республики Беларусь	115
Тагай Р. В., Ищенко Н. С. Уголовная ответственность за контрабанду	120
Тупиченко А. В. Смертная казнь как исключительная мера наказания.....	125
Цуприк А. Н. Признаки экономического (делового) риска как обстоятельства, исключающего преступность деяния	129
Шаблинская Д. В. Опыт законодательного установления иных мер уголовно-правового воздействия в зарубежных странах	134
Шарков А. В. О цели наказания в законодательстве Республики Беларусь	141
Шаш В. И., Храмов С. М. Отграничение банкротства в хозяйственном праве от ложной экономической несостоятельности (банкротства) в уголовном праве по законодательству Республики Беларусь	144
Ющук М. С. Крайняя необходимость как обстоятельство, исключающее преступность деяния в уголовном праве Республики Беларусь	148
Яцута И. С. Освобождение от уголовной ответственности в связи со специальными видами деятельного раскаяния	152

Раздел 2

Теоретико-методологические и криминологические проблемы обеспечения правопорядка и борьбы с преступностью

Быкова К. В., Забейворота А. И. Международно-правовое регулирование преступлений против личной свободы человека	157
Грибанов Е. Д. Об особенностях устранения условий, негативно влияющих на рост уровня преступности среди несовершеннолетних	162
Займист Г. И. Культура профессиональной деятельности юриста (необходимость формирования в процессе обучения)	166
Заранка И. А., Бойко О. А. Личность несовершеннолетнего киберпреступника: криминологический аспект исследования	172
Иванчина О. Н. Криминологическая характеристика преступлений, совершенных из религиозных убеждений	176
Павлова Л. В. Понятия «потерпевший» и «жертва преступления» в уголовном праве, криминологии и законодательстве зарубежных стран	182
Резюк В. И., Головач В. И. Воспитательная работа с несовершеннолетними как средство предупреждения коррупции	187
Робак В. А. Международное взаимодействие в борьбе с незаконным оборотом оружия.....	191
Ховратова С. Н., Войтова М. А. Правовые аспекты защиты республиканского банка данных об усыновлении детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей	194

Шаркова Е. А. Криминологический взгляд на издержки воспитательно-принудительного процесса в отношении несовершеннолетних	198
Шерайзина Л. О. Эволюция законодательства об охране отношений усыновления (удочерения) на территории Беларуси	202
Яцкевич В. Ю., Забейворота А. И. Фишинг как способ совершения мошенничества в глобальной сети Интернет	208

Раздел 3

Уголовно-процессуальный и криминалистический аспекты противодействия преступности

Джиджавадзе Л. Г., Иванов А.Б. Институт мировых судей в проектах судебной реформы 1864 года	210
Ищенко Н. С. Обеспечение права личности на свободу и неприкосновенность в рамках уголовного процесса	215
Князев И. М., Драгун М. Д. Вопросы производства осмотра и допроса по уголовным делам о создании экстремистского формирования и финансировании его деятельности	221
Комарова Е. А. Соблюдение прав и свобод участников уголовного судопроизводства при избрании и применении домашнего ареста	226
Романюк Е. В. Выбор тактических приемов допроса в зависимости от пола и темперамента допрашиваемого	231
Романюк Е. В., Глушкова А. Р. Участие статиста-демонстратора в следственном эксперименте	235
Рыбак С. В. Дискуссионное основание вступления подозреваемого в производство по уголовному делу	239
Страхова С. В. Проблемы усовершенствования института особого порядка судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением	244
Храмов С. М. Методика генерирования версий при расследовании уголовных дел	250

Раздел 4

Прокурорский надзор в системе мер противодействия преступности

Бильдейко А. А. Прокурорский надзор за соблюдением законодательства о праве граждан на тишину и покой	255
Вавренюк Л. О. Проблемы правового регулирования полномочий прокурора при рассмотрении уголовного дела в суде	266
Потапова Л. В. Правовой статус прокурора в гражданском судопроизводстве	270
Титаренко А. В. Некоторые вопросы участия прокурора в досудебной стадии уголовного судопроизводства	273
Тюнин В. А. Вопросы прокурорского надзора за соблюдением прав и свобод социально незащищенных категорий населения	277
Шадрин И. А. Роль органов прокуратуры в современном обществе	282

Научное издание

**УГОЛОВНАЯ ЮСТИЦИЯ:
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО, ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА**

Сборник научных статей

Подписано в печать 21.03.2019. Формат 60×84¹/₁₆. Бумага офсетная.
Гарнитура Таймс. Ризография. Усл. печ. л. 16,97. Уч.-изд. л. 25,20.
Тираж 40 экз. Заказ № 101.

Издатель и полиграфическое исполнение:
Учреждение образования

«Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина».

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий

№ 1/55 от 14.10.2013.

Ул. Мицкевича, 28, 224016, Брест.